ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

38

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ ЗАО ● 2009

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 38 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация "ПЛАСКЕ" ЗАО, 2009. — 320 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.

Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.

Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 978-966-8692-19-2
© Авторство художественных текстов, 2009

От редакции

В нынешнем сентябре Одессе исполнилось 215 лет. Можно долго дискутировать, какое наречие сегодня более уместно – "всего" или "уже"... Разговор, поверьте, получится долгий и интересный. В этих же редакционных заметках скажем, что поздравления с днем рождения идут от представителей разных точек зрения на возраст Одессы, которая, как и ее дальние и ближние соседи по Черному и Средиземному морю – Констанца, Варна, Генуя, Барселона, – женского рода. И свои года, как говорится, не считает.

Среди подарков пусть не к круглому, но юбилею, – новорожденные одесситы, молодые супружеские пары, начало юбилейного двухсотого сезона в Оперном театре, возрождающемся после более чем десятилетнего ремонта, уже ставшие традиционными международные действа – театральный фестиваль "Встречи в Одессе" и Джаз-карнавал, конкурс молодых пианистов имени великого земляка Эмиля Гилельса, выставки работ наших художников не только в одесских, но и в киевских, зарубежных галереях.

Среди подношений родному городу – уже ставший привычным, но не менее удивительным Одесский календарь. Для тех, кто еще не знает об этом феномене, – для наших гостей – разъясняем следующее. Одесса обладает не только своими творческими школами (музыкальной, литературной, художественной), но и своим языком, своим фольклором, своим юмором, своей кухней, впитавшими богатство и разнообразие ментальностей и культур десятков этносов, но и своим летоисчислением.

Одесский календарь – детище просвещенных меценатов из ЗАО "Пласке" и сотрудников Литературного музея – начинается с сентября, месяца основания Южной Пальмиры, и им же заканчивается. Перед нами – два красочных и поучительных издания. Рассчитанный на 2008-2009 годы в эти дни заканчивается. Напомним, что он был посвящен 200-летию Николая Васильевича Гоголя и рассказывал об улице, на которой тот жил, и носящей имя великого писателя. Нынешний календарь повествует о еще одной улице, которая вошла в историю города под двумя названиями – Херсонская и Пастера.

В разное время здесь жили и работали многие выдающиеся деятели науки и культуры, и сегодня здесь находятся научная библиотека, театры, вузы, общественные организации. Сохранились здания, возведенные по проектам известных архитекторов, деревья, помнящие несколько поколений, но главное – на этой старой одесской улице кипит жизнь и прогуливаются поэты. Один из них – Борис Херсонский (тезка улицы!) – представлен в этом номере альманаха своими размышлениями (собеседником выступает журналист Евгений Голубовский) и стихами.

Анатолий ГОРБАТЮК

Одесский порт: от античности до наших дней

Чтобы сразу представить себе, чем является для Одессы ее порт, вспомним, как описывает рождение нашего города внучатый племянник Иосифа де Рибаса — Александр де Рибас — в книге "Старая Одесса": "С благословения Гавриила*, в присутствии де Рибаса и де Волана, 22 августа 1794 года было положено основание нашего города. В этот день, по словам первого историка Одессы А. Скальковского, были заложены фундаменты: 1) Большого мола; 2) Малого жете (гавань для гребных судов), названного де Рибасом в честь графа Платона Зубова Платоновским; 3) эллингов и верфи для починки казенных судов; 4) двух пристаней с набережной для удобного приставания купеческих кораблей; 5) двух церквей во имя Св. Николая и Св. Екатерины, и была проведена первая борозда для фундаментов городских строений". Отчетливо просматривается направленность действий главных строителей города де Рибаса и де Волана — за исключением двух церквей и "первой борозды для фундаментов городских строений", закладываются исключительно портовые сооружения. Иными словами, славный город Одесса начинался с порта...

Первые же годы только родившегося города показали правильность выбора места строительства города-порта. Уже в 1801 году Одесскую гавань регулярно посещают суда из всего Средиземноморья и придунайских стран — Марселя и Галаца, Неаполя и Стамбула, Пирея и Генуи, — щедро наполняющие молодой одесский рынок диковинными фруктами, кофе, табаком, халвой и увозящие домой пшеницу, рыбу, икру, мясо, шерсть, а также чугун и пеньку. Через год, в 1802 г., корректируется первоначальный проект одесского порта, ранее выполненный замечательным помощником де Рибаса военным инженером де Воланом — из-за необходимости срочного сооружения двух дополнительных причалов: свыше ста судов пришло в Одессу за пшеницей!

Отчетливо понимая, что Одессе крайне необходима хорошая гавань, вступивший в 1803 г. на пост градоначальника герцог Ришелье немедлен-

* Митрополит Екатеринославский и Таврический, специально прибывший еще в начале 1794 года, поскольку узнал, что на бывшей турецкой территории будет строиться "православный" город.

но приступает к реконструкции прежних портовых сооружений для расширения их пропускной способности. Ф. де Сен-При напишет потом об этом времени: "Из 900 торговых судов, бороздивших Черное море, более 500 бросали якоря в одесском порту, который только появился на свет. Этот первый успех вынудил императора Александра сократить — в качестве поощрительного шага — на четверть импортные пошлины во всех портах Черного и Азовского морей...". Такая мера сразу же увеличила приток иностранных судов. Впоследствии герцог добивается отчисления в бюджет города не одной десятой доли таможенных сборов, как это было ранее, а одной пятой, из-за чего город сразу же начал получать дополнительно солидные суммы.

Продолжает стремительно развиваться торговля пшеницей — в 1804 г. из Одессы отплыли 449 судов с этим драгоценным грузом (сравним: в 1802 г. их было чуть более 100) на сумму 3367500 рублей. При этом чистая прибыль одесских купцов составила почти 80%! Проходит еще шесть лет, и в 1808 г. через одесский порт за границу продано товаров на сумму, превышающую 6 млн. рублей, а транзит восточных товаров в одну только Францию достиг 11 млн. рублей; чистая же прибыль Одессы составила 2 млн. рублей. В 1810 г. происходит долгожданное событие — в одесский порт впервые заходит американское судно...

Естественно, вместе с портом рос и развивался строивший его город. В 1812 г. в нем проживает уже свыше 20 тысяч жителей. Одесса не только строится — она благоустраивается, украшается и постепенно приобретает облик европейского города.

К началу 1816 г. экспорт из Одессы оценивался в 37 млн. 700 тыс. рублей, из которых доля пшеницы составляла 33 млн. рублей. В 1817 г. общий экспорт оценивался уже в 40 млн. рублей, доля пшеницы — 30 млн. 300 тысяч рублей. А ведь недавно, в 1814 году, общий экспорт составлял "всего" 7 млн. 300 тыс. руб. Просто невероятный рост! Стоит ли каждый раз напоминать, что в этом бурном экономическом подъеме города "виновен", в первую очередь, одесский порт?.. Враги же Одессы (как и завистников, их нашему городу всегда хватало), будто не замечая, как стремительно она развивается, не унимаются. Такое упорство, явно заслуживающее куда более достойного применения, просто поразительно: даже в эти истинно "золотые дни" они продолжают утверждать, что "...выбор Одессы в качестве порта должен быть рассматриваем как общественное бедствие". Удивительное твердолобие! Маркиз де Кастельно, служивший в свое время в администрации Ришелье, искренне изумляется по этому поводу:

"Считаете ли вы несчастьем обеспечить за счет чужих краев существование более чем 300000 крестьянам?"...

...16 апреля 1817 г. в Одессе учреждается режим порто-франко. 19 лет понадобилось правителям города для осуществления замыслов по созданию зоны, свободной от таможенных сборов: еще в 1798 г. попечитель греков-поселенцев Кесоглу ходатайствовал об этом перед императором; неоднократно этот же вопрос возбуждал, со свойственным ему упорством, Ришелье. И только Ланжерону на посту градоначальника Одессы и управляющего Новороссийским краем удалось добиться осуществления давней мечты одесситов. Но до полного претворения идеи в жизнь понадобилось еще два с лишним года — само открытие порто-франко состоялось 15 августа 1819 года и первоначально предоставлялось городу на 30 лет. Как отмечает известный исследователь одесской старины Олег Губарь, порто-франко было не самоцелью, а формой существования — естественным инструментом осуществления внешнеторговых операций. Этот процесс просто получил официальное оформление". И не укором ли звучат сегодня слова автора книги "Старая Одесса, ее друзья и недруги", увидевшей свет в 1911 г., Д.Г. Атлас: "Громадное значение одесской отпускной торговли в деле поднятия производительных сил края едва ли нуждается в доказательствах, если вспомнить, что в благоприятные годы из Одессы вывозилось хлебных продуктов больше, чем из всех портов Соединенных Штатов Америки, взятых вместе"? Говоря же сегодня о необходимости возрождения порто-франко, не могу не напомнить, что зона свободного предпринимательства — это естественная форма существования города, имеющая устойчивые исторические традиции. Она органично присуща именно Одессе. Хочется надеяться, что руководители Украины все же окажутся достаточно здравомыслящими, чтобы сделать "вольную гавань" фактором нового расцвета нашего города, а вместе с ним — всей Украины.

Новый мощный толчок к развитию одесский порт получает 23 августа 1828 года, уже в "эпоху Воронцова", когда последним была представлена на утверждение императору генеральная смета на развитие Одессы, составленная инженером-гидротехником ("гидротехтом", как тогда назывались эти специалисты) Фан-дер-Флиссом и нашедшая одобрение у монарха. Главный пункт сметы: "Строительные работы в порту — 1685960 руб. 69 $^{1/2}$ коп.". Фан-дер-Флиссу было поручено и непосредственное руководство работами. А как вам нравятся эти 1/2 копейки в огромной смете? Да, умели считать деньги наши славные предки...

...1847 год оказался в торговле еще блистательней предыдущих. "Едва ли какой-либо другой порт в мире, — писал К. Смольянинов в "Истории Одессы", — мог доставить столь значительное количество хлеба в один год для заграничного потребления. Наименование "Житница Европы", приданное Одессе еще в предшествующие годы, в этом году вполне упрочилось за нею". В "Новороссийском календаре" за 1848 год можно встретить очень характерные цифры: если всего из Российской империи было вывезено товаров на сумму 98,9 млн. рублей, то только из черноморских портов (в основном, из одесского) было продано товаров на 26,7 млн. рублей!

Перед началом Крымской войны Одесса переживает настоящий "хлебный бум". Александр Сурилов в труде "Зенит воронцовской Одессы" пишет по этому поводу: "...доля экспорта одной Одессы в 1853 г. составила 40,5 млн. серебряных рублей. ...Только от портовых сборов с купеческих кораблей в доход муниципальной казны поступило... более полумиллиона серебром".

8 ноября 1850 года были завершены все основные работы в Практической гавани. Порт на этот момент обладает, таким образом, Каботажной, Карантинной и Практической гаванями. Продолжается реконструкция Карантинного и Военного молов.

...С младых ногтей одесситы усвоили непреложную истину: визитная карточка Одессы — ее морской порт. Одесскому порту посвящено множество песен, поэм, романов, очерков, научных исследований, анекдотов. А мы попробуем вспомнить, как, когда и чьими усилиями этот порт был создан...

Два года назад, 20 сентября 2007 года, исполнилось 255 лет со дня рождения выдающегося военного инженера, строителя и архитектора Франца Павловича де Волана — первостроителя Одессы и ее порта. А он так построил наши город и порт, что его имя всегда будет сохраняться в благодарной памяти одесситов.

Более двух тысячелетий назад на берегу нынешней Одесской бухты находилась греческая гавань Истриан — античный предшественник одесского порта. Древнегреческие "одесситы" прекрасно осознавали исключительно выгодное географическое положение своей гавани. Здесь предположительно находился и другой античный предшественник Одессы — город Борисфен. Поэтому не случайно первые "екатерининские одесситы" — адмирал Иосиф де Рибас и его единомышленник, инженер-полковник Франц де Волан — избрали для основания города и порта именно это,

оптимальное место. Они отчетливо понимали огромные преимущества Хаджибейского рейда по сравнению с любыми другими на Черном море и настойчиво предлагали заложить город и порт именно в Хаджибее. Благодаря их усилиям 27 мая 1794 года Екатерина подписала рескрипт, начинавшийся словами: "Уважая выгодное положение Хаджибея при Черном море и сопряженные с оным пользы, признали Мы нужным устроить там военную гавань купно с купеческою пристанью...".

Известно, что де Рибас и де Волан вскоре после взятия Хаджибея провели важнейшие изыскательские работы по измерению Хаджибейского рейда, и, по словам Александра де Рибаса, внучатого племянника основателя Одессы и прекрасного летописца нашего юного города, "план основания Одессы был выработан исподволь, систематично, основательно". Эти работы показывали, что за два с половиной тысячелетия, которые отделяют время рождения Одессы от ее античных предшественников, навигационная ситуация в этом районе существенно не изменилась. Поэтому вслед за своими античными предшественниками, предположительно основавшими здесь город Борисфен и гавань Истриан, Франц де Волан воспроизводит их опыт и размещает будущую Одессу на том же самом — выгодном — месте.

Песчаное продолжение Кинбурнской косы — ныне известная Одесская банка — вынуждает все крупнотоннажные суда, направляющиеся в Днепровско-Бугский лиман, ее огибать: основной фарватер проходит мимо Одесского залива. Благодаря такому "идеальному" расположению Одесса в XIX веке "выиграла" торговое и экономическое соревнование у Николаева и Херсона и превратилась в самый богатый и процветающий город Российской империи. Этим она обязана таланту и профессионализму де Волана. При планировании и строительстве одесского порта он использовал весь строительный и архитектурный опыт античной цивилизации, который был обобщен в уникальной энциклопедии — трактате "Об архитектуре" великого римского архитектора Витрувия. Де Волан исходил из рекомендаций Витрувия по учету конкретных особенностей строительства портов*. Изучив особенности Хаджибейской бухты, де Волан напишет, что эта гавань "известна была нашим мореходцам и довольно испытана употреблением оной прежними ее владельцами...", и следует, "...сообразуясь с гаванями Неаполя, Ливорно, Анконы и Генуи, построить мол...", который "доставит все прочие удобства, принадлежащие к военной и купеческой гавани".

* Подробнее об этом можно узнать у А. Добролюбского: "Отличнейший" ученик Витрувия // Всемирные одесские новости. — № 1(45), 2002.

Следуя рекомендациям Витрувия, де Волан максимально учитывает климатические и гидрографические факторы: "в рассуждении гидрографического своего положения, так и относительно коммуникации сухим путем... Льды там не могут ни малейшего вреда и течение воды оной занести. Судоходство может происходить весь год со всеми ветрами. Пункт сей представлял в то же время удобство подкрепления и убежища действующим флотам в военное время и гавань для торговли". И поэтому "... пункт сей надлежит уважать в составлении оборонительной системы, учреждаемой вследствие нового рубежа, неприятельскому флоту залив сей служил местом убежища и пристанища; завладение оным крайней было важности...". Именно такие факторы при устройстве гаваней Витрувий считал первостепенными. Благодаря их учету, де Волану удалось построить едва ли не идеальный порт. Его гидротехнические работы в Хаджибейской бухте показали, что глубина воды в ней не превосходит 42 футов (12,8 м), причем наибольшая она — напротив нынешнего мыса Ланжерон. В остальных частях бухты эта глубина, начиная с 30 футов (9,15 м) на расстоянии от берега около 400 сажень (853,6 м), быстро становится все меньшей по мере приближения к северной части бухты, где образуется обширная отмель глубиной менее 24 футов (7 м). Это создает опасности для прохождения и маневрирования здесь судов с глубокой осадкой. Безопасный вход в бухту располагался лишь с юго-востока.

Вот почему Одесса могла оказаться уязвимой для вражеского флота лишь со стороны мыса Ланжерон. Именно на нем, к востоку от города и порта, де Волан и располагает основную крепость. Крепость эта должна была препятствовать прохождению неприятельских кораблей в залив. Если же они все же попадали в последний, то могли приблизиться к берегу лишь в районе другой крепости — Малого жете, — расположенной на месте былого Хаджибейского замка. Здесь находился единственный возможный вход в гавань, который со стороны моря был надежно огорожен Платоновским молом.

"Гавани, — писал мудрый Витрувий, — надо строить с таким расчетом, чтобы они больше всего были обращены к северу; южные же стороны благодаря жару содействуют появлению гниения, а также родят и вскармливают тлю, сверлячков и другие виды вредных животных". И де Волан обращает порт к северо-востоку, а вход в него устраивает именно с северной стороны. Потому что, полагал Витрувий, если "ориентация на определенную часть света будет выполнена правильно...",

то строения "будут предохранены от действия ветров..."*. И де Волан расположил одесский порт по отношению к городу таким образом, что "высокие обрывистые берега укрывают воды от ветров с юго-юго-востока до северо-востока. С моря все ветры от NO через O до SSO имеют к нему совершенно свободный доступ. Из них наиболее опасны юго-восточные, производящие самое глубокое волнение. Береговые ветры, дующие с N до NO, никогда не вызывают сильного волнения"** Действительно, город на высоком обрыве защищает порт от самого опасного ветра — северо-восточного. Но порт совершенно беззащитен перед не менее "вредоносным" юго-восточным ветром, "отягощающее воздействие" которого усиливается "самыми глубокими волнениями". Кроме того, сильное южной течение "особенно ощутимо после сильного северного ветра, когда морские воды спешат принять положение равновесия, временно нарушенное действием бури, и возвращаются к берегу. Тогда массы мутной воды, несущей продукты размытого русла Днестра, береговых обвалов Черного моря... врываются в залив и там складывают свои наносы вдоль Карантинного мола".

Отчетливо понимая это, де Волан видит свою первостепенную задачу в укреплении гавани с самой опасной, юго-восточной стороны — для укрощения "вредоносного" юго-восточного ветра и "самых глубоких волнений". Поэтому именно здесь он начинает строить первые и самые мощные молы. Таким стал нынешний Карантинный (Платоновский) мол. Он задуман как самый длинный, полностью ограждающий порт с юго-востока, востока и северо-востока. А от возможных воздействий "вредоносных" северо-восточных ветров акваторию порта защищает Военный мол. Сам вход в порт размещен с севера — сюда дует лишь северный ветер, который не вызывает сильного волнения.

И когда "только с одной стороны будет бухта (место для стоянки), то тогда надо (искусственно) сооружать молы или из камней, или насыпями и, таким образом, устаивать ограды гаваням", — писал Витрувий. Поэтому самой главной и трудной задачей при строительстве порта для де Волана было "построить мол... который доставит все прочие удобства, принадлежащие к военной и купеческой гавани".

При строительстве этих молов де Волан применил так называемый

* Все цитаты из трактата Витрувия "Об архитектуре" даны по: А. Добролюбский. Франц де Волан: жизнь по Витрувию // Дерибасовская — Ришельевская. Одесский альманах. — № 9. — Одесса, 2002.

** Цит. по: Очерк развития одесского порта // Материалы для описания русских портов. Одесский порт. — СПб: издание Комиссии по устройству коммерческих портов, 1886.

"ряжевый метод". Суть этого метода в том, что "прямо на плаву строились ящики-баржи по ширине мола и высоте — на сажень выше уровня моря. Ящики постепенно засыпались камнем и притапливались один за другим, образуя тело мола. По бокам забивались мощные сваи. Сверху насыпался щебень, укладывалась мостовая, возводились заградительные от волн с морской стороны стены, и — мол готов".*

Легко убедиться, что именно такой метод рекомендовал тот же Витрувий. Он пишет, что "...каменные сооружения, которые должны быть в воде, следует делать вот как: надо привезти путеоланский песок из тех областей, которые простираются от Кум до мыса Минервы (нынешний Неаполитанский залив. — **А. Г.**). Затем в определенном месте следует опустить в воду и крепко утвердить обитые досками и скрепами четырехугольные клети... пространство внутри этих клетей... заполнить камнями, песком и цементом... затем с боков этой дамбы построить стенки одинаковой высоты с поверхностью дамбы". Упомянутый "путеоланский песок" "совершенно изумительным путем производит изумительное действие. Месторождение его... в краях, лежащих около горы Везувия. В соединении с известью и битым камнем оно придает свойство нерушимой крепости не только всяким вообще постройкам, но под ее действием приобретают незыблемую твердость даже сооружаемые на море молы". Камни же, добываемые у Везувия, "обладают поистине... неоценимыми достоинствами... вопреки всем вредным воздействиям, они остаются незыблемыми и продолжают сохранять свою вековечность... будучи консолидированы из плотно сомкнутых составных частей, они не поддаются вредоносным действиям ни атмосферных влияний, ни силы огня". В Римской империи эти рекомендации соблюдались очень тщательно — молы в гаванях большинства средиземноморских портов возводились подобным, "ряжевым" способом. Но главное то, что римляне стремились их строить именно из песка и камней, добытых в районе Везувия. Римские корабли развозили лаву и песок из-под Везувия по всем портам империи.

Можно видеть, что Франц де Волан при строительстве молов и волноломов одесского порта использовал "ряжевый" метод, который был рекомендован еще Витрувием. Но сказанное означает и иное. Хорошо известно, что вся Одесса начала моститься камнями везувийской ("неаполитанской") лавы уже со времени ее основания. Эти лавовые вымостки на одесских улицах сохранились до сих пор в тех местах, где их не уничтожили

* Цит. по: Де-Волант Женераль Франсуа. Очерк моей службы в России. 1787-1811 гг. — Одесса, 1999.

последующим строительством. Они действительно необычайно прочны и, по словам Витрувия, "остаются незыблемыми и продолжают сохранять свою вековечность".

Ранее принято было считать, что лавовый камень привозился из Неаполя в Одессу лишь вынужденно — как балласт для порожних судов. Потом его некуда было девать, а потому приходилось использовать для мощения. Но если это так, то почему же он привозился лишь из Неаполя, из-под Везувия? Становится ясным, что де Волан, следуя советам Витрувия, специально позаботился о том, чтобы вынужденным балластом оказался именно такой камень (а возможно — и "путеоланский песок"?), который был бы самым прочным для строительства и мощения одесских улиц. Этим он обеспечивал "необычайной силы твердость", "незыблемость" и "вековечность" всех сооружений порта и города. Наверное, эти советы Витрувия оказались по душе и Иосифу де Рибасу: ведь Одесса строилась и мостилась из камней его родины — Неаполя...

Мы видим, что благодаря заботам гениального инженера и архитектора Франца де Волана жители Одессы убережены от действия "вредоносных" и болезнетворных ветров. Изначальное расположение и прочность молов, волноломов и других сооружений "военной и купеческой гавани", защищавших ее от опасных ветров, волн и течений, превратило одесский порт в один из надежнейших в мире. Он и сегодня является признанным шедевром гидротехнического строительства.

Лавовые же "неаполитанские" вымостки еще сохранились во многих старых одесских дворах. Как и многие прибрежные лестницы из лавового камня. Они — тоже памятник уму, прозорливости, высочайшей градостроительной культуре и таланту великого инженера Франца Павловича де Волана.

...Нельзя не помнить, каким был одесский порт в славную эпоху Ришелье, Ланжерона... Каким он стал усилиями одесситов под руководством названных "иностранцев" к приезду светлейшего князя Воронцова и как расцвел он при его правлении. Вот что писалось по этому поводу в "Памятной книжке Одесского градоначальства на 1880 год": "Несмотря на войны, трехкратное посещение чумной заразы, тяжкие неурожаи... и, наконец, соперничество дунайских и североамериканских хлебных рынков, — одесский порт служит постоянным поприщем для продуктов, капиталов и труда целых миллионов русского народа"...

...Сколько радостных и горьких событий испытал наш порт и его труженики (вместе со всей Одессой, конечно!) за следующие 150 лет! Ранее

считалось, что суровее испытаний, чем бомбардировка Одессы во время Крымской войны и посещение чумы, для нашего города не придумать. Но пришел 1941 год... Покрывшая себя и своих защитников неувядаемой славой героическая Одесса...

Мощнейшая бомбардировка 22 июля — ровно через месяц после начала войны — была нацелена, в первую очередь, на порт. 73 долгих дня продолжалась героическая оборона нашего города. И все это время Одесса и ее защитники демонстрировали миру беспримерное мужество. Как пишут авторы книги "Главные морские порты Украины", "...венцом обороны Одессы стала операция эвакуации войск Одесского оборонительного района. Она вошла в историю как образец высочайшей организованности и поразительной эффективности: крупной массе войск вместе с вооружением в считанные часы удалось скрытно отойти с занимаемых позиций и осуществить ночной марш-бросок в порт, где она была погружена на транспорты и боевые корабли и без потерь переброшена на другой участок фронта"*. Одесса с помощью порта сумела сохранить силы для защиты других городов страны.

Важная деталь: только завершив организованную эвакуацию войск, только убедившись в том, что все защитники Одессы оставили порт, после отплытия крейсера "Червона Україна" с командованием, на утлом суденышке — рейдовом катере — отплыли начальник порта Макаренко, комиссар Гильдин и руководитель службы военных сообщений капитан второго ранга Бартковский... Воистину, живы наши героические традиции! И как не вспомнить о том, что именно 10 апреля 1854 года береговая батарея из четырех орудий под командованием юного прапорщика Александра Щеголева, проявив необыкновенную стойкость, присутствие духа и исключительное мужество, сумела отбить атаку англо-французского флота! По сути, самоотверженные канониры предотвратили тогда оккупацию города, и мы помним об этом, празднуя день освобождения от другой оккупации, закончившейся 10 апреля 1944 года. Удивительное совпадение!

Вспоминая о подвиге Щеголева, снова вспомним и о де Волане, который разместил Одессу на юго-западной стороне бухты и оградил ее порт с востока Платоновским молом. Благодаря именно такому размещению этого мола он защищал единственный достаточно глубокий и возможный проход в порт со стороны Ланжероновского мыса. В этом узком проходе

* О. Амбарян, А. Брюм, В. Иванов. Главные морские порты Украины. — Одесса, 1990.

неприятельские корабли не могли ни маневрировать, ни развернуться в боевой порядок, чтобы использовать мощь всех своих орудий.

Батарея Щеголева была установлена на Платоновском молу, у самого уреза воды. Именно в этом, ключевом месте она смогла защитить самый уязвимый участок входа в гавань и не позволила вражескому флоту приблизиться к городу, чтобы высадить десант. На всех остальных участках Одесского залива и прилегающего побережья флот при приближении к берегу неминуемо бы садился на мель. Чем кончилась такая попытка английского фрегата "Тигр" у Малого Фонтана, мы хорошо помним.

Можно утверждать, что пушка с фрегата "Тигр", установленная на Приморском бульваре и ставшая убедительным символом гражданского единения и мужества одесситов "во дни бед народных", является также и памятником предусмотрительному гению первостроителя Одессы и ее порта...

...Давайте представим, каким же увидели одесский порт его освободители в этот незабываемый день — 10 апреля 1944 года. Порта как такового не существовало — груды дымящихся развалин. Не только враги, даже искренние друзья считали, что на начальное, частичное восстановление порта для возможности начать минимальную переработку грузов требуются долгие годы. Знаете, когда заработал истерзанный порт? Удивитесь, и правильно сделаете: менее чем через полгода! В самом начале октября того же, 1944 года были разгружены первые суда. Если уже в 1945 г. порт достиг 50 процентов уровня грузооборота 1940 г., то через год, в 1946 г., показатели последнего довоенного года были перекрыты!..

Сегодня Одесский морской торговый порт — это:

— 53 причала общей протяженностью более 9 км;

— переработка в год более 14 млн. тонн сухих грузов и свыше 24 млн. тонн наливных грузов;

— крупнейший в Европе пассажирский комплекс с реконструированным по самым современным мировым стандартам морским вокзалом пропускной способности более 4 млн. пассажиров в год;

— мощные портальные краны, плавкраны, зерно- и контейнерные перегружатели, суда портофлота;

— закрытые и открытые склады общей площадью около 500 тыс. кв. м.

Кроме того, недавно одесскому порту передан в эксплуатацию причальный комплекс острова Змеиный.

Для дальнейшего развития контейнерных перевозок порт быстрыми темпами заканчивает строительство "сухого порта", предназначенного

для работы с контейнерами, в "депрессивном районе", известном под названием "Поля орошения". В комплексе с мощной транспортной эстакадой, соединяющей "сухой порт" с причальными сооружениями, создается система, способствующая не только значительному росту производственных мощностей порта, но и разгрузившая от тяжеловесного транспорта несколько важнейших городских магистралей и соблюдающая интересы города с точки зрения возрастающих экологических требований.

Одесский морской порт, являясь мощным государственным предприятием, поощряет на своей территории любую разумную инициативу коммерческих, частных структур и устанавливает над такой инициативой действенный законодательный контроль. Этим достигается постепенное и последовательное ослабление жесткого государственного регулирования всех сфер хозяйственной деятельности порта.

Одесса гордится своим портом, как и порт гордится своим создателем — Городом. Они вместе родились, вместе развивались, и просто невозможно представить себе одного без другого. Мысленно уберите эту неповторимую завораживающую панораму порта, открывающуюся вашему взору при выходе на Приморский бульвар, и вы окажетесь в другом городе. Да, Одесса начинается портом, портом она и заканчивается — любимым детищем одесситов многих поколений. Отдав одесскому порту тридцать лет и три года (прямо как в известной сказке!), автор утверждает это со всей ответственностью.

Как же удивительно точно выразился автор текста песни "Одесский порт" Илья Френкель: "Пройдут года, но никогда это чувство к тебе не изменится!"...

Автором использованы выдержки из его книги "Дитя Европы"

Олег ГУБАРЬ

Что за личность Де Рибас?

Парадоксально, но Хосе (Иосиф Михайлович) Де Рибас — исторический персонаж куда более загадочный и неоднозначный, чем это может показаться на первый взгляд. И это несмотря на обилие штудий как о его родословной и биографии, так и о гражданской и военной деятельности.

Начнем с того, что под большим вопросом остается даже сама дата его рождения. Небезызвестные историки Одессы А.А. Скальковский и К.Н. Смольянинов определяют эту дату как 6 июня 1749 года, Ф.М. и А.М. де Рибасы — как 13 сентября 1751 года, из контекста публикации в XVI томе "Записок Одесского императорского общества истории и древностей" вытекает дата рождения в 1754 году, а авторитетный ученый, бывший директор Ришельевского лицея Н.Н. Мурзакевич утверждает, что год рождения Де Рибаса вообще неизвестен. Современный исследователь В.М. Уржаков, ссылаясь на формулярный список Де Рибаса и дату на его надгробной плите, указывает на осень 1750 г. Разумеется, есть надежда уточнить этот вопрос, обследовав старые приходы его родного города Неаполя и просмотрев соответствующие метрические книги. Однако надежда эта по ряду причин довольно слабая.

В испанской огласовке фамилия эта звучит как Де Ривас, что, надо полагать, больше соответствует оригиналу. Отец нашего героя Михаил (Микеле), уроженец одноименного испанского городка Ривас в Кастилии, носил одновременно фамилию Бойонс. Он служил директором канцелярии военного министерства "королевства обеих Сицилий", а потому имя его старшего сына на итальянский лад звучало как Джузеппе (дон Джузеппе Де Рибас и Бойонс). Мать Де Рибаса Маргарита-Иоанна Планкет родом из Пармы, по происхождению не то ирландка (по некоторым обстоятельствам лично я склонен считать ее ирландкой), не то француженка. Получив изрядное домашнее образование, юный Де Рибас начал военную карьеру в 1765 году (занимательно, что именно в тот год при старом Хаджибее была возведена турецкая крепость Ени-Дунья, каковую он взял штурмом 24 года спустя), поступив в кадеты Самнитского пехотного полка неаполитанской армии, дослужившись пять лет спустя до подпоручика.

Дальнейшая его биография в общих чертах известна. Вскоре по протекции знаменитого фаворита императрицы графа Орлова Де Рибас перешел на службу в российский флот. Был он очень молод, мечтал о роман-

тических и благородных подвигах в духе средневекового рыцарства, о боевой славе. Россия вдоволь предоставила ему такую возможность: Де Рибас сражался за вновь обретенное отечество на суше и на море — в пехоте, кавалерии, в гребной флотилии, на канонерской лодке. Его отряды штурмовали несколько турецких укреплений (Тульча, Исакча, Березань и др.), в том числе такую твердыню, как Измаил: этот подвиг Де Рибаса воспет в "Дон-Жуане" самим Байроном! Показательно, что именно под Измаилом сошлись и подружились Де Рибас, Де Волан, Де Ришелье и Ланжерон, словно бы сверяя предначертанный им совместный путь. Де Рибас же представлял Россию при подписании мирного трактата в Яссах. Как известно, наш герой с боя овладел и предшественником Одессы, Хаджибеем, был главным начальником и первостроителем нарождающегося города.

О Де Рибасе издавна ходили самые нелицеприятные слухи, сплетни, оговоры, против него бесконечно интриговали недоброжелатели, соперники, завистники. Столь блестящий, столь удачливый человек, баловень фортуны, попросту не мог не вызывать зависти и раздражения. А потому говорили, к примеру, что он непосредственный и главный участник хрестоматийного похищения "княжны Таракановой", называвшей себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны от Разумовского (реальная дочь Елизаветы, Августа, была заточена в 1785 году в московский Ивановский монастырь, где и скончалась в 1810 году под именем Досифеи) и претендовавшей на российский престол. Его обвиняли в коррупции, казнокрадстве, в сводничестве и двоеженстве, в интриганстве, шулерской карточной игре и т. д. и прочее. Однако все эти обвинения напрочь разбиваются о серьезный и непредвзятый анализ свидетельств и фактов.

Похищение Таракановой? Так ведь Де Рибас физически не мог участвовать в этой авантюре по той простой причине, что в тот самый 1775 год находился в Петербурге, а не в Италии. Наконец, в донесении самого Орлова указаны "употребленные к делу" Иван Кристенек и Франц Вольф. Первый из них впоследствии сделался комендантом Симбирска и рассказывал всю историю графу Бобринскому, а тот, вероятно, Де Рибасу.

Говорят, что крал из казны десятками тысяч? Тоже как-то очень сомнительно. Уж хотя бы потому, что тогда же, в 1794-м, из писем Де Рибаса адъютанту Потемкина Попову видно, что он пребывает в глубокой нужде и по уши в долгах: благодарит за продажу кольца, хлопочет о продаже своего петербургского дома.

Двоеженец? Ничуть не бывало. Да, побочного сына имел, но того не более. Воссоздавая судьбу Де Рибаса, не можешь не заметить, что *Россия*

поистине страна побочных детей. Не в том даже смысле, что Де Рибас чужеземец. Судите сами. Его супруга Анастасия Соколова — побочная дочь любимца Екатерины, Ивана Бецкого, который, в свою очередь, — побочный сын князя Трубецкого. Тот же Де Рибас — воспитатель Алексея Бобринского, побочного сына императрицы от Григория Орлова. Он же, Де Рибас, — и сам отец побочного сына, Иосифа Сабира, чуть ли не "молочный брат" того же Орлова. Наконец, ему, как было уже сказано, приписывают похищение самозванки, выдававшей себя за побочную дочь российской императрицы. Телесериал, да и только!

У Де Рибаса было три брата: Эммануил, Андрей и Феликс, и все трое тоже отменно послужили России и на поле брани, и в мирное время. Из этих трех лиц только Феликс оставил в Одессе потомство. При этом он жутко обанкротился (умер в 1845-м), и семья его отказалась от сомнительного наследства. И здесь снова возникает сюжет не столько о побочных детях, сколько о детях лейтенанта Шмидта, грубо говоря, о разного рода приблудных Де Рибасах, претендующих на родство по созвучию фамилий. Но в данном случае мы имеем налицо, во-первых, бывших крепостных Феликса из его имения Дерибасовки, а во-вторых, потомков тех особ, что были благородно взяты Де Рибасами на воспитание, но не получили и не могли получить ни дворянства, ни родовых регалий. Что до Иосифа, у него было две дочери — Екатерина и София, обе крестницы великой самодержицы.

Возвращаясь к проблеме типизации личности основателя Одессы, я вижу в нем поистине гумилевского пассионария. Он мог быть конквистадором, капером, Ермаком Тимофеевичем, техасским рэйнджером. А Северное Причерноморье в конце XVIII столетия и было российским Диким Западом. Он мог быть Одиссеем. Возможно, этого азартного испано-ирландца или испано-француза (один исследователь скрупулезно прослеживает даже еврейские корни!) лучше всего характеризует как раз русское слово *ухарь*. Что ж теперь, прикажете устраивать над ним школьный суд — как над Онегиным и Печориным?

Загадочными до сего времени остаются и обстоятельства кончины Де Рибаса, в то время директора Лесного департамента, 2 декабря 1800 года: он скончался прямо в карете по пути во дворец. Согласно утвердившейся версии, его устранили участники заговора против императора Павла, якобы опасавшиеся, что посвященный в их планы Де Рибас играет роль двойного агента. Но все это чисто умозрительные построения, и как там было на самом деле, сказать весьма и весьма затруднительно.

На портрете кисти И.Б. Лампи (1797) мы видим Де Рибаса в мундире морского ведомства, введенном в 1745 году. На вице-адмиральский чин указывает специфическое золотое шитье по бортам кафтана. На мундире — восьмиугольная звезда и красная лента ордена Александра Невского, четырехугольная звезда и крупный крест на шейной ленте — знаки отличия ордена Святого Георгия второй степени, орденская восьмиугольная нижняя звезда и крест на шее — орден Святого Владимира, здесь же белый мальтийский крест святого Иоанна Иерусалимского, увенчанный бриллиантовой короной. Три года спустя, незадолго до кончины, уже при Павле I, Де Рибас был пожалован вторым "мальтийским крестом". Не эти ли драгоценные ордена разыскивали мародеры, не так давно потревожившие прах основателя Одессы на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга?..

Олег ГУБАРЬ

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы*

Отвод мест под частные постройки и заведения Обстоятельства застройки

И еще важное обстоятельство: из-за многократного перехода пустопорожних мест из рук в руки снижался сам темп застройки города в целом. Получалось так, как было продемонстрировано выше: не застроился Алтести, места перешли к Браницкой, не застроилась она — к Венансону, не завершил постройку он — снова к Браницкой и т. д. Таким образом, отдельные дыры зияли на карте города в прямом смысле десятилетиями!

С этим надо было как-то бороться, и в своем заседании 12 июля 1820 г. ОСК занялся оной проблемой весьма тщательно. На основании доклада, заслушанного еще 28 июня, члены Комитета признали, "что нет еще основательного положения, как поступать с местами, кои раздаются под построение домов", и "нужно бы было сделать на сие твердое положение, по которому бы мог уже Комитет действовать единообразно, поелику город уже довольно обстроен, чтоб предпринять впредь строжайшие меры, нежели то было прежде". Проанализировав накопившийся за предыдущие годы негативный и позитивный опыт, ОСК принял следующие "твердые правила" касательно отвода мест и застройки.

1). Термин застройки плановым сооружением определен в два года, с соответствующими последствиями.

2). В документ на право застройки включается выписка из журнала заседаний ОСК за подписью правителя канцелярии. Когда дом будет построен, и этот факт засвидетельствуют полиция, архитектор и один из членов Комитета, тогда и выдавать владельческие бумаги.

3). В течение двухгодичного срока застройщик может передавать место из рук в руки, предварительно уведомив о том Комитет, который должен таковую передачу утвердить. Но лицо, каковое получит это место, обязано окончательно застроить его в тот же срок, что назначен первому хозяину, а иначе место будет отобрано, хотя бы строение по плану было уже готово вчерне.

* Продолжение. Начало в кн. 35.

4). Если переданное по 3-му пункту в другие руки место первый владелец пожелает вернуть себе снова, то Комитет опять-таки готов такую просьбу уважить, но при следующем условии. Прежний владелец может получить отсрочку в окончании сооружения еще на один год, однако он должен дать "поручительство за неустойку", то есть положить в залог 1.000 рублей, каковые в случае неисправности поступают в качестве благотворительного взноса на здешний Городовой госпиталь.

5). Все незастроенные по 12 июля 1820 г. места "поступают в сие правило двухлетнего срока, то есть, прибавив столько сроку, поступать потом, как выше определено, о чем и объяснить чрез полицию".

6). Пока место не застроено, и застройщик не получил владельческих документов, оно считается принадлежащим Комитету, а передавать оное из рук в руки дозволяется только на основании упомянутых выше пунктов.

7). Если место не застроено в срок, и отобрано с неоконченными постройками или материалами, то оные продаются с публичного торга, как было определено 29 мая 1819 г.

8). "Хотя Комитет до сего времени обязывал каждого при отводе места, чтобы оное было застроено по плану, давал планы с предписанием объявлять оные полиции, которая обязана смотреть за исполнением оных, и планы записаны у нее, но за всем тем построены безобразные строения и допущены другие беспорядки. В сем случае полиция и архитектор не менее виновны самого хозяина. Но как уже допущено сие, то все то по сие число оставить, как есть, хотя застроено и не по плану. Но желающему продать выдавать открытый лист на совершение купчей крепости с обеспечением поправить по плану в один год. Обеспечение должно быть в сумме, что стоит переделка".

9). Отныне наблюдение за производством домостроительства возлагается на полицию, "которая имеет архитектора" и лучшие способы обозрения города и воздействия на ослушников. Если в дальнейшем случится так, что дом построен не по утвержденному проекту либо поставлен в противоречие общегородского плана, тогда вся ответственность падает на полицию.

10). "Отвод мест, выправка оных и составление планов должны зависеть от архитекторов, при Комитете состоящих"[1].

В обеспечение выполнения изложенных правил ОСК, в частности, оповестил Одесский коммерческий суд о том, чтобы "маклерам не совершать сделок на передачу мест порожних и с строением от одного владельца другому без уведомления Комитета".[2]

Это внятное в общем положение об отводе, передаче и застройке мест нуждается, тем не менее, в некоторых комментариях. В пункте 3 говорится о том, что даже при наличии сделанных вчерне построек место будет отобрано безоговорочно, если не соблюден регламент по срокам застройки. Уточнение не случайное, ибо в предыдущие годы Комитет довольно часто выдавал открытые листы, если при освидетельствовании городовым архитектором оказывалось, что остов здания, бывало даже и без крыши, уже построен. Пункт 4: штрафы в пользу Городового госпиталя с неисправных подрядчиков и других нарушителей практиковались еще во времена де Рибаса и де Ришелье. Согласно пункту 5, все застройщики, разобравшие места до 12 июля 1820 г., получали отсрочку еще на два года. По 8-му пункту, ОСК при наличии владельческих документов узаконивал (хотя и с указанным ограничением) все неплановые постройки, возведенные за 25 предыдущих лет. Благодаря этому, как бы противоправному пункту, даже по прошествии двух столетий сохранились отдельные постройки времен младенчества Одессы! Из пункта 9 видно, что комитетский архитектор уже прикомандирован к полиции. Любопытно, что несколько позднее, а именно 16 февраля 1822 г., в городскую полицию командировали молодого, но уже зарекомендовавшего себя архитекторского помощника Боффо — "преимущественно для наблюдения за частными строениями, дабы оные были строимы точно по планам, утвержденным Комитетом, и отнюдь не без планов"[3]. Наконец, частное определение в адрес Одесского коммерческого суда пресекает возможность оформления маклерских сделок на недвижимость без соответствующей санкции ОСК.

Довольно значимую роль в ведении и реализации означенных правил сыграл тогдашний одесский градоначальник тайный советник Николай Яковлевич Трегубов, в числе прочих подписавший цитируемые выше архивные документы. Общеизвестно, что до 1820 г. должности одесского градоначальника и херсонского военного губернатора совмещалась в одном лице (Ришелье, Ланжерон), что оказалось весьма обременительным. После разделения этих должностей градоначальник обрел возможность уделять более пристальное внимание проблемам собственно градостроительства. Именно Трегубов первым из начальствующих детально вникал в специфические вопросы, касающиеся гражданской архитектуры, "уличной фурнитуры", идентификации плановых и реальных построек, атрибуции домовладельцев и др.

Так, 26 августа 1820 г. в ОСК получено следующее письмо градоначальника от 25 августа: "В бумагах здешних присутственных мест, когда о том

идет дело, в какой части города находится чей дом, или место, или где кто живет, или жил прежде, пишется обыкновенно: на Военном форштате, на Греческом форштате и тому подобное. Как же названия таковые давно уже не существуют, то и почитано за нужное предложить Комитету, дабы впредь писал в бумагах своих: в такой-то части города, в таком квартале, под таким номером, в прежде именовавшемся таком-то квартале"[4].

Трегубов добивался ясности и однозначности в вопросах градостроительства, регулировал эволюцию городского генплана, так сказать, на законном основании, направляя в то же русло деятельность ОСК.

11 сентября 1820 г. он дает Комитету абсолютно четкое и конкретное указание: "Как высочайшим рескриптом, состоявшимся в 28-й день июля 1803-го года на имя бывшего градоначальника в Одессе Дюка де Ришелье, позволяется в случае распространения города отнесть далее черту плана, его императорским величеством утвержденного, то на основании сего положения Комитета об отводе мест за Карантинною Балкою в LII квартале утверждаю и предоставляю Комитету учинить о том свое распоряжение"[5]. Речь идет об уже упоминавшейся застройке долго пустовавшей нечетной стороны улицы Канатной.

Еще раньше, 2 сентября 1820 г., градоначальник предписывает Комитету не дозволять перекрывать крыши домов, выходящих на улицу, хотя бы и железом, без проверки: не следует ли дом к сломке, и по плану ли он выстроен? Надзор за таковой сверкой возлагался опять-таки на городового архитектора[6]. Это был очень тонкий, расчетливый ход, понуждавший хозяев неплановых патриархальных домиков (узаконенных пунктом 8) к перестройке по плану. Ибо когда они обращались в ОСК с просьбой дозволить переделку крыши, то натыкались на оное препятствие, и вынуждены были ремонтировать не только крышу, но и преобразовывать все здание. Ниже будут приведены и другие примеры обновления Трегубовым инструментария осуществления городской застройки.

12 мая 1821 г. городские архитекторы получили следующее предписание ОСК. Когда они сочиняют для кого-либо планы, "то должно означать на оных все предполагаемое строение на улицу, подобно представленному плану архитектором Шалем (то есть Ф. Шаалем. — **О. Г.**) на дом Калиновской, дабы не только строение, но и заборы бы на улицу были архитектурные"[7]. Речь идет о доме графини Калиновской, находившемся на углу улиц Херсонской и Конной[8].

В июне 1821 г. по распоряжению градоначальника архитектор Франполли составил новый план города, разделенного на три части, "показав и но-

вые кварталы, и новые номера [...]. В Комитете составлены 3 ведомости всем местам с объяснением в первых двух графах кварталов номеров по старому плану, а в последних трех — номер квартала и под какими номерами по новому плану". 8 июля эти три ведомости отправили во все три полицейские съезжие части, — с тем чтобы "означить в оных каждого владельца местам и прозвание, и доставить в Комитет в непродолжительном времени"[9].

Дальнейшая практика приводила ко внесению постоянных уточнений порядка отвода мест в мелочах. Например, получив участок с ситуационным планом, владелец места то и дело нуждался в уточнении границ места, поскольку выдаваемый из Комитета план по сути был схемой, лишенной базовой топографической основы. По этому поводу постоянно возникали земельные споры с соседями, часто небезосновательные. Об определении границ непрестанно запрашивали и владельцы давно существующих и снабженных положенными документами плановых домов — в случаях, когда они желали их продать, заложить, передать в наследство, подарить. Поэтому 28 июля 1823 г. ОСК определил: "Отныне при составлении планов частным людям на дома показывать на плане все место в таком положении и мере, как оно есть, объяснять и меру оного, назначить на плане все новое строение, как оно должно быть в отношении к соседнему, и означать на плане же соседнее строение в таком виде, как оно есть". Все это делалось, в первую голову, во избежание споров между соседями[10].

Еще раз вернемся к пункту 8 "твердых правил" об отводе, передаче и застройке мест частными лицами от 12 июля 1820 г. Соблюдался ли он в действительности или же застройщиков-пионеров притесняли до полного расстройства их дел? Череда фактов говорит о том, что эта позиция негласного договора между ОСК и горожанами все же соблюдалась. Примеры. 15 мая 1822 г. архитектор Франполли докладывает Комитету относительно магазина, принадлежащего штабс-капитанше Шостаковой, состоящего на Военном форштате, в 1-й части, в LXVII квартале, на месте № 732 — это в нынешнем Казарменном переулке. Несмотря на то, что строение неплановое, она получает владельческие документы на основании соответствующих резолюций ОСК[11]. 4 декабря 1824 г. одесские купцы Петр и Стоян Русо просят узаконить приобретенное ими строение по четной стороне улицы Успенской, в квартале меж Александровским проспектом и Екатерининской улицей. По выправке оказалось, что сам Комитет отвел тут два места цесарскому негоцианту имярек 4 сентября 1803 г. Отряженный для освидетельствования Франполли пишет: "На оных произведена постройка с давнего времени в виде лавок и в против-

ность архитектуре". Следует определение: хотя и так, но раз дан был официальный открытый лист, "то Комитет уже и не может переменить этого", и к новому владельцу претензий не имеет[12]. Можно привести и другие примеры в том же духе.

К середине 1820-х гг. ОСК в целом исполнил функцию, связанную с отводом мест и первичной застройкой не только в городе, но и в предместьях, где была уже спланирована основная сетка кварталов (о предместьях будет сказано отдельно). Некоторые коррективы в этот процесс, правда, внесло устройство черты порто-франко (точнее, последовательно трех черт), однако не очень существенные, так как граница порто-франко заведомо приспосабливалась к уже сложившейся городской планировке. Незначительным изменениям подвергались лишь относительно небольшие "зоны отчуждения".

Выкопка рва, сооружение рогаток, караульных домов и прочих сооружений по черте порто-франко — все это производилось солидными частными подрядчиками[13]. Согласно существовавшим правилам, по обе стороны рва на расстоянии 200 саженей полагалось иметь открытое пространство, предназначенное для обзора и свободного разъезда кордонной стражи. Однако на некоторых участках эта земля находилась в частной собственности, поскольку отмежевывалась в тот период, когда о порто-франко еще не было и речи. Участки эти, в основном, представляли собой садовые заведения, весьма значимые для города и безводной округи. Поэтому ОСК и принял решение основательно сузить "зону отчуждения", но положил сделать это так, чтобы расстояние от межи приватной земли до рва было никак не менее 25-ти саженей. Если же в этой зоне все же оказывались, полностью или частично, садовые заведения и постройки, то их следовало урезать или полностью уничтожить с уплатой владельцам по оценочной стоимости земли или же по конкретной мировой сделке. При этом бывшие владельцы могли получить компенсацию либо деньгами, либо землею в другом месте, либо в комбинированной форме[14]. Во время устройства второй черты порто-франко проблем было еще меньше, поскольку она большею частью пролегала по линии оборонительных казарм, в ходе постройки которых и без того планировалась эспланада, то есть незастроенное открытое пространство на подступах.

Резюмируя изложенное, приходим к выводу, что после ввода в эксплуатацию устойчивой черты порто-франко Одесский строительный комитет практически завершил первый этап своей деятельности, выполнив основную свою задачу по созданию полноценного города и порта: Одесса

состоялась. Прибегая к метафоре, заметим, что теперь открывалась возможность гранить, шлифовать, доводить до совершенного блеска этот драгоценный камень в российской короне. Пришла пора пересматривать функции Комитета, сосредоточивать их на аспектах собственно строительства, архитектуры, благоустройства. Начались преобразования ОСК, связанные с именами генерал-губернатора графа М.С. Воронцова и градоначальника графа А.Д. Гурьева. В свою очередь, их указания базировались на высочайше утвержденном 3 марта 1824 г. положении "О доходах и расходах города Одессы, и о управлении оным"[15].

2 октября 1824 г. Гурьев препроводил в ОСК копии полученного от графа Воронцова положения о доходах и расходах Одессы от 3 марта, включая и правила финансовой отчетности для Комитета. "Поелику с приведением в исполнение предписываемого положением все без изъятия городские доходы сосредоточатся в городской Думе, то и доходы от винного откупа и от каждой четверти отпускаемой за море пшеницы, получаемые ныне Комитетом, имеют поступить уже в Думу от содержателя городского питейного откупа и от здешней таможни с 1-го января будущего 1825-го года, по заключении в Комитете годового за сей год отчета, о чем оный должен сделать надлежащее распоряжение с передачею всех дел [...] в городскую Думу, которая о сем от его сиятельства извещена". Вместе с тем в журнале Комитета значится, что Гурьев уточняет: "...по невозможности ввести в полное действие положения о доходах и расходах города Одессы, высочайше утвержденного в 3-й день марта, прежде чем высшее начальство утвердит новые противу приложенной к положению табели литерою А расходы, существовавший порядок оставлен в своей силе. Строительный же комитет, дабы не остановить начатых по городу работ и не произвести замешательства в счетах своих, продолжает действовать по принятым доселе правилам, а с истечением 1824-го года, когда работы окончены и счеты заключены будут, городские суммы получат оборот, предписанный положением. Как о сем имеет быть вскоре донесено его сиятельством министерству внутренних дел, то предлагает гг. карантинному инспектору и коменданту до 1-го наступающего января по-прежнему присутствовать в Комитете"[16].

Уточнение о кадровом составе ОСК связано с тем, что после переадресования в ведение Думы всех финансовых потоков одесский комендант, карантинный инспектор и управляющий таможнею освобождались от присутствия в Комитете. В новый его состав был включен заменивший Шарля Потье на посту управляющего I отделения IV округа путей сооб-

щения инженер-майор Жюст Гаюи. Кроме того, для присутствия предстояло дополнительно назначить "инженерного чиновника и одного еще члена от купечества"[17].

Напоминаю, что изначально в ОСК председательствовал герцог де Ришелье, а в его состав входили одесский военный комендант, карантинный и таможенный инспекторы, градской глава и два представителя от купечества[18].

Положение от 3 марта 1824 г. отчасти аннулировало именной указ от 19 февраля 1804 г. герцогу де Ришелье "О платеже земских повинностей обывателями города Одессы беспрекословно; о употреблении присвоенных городу доходов на расширение порта и общественных устроений; о производстве оных Комитету, для сего учрежденному, об отсылке отчетов о суммах в Государственное казначейство, и о назначении членов и казначея для Комитета"[19].

8 января 1825 г. ОСК впервые собрался на заседание в новом составе. Присутствовали исправляющий должность одесского градоначальника статский советник С.И. Могилевский, инженер-майор Ж.В. Гаюи, коммерции советник И.П. Рено, градской глава одесский первой гильдии купец Ф.Л. Лучич и казначей одесский первой гильдии купец М.А. Крамарев[20]. В этом заседании, в частности, принято постановление о передаче в ведение городской Думы всех финансов, как было предусмотрено положением от 3 марта 1824 г. К этому времени доходы Комитета складывались из откупной суммы (499.000 рублей), таможенной суммы (по 5 копеек с каждой четверти "отпускаемой за море пшеницы"), остатков "суммы, известной под именем портовой, 16.702 рубля 65 и 1/3 копейки, таможенной, 1.350 рублей 44 $^{1/2}$ копейки, всего 18.053 рубля 9 и 5/6 копейки"[21]. Тут надо сделать оговорку: передача финансовых дел не могла быть одномоментным актом, и ОСК продолжал заниматься ими и позднее, — например, отчетами местной питейной конторы за минувший год[22].

Впрочем, уже 15 января говорилось о том, что и по передаче финансов в ведение Думы, ОСК не должен оставаться без наличности. Действительно, в упоминавшейся табели о доходах и расходах Одессы назначались определенные суммы на постоянные его расходы. Так, на содержание и починку городских строений ежегодно предусматривалось 32.902 рубля 38 копеек, на поправку дорог и мостов — 23.471 рубль 84 копейки. При этом оговаривалось, что небходимые на этот счет суммы должны отпускаться частями, по 1.000 рублей, с соответствующими отчетами о проделанной работе, и утверждаться генерал-губернатором[23].

В заседании 29 января 1825 г. правитель канцелярии ОСК Богдановский представил ведомость о потребных суммах, ссылаясь на пятый пункт положения о доходах и расходах Одессы от 3 марта 1824 г.: "Здешняя Дума отпускает Одесскому комитету потребные суммы по предварительным его расписаниям или сметам, новороссийским генерал-губернатором утвержденным". По расчетам минувшего года полагалось: а) на удовлетворение подрядчиков по контрактам — 163.055 руб. 63 коп.; б) на хозяйственные работы по распоряжению инженер-майора Гаюи — 35.570 руб. 30 коп.; в) по счету архитектора Боффо — 36 руб. 80 коп.; г) по утвержденным в текущем году генерал-губернаторам сметам работ — 13.563 руб. 85 коп. Здесь же уточнялось, что расходы Гаюи связаны с горными выработками и окончанием постройки маяка, и что в дальнейшем, по мере надобности, ОСК будет выставлять Думе новые счета[24].

К этому же разделу нахожу необходимым прибавить резюме ряда значимых дел 59-го фонда, касающихся принципиальных моментов изменения правил, характера застройки и генерального плана в связи с сужением улиц, переулков и проч.

Одно из таких дел заведено 12 марта 1828 г. В этот день из Управления новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области графа М.С. Воронцова в адрес ОСК отправлено довольно примечательное в контексте наших интересов отношение. По возвращении после некоторого отсутствия в Одессу он "нашел пустыми самые лучшие места на бульваре, которые около двух уже лет как отданы под застройку разным лицам [...]. Я, — продолжает М.С. Воронцов, — узнаю также, что некоторые лица испрашивают места не в прямом намерении застроить оные своим коштом, но в предположении продать свое право кому-либо другому". В связи с создавшейся ситуацией Воронцов вынужден обратиться к законным средствам, которые обеспечат застройку в назначенные сроки. Средства сии суть следующие.

1). Отдавать пустопорожние места под застройку лишь при условии, что желающий строиться взнесет в залог по 5% с каждого рубля оценочной стоимости предполагаемого строения в обеспечение окончания сооружения в двухлетний срок "хотя вчерне".

2). Если первый пункт будет исполнен, тогда вернуть залог с процентами, накопленными в коммерческом банке. Если не будет исполнен, то застройщик лишается не только залога, но и места.

3). Всякому просителю отныне объявлять настоящие условия, и если

он на них согласится, и даст подписку, то "удовлетворять его просьбу безостановочно".

4). Выданные застройщикам квитки на отведенные места отнюдь не являются владельческими документами, и располагать местами по произволу они права не имеют, вплоть до окончания постройки к назначенному сроку.

5). Когда постройка закончена в срок хотя бы вчерне, то после надлежащего освидетельствования ОСК немедленно выдает открытый лист на владение и свободное распоряжение местом.

6). Вносимые залоги ОСК должен тотчас отсылать в коммерческий банк "для приращения процентами"[25].

Как видим, единственной новацией тут было назначение не очень обременительного залога, ибо даже при сооружении весьма солидного строения он едва ли мог превышать 150 рублей серебром. Другой же корректирующий правила момент — о том, что владельческие документы могут быть выданы на дом, построенный вчерне, — и вовсе не ужесточающий, а напротив, смягчающий.

Следующая директива М.С. Воронцова Комитету датирована 6 января 1830 г. и касается этажности застройки "в главных местах города, а именно: во всей 1-й части, а также на всей Ришельевской улице, по всей Итальянской, по всей Херсонской, по всей Софиевской, по всей Дворянской, по Соборной площади, на площадях Старого и Нового базаров, на Карантинной площади, по всему Александровскому проспекту, по всему Внешнему бульвару и по всей Преображенской улице". Отныне дома должны строиться здесь "не иначе как в два и более этажа"[26].

Настоящее правило расширяло зону двух- и более этажной застройки, введенное, как было сказано выше, определением ОСК от 8 августа 1818 г. Теперь "многоэтажными" становились все кварталы от Преображенской до Канатной и от Военного спуска, бульвара, Ланжероновской до Троицкой, да еще изрядные фрагменты 2-й и 3-й частей города.

В этом же деле подшит циркуляр градоначальника городовым архитекторам Боффо, Торичелли и Риглеру, составленный не позднее июля 1831 г. Здесь снова говорится о том, что горожане строят дома "без предварительного разрешения начальства, чрез что выходят разные неприличия и безобразия для города", и что "в отвращение сего" нужен "особый надзор"[27]. 30 июля полицмейстер Василевский сообщает правящему должность градоначальника действительному статскому советнику Зонтагу о большой загруженности полицейских чиновников своими непо-

средственными занятиями, просит надзор за частным домостроительством возложить на городских архитекторов. Что до полиции, то она готова оказывать им всяческое содействие, как только потребуется[28].

3 декабря 1832 г. ОСК предлагает ввести систему штрафов для тех застройщиков, которые строят без получения надлежащих планов и взноса положенной пятипроцентной залоговой суммы с оценочной стоимости. Воронцов отвечает на это предложение весьма решительно: он говорит, что справедливость требует штрафовать не застройщиков, а "полицейских чиновников и архитекторов, которые вопреки своей обязанности допускают постройки в городе без своего ведома"[29]. Вероятно, следующее мое замечание не к месту в академическом тексте, однако не могу отказать себе в удовольствии отметить невероятную актуальность вывода генерал-губернатора.

Следующий документ из этого информативного дела — докладная записка члена Комитета авторитетного купца Кушнарева от 15 июля 1833 г. Он пишет о ветхости многих домостроений "в городе Одессе, в главных местах": эти сооружения не только угрожают падением, но "и безобразят главные города улицы". "Хозяева таковых домов, — продолжает Кушнарев, — получая весьма значительные доходы, никогда добровольно не пожелают лишиться оных на такое время, которое необходимо должно будет пройти единственно от перестройки; равномерно не пожелают также никогда переуступить оные в другие руки тем, которые бы приняли на себя обязанность застроить капитальными и красивыми зданиями". Предлагается освидетельствовать обветшавшие строения, дознаться, "сколько в настоящее время приносят верного дохода", пригласить хозяев "и предложить им добровольно исправить безобразные и ветхие строения, а в противном случае можно употребить начальственные побудительные меры с назначением ослушникам необходимых сроков"[30].

Интересное, надо сказать, предложение это не привело к унифицированной регламентации исправления патриархальных построек. Всякий частный случай впоследствии рассматривался индивидуально, что, на мой взгляд, не так уж плохо, поскольку любая унификация приводит к обезличиванию.

Завершающая серия документов, относящихся к этому делу, датирована уже 1845-м годом. В конце мая и июне возобновилась переписка, касающаяся собственно тех же старых одноэтажных домов центральной части Одессы, построенных в конце XVIII — начале XIX столетий. Исправляющий должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора от-

вечает одесскому военному генерал-губернатору на его представление от 6 марта: следует ли дозволять "перекрытие крыш черепицею или железом на одноэтажных домах в тех главных пунктах города, существующих уже с давнего времени, о чем многие владельцы таких домов ходатайствуют".

Анализируя вышеупомянутое распоряжение графа Воронцова от 6 января 1830 г. о не менее чем двухэтажном строительстве в оговоренных местах и многолетнего уже опыта его реализации, генерал-лейтенант Федоров обращает внимание на следующие моменты. Просьбы владельцев одноэтажных домов, построенных еще до 1830 г., о дозволении починить или перекрыть крыши поступали к Воронцову неоднократно. Какие решения принимал в таких ситуациях его сиятельство? "Некоторым из подобных просителей дано испрашиваемое дозволение [...] на том основании, что сделанное в 1830 г. воспрещение постройки вновь одноэтажных домов в главных пунктах города не относится к перекрытию там на прежде построенных одноэтажных домах крыш, а другим дозволено это в виде изъятия из общего правила, по разным особым уважениям, как то: по бедности владельцев, под условием чрез некоторый срок обратить одноэтажные здания в двухэтажные и тому подобному".

Сообразуясь с изложенным, Федоров определил: "Не предоставляя общего дозволения всем владельцам одноэтажных зданий, состоящих в тех главных пунктах г. Одессы, которые обозначены в предложении графа Михаила Семеновича Одесскому строительному комитету от 6 января 1830 г., № 6, представлять всякий раз на усмотрение начальства собственно о просьбах насчет починки или перекрытия крыш таких только владельцев, которые по особенным каким-либо уважительным причинам могут заслуживать изъятия из общепринятой в этом отношении меры". 15 июня 1845 г. ОСК принял это предписание Федорова к исполнению и записал в журнал[31]. Снова подчеркнем, что и это принятое решение — та лазейка, посредством которой просочились в будущее и выжили отдельные бесценные "градостроительные раритеты".

Продолжая сюжет о переделке и починке крыш в ретроспективе, остановимся на следующих фактах. Еще за два десятилетия до предписания Федорова правящий должность одесского градоначальника Могилевский получил от Воронцова любопытное отношение, которое тогда же, в январе 1825 г., пересказал ОСК: "Во многих местах по городу усмотрено его сиятельством, что дома покрыты дранью, и в безобразном виде. Из таковых особенное внимание обращает дом вдовы Портновой противу клуба (нечетная сторона Ришельевской, примерно нынешний дом № 5. — **О. Г.**), где

драничная кровля не только фигурою представляет безобразие, но своею непрочностью грозит проходящим опасностью разрушения, ибо начинает валиться". Здесь же градоначальник напоминает Комитету о предписании М.С. Воронцова от 6 июня 1824 г. о запрещении в черте порто-франко перекрывать крыши дранью, а только железом, черепицей, аспидом и тесом, окрашенным масляной краской. Это повеление было переадресовано Комитету 9 июня, а 26 июня городской полиции дали команду принять его к исполнению. Таким образом, новое предписание генерал-губернатора от 9 января 1825 г. как бы подкрепляло предыдущее. Мало того, предлагалось оповестить всех горожан-домовладельцев, чтобы они исподволь переделывали существующие драничные крыши, пусть даже и исправные[32].

Комитет тут, судя по всему, побежал впереди паровоза, решив вовсе избавиться от деревянных крыш, даже и тесовых, "под маслом". Так, буквально через неделю после обсуждения проблемы на своем заседании ОСК не разрешает одному из местных мещан заменить тесовой драничную крышу одноэтажной лавки на Старом базаре. От него требуют перекрыть крышу непременно черепицей, что в принципе есть превышение комитетских полномочий[33]. Возможно, ОСК раззадорила следующая невольная оговорка Воронцова: "О воспрещении в Одессе драничных крыш и о сделании не иначе как черепичных, железных *или, по крайней мере* (выделено мною. — **О. Г.**), тесовых с окраскою на масле"[34].

Важный этап эволюции правил городской застройки зафиксирован в деле ОСК, относящемся к 1829 г. 20 мая датируется предписание, поступившее в ОСК от одесского градоначальника, а к тому — из Управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора: "Во многих местах города Одессы Комитет строительный дает позволение строиться таким образом, что между домами оставляются промежутки по одному аршину и менее. Таковой образ построения, во-первых, безобразит город; во-вторых, производит в нем нечистоту и дурной запах, ибо в промежутки сии стекает нечистота и мокрота, никогда не высыхающая, потому что лучи солнца туда не могут проникать. В отвращение подобных случаев на будущее время прошу покорнейше ваше превосходительство (то есть градоначальника. — **О. Г.**) предложить Строительному комитету и предписать полиции, чтобы никогда не позволялись по улице никакие постройки, между коими оставляется пустого пространства менее двух сажен. Условие сие должно быть вносимо во все свидетельства под построение домов или магазинов в улицах, но оное не относится к строениям внутри дворов". 6 июня 1829 г. ОСК направил соответствующие предписания полиции,

архитекторам Боффо, Риглеру и Торичелли. В 1832-1833 гг. те же распоряжения были подтверждены в отношении Боффо и Торичелли, такое же получил и Козлов[35].

Следует заметить, что впоследствии подобная схема застройки сменилась сплошной, стена к стене, как это было впервые осуществлено в ходе обустройства Бульварной улицы.

Любопытную информацию об истории городской застройки можно почерпнуть из хранящихся в фонде ОСК многочисленных дел об утверждении и выдаче планов на частные строения и фасады. Подавляющее число таких дел касается отдельных, единичных домостроений, не только жилых зданий, но и торговых и промышленных заведений, однако по ряду объектов документы сгруппированы и сброшюрованы по годам. В этом смысле внимание привлекают, например, дела "По прошениям разных лиц об утверждении им фасадов на произведение построек на местах, принадлежащих им по документам" начала 1840-х годов.

В указанных документах встречается информация о весьма значимых домостроениях, принадлежащих довольно известным в региональной истории лицам. Скажем, есть упоминание о двухэтажном доме на цоколе, фасад которого в марте 1841-го утверждается для авторитетного негоцианта Федора Родоканаки — в 1-й части, в VII квартале, место № 43[36]. Это место на углу улиц Польской и Греческой, застроенное, как это видно из городских планов, задолго до означенной даты. То есть в данный момент осуществляется его перестройка. Чертежи фасадов не всегда подписаны[37], однако попадаются и авторские. Например, есть относящиеся к маю 1841 г. фасад и план небезызвестного зодчего Камбиаджио на два дома кубанского колониста Ильи Димова во 2-й части, в I квартале, место № 273, "при Успенской улице"[38].

Фасад и ситуационный план дома дворянки Анны Чубук-Подольской на углу улиц Тираспольской и Ямской составлен не менее известным архитектором Козловым[39]. Камбиаджио подписал поданный в ОСК 6 мая 1842 г. фасад и ситуационный план дома одесского купца Соломона Дракохруста по Малой Арнаутской улице[40]. Немалый интерес представляет составленный Боффо фасад и план дома Л.А. Нарышкина по Ольгиевской улице[41]. Сохранились и образцы фасадов, составленных Францем Моранди: например, одноэтажного на цоколе дома неаполитанско-подданного Маттео Сонелли по Большой Арнаутской улице[42].

Несколько более ранних дел, первой половины 1820-х, из фонда Канцелярии одесского градоначальника, представляют собой книги, куда за-

писывались утвержденные Комитетом планы на постройку или перестройку частных сооружений. Мы имеем, по существу, лишь сухие лаконичные реестры, не подкрепленные живыми чертежами. Однако и такой источник может оказаться чрезвычайно полезным, ибо фиксирует саму дату конкретной постройки, в ряде случаев — этажность и приблизительное местоположение.

Так, в книге за 1820 г. находим известия о домах и лавках таких известных горожан, как купцы Лашкарев, Гаторно, Бирюков и др.[43] В книге за 1821 г. фигурируют Петр (Пьетро) Фраполли, брат архитекторов Франческо и Джованни Фраполли, гоф-маклер Федор Андре, авторитетные купцы из караимов Пембек и Бейм, другие лица[44]. Ведомость 1822 г. содержит отрывочные сведения о домах известных греческих предпринимателей Василия Янопуло, Ивана Лагутки, Александра Кумбари, сушильном заведении чиновника Пишона, лавках купцов Авчинникова и Протасова[45]. В 1823-1824 гг. утверждены планы на построение домов и лавок, принадлежащих состоятельным купцам Кушнареву, Крамареву, Великанову и др.[46]

Большой интерес с точки зрения эволюции генерального плана Одессы представляют дела, связанные с сужением уже существующих улиц, переулков, площадей. Скажем, фиксируется уменьшение ширины переулков в окружности Старого и Нового рынков, Покровского переулка (в последнем случае урезка обусловлена расширением одноименного храма, о чем говорилось выше), части Новорыбной улицы и др. Объясняется это двумя причинами: необходимостью, во-первых, расширения чрезвычайно тесных дворов, примыкающих к торговым заведениям по периметру базаров, во-вторых, нивелировки линии домов по красной линии. Любопытен сюжет того же порядка о сужении улицы Садовой, каковой рельефно репрезентует отношение властей к оной проблематике.

В начале 1840-х годов лавками по Торговой улице меж Садовой и Коблевской и примыкающими местами, прежде принадлежавшими генерал-майору Кобле, владела подполковница Терезия Шостак. Она и подала прошение с просьбой прирезать к ее участкам со стороны Садовой 3 $^{1/2}$ сажени земли. Мотивация та же: теснота дворов, примыкавших к торговым заведениям и жилым зданиям. К тому же квартал этот — XVIII, в 3-й части, — имел трапециевидную форму, и участки Шостак находились как раз в его узкой верхней части. 4 мая 1842 гг. владельцы всех мест по четной стороне Садовой вслед за подполковницей обязались в случае таковой же прибавки сначала обнести место оградой и устроить палисад, а впоследствии застроить[47]. 27 июня городской архитектор Козлов рапортовал ОСК

о том, что по предписанию военного губернатора, управляющего и гражданскою частью города, составил план "Садовой улице, начиная от угла площади Нового базара до окончания оной на Соборной площади с показанием кварталов, мест владельцев, кому именно оные принадлежат, и красною краскою — прибавленную часть земли к их местам..."[48].

18 сентября того же года из Управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора в ОСК был направлен весьма любопытный документ. В преамбуле генерал-лейтенант Ахлестышев говорит об упомянутом плане Козлова, на котором "показаны два квартала и заключающиеся в них места, к коим следует по линии с местом г-жи Шостак прибавить из той улицы землю в ширину со стороны Новобазарной площади 3 сажени и со стороны Соборной площади 3 1/2 сажени". А после таковой прибавки ширина Садовой улицы со стороны базара составит 10 саженей, а со стороны Соборной площади 11 1/2 сажени. Разница в 1 1/2 сажени, "по объяснению архитектора Козлова, происходит оттого, что линия той улицы с самого начала проведена неверно, и что теперь, с прибавлением к местам владельцев части земли в показанном на скопировке пространстве, косвенное положение той улицы не будет заметно". Если же уравнять ширину обоих концов — так, чтобы было по 10 саженей, "то выйдет безобразие, потому что со стороны Соборной площади к угловому дому купца Розенбалта придется присоединить пять саженей, тогда как он соглашается обнести место свое только палисадником" (впоследствии это место уравнялось в результате достройки дома новым владельцем, Рокко).

Далее же следует занятная ремарка, отменно характеризующая исключительно прагматический, поистине бухгалтерский подход к градостроительству: "Одесский строительный комитет, находя с своей стороны выгодным иметь в городе не столь широкие улицы, потому что от этого зависит удобство для успешнейшего мощения города и для поддержания в исправности вымощенных пространств и принимая в соображение ширину Садовой улицы, остающуюся за исключением прибавки, а равно и то, что улица сия идет только на протяжении двух показанных на скопировке кварталов, с своей стороны полагает возможным удовлетворить ходатайство г-жи Шостак и принять изъясненное в подписке согласие других владельцев мест по означенной линии. Соглашаясь с таковым заключением Одесского строительного комитета, предлагаю привести оное в исполнение, но с тем чтобы палисадник был сделан по всему протяжению улицы со стороны, где прибавляется земля, в один срок, какой Комитет назначит, дабы не было безобразия оттого, что на одном месте есть па-

лисадник, а на другом нет, и с тем, чтобы водосточную канаву с одной стороны улицы сделать на счет жителей, получивших прибавленную землю"[49]. По этой логике, дворники, вероятно, настаивали бы на полной застройке улиц и тротуаров — дабы сократить фронт работ.

Из других документов того же дела видно, что Терезия Шостак вообще затеяла получение земельной прибавки единственно ради более выгодной продажи принадлежавших ей мест. И действительно, несколько позднее частью из них владеют другие лица. В 1851 г. прибавленные места застроены только капитаншей Гунаропуловой, надворным советником Балышем и генерал-майоршей Граве[50]. 7 ноября 1848 г. архитектор Козлов докладывал Комитету, что никто из домовладельцев с 1842 г. не сподобился сделать оговоренной единообразной ограды[51]. Чертеж образцовой ограды, исполненный Козловым, сохранился[52]. Размер прибавки, сделанной в 1842-м, легко оценить, если осмотреть нынешний дом, примыкающий к главпочтамту, отодвинутый от современной красной линии и стоящий на прежней.

Следующее дело из фонда ОСК представляется чрезвычайно значимым в контексте данного раздела, поскольку пунктирно фиксирует изменение процедуры раздачи мест в городе и на городской земле от самого основания Комитета и до 1856 г.[53]. Дело это до некоторой степени курьезно, ибо проявляет негативные и даже анекдотические стороны российской бюрократической системы. 28 ноября 1834 г. было высочайше утверждено новое положение о доходах и расходах города Одессы, уточняющее предыдущее[54], а значительно позднее, 21 сентября 1848-го, ОСК обратился за разъяснениями к одесскому прокурору: как согласуется это положение, а равно статьи 1509-1511 тома X свода гражданских законов издания 1842 г. с тем, что Комитет отводит места под застройку с публичных торгов, в том числе своим собственным сотрудникам? Смысл вопроса сводился вот к чему: упомянутые статьи закона во избежание злоупотреблений запрещали чиновникам участвовать в любых казенных предприятиях на территории их юрисдикции, а именно в казенных подрядах, поставках, торгах и прочее[55]. Выходило же так, что ОСК сам организовывал торги, а его сотрудники принимали участие в оных на сомнительных основаниях.

Заданный исключительно из соображений перестраховки, вопрос сей неожиданно повлек за собой цепную реакцию. После проведения надлежащей экспертизы и консультаций, 24 февраля 1849 г., одесский прокурор сообщил ОСК буквально следующее: "При соображении моем этого вопроса (могут ли члены и чиновники Комитета приобретать пустопорож-

ние места городской земли, отводимые самим Комитетом с публичных торгов для возведения на них плановых построек. — **О. Г.**) с законами, представился мне другой вопрос, о том, на каком основании Строительный комитет производит у себя торги при раздаче означенных мест"[56].

Собирая надлежащие справки, прокурор выяснил, что до 1803 г. "право раздачи городских мест под построение домов, а вне города, на его же земле, под заведение хуторов" принадлежало Думе, а далее, по предложению герцога де Ришелье отдано ОСК. "Строительный комитет, — продолжает прокурор, — сохранял право раздачи городских мест и после высочайше утвержденного в 28-й день ноября 1834 года положения о доходах и расходах г. Одессы, потому, будто бы, что в этом положении не сказано, именно кто должен производить раздачу тех мест, то есть Строительный комитет или Дума. На таком основании Строительный комитет и ныне раздает места внутри города, а вне оного отводил он только до 1843 года. С той поры, вследствие высочайше утвержденных 2 ноября 1842 года правил для раздачи земель, принадлежащих городам Новороссийского края и Бессарабской области, под разведение садов и виноградников, право раздачи участков вне города Одессы, на его земле состоящих, отошло к ведомству одесской городской Думы"[57].

Коррелируя первый и второй вопросы, одесский прокурор приходит к следующим заключениям. Если публичная продажа городских мест будет производиться в Комитете, то его сотрудники и чиновники не имеют права приобретать тех мест — в силу упомянутых и других (1242, 1253, 1256 и др.) статей тома X свода имперских законов. С другой стороны, хотя в положении от 28 ноября 1834 г. прямо не сказано, кому принадлежит право производства торгов по раздаче городской земли, но сам "обряд раздачи означенных мест изложен в сем положении в отделе, относящемся до одесской Городской Думы, заведующей доходами и расходами города". Кроме того, "по общим правилам для Одесского строительного комитета и вообще для губернских строительных комиссий, учреждения эти занимаются только строительною частью, относящеюся до казенных и других зданий". Поэтому, по его мнению, коль скоро публичная продажа приносит городу доход, то она не входит в круг занятий ОСК, и, следовательно, должна осуществляться Думой. Сделав свои выводы, одесский прокурор, тем не менее, предложил Комитету в случае его несогласия обращаться в высшие инстанции по команде[58].

30 марта 1849 г. исправляющий должность генерал-губернатора генерал-лейтенант Федоров пишет по этому поводу градоначальнику тайному

советнику Казначееву. Изложив выкладки прокурора, он задается вопросом, надо ли испрашивать разрешения высшего начальства на передачу из ОСК в Думу делопроизводства по продаже городских мест, или же оставить его в ведении Комитета, указав резоны. В самом деле, стоит ли огород городить, тем паче, "что в Одессе почти уже все городские места отведены частным лицам под постройки, и теперь производится преимущественно переуступка частными лицами отведенных им участков и незастроенных — другим лицам, для окончательного застроения по плану"[59].

Сюжет о передаче упомянутых полномочий из ОСК в Думу затянулся надолго. И только 11 августа 1856 г. из управления одесского военного губернатора в Комитет была препровождена к исполнению копия сенатского указа "по предмету передачи" в Думу "всех дел о продаже в Одессе городских участков под застройку"[60]. В копии указа имеется ссылка на высочайше утвержденное положение от 7 июля 1854 г., в котором сказано, что в обязанностях, правах и ответственности губернских областных строительных и дорожных комиссий, распространяющихся и на городские строительные комитеты, вовсе не упоминается раздача городских земель[61].

5 сентября 1856 г. на основании вышеупомянутых директив Дума просит ОСК прислать высочайше утвержденный план города, подробный список местам, отданным Комитетом с торгов для плановой застройки, но еще не застроенным, сведения о предположениях Комитета по поводу тех городских мест, которые полезно оставить свободными для нужд и выгод Одессы или для строительства казенных зданий[62].

Наконец, 15 сентября того же года ОСК передает Думе все необходимые документы. Здесь же сообщается о наличии целого свободного квартала и ряда других мест на Пересыпи, назначенных под застройку. Срочной надобности в местах для нужд города и казенных построек в данный момент нет, но если таковая появится, то тогда и будет сообщено Думе[63].

Как образец прирезки земли к частным домам и лавкам в окрестностях рыночных площадей привожу дело "По ходатайству жителей III квартала на площади Нового базара о просимой прибавке земли к их местам"[64]. Ситуация тут стандартная. Во времена Ришелье для сооружения рыночных отделений отводились места под торговые заведения. А поскольку лавки в нижних этажах сопровождались жилыми покоями в верхних, постольку возникала потребность для разнообразных хозяйственных построек (сараев, конюшен, бань, цистерн, колодцев, отхожих мест и проч.), то есть в более-менее просторном дворе. С годами эта потребность обозначалась все более остро.

В данном случае 17 сентября 1849 г. хозяева III отделения (квартала) Нового базара изъясняют ту же проблему тесноты, говорят, что противоположная от базарной площади сторона их мест примыкает к глухому переулку (*Нововазарному*), имеющему ширину в 15 сажень. И отчего бы тогда не отрезать от него, скажем, 6 сажень, как практиковалось в других переулках[65]. Просители имеют в виду упомянутые выше примеры сужения Садовой улицы, Покровского и других переулков, правда, выказывают завидный аппетит: 6 саженей никому еще не прибавляли. Но главная проблема в другом — такие прибавки изменяют высочайше утвержденный план Одессы.

27 июля 1850 г. исправляющий должность городского архитектора Франц Моранди сообщает ОСК, что не имеет у себя точной копии составленного им для поднесения императору генерального плана, а потому и нет возможности назначить меру прибавки к III кварталу[66]. В начале ноября 1851 г. домовладельцы оного квартала вновь обращаются по тому же вопросу к градоначальнику Казначееву. Они ссылаются на прошение к Воронцову, переадресованное Казначееву, который признал возможным прибавить не 6, а только 2 $^{1/2}$ сажени. Однако такая прибавка, настаивают просители, не позволит построить ничего даже "для склада топлива", а потому предлагают самому градоначальнику осмотреть место в переулке между Коблевской и Нежинской[67].

Из дальнейшей переписки видно, что 25 апреля 1852 г. прибавили — ни вашим, ни нашим, — ровно 3 сажени. При этом с жителей квартала взяли расписку: в случае означенной прибавки они обязуются устроить в переулке на свой счет новую водосточную канаву. 9 мая того же года ОСК предложил городской полиции объявить домовладельцам о прибавке и взыскать с каждого по 90 копеек серебром за использованную Комитетом бумагу[68]. В этом же деле — составленный Моранди чертеж III отделения Нового базара, части прилегающего XXVII квартала 3-й части города и профиль переулка[69]. Здесь уместно заметить, что аналогичное прошение жителей переулков, примыкающих к Александровской площади, о прибавке земли было отвергнуто. Аргументы отказа связаны с фактической узостью этих переулков, а прирезка земли за счет городской площади отвергалась категорически[70], и это придает делу чрезвычайную актуальность.

Здесь уместно вернуться к теме высочайше утвержденных фасадов, так как практика их использования продолжалась довольно долго. В журнале ОСК от 28 декабря 1851 г. цитируется весьма информативный документ на сей счет — приказ "главноуправляющего путями сообщения

и публичными зданиями" от 12 ноября того же года со ссылкой на повеление государя императора: "Фасады на частных в губернских и уездных городах постройках, каменные, без ограничения числа этажей, и деревянные, в один и два этажа, сколько бы в этих постройках окон ни было, утверждаются: в тех губерниях, где есть генерал-губернатор, генерал-губернаторами, а где их нет, там местными губернскими строительными и дорожными комитетами".

Разумеется, утверждение осуществляется в соответствии с законодательством и так, чтобы фасады были согласны с образцовыми, высочайше одобренными. Комитет уже получал подобный приказ от 28 января 1847 г., после чего последовало предложение одесского военного губернатора, вследствие которого ежегодно в декабре составлялись ведомости на произведенные частные постройки и отправлялись в министерство. В том же году исправляющий должность генерал-губернатора обратился к М.С. Воронцову (тогда кавказскому наместнику, но формально и генерал-губернатору) за разъяснением: кто должен утверждать фасады? Воронцов ответил, что лично обратится к министру, а покуда пусть все остается по-прежнему[71]. И в самом деле, при такой постановке дела элементарная процедура утверждения фасадов Комитетом осложнялась бы новыми бюрократическими проволочками, и Воронцов их оттягивал. Тем не менее, система брала свое.

Забавно, что в ОСК присылали далеко не все тетради образцовых фасадов — издержки той же бюрократической системы. 29 февраля 1852 г. одесский градоначальник пишет об этом в Главное управление путей сообщения и публичных зданий: в Комитете отсутствуют тетради №№ 9-12, за 1843-1847 гг. А потому жители затрудняются, а некоторые даже отказываются от строительства домов. 6 апреля 1852 г. управление высылает просимые тетради в Одессу[72]. 15 февраля приходят образцовые ведомости по сооружению частных домов. Замечу: это довольно-таки своеобразные формы отчетности. Здесь указывается не только число и этажность частных домов, построенных или перестроенных по третям каждого года, но и число окон по фасаду. 21 января 1853 г. ОСК отправляет "главноуправляющему" таковую замечательную ведомость, из которой можно видеть, например, какой дом постройки 1852-го был самым "многооконным"[73].

Еще о нескольких делах 59-го фонда, регламентирующих характер и обстоятельства городской застройки в середине XIX столетия. Одно из них непосредственно относится к эволюции генерального плана. 14 декабря 1854 г. одесский военный губернатор получил указ императора из Пра-

вительствующего сената, изданный на основании рапорта главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями от 5 ноября того же года. Суть его сводится к следующему: "при проектировании планов городов допускать ширину улиц и менее 10 сажень", установленную статьей 240 тома XII свода имперских законов, "но в тех токмо случаях, когда к устройству улиц шириной в 10 сажень потребовалось бы снести или уничтожить существующие казенные, общественные или частные здания, или же подвергнуть отчуждению другие какие-либо имущества значительной ценности"[74]. Этот документ, по существу, признавал наличие немалого числа незаконных построек и отвода участков, произведенных с санкции (по халатности либо предумышленно) тех или иных инстанций и чиновников.

Два следующих дела касаются регламентации отдельных моментов, связанных с городской застройкой. Первый из них — о порядке эксплуатации больших каменных амбаров (магазинов), располагавшихся не только что в пределах черты порто-франко, но даже в элитарном центре. Новый подъем экспорта сельскохозяйственной продукции во второй половине 1840-х обусловил, как и во второй половине 1810-х, появление множества солидных двух- и трехэтажных хлебных магазинов[75]. Разумеется, владельцы и арендаторы таковых зернохранилищ во имя выгоды стремились загружать их, что называется, под завязку, а это нередко приводило к катастрофическим последствиям.

Так, в первой половине 1850-х в Одесском коммерческом суде слушалось дело о магазине, принадлежащем состоятельному и авторитетному негоцианту Джеймсу Кортацци, в тот период — городскому голове. Из-за неправильной эксплуатации арендатором, то есть перегрузки верхнего этажа, в здании произошло обрушение. В связи с этим ОСК и, в частности, надзиравший за постройкой этого магазина архитектор Фон-дер-Шкруф, выступал уже как третейский судья. Комитет передал сведения о том, какое именно количество зерна полагается ссыпать на квадратную сажень магазина в первом, во втором и в третьем этаже. И в дальнейшем эта информация использовалась в суде при возникновении подобных тяжб[76].

Другое регламентирующее дело лежит как бы на границе проблематики городского строительства и благоустройства. Строительный бум второй половины 1840-х — начала 1850-х вызывал определенные неудобства для транспорта, пешеходов, ухудшал санитарное состояние Одессы. Приступая к новому строительству или перестройке существующих зданий, застройщики заготавливали значительное число материалов, которые

подвозились не по мере надобности, а наперед. Это вело к загромождению и ломке тротуаров, скоплению мусора, превращению развалок камней в импровизированные отхожие места.

26 июля 1854 г. одесский военный губернатор Анненков дал по этому поводу архитектору Козлову вполне конкретные указания: "Замечено мною, что жители г. Одессы при возведении построек своих заготовляют в большом количестве материалы и складывают их на улицах города, так что во многих местах встречается даже затруднение для проезда. В отвращение сего на будущее время нужным считаю вашему высокоблагородию в обязанность иметь наблюдение, чтобы при возведении частных построек материал заготовлялся в умеренном количестве и не занимал бы более 1/3 части улицы. Если же кто из владельцев будет заготавливать материалы более означенного количества, то оные должны быть складываемы [...] внутри двора"[77].

О некоторых специфических обстоятельствах отвода и застройки мест (скажем, на оползневых террасах, по обрывам, в приморской зоне), преобразовании фасадов лавок плановых торговых комплексов, устройстве погребов и проч. будет сказано в других тематических разделах.

Примечания

[1] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 35-37.

[2] Там же, л. 39.

[3] Там же, д. 281, л. 115.

[4] Там же, д. 278, л. 271.

[5] Там же, л. 349.

[6] Там же, л. 405.

[7] Там же, д. 279, л. 420.

[8] Там же, д. 288, л. 107.

[9] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 524, 565.

[10] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 214.

[11] Там же, д. 281, л. 369.

[12] Там же, д. 287, л. 495.

[13] Там же, д. 274, л. 48, 280, 309-310, 352-354 и др.

[14] Там же, д. 275, л. 516-518.

[15] ПСЗРИ. — Собр. 1-е. — СПб., 1830. — т. 39. — № 29.826.

[16] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 16-17.

[17] Там же.

[18] Смольянинов К.Н. История Одессы. — Одесса, 1853. — с. 135-136.

[19] ПСЗРИ. — Собр. 1-е. — СПб., 1830. — т. 28. — № 21.161.

[20] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 288, л. 1.

[21] Там же, л. 27-28.

[22] Там же, л. 157.

[23] Там же, л. 105.

[24] Там же, л. 252-253.

[25] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 164, л. 3.

[26] Там же, л. 9.

[27] Там же, л. 13.

[28] Там же, л. 26.

[29] Там же, л. 32.

[30] Там же, л. 35.

[31] Там же, л. 42-44.

[32] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 288, л. 175-178.

[33] Там же, л. 258-259.

[34] Там же, л. 175.

[35] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 982, л. 2-5.

[36] Там же, оп. 2, д. 565, л. 24.

[37] Многие из них, впрочем, изъяты для музея "Старая Одесса"; часть хранится в фондах ОГИКМ.

[38] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 565, л. 78.

[39] Там же, д. 595, л. 22.

[40] Там же, л. 49.

[41] Там же, л. 52-53.

[42] Там же, л. 98.

[43] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 8, л. 1-9.

[44] Там же, д. 9, л. 1-5.

[45] Там же, д. 11, л. 1-5.

[46] Там же, д. 16, л. 1-6.

[47] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 2641, л. 4.

[48] Там же, л. 3.

[49] Там же, л. 9-10.

[50] Там же, л. 43.

[51] Там же, л. 27.

[52] Там же, л. 28.

[53] Там же, д. 3095.

[54] Смольянинов К.Н. Указ. соч. — с. 224.

[55] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 3095, л. 1-2.

[56] Там же, л. 9.

[57] Там же, л. 9-10.

[58] Там же, л. 10-11.

[59] Там же, л. 24-25.

[60] Там же, л. 43.

[61] Там же, л. 44-48.
[62] Там же, л. 49.
[63] Там же, л. 61-62.
[64] Там же, д. 3174.
[65] Там же, л. 3.
[66] Там же, л. 2.
[67] Там же, л. 5.
[68] Там же, л. 7, 10-11, 13-14.
[69] Там же, л. 6.
[70] Там же, оп. 2, д. 1858, л. 1-15.
[71] Там же, оп. 1, д. 3332, л. 2-4.
[72] Там же, л. 12, 19.
[73] Там же, л. 13-14, 30-31, 33-35.
[74] Там же, д. 3384, л. 1-5.
[75] Смольянинов К.Н. Указ. соч. — с. 174, 258.
[76] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 3383, л. 1-3.
[77] Там же, д. 3382, л. 1-2.

Продолжение следует

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК

Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение (Наркевичи, Кичи, Андреевские и Никитины)*

К 150-летию со дня рождения М.Ф. Кич-Маразли
и 200-летию со дня рождения Э.К. Андреевского

Андреевские

Вера Фердинандовна Наркевич не позднее 1877 г. (в июле 1878 г. родился ее старший ребенок) вышла замуж за Константина Эрастовича Андреевского. Отдельные представители многочисленного рода Андреевских (фамилия также писались как Андриевские), были очень известны в Одессе.

Родоначальником семьи был Степан Анисимович Андреевский, скончавшийся после 1813 г. Его сын, Степан Степанович (ум. 17 октября 1830), происходил из дворян, вероятно, Киевской губернии, в 1792 г. поступил на службу, занимался таможенными вопросами в Санкт-Петербурге, Ревеле, Тарнополе, Каменец-Подольске, Гусятине, осуществлял различную деятельность по таможенной части в Бессарабской области, руководил Новоселецкой таможней, впоследствии служил при графе Воронцове в различных должностях (последняя должность — советник Подольского губернского правления). С.С. Андреевский на момент кончины имел 58 крестьян в м. Гусятин Каменецкого повета Подольской губ., а за его супругой значилось родовое имение — "каменный дом в Одессе на греческом форштате в X и VIII кварталах под № 550", который на тот момент находился в залоге[1]. С.С. Андреевский был женат на дочери дворянина Генриетте-Августе Карловне Грефе и имел многочисленное потомство: сыновей Ивана (1798-1861), который был женат на дочери одесского городского головы Ф.Л. Лучича, Эраста (1809-1872), Виктора (1811-1852), Аркадия (1812-1881), Павла (1813 — после 1869), женатого на Вере Петровне Курдимановой (тетке М.Ф. Кич-Маразли), Владимира, Степана и дочь Юлию. Сыновья Степана Степановича обучались в Ришельевском лицее Одессы, и вероятно, его не слишком большие доходы на обучение большого семейства привели к необходимости заложить их

* Продолжение. Начало в кн. 36.

одесский дом. Его наследники сделали неплохую карьеру, и к 1857 г. трое его сыновей дослужились до чина действительного статского советника: доктор медицины, член медицинского совета министерства внутренних дел Эраст Степанович, председатель Херсонской казенной палаты Иван Степанович и председатель Екатеринославской казенной палаты Аркадий Степанович[2]. Семья Ивана, а также Павел Степанович с семьей были внесены в дворянскую родословную книгу Херсонской губернии[3]. Многие представители рода в XIX — начале XX вв. проживали в Одессе.

15 апреля 2009 г. исполнилось 200 лет со дня рождения самого знаменитого представителя этого рода — Эраста Степановича Андреевского (15 апреля 1809 — 21 марта 1872). Он родился в г. Волочиске (в XIX в. входил в состав Староконстантиновского уезда Волынской губ., ныне г. Волочиськ, райцентр Хмельницкой области). О себе он писал так: "Я родился в Волочиске, сын чиновника и не monsieur (так он иронично называл представителей высшей аристократии. — **Авт.**), а просто русский дворянин"[4]. Образование получил в Берлине, сначала в гимназии, а затем в университете (его мать приходилась теткой знаменитому берлинскому окулисту фон Грефе). В 1828 г. он становится кандидатом медицины, в 1831 — доктором медицины Берлинского университета. В это время он принимает участие в научных путешествиях вместе со своим дядей, его принимают в члены Неаполитанской медико-хирургической академии. В 1833 г. он был признан доктором медицины в России (14 января 1833 г. вступает в российскую службу). Как талантливая личность Эраст Степанович проявил себя на многих поприщах.

В 1833 г. его назначают дивизионным врачом, и в течение двадцати лет Эраст Степанович состоит на службе при М.С. Воронцове, первоначально в Одессе, а потом на Кавказе, в звании гражданского генерал-штаб-доктора (1847-1852 гг.), при этом являясь личным врачом семьи Воронцовых. Все в том же 1833 г. произошло событие, благодаря которому память о докторе Андреевском не была предана забвению даже в советское время, — он предложил основать лечебное заведение на Куяльницком лимане (позднее даже сам лиман в его честь стали именовать Андреевским), что и было осуществлено в следующем, 1834 году. На тот момент Эрасту Степановичу было всего 24 года. Фактически он устроил при Куяльницком лимане купальни на средства города, в которых можно было принимать "теплые, грязные и песочные ванны". Это был один из первых курортов России. Впоследствии начинание Андреевского было преобразовано в Куяльницкий курорт, получивший большую известность.

Вот что сообщал о курорте одесский путеводитель 1907 года: "Первым на Куяльницкий лиман обратил серьезное внимание доктор Э.С. Андреевский, который будучи лейб-медиком князя М.С. Воронцова, в 1835 году [так в тексте] основал на пустынном тогда еще берегу лимана маленькое ванное заведение, где при самой бедной обстановке весьма успешно лечил больных. Он первый распространил славу о Куяльницком лимане среди местного населения, и с тех пор лиман начал процветать. <...> С уходом доктора Андреевского (1853 г.) и передачей лиманов в распоряжение городского ведомства лиман снова теряет на продолжительное время свое естественное значение как могучей лечебной силы и третируется, главным образом, как самосадочное озеро, пригодное лишь для целей соледобывания. Некоторое оживление курортного поселка замечается в конце семидесятых годов, с переходом лечебных заведений в аренду (1868 г.) к д-ру А.В. Бертенсону и с проведением в 1873 году железнодорожной ветви на Куяльник. Новым толчком к развитию жизни лимана как курорта послужило открытие в 1892 г. нового Городского лиманно-лечебного заведения"[5].

Памятник Э.С. Андреевскому

Перед зданием Куяльницкого лечебного заведения доктору был установлен памятник, созданный архитектором Толвинским и скульптором Эдуардсом, сохранившийся до сих пор. Благодаря этому до нас дошел облик доктора. Одна из улиц Пересыпи была названа в его честь Андреевской (на Пересыпи находился один из домов, принадлежавших семье Андреевских).

Кроме Куяльницкого курорта своим становлением обязан Эрасту Степановичу и знаменитый кавказский курорт Боржом: "В 1847 г. на Боржом обратил свое просвещенное внимание наместник Кавказа князь Воронцов и сделал его своей летней резиденцией. С того времени благодаря неутомимой деятельности князя дикая страна превращается мало-помалу в лечебную станцию, начинает застраиваться и населяться. В 1849 г. минеральные источники были переданы управляющему медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе д-ру Андреевскому, благодаря трудам которого Боржом принял сравнительно благоустроенный вид: построен

был удобный дом для посетителей, проведена шоссейная дорога, устроен мост через реку Боржомку. Екатерининский источник был впервые каптирован в каменный бассейн восьмигранной формы"[6].

В августе 1845 г. Эраст Степанович, в то время исправляющий должность старшего медика при главном отряде действующих войск на Кавказе, был пожалован в статские советники[7], а 12 октября 1847 г. получил чин действительного статского советника[8] (что соответствовало армейскому званию генерал-майора). На 1857 г. имел ордена: Св. Станислава 1 ст., Св. Владимира 3 ст., Св. Анны 3 ст., персидский Льва и Солнца 1 ст. с алмазами и знак отличия 20-и лет беспорочной службы.

С уходом Воронцова с должности наместника Кавказского Андреевский увольняется с должности генерал-штаб-доктора, после чего перебирается в Одессу. Он назначается членом медицинского совета министерства внутренних дел, но эта должность была скорее формальной. В своих воспоминаниях он с горечью пишет о том, что его услуги оказались неоцененными. В Одессе доктор находит себе применение в иных сферах деятельности: избирается гласным (депутатом) городской Думы, причем является одним из активных сторонников реформирования Думы в 1860-х годах[9], гласным Херсонского губернского земского собрания от Одессы, в конце 1860-х годов возглавляет комитет, учрежденный по высочайшему повелению в Одессе для сооружения мостовых[10], он был действительным членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России и Кавказского отделения Императорского русского географического общества. Также Э.С. Андреевский был автором многочисленных статей на медицинскую тематику, опубликованных в России и за рубежом, в основном, в Германии. Кроме этого, им были написаны воспоминания, описывающие период его службы и проживания в Одессе и на Кавказе. Эти воспоминания (Андреевский Э.С. Записки. Из архива К.Э. Андреевского) были изданы тремя томами в Одессе его сыном Константином Эрастовичем лишь спустя более 40 лет после смерти автора, в 1913-1914 гг. Вероятно, главной причиной этого являлось то, что автором были даны многочисленные отрицательные характеристики окружавшим его лицам, в том числе высшему обществу и администрации. Несмотря на это, воспоминания являются ценным источником по описываемым в них событиям и характеристиках действующих лиц.

Мемуаристы (графы В.А. Соллогуб и С.Ю. Витте) отмечали его большое влияние на М.С. Воронцова, причем использованное им в корыстных целях. Так, граф С.Ю. Витте писал в воспоминаниях: "Припоминаю также

доктора Андреевского. Он был на Кавказе также во времена моего детства. Андреевский оставил о себе память на Кавказе не как "доктор", а как "доктор светлейшего князя Воронцова"; вследствие преклонных лет светлейшего князя Андреевский имел на него значительное влияние и проявлял это влияние не без корыстных целей. Когда же князь Воронцов покинул Кавказ, Андреевский приехал в Одессу и уже с очень округленным состоянием"[11]. Сам доктор писал в воспоминаниях: "Он (его сын Константин. — **Авт.)** мог быть наследником миллионов, но будет иметь только скудный кусок хлеба. Миллионами этими пожертвовал я для службы, а служба, которую в продолжении 25 лет хвалили, оказалась... с начала до конца совершенно негодною"[12]. Тем не менее, на момент кончины Э.С. Андреевский кроме недвижимости в г. Тифлисе и имений в Тифлисской, Таврической и Херсонской губерниях владел домами в Одессе: на Екатерининской площади, 3 (оцененный в 45000 руб.[13]), и на Пересыпи.

Скончался Эраст Степанович 21 марта 1872 г. в Одессе[14]. От брака с грузинской княжной Варварой Георгиевной Тумановой (ум. 1876)[15], которая была членом правления Одесского женского благотворительного общества[16], у Эраста Степановича было трое детей: Елена Эрастовна (1846-1918), Константин Эрастович (1855/1856-1935) и Нина Эрастовна (ок. 1859-1879).

Супругом Елены Эрастовны (1846-1918) был светлейший князь Георгий Михайлович Шервашидзе (17 или 25.09.1846 — 1918), сын последнего владетельного правителя Абхазии в 1822-1864 гг. Хамут-бея (в крещении Михаила Георгиевича) Шервашидзе, российского генерал-адъютанта, который оказывал помощь России в завоевании Кавказа. Светлейший князь Георгий Михайлович был наследник абхазского престола, еще в младенчестве получил чин прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка (1.1.1847). Адъютант командующего Кавказской армией (10.06.1863). В 1866 г. восставшие абхазы провозгласили Георгия владетелем, за что после подавления восстания он был выслан в Россию. Служил в Оренбургском казачьем войске, в Одесском военном округе. В 1872-1875 гг. в отставке. Адъютант наместника Кавказа (17.06.1875), штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка (17.06.1876), флигель-адъютант (7.4.1879), состоял в Свите (1880-1881); полковник (30.08.1887). Право вернуться в Абхазию получил лишь в 1905 г. Жил в Кутаиси. Поэт, играл видную роль в литературной и общественной жизни Грузии[17].

Нина Эрастовна была убита 22 июля 1876 г. в Тифлисе, куда она прибыла из Одессы 29 июня вместе с матерью для участия в разделе семейно-

го имущества, которое отец завещал двум дочерям в Кутаисском уезде, и с 1872 г. находившегося в нераздельном владении дочерей. Виновными по делу были признаны управляющий имуществом семьи Андреевских в Тифлисском уезде Давид Чхотуа, его брат и другие лица (подозревали, что вдохновителем убийства мог быть князь Г.М. Шервашидзе). Известный адвокат В.Д. Спасович утверждал, приводя обширную доказательную базу, что это был несчастный случай, и никто ее не убивал[18].

Константин Эрастович родился 3 мая 1855 г. (по другим сведениям, в 1856 г.). Отец писал о нем в воспоминаниях: "мой Котек родился на Севере")[19] (вероятно, в Санкт-Петербурге). Первоначальное образование он получил в Ришельевской гимназии, в 1880 г. окончил юридический факультет Имп. Новороссийского университета[20] со степенью кандидата. 3 октября 1881 г. он поступил на службу по министерству внутренних дел, находился в распоряжении временного одесского генерал-губернатора[21]. Делопроизводитель в комиссии для исследования всех мин и каменоломен г. Одессы (19.11.1881), делопроизводитель комиссии для заготовления продовольствия, семян и земледельческих орудий и других предметов для переселенцев, направляющихся в Южно-Уссурийский край (30.10.1882). Был избран почетным мировым судьей г. Одессы (21.3.1884), приказом временного одесского генерал-губернатора назначен состоять при нем для поручений (1.1.1886), вновь избран почетным мировым судьей (11.3.1887, 21.3.1890), уволен от должности почетного мирового судьи (10.5.1893), избран почетным мировым судьей 7.4.1893 [так в документе] (утвержден 4.11.1893), сверхштатный чиновник особых поручений при приамурском генерал-губернаторе с откомандированием в Одессу (31.5.1894), избран членом Одесской городской управы (28.2.1895)[22].

Как было сказано выше, 31 мая 1894 г. он был назначен сверхштатным чиновником особых поручений при приамурском генерал-губернаторе Сергее Михайловиче Духовском[23] (Андреевский не выезжал в Приамурский край и постоянно работал в Одессе по линии помощи переселенцам, отправляющимся морем в Южно-Уссурийский край). 5 февраля 1899 г. он просил приамурского генерал-губернатора уволить его с занимаемой должности "по домашним обстоятельствам, а также вследствие того, что занимаемая мною в настоящее время должность члена Одесской городской управы — я не могу исполнять обязанности старшего сверхштатного чиновника особых поручений..."[24].

Константин Эрастович был членом городской управы г. Одессы, членом Одесского городского распорядительного комитета, директором Одесского попечительного комитета о тюрьмах, директором-секретарем женского отделения попечительного комитета о тюрьмах, членом комиссии по найму ночных сторожей, почетным мировым судьей г. Одессы, членом совета Одесского общества исправительных приютов для малолетних преступников (на 1892 г.)[25]. Гласный одесской городской Думы и член городской управы Одессы (на 1900 г.)[26]. В 1902 г. Константин Эрастович был избран товарищем (заместителем) городского головы Одессы. Гласный городской Думы, почетный мировой судья г. Одессы, член одесского городского училищного совета от города (на 1905 г.)[27]. Товарищ городского головы и гласный Думы[28].

К.Э. Андреевский

В мае 1907 г. он оставляет должность товарища городского головы в связи с обвинениями его противников в попустительстве революционным событиям 1905 г., после чего выезжает из Одессы (примечательно, что 1 мая скончался Г.Г. Маразли, на сестре жены которого был женат Андреевский): "Третьего дня депутация гор. служащих... управы прощалась с К.Э. Андреевским ввиду оставления им службы и отъезда из Одессы. ... Затем депутация проводила К. Э. к зданию Думы, которое он посетил вчера в последний раз в качестве товарища городского головы. Вчера же депутация... присутствовала на вокзале при отъезде К. Э. с семьей..."[29].

В августе 1907 г. "К.Э. Андреевский, бывший товарищ городского головы, в присланном вчера на имя городского головы заявлении отказывается от звания гласного Думы"[30], а в мае 1908 г. "Указом правительствующего Сената бывший товарищ одесского городского головы К.Э. Андреевский, согласно прошению, уволен от должности почетного мирового судьи по г. Одессе"[31].

К широкой общественной деятельности после 1907 г. он уже не вернулся: в 1909 г. он значится в справочнике как директор одесского отделения международного коммерческого банка (проживал на Лидерсовском

бульваре, 17)[32], а в 1910 г. — лишь как член одесского Английского клуба[33], в 1915 г. — член наблюдательного комитета Одесского городского кредитного общества, располагавшегося на ул. Гоголя, 12 (при этом он указан проживающим в собственном доме на ул. Черноморской)[34].

В его формулярных списках периода 1893-1896 гг. указано: "Родового имения не имеет. Благоприобретенное: за отцом его значится благоприобретенное имение Херсонской губернии Тираспольского уезда 2.172 десятин земли, в той же губернии хутор Ереки, в котором 40 десятин земли; Таврической губернии Ялтинского уезда — виноградный сад; Тифлисской губернии лесные дачи Дре и Цвери Тифлисского уезда, и участок Вершухальская пристань для сплавки дров, того же уезда участок земли в 12 десятин и 779 кв. сажень, в г. Тифлисе домовое место в 1.600 кв. сажень, там же на Кодмарах 4 десятины, там же пустошь Гудемисы, в коей разной земли и лесу до 400 десятин. За матерью его значится благоприобретенное имение при дер. Сагорисы, участок земли в 189 десятин"[35]. В другом формулярном списке на 1896 г. указано, что ему принадлежало родовое имение: 2172 десятины земли в Тираспольском уезде Херсонской губернии, в той же губернии хутор Ереки; благоприобретенное имение — 805 десятин в Тираспольском уезде, и дом в Одессе по Внешнему (впоследствии — Лидерсовскому) бульвару, № 15[36], в котором он в течение долгого времени проживал. На 1898 г. — владелец дома на Екатерининской площади, 3[37]. На 1901 г. владелец 706 десятин земли при дер. Харитоновке Ананьевского уезда и 2836 десятин земли при дер. Ангелиновке Тираспольского уезда Херсонской губ.

На 1894 г. состоял первым кандидатом по предводительству дворянства Тираспольского уезда (но избран так и не был). Был депутатом от дворянства Одесского (1897 г.) и Тираспольского (1898 г.) уездов Херсонской губ.[38]

Коллежский секретарь (23.12.1881, со старшинством с 3.10.1881), титулярный советник (30.5.1885, со старшинством с 3.10.1884), надворный советник (2.11.1893, со старшинством с 3.10.1891), коллежский советник (на 1900), статский советник (на 1904, 1913 гг.). Кавалер орденов: Св. Станислава 3 ст. (30.8.1884), Св. Анны 3 ст. (30.08.1887), Св. Станислава 2 ст. (14.05.1896), Св. Анны 2 ст. (14.08.1898) и др.

2 декабря 1897 г. Константин Эрастович с семьей внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Херсонской губернии[39]. Герб, пожалованный "Андреевскому, Константину Эрастову, надворному советнику, и семейству", был внесен в XVII часть Общего гербовника дворянских родов

Всероссийской империи под № 75[40]. С.Н. Тройницкий в примечаниях к изданному им в 1912 г. гербовнику Анисима Титовича Князева сообщает: "Герб Андреевских, Константина Эрастова с семейством, представляет из себя с измененными цветами польский герб Любич: в красном поле золотая подкова, на подкове и внутри ее по золотому же лапчатому кресту (ОГ, XVII, 75)"[41].

Константин Эрастович был учредителем Общества исправительных приютов для несовершеннолетних преступников ("со взносом не менее ста рублей")[42] и Литературно-артистического общества[43]. Обществу борьбы с туберкулезом им была пожертвована сумма в 1000 руб. "для образования капитала имени Эраста Степановича Андреевского"[44].

Скончался Константин Эрастович незадолго до 22 февраля 1935 г. в Бухаресте (22 февраля парижская газета "Новое слово" опубликовала его некролог)[45].

В.Ф. Андреевская

О Вере Фердинандовне известно не так много. Как сообщалось выше, 28 августа 1889 г. по выдельной [так в оригинале] записи, утвержденной 26 июля 1885 г. между женой статского советника Г.Ф. Никитиной и ее сестрами — женой коллежского секретаря Верой Фердинандовной Андреевской и женой коллежского советника Марией Фердинандовной Кич, за Г.Ф. Никитиной закреплялось имение в 1090 десятин земли в Тираспольском уезде, доставшееся ей от матери[46].

На 1892 г. она была одной из девяти директрис Женского отделения попечительного комитета о тюрьмах (а директором-секретарем был ее супруг)[47]. В апреле 1899 г. В.Ф. Андреевская получила диплом на звание первой почетной попечительницы детского убежища (дневного приюта) при аудитории на Пересыпи, врученный ей депутацией от попечительства Крестовоздвиженской церкви[48]. В декабре 1889 г. жена титулярного советника Вера Фердинандовна Андреевская была восприемницей при крещении Константина, сына губернского секретаря Петра Иосифовича Давидова и его супруги Елены Александровны[49].На 1910 г. значилась владелицей дома на Екатерининской площади, 3[50], на 1913 г. — на Белинского, 14, угол Боль-

шой Арнаутской (проживала там же)[51]. Последнее известное нам упоминание о ней относится к 1913-1914 гг.

От брака К.Э. Андреевского с В.Ф. Наркевич родилось трое сыновей.

Эраст Константинович Андреевский родился 23 июня 1878 г. и 14 октября был крещен в портовой церкви Всех Святых и Св. Николая в Одессе[52]. Восприемниками при крещении выступили его дед, полковник Ингерманландского гусарского полка Фердинанд Францевич Наркевич, и бабушка, вдова действительного статского советника Варвара Георгиевна Андреевская (урожд. княжна Туманова). Он воспитывался 4 года в Одесской прогимназии и 4 года в Одесской 3-й гимназии (расположенной напротив его дома на Внешнем [Лидерсовском] бульваре), 31 июня 1896 г. получил аттестат. 12 июля того же года был принят на юридический факультет Императорского Московского университета. Окончив его 16 сентября 1900 г., был удостоен диплома 2-й степени[53]. 19 октября 1900 г. поступает на службу по министерству внутренних дел. Губернский секретарь (с 19 октября 1900 г. и на 1914 г.). Предводитель дворянства Балтского уезда Подольской губернии (с 20 октября 1908 г., и на 1911 г.)[54], затем Уманского уезда Киевской губернии (на 1914, 1915 г.). Почетный мировой судья Балтского уезда Подольской губ. (1913 г.). Кавалер ордена Св. Станислава 2 ст. (30.08.1911)[55]. Вероятно, он оставался уманским предводителем дворянства до 1917 г., пребывание его в этой должности подтверждается в 1915 г.[56], а в 1919 г. он еще находился в окрестностях Умани, занятых махновцами. В 1919 г. Эраст Константинович с супругой выехал с группой беженцев из Одессы в Салоники на пароходе "Рио-Пардо" (в документах указан как предводитель дворянства)[57]. Из Салоник супруги эмигрировали в Сербию, куда прибыли 8 февраля 1920 г. (в этих документах указано, что из Одессы они эвакуировались 24 января 1920 г.)[58]. В Сербии Эраст Константинович был уполномоченным (до 1927 г.) великого князя Кирилла Владимировича по Банату (провинции Сербского королевства)[59]. Э.К. Андреевский был другом поэта С.С. Бехтеева (сестра которого была замужем за наследником Г.Г. Маразли П.С. Толстым), ему поэт посвятил стихотворение "Домой!..", написанное в мае 1931 г. в Ницце[60]. Умер в доме для престарелых аббата Пира в Брюсселе, Бельгия, незадолго до 13 апреля 1954 г. (13 апреля нью-йоркская газета "Новое русское слово" опубликовала его некролог)[61]. Он был женат на Тамаре Николаевне Беннет (1/14.02.1877-10.06.1961)[62], дочери штабс-ротмистра лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Николая Владимировича Беннета

(1855-1882) и его супруги Анны Павловны, урожд. княжны Абамелик (1856 — после 1914). Тамара Николаевна приходилась своему супругу троюродной сестрой по линии Курдимановых, была похоронена на Русском кладбище Кокад в Ницце.

Александр Константинович Андреевский родился 22 ноября 1886 г. и был крещен 11 декабря в церкви в честь иконы Божьей Матери "Всех скорбящих радость" при Стурдзовской общине г. Одессы. Восприемниками при крещении выступили коллежский асессор Иван Алексеевич Казаринов и жена временного одесского генерал-губернатора Мария Степановна Роop[63]. Обучался 8 лет в гимназии, 4 июня 1905 г. получил аттестат одесской 3-й гимназии, в августе 1905 г. поступил в Новороссийский университет. Студент юридического факультета. В 1910 г. был отчислен, не сдав экзамен (согласно оценкам, учился плохо, отчислен согласно прошению). 24 июня и 12 июля 1910 г. подавал ректору прошения о выдаче документов для предоставления при поступлении вольноопределяющимся в инженерные войска, а также просил переслать аттестат в одесское окружное инженерное управление[64].

В студенческом деле имеется свидетельство:

"По указу е. и. в., Херсонское дворянское депутатское собрание, на основании 6-го пункта 261 ст. т. IX Свода законов под [редакцией?] 1876 года и определения своего, состоявшегося 2-го декабря 1897 г., выдало настоящее свидетельство вместо копии протокола дворянину Александру Константиновичу Андреевскому, родившемуся тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, ноября двадцать второго, в том, что он, Александр Констанинович, как видно из дела и представленных документов, сын надворного советника Константина, а внук действительного статского советника Эраста Степановича Андреевского, и принадлежит к роду этому, внесенному по определению сего собрания, 2 декабря 1897 г., в 3-ю часть Дворянской родословной книги. Доказательства о дворянстве сего рода были предоставлены в Правительствующий сенат по Департаменту герольдии, при рапортах сего собрания, от 9-го декабря 1897 г. за 3852, и об утверждении Александра Константиновича Андреевского в дворянстве последовал указ из Правительствующего сената по Департаменту герольдии 31 марта 1898 г. №1115. В чем дворянское депутатское собрание удостоверяю. Губернский предводитель дворянства Сухомлинов"[65].

Дальнейшая судьба А.К. Андреевского неизвестна.

Владимир Константинович Андреевский родился 8 сентября 1894 г. и был крещен 7 октября 1894 г. в церкви в честь иконы Божьей Матери "Всех скорбящих радость" при Стурдзовской общине г. Одессы[66]. Восприемниками при крещении выступили друг его отца, председатель Таврического отделения крестьянского банка, известный зоолог Александр Александрович Браунер и бабушка, вдова полковника Екатерина Петровна Наркевич. О нем известно мало, так как к 1917 г. он успел лишь окончить учебное заведение. В его метрической записи о крещении есть отметка на румынском языке, датированная 19 декабря 1942 г.

Примечания

[1] Формулярный список С.С. Андреевского в деле о дворянстве его сына, П.С. Андреевского // РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 1652. Сообщено М.Ю. Линниченко, А.В. Лебединской.

[2] Список гражданским чинам первых шести классов по старшинству на 1858 г. — СПб., 1857. — С. 78, 140, 155.

[3] О дворянстве рода Андреевских // РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 1650, 1651, 1652. Сообщено М.Ю. Линниченко, А.В. Лебединской.

[4] Андреевский Э.С. Записки. — Одесса, 1913. — Т. 1. — С. 188.

[5] Путеводитель по Одессе и ее окрестностям. / Изд. Е.П. Распопова. — Одесса, 1907. — С. 265-266.

[6] Русанов К. Украина и "кавказское виши" / Газета "2000". — 2006.— 17-23 нояб. — № 46. http://news2000.org.ua/print?a=/paper/9469

[7] Русский инвалид. — 1845. — 25 августа. — № 190.

[8] Список гражданским чинам первых шести классов по старшинству на 1858 г. — СПб., 1857. — С. 78.

[9] Де-Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. — М, 2005. — С. 204.

[10] Новороссийский календарь на 1869 год. — Одесса, 1868. — С. 18.

[11] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. — М., 1960. — С. 57.

[12] Андреевский Э.С. Записки. — Одесса, 1913. — Т. 1. — С. 211.

[13] Раскладочная ведомость Херсонской губернии города Одессы о государственном налоге и земском в пользу казны и земства сбор определенных на недвижимые имущества на 1873 год. // ГАОО, ф. 274, оп. 1, д. 2, л. 64 об.

[14] Одесский вестник. — 1872. — 23 марта. — № 66.

[15] Смерть г-жи Андреевской // Тифлисский вестник.— № 166, 171.

[16] Новороссийский календарь на 1869 год. — Одесса, 1868. — С. 140.

[17] Думин С.В., Гребельский П.Х. Дворянские роды Российской империи. Т. 4. Князья Царства Грузинского. — М., 1998. — С. 25.

[18] Спасович В.Д. Сочинения. Т. VI. Судебные речи (1875-1882). — СПб., 1894. — С. 164-276.

[19] Андреевский Э.С. Записки. — Одесса, 1913. — Т. 1. — С. 211.

[20] Список студентов и посторонних слушателей Императорского Новороссийского университета за 1876-1877 академический год. — Одесса, [1876]. — С. 42; Маркевич А. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. — Одесса, 1890. — С. XLIII (Список лиц, окончивших университет).

[21] Список чинов Министерства внутренних дел. Часть первая. Исправлено по 6 мая 1889 г. — СПб., 1889.; То же. [Часть I.] Исправлено по 15 августа 1890. — СПб., 1890. — С. 115; То же. Часть I. Исправлено по 15 февраля 1892. — СПб., 1892. — С. 247.

[22] Послужной список К.Э. Андреевского в деле его сына, студента Имп. Московского университета Э.К. Андреевского // ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 310, д. 26, лл. 9-16. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[23] Дальний Восток России: Из истории системы управления: Документы и материалы: К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. — Владивосток, 1999. — С. 106. Сообщено А.В. Лебединской; Список лиц, служащих по ведомству министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. Ч. вторая: Исправлено по 15-е июня 1895. — СПб., 1895. — С. 596; То же. Ч. II. 1897 года, исправлено по 1 мая. — СПб., 1897.— С.647.

[24] Рапорт от 5.02.1899 г. от коллежского советника К.Э. Андреевского на имя Приамурского генерал-губернатора в деле о службе чиновника для поручений К.Э. Андреевского (1894-1899 гг.) // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (г. Владивосток), ф. 702, оп. 1, д. 2100, л. 59. Сообщено А.Ю. Сидоровым, В.П. Хохловым.

[25] Адрес-календарь Одесского градоначальства (далее — АКОГ) на 1893 г. — Одесса, 1892. — С. 41, 45, 46, 59, 64, 125, 249.

[26] АКОГ на 1901 г. Одесса, 1900. — С. 42; Памятная книжка Херсонской губернии на 1901 год. — Херсон, 1901. — С. 46.

[27] АКОГ на 1906 г. — Одесса, 1906. — С. 42, 74, 157.

[28] АКОГ на 1907 г. — Одесса, 1907.

[29] Одесский листок. — 1907. — 20 мая. — С. 5.

[30] Одесский листок. — 1907. — 25 авг. — № 194. — С. 2.

[31] Одесский листок. — 1908. — 16 мая. — № 114. — С. 3 (дневник).

[32] АКОГ на 1910 г. — Одесса, 1909. — С. 199.

[33] Одесса: Адресная и справочная книга всей Одессы... на 1911 год. — Одесса, 1911. — С. 6.

[34] АКОГ на 1916 год. Одесса, 1916. — С. 191.

[35] Формулярный список о службе бывшего мирового судьи города Одессы К.Э. Андреевского (составлен 23 марта 1893 г.) // РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 71, л. 52-54 об. Сообщено М.Ю. Линниченко; Формулярный список о службе почетного мирового судьи г. Одессы надворного советника К.Э. Андреевского № 520, составлен 28 февраля 1894 г. в деле о службе чиновника для поручений К.Э. Андреевского (1894-1899 гг.) // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, ф. 702, оп. 1, д. 2100, л. 17-20. Сообщено А.Ю. Сидоровым, В.П. Хохловым.

[36] Послужной список К.Э. Андреевского в деле его сына...

[37] Список недвижимых имуществ города Одессы по улицам, кварталам и номерам в черте бывшей Старопортофранковской улицы. — Одесса, 1899. — С. 47.

[38] Дворянский адрес-календарь на 1897 г. / Изд. Н.В. Шапошникова. — СПб., 1897; То же на 1898 г. — СПб., 1898. — С. 51.

[39] Дело студента Императорского Новороссийского университета А.К.Андреевского // ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 330, л. 8.

[40] Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Перечень родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы российскими монархами, а также утверждены Правительствующим сенатом Временного правительства России / Подготовка и ред. Е.А. Агафоновой, А.А. Шумкова и С.О. Экземплярова. — СПб., 2004. — С. 20.

[41] Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года: Изд. С.Н. Тройницкого 1912 г. / Ред., подгот. текста, комм., послесл. О.Н. Наумова. — М., 2008. — С. 22.

[42] Учредители общества исправительных приютов // Одесский вестник. — 1885. — 18 апр. — С. 3.

[43] Отчет Литературно-артистического общества за годы 1898-1903 гг.

[44] Отчет о деятельности Одесского общества борьбы с туберкулезом за 1911-1912 гг. — Одесса, 1913. — С. 110.

[45] Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи, 1917-1999: В 6 тт. / Сост. В.Н. Чуваков. — М., 1999. — Т. 1. — С. 85.

[46] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1889. — № 4296. — Разряд XV. — Ст. 165.

[47] АКОГ на 1893 г. — Одесса, 1892. — С. 46.

[48] Одесский листок. — 1899. — 27 апр. — № 109.— С. 3.

[49] Метрика о крещении К.П. Давидова в Портовой церкви г. Одессы на 1889 г. // ГАОО, 37-13-147, л. 39 об.-40.

[50] Одесса: Адресная и справочная книга всей Одессы... на 1911 год. — Одесса, 1911 — Стлб. 76 (Алфавитный список улиц г. Одессы и ее окрестностей), далее — Вся Одесса на 1911 г.

[51] Вся Одесса на 1914 год. — С. 13.

[52] Запись о крещении Э.К. Андреевского в портовой церкви Всех Святых и Св. Николая в Одессе на 1878 г. //ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 123, л. 26 об.-27.

[53] Дело студента Имп. Московского университета Э.К. Андреевского // ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 310, д. 26. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[54] Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1910 г. — Ч. 2. — Стлб. 502. То же на 1912 г. — Ч. 2. — Стлб. 249. Сообщено И.Г. Лильп.

[55] Список служащих по Министерству внутренних дел 1914 года (исправлено по 1 января). Ч. II. СПб., 1914.— С. 239. Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1910 г. — Ч. 2. — Стлб. 131.

[56] Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1916 г. — Пг., 1915. — Ч. 2. — С. 131.

[57] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. Р-5982 (Главное справочное бюро. Константинополь, 1920-1922), оп. 1, д. 51 ("Списки русских эмигрантов, выехавших из России в 1919 г. на пароходах "Константин", "Кавказ", "Катория", "Крест", "Михаил", "Меркурий", "Милан", "Рио-Пардо" и других. [1920 г.]"), л. 97. Сообщено А.В. Богинским.

[58] ГАРФ, ф. Р-6792 (Управление делами русской эмиграции в Сербии. Белград, 1920-1944), картотека "А", л. 1435. Сообщено А.В. Богинским.

[59] Русский стяг. — 1927. — № 24. — С. 3. Сообщено В.К. Невяровичем.

[60] С.С. Бехтеев. Грядущее: Стихотворения. — СПб., 2004. — С. 321. Сообщено И.Г. Лильп.

[61] Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи, 1917-1999: В 6 тт. / Сост. В.Н. Чуваков. — М., 1999. — Т. 1. — С. 85.

[62] Материалы для некрополя Русского кладбища Кокад в Ницце, собранные И.И. Грезиным, 1996-2001. (Архив И.И. Грезина, Швейцария).

[63] Метрика о крещении А.К. Андреевского в Скорбященской церкви г. Одессы в его студенческом деле // ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 166, л. 7.

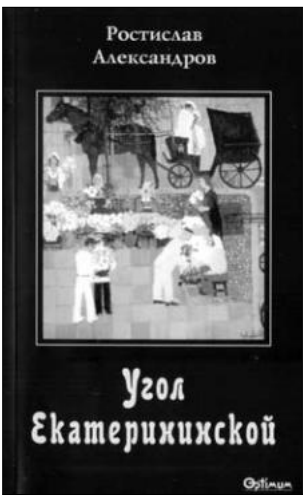
[64] Там же, л. 10, 12.

[65] Там же, л. 8.

[66] Метрика о крещении В.К. Андреевского в Скорбященской церкви г. Одессы на 1894 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 251 а, л. 73 об.-74.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Улицы, исхоженные жизнью
Книга пятнадцатая

"Угол Екатерининской" — новая, пятнадцатая книга Ростислава Александрова.

Многолюдная книга, густо населенная именами и фамилиями, сохраняющая подлинные одесские интонации, а не нестерпимо утрированные, потому и фальшивые, в современных подделках. Книга об одесских вывесках — фешенебельных магазинов, питейных заведений, лечебниц, аптек, мастерских модисток... О благоухающей цветами Одессе, идет ли речь о закладке ботанического сада, оранжерей, о первых акациях и фиалках, о цветочницах у дома Вагнера, на углу Екатерининской и Дерибасовской. Такая увлекательная, искрящаяся, полная любви и печали по безвозвратно утраченной Одессе.

Из 215 лет истории Одессы первые сто с лишним — годы, десятилетия расцвета успешного, свободолюбивого, открытого всему миру поистине европейского города. И вторые — почти сто лет — нелюбовь, мягко говоря, всех властей к этому "иному" городу, который забивали, как гвоздь, чтобы "не высовывался со своими одесскими штучками", чтобы не выделялся среди серости и убогости "лица необщим выраженьем". Столько лет попыток извести одесскую историческую память... Как же благодатна одесская почва, если несмотря на все ухищрения власть предержащих, не удалось окончательно вытравить из города его одесское начало, одесский дух. Гений места здесь неистребим.

А вот цитата: "В Одессе, как ни в каком другом украинском городе, высок уровень местного патриотизма. К такому выводу пришли специалисты Киевского института проблем управления имени Горшенина. Сегодня (11 июня 2009 года. — **В. Г.**) директор учреждения Кость Бондаренко провел в Одессе пресс-конференцию по поводу открытия филиала института. Ученый обнародовал следующие результаты опроса: 91,2% респондентов-одесситов гордятся тем, что родились в этом городе; 86,9% участников исследования связывают свое будущее с Одессой". Как говорится, без комментариев.

Судьба подарила мне счастливое знакомство, общение, дружбу со многими замечательными людьми. И длится эта радость долгие-долгие годы.

Более чем полвека назад я часто шла из школы с двумя мальчиками. Мы шли по Большой Арнаутской, потом по Гимназической, на углу прощались, мальчики отправлялись дальше — по Малой Арнаутской. Мальчики были из параллельного класса. Наш "маршрутный" союз давал повод для насмешек: "Смотри, опять идут Король, Королева, а между ними — Розенбойм!". У Бори действительно была фамилия Король, мою фамилию (Королёва) всегда переиначивали в Королеву. А настоящим королем стал со временем Александр Розенбойм. Королем одессики. Одним из тех хранителей, собирателей одесской истории, к которым можно применить слова древней притчи: "Много званых, но мало избранных". Эта плеяда "мало избранных" начиналась с Александра Михайловича Дерибаса, Доротеи Атлас и преумножилась известными именами наших замечательных современников, Розенбойм из этого прекрасного содружества.

Когда у него пробудился интерес, переросший в страсть, в "высокую болезнь" ко всему, что связано с Одессой, не знаю. Может, когда впервые в детстве прочитал катаевский "Белеет парус одинокий", может, когда впервые прочитал Бабеля, прочитал у Багрицкого "Ранним утром я уйду с Дальницкой..." или же у Ильфа и Петрова — "Вся контрабанда делается в Одессе на Малой Арнаутской...". А он сам, Саша Розенбойм (это потом он не по своей воле возьмет литературный псевдоним — Ростислав Александров) живет всю свою жизнь на этой прославленной Малой Арнаутской. Пройдет много лет и, наконец, будет издана в Одессе, может, самая сокровенная книга о нашем городе — "Пятеро" Владимира (Зеева) Жаботинского. Мне кажется, что взволнованное, щемящее чувство любви и восхищения при чтении этой книги было усилено и теми нашими знаниями о былой Одессе, которыми делились с нами те — из "мало избранных", среди них — Александр Розенбойм.

А может, начало положено было еще в школе? Саша Розенбойм рассказывает, как к ним в класс однажды пришел человек, рассказавший, что эту школу — 101-ю — он окончил сорок лет назад. Правда, тогда это была еще гимназия Панченко. Пятнадцатилетнего мальчика поразил срок — сорок лет назад! И запало в душу — гимназия Панченко! Саша и мне поведал, что мы учились в бывшей гимназии Панченко. А я, в свою очередь, помнила, как сразу после войны и в 101-й, и в 90-й школах на Большой Арнаутской были госпитали, как выходили подышать на улицу раненые...

Конец пятидесятых годов. Все читают Константина Паустовского. Его книга "Время больших ожиданий" стала, как теперь бы сказали, "культовой". Я вспоминаю, как в Эрмитаже разговорилась с питерским мальчиком. Узнав, что я одесситка, он закричал: "Ребята, человек из Одессы!". Такая невероятность, как будто из гриновского Зурбагана! Его друзья обступили меня и, цитируя Паустовского, расспрашивали об Одессе. И потом в общежитии Ленинградского университета при слове "Одесса" многие расплывались в улыбке. Иностранцы же, жившие там же, еще добавляли: "О, Одесса! Бабель!"...

Вот эту легендарную Одессу всю жизнь и сохраняет для нас Александр Розенбойм.

Название одной из его книг — "Исхоженные детством" — навеяно Бабелем: "Из окна летели прямые улицы, исхоженные детством моим и юностью, — Пушкинская тянулась к вокзалу, Мало-Арнаутская вдавалась в парк у моря".

Каждая из книг Ростислава Александрова — Александра Розенбойма, не говоря уже о великом множестве статей, начиная с первых публикаций более сорока лет тому назад в "Комсомольской искре", многочисленных телепередач, выступлений на заседаниях секции книголюбов Дома ученых, начиналась на этих исхоженных в течение всей жизни одесских улицах. Мне кажется, что нет в Одессе не только улицы, но двора, подъезда, парадного, где не прошел бы, куда не заглянул бы, не заметил бы уцелевшие следы былого или с горечью не обнаружил еще одной утраты — в границах Одессы времен порто-франко, на Молдаванке, на Ближних и Дальних Мельницах, на Пересыпи. Он исходил улицы и дворы, крытые плитами знаменитой голубовато-серой итальянской лавы и камнем-"дикарем", блестящие булыжники Французского бульвара и Пушкинской, потом почти все это накрыл асфальтовый каток. Ездил в открытых "пульмановских" вагонах по исчезнувшим маршрутам трамваев — Первому, Двадцать третьему, Четвертому... Он встречался с сотнями людей, не только в Одессе, но в Москве, в Ленинграде, в других городах огромной страны — со знаменитыми писателями и теми, кому посчастливилось быть если не участниками, то хоть скромными свидетелями "времени больших ожиданий". Невозможно перечислить всех, но они все остались на страницах книг Александра Розенбойма. Он ввел их в историю и литературу.

Что уж говорить о кропотливых поисках в архивах, в библиотеках Одессы — в Публичной и Университетской. Дружба с библиографами, та-

кими знатоками, как Ольга Юдовна Ноткина и Виктор Семенович Фельдман. Дружба со старшими по возрасту коллекционерами, знатоками старой Одессы.

В Одессе есть несколько известных музеев, куда приходят многочисленные посетители. Но Александр Юльевич Розенбойм сам по себе музей — музей истории Одессы. Этот музей в его голове, в его памяти, в его сердце. Как каждый музей, он устраивает "выставки" — пишет книги, статьи.

В сентябре этого года у автора полюбившихся многим пятнадцати книг — юбилей. Мы ждем следующих пятнадцати книг. Саша, не подведи!

И еще. Не удивлюсь, если встречу в Интернете восхищенный отклик на книгу Розенбойма, написанный на молодежном интернетовском сленге — "албанском" языке: "Аффтар, зачот, пиши исчо!".

ОДЕССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Алена ЯВОРСКАЯ
Мозаика Херсонской улицы 67

Олег ГУБАРЬ
Херсонская,
она же Ланжероновская 92

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
С Борисом Херсонским
по улице Херсонской 96

Ольга БОТУШАНСКАЯ
Здесь связь времен
и мудрость поколений 103

У нас — премьера рубрики

"Одесский календарь".

Опубликованные под ней материалы каждый раз

будут рассказывать об одной из одесских улиц.

В этом выпуске вы познакомитесь с историей

и сегодняшним днем

Херсонской — Пастера.

Алена ЯВОРСКАЯ

Мозаика Херсонской улицы

Тихая улица, из которой можно было бы сделать вполне приличный город, — здесь и больница, и мединститут, Публичная (строго говоря — Научная) библиотека и кукольный театр, школа и Украинский театр, бактериологическая станция и реформатская церковь. Даже холодильный институт и университет имеют к ней косвенное отношение — числятся-то они испокон века на Петра Великого, но боком выходят на Херсонскую-Пастера.

Херсонская улица

Это одна из немногих улиц, где до сих пор в мае сладко пахнут акации, завезенные герцогом де Ришелье, и даже — что удивительно — встречаются молодые деревца. Ведь похоже, вскоре символ Одессы вытеснят другие деревья, и акация, как и некогда украшавшие улицы олеандры, уйдет в одесские легенды.

Первое название улицы — географическое. Второе — благодарное. Ведь именно здесь, в начале Херсонской, размещалась первая в России и вторая в мире бактериологическая станция, основанная учениками Луи Пастера И.И. Мечниковым и Н.Ф. Гамалеей и спасшая немало людей. В 1923 г. на Херсонской, 2, согласно справочнику, размещался уже Бактериологический институт им. Пастера. Тогда же улица и получила новое название.

В начале XX века это улица врачей и учителей. В те далекие 1910-е, когда в справочниках еще указывали профессии, на Херсонской проживало около ста врачей, зубных врачей и акушерок — практически в каждом доме. К 1924 их число сократилось. Согласно "Адресной книге на 1924 г.", остались на Пастера терапевты — в домах 10, 20, 23, 42, 44, два хирурга (17, 19), два офтальмолога (23, 50), два венеролога (26, 28) и по одному ото-

рино-ларингологу (34), гинекологу (19), психиатру (19), бактериологу (38) и рентгенологу (48).

В 1912 на Херсонской размещался иллюзион "Марс", съестных лавок не было вовсе, а переплетных мастерских сразу три. Были и книжные магазины: в домах № 11 (в 1908 — А. Шиманского, в 1911 — В. Павлова), № 18 — В. Буряченко (в 1912), № 19 — (Я. Маркузе и Г. Чацкина в 1910), № 21 (в 1905 — Ш. Вайсмана, в 1910 — Г. Канторовича), № 24 — художника В. Ильиничика в 1909, № 25, в доме Агарова, — Л. Аккерштейна в 1894.

Об истории и домах Херсонской улицы писали Олег Губарь и Александр Розенбойм.

Как выяснил Я.Я. Майстровой, впервые название "Херсонской рогатки улица" появляется в документах за октябрь 1819 г., а уже в январе 1820 она именуется просто Херсонской.

Херсонская площадь, Херсонская таможня, Херсонская улица.

Во времена порто-франко в Одессе действовали три таможни. Самой строгой репутацией среди них пользовалась Херсонская.

"Самая неприятная таможня была Херсонская, при надзирателе Зосиме Ивановиче Педашенко, малороссе, отличавшемся грубым обращением с проезжающими. В оправдание своего поведения З. И. говорил, что порядочные люди старались обманным путем провезти контрабанду. На этом преступлении чаще всего попадались женщины. Например, одна спрятала под платьем маленькие стенные часы. К несчастью, во время осмотра часы стали бить, чем и выдали ее. Другая — подвесила куда-то целую головку сахара. В таможне шпагат оборвался, на пол из-под юбок выпала злополучная головка. Иногда попадались дамы, обмотавшие тело материей или кружевами. После таких проделок Зосима Иванович позволял себе без церемоний щупать толстых барынь, допрашивая: "А що сіє у вас натуральне, чи фальшиве?".

После Зосимы Ивановича вступил надзирателем Юрий Константинович Саморупо, с качествами совершенно противоположными. Своею любезностью и снисходительностью он снискал всеобщую любовь и уважение. Ю. К. оставался надзирателем до закрытия порто-франко и в настоящее время (т. е. в 1893-1894 гг.) еще жив" (О.О. Чижевич. Одесская старина).

Что любопытно, "...построение полов и покупка кроватей и стульев в занимаемых казачьими офицерами казармах при Херсонской и Тираспольской заставах поручены господину архитектору Фрапполи 10 июля 1824 г.". В четверг, 23 ноября того же года, закончено им же "построение полов и покупки кроватей и стульев, о приеме которых по повелению гра-

доначальника графа Александра Дмитриевича Гурова сообщено было надзирателям Херсонской и Тираспольской таможен о приеме оных в их ведомство" (Одесский строительный комитет).

Начиналась история Херсонской — как хлебной артерии города-порта.

"Магистральными были, по существу, поперечные улицы: Херсонская-Ланжероновская и Тираспольская-Почтовая, по которым шли обозы от Херсонской заставы в порт и от Тираспольской заставы к хлебным магазинам, сосредоточенным у Карантинной балки.

Другое дело, что позже эти улицы не были оформлены соответствующим образом градостроительными средствами, а Ланжероновская была отрезана от Херсонской Городским садом" (В. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье).

"Очень много хлебных магазинов было на Херсонской улице; вся Безымянная площадь, где нынче университетские клиники, была окружена ими. Эта площадь, как близкая к Херсонской заставе (во время портофранко), была всегда запружена возами с хлебом.

Пыль, канавы, солнце, саранча, хлебные магазины!" (А.М. Дерибас. Старая Одесса).

История мощения улицы полна драматизма и подозрительно смахивает на сегодняшние реалии. Проект шоссе принадлежал Юсту Валентиновичу Гаюи. Контракт о построении шоссе с подрядчиком Эргардом был заключен 26 ноября 1823 г.

8 октября 1824, среда: "...для лучшего сохранения шоссе по Херсонской и Ришельевской улицам от наносной грязи во время распутицы предполагает кроме проложенных деревянных мостиков проложить шоссе в обе стороны по пересекающим его улицам на $1^{1/2}$ погонных сажени и по концам оного уже продолжения устроить деревянные из досок мостики, нужные к поддержанию шоссе при въезде на оное экипажей, от тяжести коих продолжения сии будут служить для краев сиих немалою защитою" (Одесский строительный комитет).

20 октября, понедельник. Подрядчик Эргард сообщает: "Херсонской остается небольшую часть кончить". 22 октября устройство шоссе "на Херсонской улице совершенно окончено и цилиндрами согласно контракту укатано".

Но уже 22 ноября члены Комитета, среди которых были "господин коммерции советник и кавалер Иван Петрович Рено, господин коммерции советник Иван Степанович Ризнич, господин градской глова Филипп Лукьянович Лучич", писали о промежутках между тротуарами и домами,

ямах, плохо сделанных стоках, мягком камне, который недобросовестный подрядчик использовал для мощения. "Камень не сообщает ни прочности, ни пользы. ...плиты стаптываются от пешеходов, на шоссе разбитые камушки от езды стираются и превращаются от мокроты в грязь, а от сухой погоды превратятся в пыль, и опять будет такая же грязь, как прежде.

Впрочем, если поддержание шоссе и тротуаров возложить на жителей, то они до крайности будут тем отягощены, и не только доходов от домов, но и стоимости оных едва ли будет на то достаточно" (Одесский строительный комитет).

Спустя десять лет, в 1835, "на устройство тротуаров на Дерибасовской и Херсонской улицах строительным комитетом отпускался даром заграничный плиточный камень" (Коханский. Путеводитель по Одессе на 1894 г.).

Что говорят о Херсонской статьи и путеводители XIX-XX века?

"Херсонская улица. В 1 квартале, слева, находится в давно не застроенном угле реформатский молитвенный дом с училищем для детей. 2 квартал, налево, начинается низеньким домом генерала Пущина, трудившегося над описанием турецкой войны 1806-1812 гг. Теперь домом владеет барон Сталь. Далее дом действ. тайн. сов. Фундуклея; здесь некогда временно помещался генерал-губернатор. На углу бывшие дома купца В. Кошелева и Инглези, перестраиваются для помещения новых городовых административных учреждений. В 3 квартале слева дом Фейгина, теперь Котинского, жил Д.М. Княжевич, попечитель здешнего учебного округа (1837-1843 гг.), памятный существенно полезною административною и литературною деятельностью. Им изданы два "Одесские альманаха" и исходатайствовано лицею право издавать "Новороссийский календарь", книгу всем необходимую. В конце улицы, к наклонному спуску в предместье Пересыпь, находится городовая больница, обширное здание, вмещающее до 850 кроватей; при главном докторе состоит 17 медиков. Есть и домашняя церковь, где хор детей сиротского училища по праздникам исполняет славословие Божие" (Одесская старина. 1869).

В том же году были названы "примечательные дома" (самые красивые и большие здания) Одессы. На Херсонской их было пять — П. Пущина (№ 50), И. Фундуклея (№ 42), В. Кошелева (№ 17), Инглези и Котинского (№ 36). Сегодня из них сохранился дом Фундуклея с надстроенным третьим этажом.

"Херсонская улица сплошь застроена красивыми трехэтажными и четырехэтажными домами. После поворота конки на Херсонскую слева —

Окружное интендантское управление и рядом штаб 15-й пехотной дивизии; с правой стороны — Питомник славянских девиц. Далее, на углу Конной улицы, вновь выстроенный театр Сибирякова и рядом с ним — новое грандиозное здание Городской Публичной библиотеки. На следующем углу — Ольгиевской улицы, на месте ранее бывшей здесь Безымянной площади, в живописном беспорядке расположился здесь "медицинский городок": огромная площадь вся застроена оригинальной и разнообразной архитектуры зданиями — факультетских клиник, главного здания медицинского факультета Императорского Новороссийского университета, анатомических института, театра, и проч.; здесь же — часовня, покойницкая, центральное машинное здание и т. д. Против клиник — вновь выстроенное здание Казначейства. Узкий переулок, недавно названый Валиховским, отделяет университетское здание от старой Городской больницы, продолжающей еще пока нести свою службу, впредь до окончания постройки второй половины новой больницы на Слободке... Против Городской больницы (по Херсонской) и барака им. гр. Толстого — конечная станция конки, и далее — Херсонский полицейский участок и Бактериологическая станция.

Вернемся к описанию части Херсонской улицы, которая осталась влево от поворота конки с Торговой. Описание начнем от Преображенской улицы, где кончается, или, точнее говоря, начинается Херсонская (номера домов идут в порядке от Херсонского спуска). Улица начинается против ворот Городского сада и идет не под прямым углом. Слева выделяется очень стильное здание реформатской церкви. Справа, на том же квартале, гостиница "Виктория". На следующем углу улицы Петра Великого — боковые фасады центрального здания Новороссийского университета и химико-физического института, и рядом — красивое здание Бессарабско-Таврического банка. С другой стороны на углу с Торговой женская гимназия Пашковской, а с другой стороны Торговой, во вновь построенном здании — Высшие женские курсы" (Григорий Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1910).

Архитекторы, определившие облик улицы, — Ф. Боффо, А.О. Бернардацци, Н.К. Толвинскиий, Л.Л. Влодек, Д.Е. Мазиров. Большая часть зданий выстроена в стиле неоренессанса и необарокко.

Нумерация домов (особенно нечетной стороны) менялась вплоть до 1907 года. Последнее изменение связано с постройкой нового здания Публичной библиотеки. После этого, например, театр Сибирякова вместо не-

1909 г.

счастливого № 13 (с тех пор принадлежащего библиотеке), получил новый — № 15. Впрочем, от пожара в 1913 году это его не спасло.

По Херсонской проходила одна из первых линий конки, да и маршрут трамвая гордо носил первый номер.

"Конножелезная дорога... главная линия — от здания Александровского участка... до Городской больницы в конце Херсонской улицы" (Коханский. Путеводитель по Одессе на 1893 г.). "...Линия эта принадлежит к числу самых оживленных, так как пересекает наиболее центральные части города" (Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1910). Проезд стоил 5 коп за конец.

В 1903 в Одессе начинают подумывать о трамвае. И опять Херсонская — первая. "Городской управой рассмотрены технические условия на постройку трех линий электрического трамвая в Одессе: от старой Городской больницы на Херсонской ул. на Слободку-Романовку..." (Известия Одесской городской Думы, 1903). Правда, трамвай шел впоследствии по иному маршруту.

Трамвайная линия № 1, Ришельевская-Херсонская. Открыта полностью 23 марта 1912, закрыта в 1964 г. Маршрут: Александровский участок — Ришельевская — Ланжероновская — Гаванная — Малый пер. — Елисаветинская — Торговая — Херсонская — Городская больница.

Естественно, были на Херсонской и новшества вроде телефона (тут же и больница, и полицейский участок). Технические новшества требовали постоянной модернизации. "Начато переустройство телефонной сети. На улице... Херсонской должны быть уложены подземные кабели" (Известия Одесской городской Думы, май 1903).

Во время гражданской войны стреляли и на тихой Херсонской. 7 декабря 1918: "Поздно вечером из иллюзиона на Херсонской улице вышла в со-

провождении двух австрийских солдат девица Вера Наливайко, 23 лет. На углу Торговой неизвестно по какой причине австрийцы вступили в перестрелку с группой польских легионеров. Перестрелка продолжалась, причем случайным прохожим пришлось лечь на землю. К месту стрельбы был выслан отряд вартовых, но стрелявшие скрылись в разные стороны. Раненную Наливайко отправили в больницу".

Почти о каждом доме на Херсонской-Пастера можно рассказывать легенды. Если бы повесить на каждый мемориальные доски — кто дом строил, кто в нем жил, учился, родился, работал, — многие здания просто рухнули бы от их тяжести.

Херсонская, 1

Начинается Херсонская с дома Бражинского, построенного по проекту Ф. Боффо в 1835 г. Его причудливые зубцы видны на старых гравюрах. "...Он странной архитектуры: не то английская, не то германская готика. Красно-коричневый, со стрельчатыми окнами и с зубчатыми верхами стен... позади дома, построенного на самом обрыве Херсонского спуска, большой сад уступами" (А.М. Дерибас. Старая Одесса).

Здесь с середины XIX века размещались Когановские учреждения, "дома, завещанные покойным гражданином Одессы О. Коганом для отдачи в них квартир бедным жителям по самой низкой цене" (Коханский. Путеводитель по Одессе на 1893 г.).

В 1924 году в этом здании был клуб Красного Октября

Херсонская, 2

В 1894 по проекту Ю.М. Дмитренко на деньги, пожертвованные Г.Г. Маразли, сооружено здание для бактериологической станции, действовавшей в Одессе с 1886 г., первой в России и второй в мире. Здесь работали И.И. Мечников и Н.Ф. Гамалея.

"Как учреждение, содержимое на средства города и земства, станция является самостоятельным учреждением, не приуроченным к университету или какому-либо ученому обществу, служа потребностям Одессы и Херсонской губ." (Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1910).

"Станция изготовляет всевозможные предохранительные сыворотки для земства и больниц. Предохранительная прививка бесплатно. Бедным выдается сыворотка бесплатно. Станция исследует воду городского водопровода" (Вся Одесса на 1912 г.).

Бактериологическая станция

С 1923 станция была переименована в Бактериологический институт им. Пастера (тогда же название поменяла и улица). Позднее — институт имени И.И. Мечникова, с 1965 года — Научно-исследовательский институт вирусологии и эпидемиологии имени И.И. Мечникова. Теперь здесь всего лишь кафедра иностранных языков при медине.

Херсонская, 3

Здание принадлежало Когановским учреждениям.

Херсонская, 4

Херсонский полицейский участок и пожарная часть, в 1924 году Гормилиция Херсонского района и 3-я пожарная часть имени Калинина. Здание участка не сохранилось, пожарная часть находится в глубине квартала.

Херсонская, 5

Херсонская, 5

Когановские учреждения. С 1887 г размещалось начальное народное училище, позднее было частным, затем вновь городское начальное училище № 29.

Херсонская, 7

Городская больница. Строительство по проекту архитектора Тома де Томона под надзором городского архитектора Ф. Фраполли осуществлялось в середине 1800-х годов. В 1821 здание было достроено архитектором Д. Фраполли. Здесь работали Н.И. Пирогов, Н.В. Склифосовский.

"...Есть и домашняя церковь, где хор детей сиротского училища по праздникам исполняет славословие Божие" (Одесская старина, 1869).

Церковь Рождества Христова построена в 1814 г.

"В больницу принимаются больные обоего пола, всех сословий, внут-

Городская больница

ренними, хирургическими, венерическими и гинекологическими болезнями... существует амбулаторный прием, происходящий ежедневно, кроме воскресений и праздничных дней, с 8 часов утра... принимают все врачи и ординаторы больницы, принимая больных по очередным билетам, кроме грудных детей и тяжелобольных, идущих вне очереди... Прием стационарных больных в палаты производится ежедневно с 8-11 ч. у., только тяжелобольные, страдающие заразными болезнями, принимаются во всякое время... Плата вносится вперед не более как за две недели, а в случае выздоровления раньше избыток возвращается. С 1911 года открыт вечерний амбулаторный бесплатный прием от 6-8 ч. в. Во время эпидемий имеются бараки" (Вся Одесса на 1912 год).

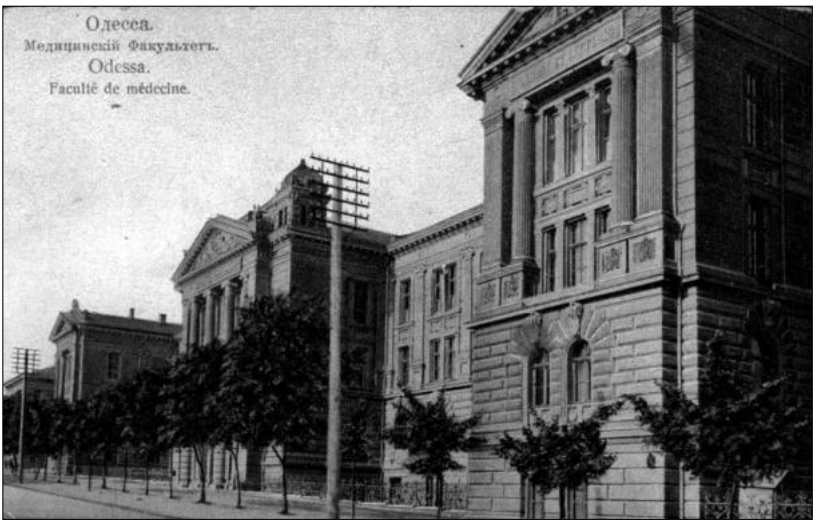
В 1924 г. больница вошла в перечень 11 памятников архитектуры и зданий исторического значения (Вся Одесса на 1924 год).

Херсонская, 8

В 1904 г. — окружное артиллерийское управление.

Херсонская, 9

Хлебные магазины, заполнявшие Херсонскую в начале XIX века, сменяются в начале XX величественными зданиями. В 1900 году в Новороссийском университете открылся медицинский факультет. Строительство учебных корпусов и клиник продолжалось с 1899 по 1902 год. Началось

Медицинский факультет

строительство по проектам архитектора Н.К. Толвинского, завершилось под руководством А.О. Бернардацци.

По Херсонской размещались Клиника диагностики и терапии, Детская клиника, Клиника хирургии, акушерства и женских болезней. Выше цитировалось вдохновенное их описание в путеводителе Г. Москвича.

В 1912 по этому же адресу размещалось и среднее электротехническое училище приват-доцента В.П. Гадзяцкого.

Херсонская, 10

Здесь с 1914 по 1929 годы жил поэт Вадим Стрельченко, член кружка "Молодая Гвардия". Он погиб на фронте в первые месяцы войны.

Херсонская, 11

Два дома построены в 1835 по проекту Ф. Боффо, позднее незначительно перестраивались. Впоследствии владельцем была семья графов Толстых.

Херсонская, 13

Публичная, ныне Научная библиотека им. М. Горького. В 1903 году городская Дума ассигновала деньги на строительство отдельного помеще-

ния для библиотеки. Архитектор Ф.П. Нестурх. Здание заложено 15 апреля 1905 г., открыто для публики 20 февраля 1907 г.

"Попечителем библиотеки графом М.М. Толстым к этому месту в 1908-м году прикуплено и подарено городу исключительно для нужд библиотеки 280 кв. саж." (Ф.П. Нестурх. Русские библиотечные здания. Одесская городская имени императора Николая II-го публичная библиотека). "...Новое здание для библиотеки может считаться по удобству, обилию помещений и их обширности, по мерам, принятым против пожара, — одним из лучших в России" (М.Г Попруженко. "Одесская городская публичная библиотека 1830-1910 гг.").

Публичная библиотека

Читальный зал библиотеки

В 1924 г. библиотека вошла в число 11 памятников архитектуры и зданий исторического значения. "Здание Государственной Публичной библиотеки признается лучшим библиотечным зданием на Украине и одним из лучших в Союзе" (Вся Одесса на 1924 год, раздел "Достопримечательности Одессы").

Фонды ее насчитывают около 5 миллионов книг, рукописей, периодических изданий.

В этом здании жил Александр Михайлович Дерибас, его вторая жена Анна Цакни. Здесь собиралась на вечера интеллигенция Одессы в 1920-39 гг., описание их есть в повести С. Гехта "Вместе" (1940).

Херсонская, 15

В 1903 на Херсонской, 15, появился театр, принадлежавший актеру

и антрепренеру Александру Иллиодоровичу Сибирякову, построенный по проекту архитектора С.А. Ландесмана. На сцене театра ставили драматические и музыкальные спектакли. "Прекрасный частный театр, рассчитанный не столько на внешний блеск и роскошь, сколько на удобства и доступность для публики" (Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1910).

Вскоре театр перешел в другие руки и вернулся к Сибирякову лишь в 1910 г. Но даже после появления нового владельца его продолжали называть "Сибиряковским".

"Вчера, наконец, после долгих переговоров гг. Сибиряков и Навроцкий подписали договор, по которому с 15 июля 1910 года Сибиряковский театр снова переходит к А.Н. Сибирякову, заведовавшему театром только первый год существования и положившему начало постоянной драмы в Одессе. Г. Сибиряков решил с предстоящего сезона культивировать снова в этом театре драму" (Одесские новости, январь 1910).

30 марта 1910 г. в Сибиряковском театре состоялся "второй выход знаменитого украинского актера-драматурга Марка Лукича Кропивницкого".

В 1913 году в театре был пожар. "Каких-нибудь две недели назад торжественно праздновали десятилетие Сибиряковского театра. А.Н. Сибиряковым высказывались пожелания отпраздновать 25-летие. И вот в какой-нибудь час 7 ноября от театра осталось одно воспоминание, одни голые стены: театр сгорел, что называется, дотла" (Одесские новости, ноябрь 1913).

После пожара здание перестроили по проекту архитектора М.И. Липецкого.

"Сооружение нового Драматического театра на месте сгоревшего Сибиряковского производится с лихорадочной быстротой... Кресел в партере предполагается свыше 500, т. е. на 125 более, нежели в Городском театре... Работы ведутся столь быстрым темпом, что не может быть сомнений, что новый Драматический театр будет готов задолго до 1 октября" (Одесские новости, март 1914).

"Билеты на концерт Изы Кремер, объявленный на 5 сентября, были распроданы в течение двух дней. Ввиду этого г-же Кремер было предложено устроить второй концерт, на что получено ее согласие. Концерт состоится 9 октября в том же драматическом театре" (Одесские новости, сентябрь 1917).

"Воззвание команды "Синопа". К ворам, грабителям и налетчикам Одессы. Мы, команда линейного корабля "Синоп", устраивая 3-го февра-

ля вечер в Драматическом театре в пользу культурно-просветительской секции корабля, обращаемся ко всем вам с просьбой не делать в эту ночь налетов и грабежей. Как на публику, присутствующую на вечере, так и на их квартиры и магазины. В противном случае мы примем самые решительные меры и будем беспощадно расправляться с вами. Команда корабля "Синоп", 15(2) февраля 1918".

В этом зале осенью 1918 "Молодой украинский театр" под руководством Леся Курбаса ставил "Царя Эдипа" в "сукнах", то есть "в костюмах". Здесь же А.Н. Толстой в 1918 г. читал свою пьесу "Смерть Дантона".

В 1924 г. здесь был театр "Массодрам" и школа печатников им. Октябрьской революции, с 1925 г. — "Державний драматичний театр" (Держдрама), позднее — Государственный украинский драматический театр им. Октябрьской революции. В Держдраме завлитом был И. Микитенко, работал М. Терещенко, шли пьесы М. Кулиша "97", И. Бабеля "Закат" (в переводе на украинский, и публика сравнивала два спектакля — в Русском театре и в Держдраме). Играли на этой сцене А. Бучма, Н. Ужвий. Долгие годы работал режиссер и актер Василий Степанович Василько, чье имя с 1995 г. носит театр.

Херсонская, 16

Здание одесского казначейства, архитектор Л.М. Чернигов. "Против клиник — вновь выстроенное здание Казначейства" (Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1910).

В памяти одесситов остались легенды о налете на финансовое управление, которое в мае 1919 года занимало дом.

Херсонская, 17

На этом месте в доме В. Кошелева, построенном архитектором Торичелли в 1834 г., жил градоначальник генерал-майор граф А.Д. Гурьев, впоследствии дом неоднократно менял владельцев: князья Репнины, О. Коган, Шретер. До революции здесь действовала женская гимназия, владельцем и директором которой была О.В. Кандыба.

4 марта 1904 г. в этом доме в семье преподавателя родился физик Георгий Гамов.

Здесь несколько месяцев была мастерская-школа знаменитой художницы А. Экстер. "Мастерская живописи Александры Экстер. Херсонская № 17, кв. 2. Прием от 11 до 2. Занятия по живописи и театру (макеты, костюмы). Занятия по теории и истории искусства под руководством прив.

доц. К.В. Мочульского, Вениам. Бабаджана и Филиппа Гозиасона" (Одесский листок, 13 (26) октября 1919).

В 1924 трудшкола № 36, в 1947 школа № 45 (женская) и школа № 105 (мужская). Ныне школа № 105.

Херсонская, 18

На Херсонской, 18, в 1893 г. по проекту Людвига Отона был выстроен дом и магазин Гоша.

В 1924 жил И.Н. Стефанович, доктор, заведующий Морской врачебной станцией.

Херсонская, 19

Дом, точнее, жилой комплекс, выходящий на три улицы — Херсонскую, Торговую, Елисаветинскую, построен в 1887 г. архитектором А.Э. Шейнсом. В конце XIX — середине XX века — место обитания врачей и хирургов: физиолог И.С. Бериташвили, профессора Г.И. Гиммельфарб, И.В. Новопокровский, С.В. Цыганов, академики П.П. Кавтарадзе и В.К. Жгенти.

Здание знаменито проходным двором, запечатленным в экранизации "Зеленого фургона". Этот двор вполне может претендовать на попадание в Книгу рекордов Гиннеса. Но мы и без того знаем, что он самый длинный в мире. В 1924 здесь размещался союз с замечательным названием "Пищевкус".

Херсонская, 21

Старое здание, в котором в 1905 году в квартире 3 размещалась редакция журнала "За свободу", а в 1912 сразу три книжных представительства — "Просвещение", "Практическая медицина" и "Самообразование", и две школы кройки и шитья — Л.Ф. Байер и М. Квитко, было разрушено во время войны.

Херсонская, 22

Дом Даховской, выстроен в 1891 по проекту П.В. Йодко.

Херсонская, 23

Дом, как и соседний 21, был разрушен во время войны. В 1912 здесь находилось бальнеологическое общество, имевшее целью "способствовать развитию русск. бальнеологии и изучению природных целебных средств Одессы и ее окрестностей. Членами могут быть не только врачи, но и вообще лица, получившие специальное образование и которые своими сведениями могут принести пользу о-ву" (Вся Одесса на 1912). Что

примечательно, библиотекарем общества был М.С. Фельдман, однофамилец одного из самых известных библиографов Одессы 1950-2000 гг.

На месте разрушенных домов построены так называемые "сталинки", жители которых могли одновременно наслаждаться и жизнью в центре, и замечательными бытовыми условиями.

Херсонская, 25

На месте дома Агарова в 1902 г. по проекту архитектора С.А. Ландесмана построено здание Бессарабско-Таврического земельного банка (действия банка были открыты 30 октября 1872 г.).

"С 1902 года помещается во вновь отстроенном, очень красивом и удобном здании. Здание очень красиво и с внешней, и с внутренней стороны и весьма удобно, так как все банковские функции, имеющие отношение к публике, сконцентрированы в одном общем грандиозном зале. Великолепны — вестибюль и роскошная лестница с площадкой" (Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1910).

В 1924 году здесь был Одесский губернский партийный клуб (Одгубпартклуб). 23 февраля 1924 в нем выступал В.В. Маяковский.

Херсонская, 26

В 1904 г. здесь было окружное военно-медицинское управление.

С июля 1905 г. в этом доме открылось реальное училище В.А. Жуковского.

Знаменитые ученики: поэт Э. Багрицкий (не окончил), художник В. Федоров (окончил в 1914), физик Г. Гамов (окончил в 1920).

"Школа, в которой Багрицкий провел несколько лет своей жизни, ничем не отличалась от любой школы царской России. Это было реальное училище Жуковского на Херсонской улице" (Б. Скуратов. Ранние годы). Он же вспоминал историю первого псевдонима Багрицкого в ученическом журнале "Дни нашей жизни": "редактор... вдруг категорически заявил: — Вот что. Ты будешь именоваться "Дези". Твоя фамилия Дзюбин, первая "де" остается, ко второй, "з", прибавим "и".

О качестве обучения русскому языку можно судить по документу с длинным названием "Из отчета и. д. экстраординарного профессора императорского Новороссийского университета С.Г. Вилинского о выпускных письменных испытаниях по русскому языку, произведенных в гимназиях и реальных училищах Одесского учебного округа в 1911 году". Вот итоги проверки сочинений реалистов: "Особенно печально то, что на ор-

фографию и вообще на внешнюю сторону сочинения обращается в этом учебном заведении, по-видимому, мало внимания. ...Дело не только от какой-либо высоты, но даже и от нормального уровня отстоит еще очень далеко". Но о здоровье учащихся заботились — это было единственное в Одессе училище с двумя врачами на ставке — терапевтом и зубным.

Херсонская, 27

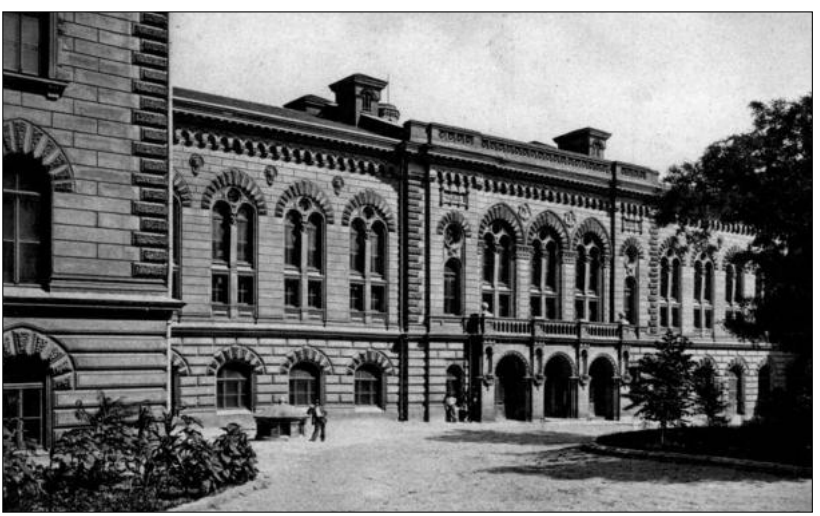
Физико-химический институт

Построен в 1898-1899 гг., архитектор Н.К. Толвинский.

Впрочем, здесь часто и охотно выступали в 1910-е годы поэты и писатели в знаменитых "Большой химической" и "Большой физической" аудиториях.

"Сегодня, 20 сентября, в химической аудитории университета состоится повторная лекция академика И.А. Бунина на тему "Великий дурман". При входе в аудиторию будут продаваться входные билеты, но в ограниченном количестве" (Одесские новости, сентябрь 1919).

А во дворе стоит трогательный памятник математику А.М. Ляпунову, преподававшему в Новороссийском университете и покончившему с собой после смерти жены в 1918 г.

Университет

Херсонская, 28

Четырехэтажный доходный дом. Был выстроен в начале XX века архитектором А.Р. Рейхенбергом.

Херсонская, на месте Академии холода

На этом месте был двухэтажный дом коммерческого советника, негоцианта, любителя театра Ивана Степановича Ризнича, мужа воспетой А.С. Пушкиным Амалии Ризнич. Впрочем, о муже поэт тоже пару слов написал. Одесский старожил вспоминал, как "он всякий день встречал Пушкина идущим... по Херсонской улице и, как он узнал позже, А. С. направлялся утром в дом генеральши Пущиной, а вечером в дом Ризнича, которого супруга, сербская красавица, вскоре умершая, была предметом его обожания" (А.А. Скальковский. К биографии Пушкина).

Там хладнокровного купца
Блистает резвая подруга.

А.С. Пушкин

Позднее здесь же размещалась знаменитая гимназия Иллиади.

На боковом фасаде холодильного института (ныне Академии холода) мемориальная доска в память о морских разведчиках, участвовавших в обороне Одессы в 1941. Среди них был поэт Григорий Поженян.

Херсонская, 29

Дом № 29 — доходный дом Инбера — построен в 1870-х годах архитектором Л.Л. Влодеком. Позднее здесь была неплохая (судя по цене за номер) гостиница. "Гостиница "Савойя" на Херсонской улице, д. 29. 75 номеров ценою от 1 руб. и дороже" (Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1910). Гостиницу еще называли "Гранд-отель Савойя", делая ударение то на первой, то на второй части, отчего у неискушенного человека возникало представление о двух гостиницах в одном месте.

Во дворе гостиницы в 1910-1912 действовал "Американский скетинг-ринг". "Скетинг-ринг представлял собою асфальтовый каток в специальном закрытом помещении, у входа в который вечером зажигались гелиотроповые электрические фонари... там мужчины и женщины танцевали на роликах вальс, прижимаясь друг к другу, а позже, ближе к полуночи, откалывали "ой-ра, ой-ра!" и кекуок, а вокруг асфальтовой площадки, за деревянными барьерами с бархатным валиком, возвышались столики, покрытые крахмальными скатертями, возле которых на специальных подстав-

ках блестели запотевшие серебряные ведра с битым льдом, откуда выглядывали золотистые горлышки шампанского "редерер". ...Вызывало желание запеть пересыпскую босяцкую песенку, где скетинг-ринг презрительно и ядовито был переделан в скотский рынок. "Был вчера на скотском рынке и порвал себе ботинки". (В. Катаев. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона).

Здесь же был и театр "Колизей". "Выступление в театре "Колизей" (Херсонская, 29) Симфонического оркестра, а во втором отделении артистов театра "Миниатюр", в том числе Утесова и др." (Одесские новости, апрель 1917).

В 1919 здание облюбовали офицеры Добровольческой армии: "Штаб обороны, помещающийся в гостинице "Савой", приступил к работе. Во главе обороны всего одесского района стоит ген. И.Н. Игнатьев, а обороны непосредственно Одессы — полковник Стессель" (Одесские новости, декабрь 1919).

В 1924 гостиницу сменило общежитие и парикмахерская Кубуча (Губернского комитета по улучшению быта учащихся).

Херсонская, 30

Дом построен архитектором Н.К. Толвинским в 1890 г. В начале XX века здесь размещалось Жандармское управление. В 1924 г. — Союз горняков (Одесский губотдел Всероссийского производственного союза горнорабочих), при нем клуб им. тов. Артема с библиотекой и школа грамоты.

Дом Доппельмейера

Херсонская, 32

Доходный дом. Архитектор А.О. Бернардацци, 1891 г. По имени владельца долгое время назывался "дом Доппельмейер".

Херсонская, 33

Из-за растянувшейся на квартал больницы и корпусов медицинского института домов на нечетной стороне вдвое меньше. Последний, дом Дурьяна, построен в начале 1880-х Л.Л. Влодеком с элементами итальянского и голландского барокко. В доме

действовала с 1833 г. одна из первых в Одессе паровая пекарня, основанная немцем-колонистом Дурьяном.

Позднее появилась еще одна гостиница. "Гостиница "Виктория", содержимая Вагнером, помещается в лучшей части города, на углу Херсонской и Преображенской улиц, против Городского сада, где кумыс и минеральные воды, и в расстоянии полуквартала от Собора и Дерибасовской улицы. ...Экипажи для приезжающих и отъезжающих и для прогулок живущих. Ресторан — кухня французская, русская и польская". "Гостиница "Виктория", на Херсонской улице, против казначейства. Номера от 75 копеек" (Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1910).

Гостиница действовала до конца нэпа.

В 1912 году здесь же принимал врач М.А. Лиховицер (сифилис, венерические и кожные заболевания).

По этому же адресу в 1917-19 гг. размещалась редакция журнала "Маккаби" — ежемесячного иллюстрированного журнала, посвященного вопросам физического возрождения еврейства.

Херсонская, 36

Дом № 36 (дом Котинского, построенный в 1850-е гг. Архитектор К.И. Даллакава) занимал штаб 16 пехотной дивизии.

Во флигеле дома (архитектор К.В. Кошелев, 1850) жил в 1867-1886 гг. Илья Ильич Мечников, ученый-биолог, лауреат Нобелевской премии, чье имя ныне носит Одесский университет, Научно-исследовательский институт вирусологии и эпидемиологии и улица, примыкающая к улице Пастера.

Позднее, с 1899, здесь же поселился полтавчанин Сергей Павлович Шелухин, судья, прокурор и одновременно литератор, один из основателей украинского товарищества "Просвита". Одним из гостей Шелухина был Микола Вороной, украинский поэт-символист и переводчик "Интернационала" на украинский язык.

Любопытно, что в "Просвите" С. Шелухин был заместителем доктора И.М. Луценко, а вот в "Ганемановском обществе" (см. Херсонская, 52), все было наоборот.

Херсонская, 38

Рядом со штабом в том же 1904 размещалось и Окружное интендантское управление.

Херсонская, 40

Дом выстроен в 1856 г. архитектором И.С. Козловым.

Херсонская, 42

Дом И.Ю. Фундуклея. Архитектор Ф.К. Боффо, 1820 г. Перестроен Д.Е. Мазировым в 1897 г. Резиденция генерал-губернатора М.С. Воронцова, в которой тот жил до окончания постройки дворца на бульваре.

Открытый лист об окончании дома был выдан Фундуклею 15 октября 1821 года.

9 апреля 1823 заключен контракт на наем дома "ком. сов. Фундуклея для квартирования генерал-губернатора — 1823 года, августа 15 дня, на четыре года, по 120 000 рублей".

"Другой [дом] самый большой в Одессе, принадлежавший богачу Фундуклею, нанимал он [М.С. Воронцов] и приготовлял для вельможного житья своего" (Ф.Ф. Вигель). В субботу, 4 октября 1824, на заседании комитета шла речь об оплате за вещи, "сделанные в казенный дом, что близ городского сада по случаю приезда и квартирования в нем господина новороссийского генерал-губернатора и кавалера графа Воронцова... столов для кухни 4 по 30 руб. за каждый на 120 руб., 6 полок и раму для кухни стекольную по 25 руб. и употреблению железа для исправления очага на 11 руб. 40 коп.".

"Граф жил на Херсонской улице, в доме Фундуклея, где помещался потом институт благородный девиц" (К.П. Зеленецкий. Сведения о пребывании А.С. Пушкина в Кишиневе и Одессе). "В начале приезда своего в Одессу Воронцов нанял для своей семьи двухэтажный... дом на Херсонской улице, принадлежавший раньше Фундуклею. В его верхнем этаже были парадные комнаты, в которых происходили приемы, рауты и музыкальные вечера... бывал здесь Пушкин" (А.М. Дерибас. Старая Одесса. Забытые страницы). Здесь устраивались балы, на которых царила жена графа Елизавета Ксаверьевна, бывали А.С. Пушкин и А.Н. Раевский.

Позднее был надстроен третий этаж. В доме обосновалась женская гимназия Е.С. Пашковской.

В 1924 здесь находились сразу три рабфака: ИНО, ОПИ, ОСХИ.

В 1947 здание занимал Педагогический институт иностранных языков.

Сейчас здесь физический факультет Одесского национального университета.

Херсонская, 44

Во флигеле в глубине двора (ныне разрушенном) жил в конце XIX — начале XX века журналист, редактор "Южного обозрения" Николай Цакни. Здесь же после женитьбы на Анне Цакни в 1898 г. поселился и его зять — писатель и поэт, будущий нобелевский лауреат Иван Алексеевич Бунин.

"23 сентября — свадьба.

Жили на Херсонской улице, во дворе.

Вуаль, ее глаза за ней".

И. Бунин. Дневник

"Свадьба была назначена на 23 сентября... жили Цакни на Херсонской.

Незадолго перед этим они потеряли сына и упросили Ивана Алексеевича не увозить от них "Аню", а поселиться вместе с ними, — квартира у них была большая...

Жених пришел на свадьбу пешком. После венчания "молодой" с тестем, заговорившись, вышли на паперть и бессознательно пошли вдвоем домой. Можно представить, какое впечатление произвело это на "молодую"...

Я спрашивала Ивана Алексеевича, как это он мог уйти после венчания без жены?

— Я не придавал никакого значения этому, к тому же мы о чем-то очень интересном разговорились с Николаем Петровичем, я и забыл, что молодожены должны возвращаться вместе..." (В.Н. Муромцева. Жизнь Бунина).

Здесь же уже после разрыва с Цакни Бунин впервые увидел сына Коленьку. "Внесли ребенка. Дай ему Бог здоровья. Очень, очень тронул он меня, милый, хорошенький, спокойный" (И. Бунин. Дневник).

В 1924 году это адрес Макса Ольшевца, редактора газеты "Известия", того самого, о котором Бабель писал матери: "Я всегда любил эту разновидность людей — *а йид, а шикер* [еврей-пьяница]". Так что это еще и один из домов на Херсонской, кроме Украинского театра, в которые мог заходить Бабель.

Здесь же в 1924 квартировал "уполномоченный по поставкам топлива для частей Красной Армии Николаевского района инженер укр. воен. округа".

Херсонская, 46

Многие годы в этом доме жил замечательный художник академик Кириак Костанди, председатель Товарищества южнорусских художников.

В 1915 по этому адресу размещалась редакция "Официального журнала справок о Бразилии". Может, из него почерпнул Остап Бендер мечту о Рио-де-Жанейро.

А сейчас здесь живет знаток Одессы Олег Губарь.

Херсонская, 48

В доме № 48 (архитектор Д.Е. Мазиров, конец XIX века) в 1898 году была открыта гомеопатическая аптека на углу Херсонской и Дворянской. Аптека располагала 1384-мя наименованиями лекарственных средств и выпускала 7 видов аптечек: переносные, карманные, шкафы-аптечки для предприятий, специализированные (для лечения геморроя, жабы и крупа, желудка, холеры, зубной боли, оспы, ревматизма, коклюша, дифтерита, для морских путешествий), дорожные на ремне, полные аптечки по домашнему лечебнику д-ра К. Миллера из 150 средств, аптечки для лечения животных. Управляющим аптекой стал провизор, член одесского Ганемановского общества Давид Афанасьевич Лейбензон. В период с 1899 по 1903 гг. аптека реализовала препаратов и аптечек на сумму 23882 рубля, литературы — на 816 рублей. Аптекой издавался прейскурант-каталог, который включал разделы:

1. Общие болезни и средства против них.
2. Главные гомеопатические лекарства с указанием болезней, в которых они применяемы.
3. Каталог гомеопатических книг на русском, польском, французском, немецком, английском, шведском, голландском языках.
4. Краткие и полезные указания к лечению некоторых болезней в отсутствие гомеопата.

В 1904 году аптека перешла к фармацевту Владиславу Короткевичу. Она еще действовала в 1912 году. Здесь был и Электрокардиографический институт, химико-бактериологический и рентгеновский кабинет д-ра Н.А. Поповского.

В этом же здании размещалось в 1912 Чешско-славянское благотворительное общество, существовавшее с 1900 г. и оказывавшее "нравственную поддержку и материальную помощь бедствующим чехославянам в гор. Одессе".

Херсонская, 50

На месте дома № 50, построенном в 1950 г., в начале XIX века стоял дом генерала Павла Сергеевича Пущина.

"В 1828 году я нашел в Одессе только одного из друзей Пушкина, которого он, как говорят, посещал почти ежедневно. Это был генерал Пущин" (А.А. Скальковский). Бывал здесь и декабрист С.П. Трубецкой: "Познакомился также с женой старого моего сослуживца — отставного генерал-майора Пущина".

"Мы наняли квартиру в доме... Пущиных, неподалеку от дома Фундуклея, занятого Воронцовым", — вспоминал в своих "Записках" М.Д. Бутурлин, которому советовали не общаться с А.С. Пушкиным.

Херсонская, 52

Здесь размещалась одесское Ганемановское общество, учрежденное в 1898 г. "последователями гомеопатии в память доктора Самуила Ганемана, по случаю столетия со дня опублик. 1-й его работы по гомеопатии... О-во имеет собственную аптеку и лечебницу для приходящих больных, где раздаются лекарства за умеренную плату, а бедным бесплатно". Председателем был живший на Херсонской С. Шелухин, а секретарем и казначеем живший в этом же доме с 1893 Иван Митрофанович Луценко (1863-1919), как и Шелухин, уроженец Полтавщины. Объявлениями об электротерапевтическом и рентгеновском кабинетах, токах большой частоты д'Арсонваля, Тесли пестрят страницы справочников. Отдыхал доктор в четверг, а все остальные дни принимал больных с 9 до 3. Вечерний прием с 6 до 7 был два раза в неделю — во вторник и пятницу. Луценко был членом одесского Общества последователей гомеопатии, одним из основателей в 1903 г. "Одесского литературного общества". Он был знаком со многими украинскими писателями (Михаилом Коцюбинским, Миколой Вороным, Иваном Нечуй-Левицким, Иваном Липой), консультировал как врач Ивана Франко.

Кроме врачебной и литературной деятельности активно занимался политикой. В 1905 году был избран депутатом Совета народных депутатов от Украинской демократической партии. С весны 1917 года был товарищем (заместителем) лидера Украинской партии социалистов-самостийников. Он создал в Одессе Военный совет и Украинский военный кош, был в руководстве Центральной Рады.

В этом же доме находилась и редакция журнала "Вестник гомеопатической медицины".

Херсонская, 54

Дом построен в 1881 архитектором А.К. Вейтко.

Херсонская, 56-58

Дома построены в 1881 по проекту архитектора Д.Е. Мазирова. В № 58 в 1920 году размещалась милиция, в 1924 — Конный губрезерв губрозыска.

Херсонская, 60

В 1924 здесь был "Металлист" (Одесский губотдел Всероссийского производственного союза рабочих металлистов), также клуб металлистов, профсоюз металлистов, школа грамоты металлистов.

Херсонская, 62

13 июня 1851 года члены общины заложили первый камень в фундамент молитвенного дома. "По национальности общину составляют русские, число которых преобладающее, французы, швейцарцы, германцы, австрийцы, англичане и проч." ("Одесский альманах", 1894 г.).

30 апреля 1895 года последовала закладка нового здания по плану известного петербургского архитектора академика В. Шретера. Строительство осуществлял инженер Х. Скведер под наблюдением архитектора А. Бернардацци. Новый храм представлял собой трехэтажное здание: на первом этаже находились машины для парового отопления, на втором — квартира пастора, а на третьем — непосредственно молитвенный зал. В 1896 году храм был построен, а в 1900 году окончательно отделан и освящен. "Небольшая, но изящная и стильная церковь, рассчитанная на 500 прихожан" (Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе. 1904).

Здание реформатской церкви

Новая постройка возводилась на средства особого фонда, который в 1890 году учредила община по инициативе пастора Е.И. Корнмана. Проповеди

произносились на французском и немецком языках. В здании был приют для безработных гувернанток и бонн.

В 1924 г. здесь размещался дом призрения № 3 и клубная ячейка инвалидов.

Позднее здание по проекту архитектора А. Минкуса было перестроено в кукольный театр.

26 ноября 1998 здание было передано в собственность Евангельской реформатской пресвитерианской церкви.

Херсонская, 64

Жилое здание, также принадлежало реформатской церкви.

Здесь квартировал в 1914-17 годах поэт и меценат Петр Сторицын, этот же адрес указан как склад издания альманахов "Седьмое покрывало" и "Чудо в пустыне", в которых участвовали Э. Багрицкий и А. Фиолетов, а обложки рисовал брат Ильфа Сандро Фазини. Но это не остановило одесских воров. "В ночь на 9 августа воры проникли через окно с улицы в квартиру П. Сторицына (Херсонская, 64), похитив при этом весь гардероб, бумажник с деньгами, серебряные часы, всего на сумму около 1000 руб." (Одесский листок, 1917 г., 10 августа). Не помогло и стихотворное обращение ограбленного поэта:

О граждане воры! Верните
Часы мне и паспорт скорей,
Ведь вас в "Новостях" под защиту
Поэзии взял я своей.
На что вам мой паспорт, скажите,
Ответьте хотя бы письмом,
Затем как друзья приходите
Пить чай в мой безрадостный дом.

Вот и закончилась улица Херсонская, улица акаций, учебных заведений, врачей, писателей, художников. Пройдитесь по ней, особенно весной, когда цветут акации, и вам сразу станет радостней и легче на душе — от вида акаций, домов, сохранившегося благородного облика той, старой Одессы.

Олег ГУБАРЬ

Херсонская, она же Ланжероновская

Собравшись рассказать кое-что об улице Пастера (Херсонской), я мог бы пойти самым незатейливым путем: ведь здесь что ни дом, то объект культурного наследия. В самом деле, пробежимся по кварталам и убедимся. № 1 — здание, построенное Ф.К. Боффо в 1835 г., впоследствии небезызвестные "Когановские учреждения". № 2 — знаменитая Одесская бактериологическая станция, построенная по проекту Ю.М. Дмитренко. № 5 — Городская больница, в сооружении которой принимали участие Тома де Томон, братья Фраполли, Ферстер, другие известные зодчие и инженеры. № 7-9 — комплекс клиник Императорского Новороссийского университета (Толвинский, Бернардацци). № 11 — еще одно произведение Боффо.

И так буквально дом за домом, номер за номером: Публичная библиотека, театр Сибирякова, Одесское казначейство, Бессарабско-Таврический банк, физико-химический корпус Новороссийского университета, главный корпус Ришельевского лицея, Реформатский храм, доходные дома, возведенные по проектам выдающихся архитекторов — Оттона, Шейнса, Козлова, Даллаква, Бернардацци, Яценко, Ландесмана, Влодека, Прохаски, Мазирова, Иодко и др. А какие персоналии связаны с этими и предшествующими им строениями: от Пушкина и Воронцова до Бунина и Костанди! Феноменальная плотность реликвий.

И все же я намерен взглянуть на этот маршрут с другой колокольни. Меня будет интересовать, прежде всего, а почему, собственно, далеко не самая заметная и значимая нынче улица вобрала в себя столько всего самого-самого? Как именно она сформировалась? Каково было ее функциональное назначение? Возможно, ответы на эти вопросы и помогут понять реальную роль этой улицы в ретроспективе.

Начнем с того, что планировщики Одессы — Деволан, Харламов, Ферстер, Фраполли — стремились приноровить новостроящийся город к ландшафту, в который он вписывался. Скажем, врезающиеся в высокое плато балки и естественные спуски целесообразно использовались как главные магистрали. Таким образом, особую роль, например, обрели тракты, идущие по тальвегу Карантинной и Военной балок, а также более или менее плавные склоны Водяной балки. Вместе с тем учитывалось, конечно, и направление дорог, ведущих в город из Тирасполя, Овидиополя и Херсона. Другими словами, "внешние дороги" отменно состыковывались с "внутренними", образуя удобные транспортные развязки.

Именно в этом комплексе и сформировалась выдающаяся роль Херсонской улицы, которая составляла часть пути по маршруту: Херсонский тракт — одноименные спуск и улица — Ланжероновская улица и спуск (на месте лестницы под стенами Литературного музея был довольно крутой спуск) — порт. "Минуточку, — притормозит меня неискушенный читатель, — а при чем здесь Ланжероновская? Вы что же, хотите уверить нас, будто тяжелые фуры с воловьими упряжками топали с Херсонской улицы на Ланжероновскую через Городской сад?" Представьте себе, примерно это я и хочу сказать.

Если взглянуть на генеральные планы Одессы начала XIX столетия, включая "высочайше утвержденный" 1803 года, легко убедиться: продолжение Ланжероновской улицы (своего имени она тогда еще не имела, да и строения были единичны) действительно прорезает территорию нынешнего Городского сада и выходит к Преображенской. То есть гужевой транспорт мог беспрепятственно следовать от Херсонской заставы прямиком в гавань, что и происходило. Как же случилось такое, что два отдельных квартала, расположенных меж нынешними улицами Гаванной, Дерибасовской, Преображенской и Малым переулком, изначально разъединенных Ланжероновской, сложились в единое целое?

Читатель, разумеется, осведомлен о факте дарения Феликсом де Рибасом (младшим братом основателя Одессы) своего сада городу. Сюжет этот бесконечно тиражируется в СМИ, однако едва ли кому известны обстоятельства. Суть в том, что даритель пребывал тогда в, мягко говоря, весьма стесненном материальном положении, вел несколько судебных процессов, в которых выступал как ответчик по невыполненным финансовым обязательствам. В этих условиях он вынужден был продать один готовый и один недостроенный дома: первый сохранился по сию пору почти в первоначальном виде (бывший магазин "Медкнига"), второй стоял приблизительно на месте "КИНОУТОЧКИНО". В итоге за ним бы оставались садовые участки, расположенные меж этими сооружениями. Однако, не владея домами, младший де Рибас не сумел бы сохранить и незастроенные места, ибо в центре города формально нельзя было владеть исключительно садоводческими заведениями. Поэтому дарение, по существу, было вынужденной акцией.

Как бы то ни было, а в ноябре 1806 года сад де Рибаса сделался Казенным. А далее герцог Ришелье, известный устроитель "в Одессе пыльной" первых зеленых массивов, расширил этот тенистый островок присоединением смежных казенных участков, включая проезжую часть меж двумя

упомянутыми кварталами. Доброе это дело имело тот негативный результат, что гужевому транспорту теперь приходилось обтекать Казенный сад справа или слева. В свою очередь, негатив снова обернулся позитивом, когда как раз по причине оного "обтекания" пришлось устроить два небольших моста через Военную балку по нынешней Гаванной улице, а равно — качественное шоссе по Дерибасовской и Екатерининской.

Возвращаясь к сюжету о слитности улиц Херсонской и Ланжероновской, обратимся к мемуарам молодого графа Бутурлина 1824 года. Когда он направлялся в Одессу, его, между прочим, наставляли не сходиться с опальным Пушкиным. Так вот, Бутурлин жил на пересечении Херсонской и Дворянской улиц, откуда привычно следовал в Клуб по Херсонской, далее через Казенный сад, до угла Ланжероновской и Ришельевской. А потому в его сознании две взаимно дополняющие друг друга улицы слились в одну. Вот он и пишет о том, что Клуб находился на Херсонской улице.

Снова и снова подчеркивая первостепенность транспортной артерии Херсонская-Ланжероновская, указываю на то, что именно здесь впервые применялось регулярное мощение с использованием разнообразных технологий. Это дело было одним из самых дорогостоящих предприятий, финансируемых Одесским строительным комитетом. Однако денег не жалели, ибо от исправности этой магистрали во многом зависело благополучие торгового города-порта.

Обратите внимание, насколько непростая технология шоссирования применялась, к примеру, в 1820-е годы. Вначале следовало мостить дорогу вручную "большим дикарным камнем" толщиной не менее одного фута, либо в два таких камня, уложенных без зазора. Второй слой надлежало вымостить крепким дикарем (качество этого камня буквально актировалось!) толщиной в шесть дюймов, третий слой — щебнем. При этом оба верхних слоя дозволялось укладывать лопатами, но с обязательной трамбовкой тяжелыми "бабами". Затем по всему шоссе необходимо было насыпать песку толщиной в $1\ ^{1/2}$ дюйма.

Шоссе должна была окаймлять вымощенная камнем дренажная канава. Кроме того, подрядчика обязывали установить по обочинам столбы высотой в одну сажень, а толщиной в шесть вершков, нижнюю часть которых следовало обжечь, а верхнюю выкрасить. Оговаривалась высадка деревьев вдоль тротуаров (здесь в работу помимо подрядчиков могли вовлекаться и домовладельцы) и особый тип мощения перед дворами, куда регулярно заезжал транспорт. Тогда же решались и довольно непростые

проблемы дренажа по Херсонской и прилегающим улицам: в частности, близ арендуемого генерал-губернатором Воронцовым дома коммерции советника Фундуклея, смежного дома и участка военного инженера Ферстера и лежащего выше квартала (включавшего обширный сад), целиком принадлежавшего генералу Кобле.

Естественно, что уже во второй половине 1820-х годов Херсонская стала не только главной магистралью, но и самой благоустроенной в Одессе улицей! Вот убедительный ответ на все поставленные выше вопросы. Вот почему именно здесь наняли дом, в котором генерал-губернатор обитал все годы строительства собственного дворца со службами на бульваре. Вот почему здесь, а не где-либо еще построились или приобрели в разные годы готовые престижные постройки многие известные в региональной истории персонажи: Дофине, Селиховы, Ризнич, Аркудинский, Кошелев, Пущин, Артур Потоцкий, Лев Нарышкин, Толстые, Стифель, Росси, Маразли, Лопухин, Низгурицер, Рафалович, Мавро-Биязи, Севастопуло, Хайнацкий, Навроцкий, Гааз, Коган, Дурьян, Шретер, Ринк-Вагнер, Диалегмено, Катинский, Весле, Бражинский, Бенетато, Семерий и многие другие.

К слову, я тоже много лет прожил на этой чудесной улице. Потому, должно быть, и занимаюсь похвальбой.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

С Борисом Херсонским по улице Херсонской

Улица,
Моя однофамилица...
Вера Инбер

Нет, не в честь Бориса Херсонского или кого-либо из его прадедов была названа эта улица. Херсонская определяла дорогу на Херсон. Херсонские — выходцы из Херсона. "Улица, моя однофамилица", — вкусно произнес Борис строку из стихотворения 30-х годов Веры Инбер. А я подумал, что, может быть, и еще одна классическая строка имеет отношение к этой семье: "Он шел на Одессу, а вышел к Херсону". Возможно, так оно и было в первой половине 19-го века, а затем Херсонские уточнили маршрут, и более чем полтора века живут в Одессе.

Борис Херсонский:

— Мой прадед был ветеринарным врачом, имел дом на Ближних Мельницах. Как видно, был состоятельным человеком, послал сына, моего деда, изучать медицину в Германию. И дед, и мой отец — врачи. Кстати, мой дед, Роберт Херсонский, писал стихи. У него вышли две книжки — "Вся Одесса в эпиграммах" и "Гудок". К сожалению, в тридцатые годы он уничтожил весь свой архив, слишком антибольшевистскими были стихи Ра-Ро (это его псевдоним). И дед, и отец Григорий Робертович участвовали в Великой Отечественной войне, отец дважды был ранен... Дед прошел всю войну. Он был начальником неврологического госпиталя. А в Одессе основал детское психоневрологическое отделение в ПНД. Отец после войны, в 1949 году, издал в Одессе книгу стихов "Студенты", а недавно, в 2004-м, к его 80-летию, была издана новая его книга "Возвращение", где есть и военные стихи, и новые. Так что и в медицине, и в поэзии я продолжаю "семейное дело".

Евгений Голубовский:

— Представлять одесским читателям Бориса Херсонского, уверен, нет нужды. И все же...

Борис Григорьевич родился в 1950 году. Окончил одесский мединститут (поступал на первый курс в Станиславе). Профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Автор 15 поэтических книг, из которых пять изданы в Москве. Лауреат премий журнала "Новый мир", поэтического фестиваля "Киевские лавры", стипендиат фонда имени Иосифа Бродского...

Мы знакомы с 70-х годов, вместе работали в газете, одновременно были депутатами Одесского горсовета, поэтому, естественно, обращаемся друг к другу по имени, так что не будем менять тон разговора и в этой публикации.

Мы сидим в кафе "Кларабара" у конца улицы Херсонской, которую каждый из нас тысячи раз отмерил шагами, сидим и говорим о городе, его людях, чьи имена обрели или еще не обрели мемориальные доски.

Борис Херсонский:

— Начало улицы — это институт микробиологии, больница мединститута, начиная от городской больницы, построенной в 1808 году по проекту Тома де Томона, автора первого, увы, сгоревшего, здания Городского театра. Затем в 1900-х годах здесь приросли новые клиники медицинского факультета университета, построенные по проекту архитектора Н.К. Толвинского... Так вот, в этих клиниках проходили мои первые медицинские практики. Когда-то здесь работали Н. Пирогов, Н. Склифосовский, А. Скроцкий. Но и мне повезло. Среди моих учителей были М. Ясиновский, Г. Соколянский, Ц. Левина, И. Дмитриева...

Евгений Голубовский:

— Для меня Херсонская началась с "Публички" — с библиотеки имени Горького. Здесь в студенческие годы в отделе искусств я часами рассматривал альбомы некогда существовавшего в Москве Музея современного искусства, влюбился в Ван Гога и Гогена, Матисса и Пикассо, здесь открыл для себя импрессионистов, законспектировал книгу Камиля Моклера. А сколько поэтических сборников я впервые прочитал здес!. Как часто возникали неожиданные связи! Выписываешь книгу, берешь ее в руки и убеждаешься, что до тебя ее требовал Александр Дерибас, другую Леонид Гроссман, третью — Семен Кирсанов...

До сих пор помню многих сотрудников библиотеки, не просто знатоков своего дела, а людей, влюбленных в книгу. В отделе искусств общался с Верой Павловной Нагорской, затем со Светланой Григорьевой, Ирой Шайкевич. До сих пор дружу с Таней Щуровой, Олей Барковской. Много времени проводил у краеведов. Отлично знал свое дело Григорий Каширин, чья дочь Галина Семыкина сейчас работает в Литмузее. Постоянным собеседником моим там была Света Дзюбина. Помню библиографов, с которыми дружил, — Наташу Касько, Майю Башину... Жалею, что не был знаком с жившей при библиотеке женой Александра Дерибаса, а до этого первой женой Ивана Бунина Анной Николаевной Цакни.

Борис Херсонский:

— Бунин — это еще одна страница жизни улицы Херсонской. Помнишь, как еще в самиздате мы читали "Окаянные дни"? Там среди прочего есть крик ужаса Ивана Алексеевича — что делают с людьми в подвале ЧК на Херсонской? А ведь с этой улицей он был связан не понаслышке. Здесь в 1898 году он поселился, женившись на Анне Цакни, у ее отца, журналиста, народовольца Н. Цакни, на Херсонской, 44. Увы, как и многие памятники культуры и истории в нашем городе, этот дом планомерно разрушают, несмотря на протесты общественности.

Евгений Голубовский:

— Твоя книга, изданная в Москве в издательстве "Новое литературное обозрение", не случайно названа "Площадка под застройку". Как ты мне сам объяснял, ты с болью ощущаешь, что для нуворишей весь наш город — площадка под застройку, и не более того. Кстати, я очень рад, что обложка и рисунки в этой книге — работы Александра Ройтбурда. Не просто замечательного художника, но созидателя нового искусства.

Борис Херсонский:

— Но, к сожалению, на этой улице нет ни музеев, ни галерей, ни живописцев.

Евгений Голубовский:

— Ты прав, нет мемориальной доски, но в доме 46 жил "первый живописец Одессы" Кирияк Костанди. Охранять этот дом нужно, а не разрушать, возможно, сделать в нем музей.

В самом конце улицы, в стыке с Преображенской на нечетной стороне — последние два окна бывшей квартиры и мастерской художницы Татьяны Резвой. О ней все чаще вспоминают в связи с ее сыном — покорителем океанов на одноместной лодке Теодором Резвым.

Борис Херсонский:

— Если ты вернулся в конец улицы, хочу вспомнить, что напротив, в доме по Херсонской, 60, была мастерская нашего общего друга, архитектора Евгения Ильича Оленина. С ним мы оба поддерживали отношения много лет. Моя первая публикация в "Вечерней Одессе" — участие в дискуссии о проекте Е. Оленина "Дерибасовская". А затем я активно помогал ему, когда он выступил с идеей установки часовни на месте взорванного собора. Тогда еще не думали, что пройдет время, и собор будет возрожден. Но помнишь, мы с тобой участвовали в крестном ходе, когда воздвигали крест на месте, где находился алтарь.

Нравится мне проект Жени Оленина реконструкции Греческой площади. Это было, употреблю медицинский термин, реанимирование Круглого дома, всей площади. А ведь то, что произошло ныне, — это и есть освоение "площадки под застройку".

Евгений Голубовский:

— Название твоей книги стихов вновь возвращает к поэзии.

Улица Херсонская помнит Александра Сергеевича Пушкина. На углу Дворянской, где сейчас боковой фасад Академии холода, стоял дом И. Ризнича, мужа Амалии, в которую был влюблен Пушкин. А впрочем, в 23-24 года он в Одессе влюблялся беспрестанно, эта атмосфера влюбленности побуждала писать стихи — к Амалии Ризнич, к Каролине Собаньской, к Елизавете Воронцовой. Кстати, резиденция Михаила Семеновича Воронцова была в доме Фундуклея, на Херсонской, 42. Дом, в сущности, сохранился, хоть надстроен, сейчас в нем один из факультетов университета. Так вот тут, в библиотеке графа, в салоне Елизаветы Ксаверьевны (ведь Воронцовский дворец на бульваре был построен несколько позже) Пушкин бывал часто.

Насколько я помню, чуть ли ни первые твои стихи, увы, несколько "отредактированные", опубликованные в "Комсомольской искре", были связаны с пушкинской Одессой.

Борис Херсонский:

— История забавна и типична для тех времен. Стихотворение кончалось строками: "в его руке гусиное перо, белейшее перо в крылах России". Логика редактора была такова — если белейшее перо в крылах России — гусиное, то и Россия — гусыня. Строки после редактирования выглядели так: "В его руке гусиное перо — белейшее крыло в руках России". Это, впрочем, юношеские стихи, и их я никогда более не публиковал.

А кто из нас избежал поэтической влюбленности?! Здесь, на Херсонской, снимала квартиру Люда. Еще до того, как стать моей женой.

Евгений Голубовский:

— О поэзии на этой улице можно говорить еще в связи с Григорием Поженяном. На боковом фасаде Академии холода, выходящем на Херсонскую, в списке отважных моряков-разведчиков, ушедших отсюда в бессмертие, есть и его фамилия. Ему повезло, он не погиб в 1941-м. Дожил до 2005 года. Я много раз встречался с ним в редакции, расспрашивал о его сценарии фильма "Поезд в далекий август", где должен был играть Иосиф Бродский, но дальше проб киевское начальство опального поэта не пропустило. До сих пор слышу рубленый стих, когда Поженян читал:

Я не гость, не приезжий
Не искатель затей.
Кто ж я? —
Гул побережий, соль набухших сетей,
Боль ладоней растертых,
Смутный ропот полей
И летящий над портом
Легкий пух тополей.

Поженян не самый крупный из поэтов военного поколения, не Слуцкий, не Самойлов, не Межиров, но в каждом из них, обожженных войной, было нравственное начало, определившее их место и в поэзии, и в обществе.

Борис Херсонский:

— Этим же ощущением продиктовано было переиздание мною книги моего отца. Стихи, вошедшие в сборник, написаны в военные и послевоенные годы, когда, по словам Пастернака, люди жили предчувствием несбывшейся свободы. В этих стихах нет фальши и лжи (вещь редкая и в нынешнее время, а в те времена почти невероятная). Вот одно из его стихотворений:

Дрянь под ногой: обрывок да окурок.
Ноябрь брюзжит, и ты с собой на "Вы".
В такие дни не встретишь белокурых,
В глазах — и то не видно синевы.
Бредешь... И вдруг — расходится ненастье,
Как будто грань весенняя легла.
Ты чувствуешь, что замерзшее счастье
Несешь в груди от самого угла.
Безмолвное средь уличного гула
С угла Гаваной море промелькнуло.

Евгений Голубовский:

— Мы с тобой поговорили о поэзии, о живописи, о библиотеке, но вот о театре...

Борис Херсонский:

— Еще о "Горьковке". Я больше люблю читать дома. Но естественно, когда работал над диссертацией и когда подбирал материалы об истории психоанализа в Одессе, неделями сидел в библиотеке. Правда, по последней теме мне больше помогла Валентина Яковлевна Коган, дочь переводчика З. Фрейда, врача Якова Моисеевича Когана.

А теперь о театре. В кукольный театр на Херсонской ходил я, более то-

го, спустя годы, водил туда сына. Как и библиотека, построенная Ф.П. Нестурхом в 1907 году, Реформатская церковь, где размещался театр кукол, построенная по проекту А. Бернардацци, В. Шретера и Х. Скведера в 1896 году, стала архитектурной доминантой улицы. Сейчас здание реконструировано. Но тогда интерьер здания был полностью руинирован, меня здесь снимала Наташа Смирнова в телепрезентации моих переводов псалмов Давида. Акустика зала была прекрасна, и странно было читать стихи в гулком опустошенном храме.

Между прочим, я участвовал в переговорах между Союзом театральных деятелей и руководством общины в качестве посредника. Договорились о том, что выселять Союз не будут до тех пор, пока им не дадут помещение. Насколько я знаю, помещения у них до сих пор нет.

Евгений Голубовский:

— Да, им выделили часть соседнего дома на Херсонской, 60. Но пока они его ремонтировали, какие-то чиновники успели два или три раза его перепродать. Идут суды. Церковь добилась решения об отселении театралов. А куда им вселяться — неведомо. А ведь когда-то Дом актера был одним из ярких культурных центров Одессы.

И о театрах. Естественно, и я бывал в Театре кукол. Но особенно помню спектакль для взрослых "Остров мира" по пьесе Евгения Петрова.

Но на этой улице есть еще и Украинский театр имени В. Василько. Василия Степановича я не знал, но бывал в его квартире, беседовал с его вдовой, видел потрясающий архив, читал его пьесы. Радостно, что этот театр вновь обрел публику. Как и в двадцатые годы, возникло соперничество между Русской драмой и Украинской. Тогда два театра одновременно предлагали зрителю И. Бабеля. Сейчас — одновременно — на двух сценах идет "Гамлет". Я считаю, что спектакль, поставленный в Украинском театре Дмитрием Богомазовым, — это событие.

А впрочем, на Херсонской были и есть еще театры. Театр кукол "перевели" в помещение рядом с Украинским театром. Если раньше он влачил жалкое существование, то с приходом директора Иосифа Мерковича театр перестраивается, становится еще одним культурным центром. Это нынешние театры. Мало кто помнит, что на Херсонской, 29, был театр "Колизей", где пели Иза Кремер, Леонид Утесов.

Борис Херсонский:

— На улице не много мемориальных досок. Но все же они есть. Херсонская, 52, связана с именами трех врачей — И. Луценко, Ю. Липы и И. Липы. Они больше известны как деятели украинского возрождения.

А разве можно не заметить увековеченные имена микробиолога Н. Гамалеи, не только врача, но и философа, И. Мечникова?!

Евгений Голубовский:

— Когда-то на секции книги Дома ученых мы ввели ежегодную тему: книжные прогулки по одесским улицам. По улице Херсонской тогда нам помог путешествовать Александр Розенбойм. Многое из того, что я помню об этой улице, узнал от него. В моем блокноте есть записи о том, что на Херсонской, 56, был одесский губрозыск, куда приходили И. Бабель, Е. Катаев, что на Херсонской, 60, был Особотдел армии, куда явился Мишка Япончик, чтобы из своих подельников сформировать "полк имени тов. Ленина", что на Херсонской, 26, находилось реальное училище В. Жуковского, где учился Эдуард Багрицкий, что на Херсонской, 42, перед революцией работала женская гимназия Е. Пашковской, где преподавала баронесса Мейендорф. Уже в наши годы мемуары Мейендорф публиковал Олег Губарь, кстати, тоже "человек с улицы Херсонской".

Борис Херсонский:

— Как и любая улица старой части города, Херсонская дает возможность проследить биографию Одессы за 215 лет ее истории.

Евгений Голубовский:

— А теперь у меня вопрос к тебе, а по сути, и к себе. Как так получилось, что мы, добиваясь возвращения улицам исторических названий, когда были депутатами горсовета, всем улицам вокруг Херсонской возвратили: Ольгиевская, Софиевская, Княжеская, Торговая, — а Пастера осталась на карте Одессы? Пастер был великий ученый, но его связь с Одессой такая же, как у Ньютона, Эйнштейна, Лобачевского. Мне жаль было, когда площадь лишилась имени народовольца Мартыновского, но она была и остается Греческой. Мне жаль было имени писателя и правозащитника В. Короленко, но улица была и вновь стала Софиевской. Может, какие-либо службы горисполкома пропустили Херсонскую? Тем более что в самом авторитетном справочнике Якова Майстрового она вновь названа Херсонской.

Давай считать, что этот наш с тобой диалог — заявление в комиссию по наименованию и переименованию улиц. Верните Херсонской ее историческое название!

От редакции. Новые стихи Бориса Херсонского читайте в разделе "Поэзия".

Ольга БОТУШАНСКАЯ

Здесь связь времен и мудрость поколений

История Одесской государственной научной библиотеки началась в 1829 году, когда молодая Одесса отмечала свое 35-летие.

Именно тогда генерал-губернатор Новороссийского и Бессарабского края граф М.С. Воронцов обратился к министру внутренних дел А.А. Закревскому с просьбой открыть в Одессе публичную библиотеку. И 13 (25) сентября 1829 года вышел рескрипт императора Николая I об основании в Одессе городской публичной библиотеки.

Открытие публичной библиотеки стало важным событием в культурной жизни города, всего Новороссийского края, а со временем и всего государства. Это была вторая в Российской империи (после императорской в Санкт-Петербурге) и первая на Украине публичная библиотека.

В разное время библиотека размещалась в различных помещениях: с 1829 г. по ноябрь 1873 г. — в доме на Приморском бульваре; с ноября 1873 г. по декабрь 1874 г. — в доме Великанова на Греческой улице, с декабря 1874 г. до 1883 г. — в доме Папудова на Соборной площади, 1883-1906 гг. — в помещении на Думской площади.

В 1903 году городская Дума ассигновала деньги на строительство отдельного помещения для библиотеки. Разработка проекта была поручена главному архитектору города Ф.П. Нестурху. Проекты и шесть эскизов фасада были обговорены на заседании специальной комиссии, после чего Ф.П. Нестурх был командирован в Харьков, Москву, Петербург и Варшаву для знакомства с лучшими образцами библиотечного строительства того времени.

В апреле 1905 года на улице Херсонской был заложен первый камень в фундамент Одесской городской публичной библиотеки, а 19 февраля 1907 г. состоялось ее торжественное открытие.

В историческом очерке "Одесская городская публичная библиотека 1830-1910 гг." директор библиотеки с 1896 по 1920 г. проф. М.Г. Попруженко писал: "...новое здание для библиотеки может считаться по удобству, обилию помещений и их обширности, по мерам, принятым против пожара, — одним из лучших в России".

Без преувеличения можно сказать, что здание библиотеки было одним из самых ярких архитектурных библиотечных сооружений не только Одессы, а и всей Российской империи.

За 180 лет существования библиотека собрала уникальный пятимил-

лионный книжный фонд, который является национальным достоянием Украины. Гордостью библиотеки является фонд редких изданий и рукописей, который насчитывает около 20 тыс. экз., из них — 52 инкунабулы, более 100 палеотипов, 319 книг кириллической печати, в том числе и "Острожская Библия", книги с автографами выдающихся личностей XIX-XX веков.

Большую ценность представляют собой две тысячи рукописей XI-XIX вв., среди которых памятники славянской письменности — "Хиландарские" и "Охридские" листки (XI-XII вв.).

Библиотека располагает редкими краеведческими материалами, которые отражают историю Причерноморья Украины, описывают его природные ресурсы, экономику и культуру. Среди них "Новороссийский календарь" (1834-1893), "Устав Ришельевского лицея" (1818), труды А.О. Скальковского "Хронологическое обозрение Новороссийского края" (1836), "Любопытная история славного города Одессы" (1844) и много других изданий на русском, французском, немецком, греческом языках, рассказывающих о жизни молодого города. В библиотеке хранятся первые одесские альманахи, комплекты газет "Одесский вестник" (1827-1893), "Одесские новости", "Новороссийский телеграф", множество книг с автографами одесских писателей и ученых, а также гравюры и фотографии.

Среди книжных собраний, в разное время подаренных библиотеке благотворителями города, особую ценность представляют коллекции графа М.М. Толстого, городского головы мецената Г.Г. Маразли, профессора В. Григоровича, технические издания коллекции профессора В.Е. Тимонова и многие другие.

Книжный фонд библиотеки является неотъемлемой частью культурного наследия украинского народа, находится под охраной государства и ЮНЕСКО и занесен в мировой каталог "Музеи книги".

С 1922 года библиотека получает обязательный бесплатный экземпляр каждого издания, напечатанного в СССР (до 1940 г.), а потом и обязательный платный экземпляр. Планомерная централизованная комплектация обеспечила систематическое пополнение библиотеки литературой по всем отраслям знаний, содействовала значительному росту книжного фонда: если в 1913 году фонд насчитывал 177 тыс. экземпляров, в 1924 году — 542 тыс. экземпляров, то в 1930 году фонд вырос до 1 млн. единиц хранения.

В 1934 году Украинская книжная палата выделила для Одесской государственной библиотеки по два обязательных бесплатных экземпляра всех изданий Украины. С 1949 г. библиотека получила обязательный платный русскоязычный экземпляр всех изданий, выходивших на терри-

тории СССР. С 1994 г., по распоряжению Одесского городского совета, библиотека комплектуется бесплатным экземпляром всех изданий, печатающихся в Одессе.

В январе 1924 г. постановлением коллегии Наркомата просвещения УССР Одесская публичная библиотека была включена в число научных учреждений. В 1930 году ее объединили с научной библиотекой Одесского государственного университета и Украинской библиотекой им. Т.Г. Шевченко. После слияния новая библиотека стала называться "Одесская государственная научная библиотека". Это название сохранилось за ней и после 1934 года, когда университетскую библиотеку вернули университету после его восстановления.

В 1920-1930-е годы в библиотеке плодотворно работали будущий выдающийся литературовед академик Михаил Алексеев, историк Саул Боровой и многие другие. О.М. Тюнеевой мы обязаны организацией в 1922 году одного из первых в СССР музеев книги и сохранением библиотеки в трудные годы Великой Отечественной войны.

В 1964 году, по решению коллегии министерства культуры УССР, библиотека была определена как информационный и методический центр для библиотек Украины естественнонаучного и атеистического профиля. Кроме того, она стала зональным центром организационно-методической помощи библиотекам шести областей Юга Украины (Запорожская, Херсонская, Николаевская, Крымская, Кировоградская, Одесская).

За весомый вклад в развитие культуры многонационального народа страны и по случаю 150-летия со дня основания, в 1979 году указом Президиума Верховного Совета СССР библиотека была награждена орденом Дружбы народов.

В 1998 году на базе ОГНБ им. М. Горького совместно с Посольством Франции в Украине было открыт "Французский центр документации и образования". В сотрудничестве с Гете-институтом (Германия) и организацией "Баварский дом" (Одесса) в 2000 году был открыт немецкий читальный зал ОГНБ. При поддержке посольства США в Украине в 2002 году библиотека открыла специальный информационно-ресурсный центр "Окно в Америку", призванный содействовать расширению знаний о Соединенных Штатах. ОГНБ им. М. Горького одной из первых в Украине получила федеральный грант Госдепартамента США на поддержку образовательных и культурных программ.

Плодотворное сотрудничество развивается с украинской диаспорой Канады, США, Франции, Румынии, Австралии. Сотрудничество с ук-

раинской общественностью Австралии скреплено, в частности, договором 1994 года между Государственной библиотекой штата Новый Южный Уэльс, Фундацией украиноведческих студий Австралии (ФУСА) и ОГНБ им. М. Горького — об упорядочении архивов диаспоры этой страны и обмене специалистами. Создание зала "Украинцы в мире" (1996), который стал центром, куда приходят украинцы зарубежья, и куда уже поступило более трех тысяч книг, — свидетельство результативности этой работы.

Ежегодно ОГНБ им. М. Горького посещает более трехсот тысяч читателей, которым выдается до 2 млн. документов. В разное время читателями нашей библиотеки были известные ученые: Н.И. Пирогов, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, И.М. Сеченов, Д.К. Заболотный, Н.Ф. Гамалея, В.П. Филатов, основатель практической космонавтики и отечественного ракетостроения академик В.П. Глушко, директор Физико-химического института НАН Украины академик С.А. Андронати, академик архитектуры В.А. Лисенко и другие. Библиотеку посещали писатели Я.П. Полонский, А.М. Майков, И.К. Тобилевич (Карпенко-Карый), А.И. Куприн, И.А. Бунин, А.Н. Толстой, А.С. Грин, К.Г. Паустовский, К.И. Чуковский, Э.Г. Багрицкий и многие другие. Известные одесские литературоведы А.В. Недзвидский, Г.А. Вязовский, И.М. Дузь, В.В. Фащенко, Е.М. Присовский постоянно обращались к нашим фондам.

Библиографическая и издательская деятельность поставила нашу библиотеку в ряд выдающихся библиотечных центров страны. За 180 лет существования библиотека выпустила около полутора тысяч различных изданий общим тиражом более двух миллионов экземпляров.

Большим спросом пользуются рекомендательные указатели серии "Проблемы. Гипотезы. Открытия", освещающие актуальные проблемы в области физики, химии, биологии, геологии, экологии (более пятидесяти выпусков).

Хорошо известны труды библиотеки, посвященные экологическим и природоохранным проблемам: "Биология Черного и Азовского морей", "Антропогенная эвтрофикация Черного моря и ее последствия", сборник научных трудов "Экология и общество" (3 выпуска), "Природа и природные ресурсы Северного Причерноморья" (выходит с 1936 г.).

Библиотекой подготовлены также работы историографического содержания: "Союз южнорусских художников", "Старая Одесса: забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания" и др.

Социально значимой работой библиотеки последних лет является фундаментальный научно-библиографический указатель "Голодомор

в Україні 1932-1933 рр." (вып. 1 — 2001 год, вып. 2 — 2008 год), изданный при участии Института истории Украины НАН Украины.

В 1998 г. ОГНБ им. М. Горького совместно с Одесским областным Советом мира организовала галерею "Люди щедрых сердец". Галерея явилась своеобразным мостом от меценатов прошлого до благотворителей наших дней, при содействии которых библиотека решает многие насущные проблемы: пополняет фонды периодическими изданиями и книгами, приобретает компьютерное оборудование, проводит ремонт помещений и реставрацию здания, решает социальные вопросы.

За значительный вклад в дело благотворительности и милосердия, сохранение духовного и культурного наследия Украины в Галерее почетных благотворителей Одесщины представлены портреты и занесены имена известных в городе и области людей.

За 180 лет существования ОГНБ им. М. Горького стала ведущей научной библиотекой государства, общегосударственным хранилищем полного репертуара национального книгопечатания; региональным универсальным депозитарием; научно-информационным учреждением; центром международного книгообмена и межбиблиотечного абонемента; отраслевым органом научной информации по вопросам культуры и искусства; координационным центром научно-исследовательской и научно-методической работы в области библиотековедения, библиографоведения и общих проблем книговедения; культурным центром государственного значения.

Олег КУДРИН

Полтавская перемога
Отрывок из романа

От редакции. Олег Кудрин – журналист и писатель, одессит, живет в Москве. Автор нескольких книг. Предлагаем нашим читателям отрывок из его нового романа "Полтавская перемога". По жанру – это антиутопия, в которой автор размышляет над тем, что могло бы стать с нашей бывшей общей страной и с нами, если бы... Если бы СССР преобразовался в Русь Посполитую (Русь Народную) со столицей в Киеве, а правил бы ею И.В. Сталько. Русины-украинцы в романе живут на территории от Дуная до Амура. Действие длится с 1935 по 1958 год и развивается в Москве, Киеве, Полтаве. Москва у Кудрина – столица Московитской ПСР. По замыслу автора, привычные реалии и понятия поменялись местами.

Главный герой романа – московский мальчик Петя Михайловко, родившийся в 1938 году. На всю жизнь у него один главный друг – Жига, одна главная любовь – Марта.

Богдану-Ивану, моему русско-украинскому сыну

Слова "Россия", "русский" были не так чтобы совсем запретные. Скорее — нежелательные, плохие, устаревшие. Ну, вроде "императора", "фрейлины", "чернеца". Только много, много хуже. Но для Пети Михайловко именно они были самыми притягательными. Вот произнесешь их, пусть даже мысленно, и сердце сначала замрет сладко, а потом забьется быстро-быстро, как боевой барабан. И песни вспоминаются. Истинно московитские — тягучие, раздольные. Одновременно и мужественные, и жалостливые. Их прадедушка пел. Ефрем Николаевич. Прадедушка был старый, очень старый. Настоящий осколок старого мира. Того, что "до основанья, а затем". Только старый мир совсем закончился, а дедушка был еще ого-го.

Петя рано понял свое московитство. И также рано понял — как это неудобно быть московитом.

Получилось это так. Он играл во дворе со взрослыми ребятами, лет по девять-десять. Трудно даже было определить, в чем эта игра заключалась. Они бегали, толкались и кричали что-то невнятное, вроде бе-бе, ме-ме, му-му. Потом кто-то сказал: "Язык говняжий. Дярёвня!". Хорошо так сказал — смешно и смачно: "го-о-овня-а-ажий", "дя-а-арё-о-овня-а", вытягивая вслед за раздольным "о" резкое "а".

А это выражение, привычное в своей востребованности, удачно легло на бессмысленную игру. Все кричали наперебой, передразнивая друг друга. А скорей даже не друг друга, а именно ту самую тупую московитскую "дярёвню", общающуюся исключительно на "языке говняжем" и культурной русинской речи совсем не знающей. Так игра обрела смысл и получилась она веселой, радостной, бурной.

Стемнело быстро и незаметно. Петю позвали домой и оставили его на кухне наедине с тазиком горячей воды. А родителю ушли в красную комнату, где радиотарелка, слушать *КХАТовську виставу "Садка вишневого" Антона Чоха**.

Петя же никак не мог выйти из своей игры. И весело плескаясь в горячей воде (пожалуй, даже слишком горячей, это мама перестаралась, лучше бы чуть попрохладней), приговаривал со смехом: "Язык го-о-овня-а-ажий. Дя-а-арё-о-овня-а!". Неожиданно на кухню зашел Ефрем Николаевич. А ему с его весом и походкой трудно было делать что бы то ни было неожиданно. Но тут получилось. Да, он зашел неожиданно и залепил Пете крепкую затрещину. "За что? — спросил Петя обиженно и добавил уже привычное: — Дярёвня!" И прадед дал еще одну затрещину — больнее прежней. Петя разревелся. Из красной комнаты прибежала мама.

Мама прибежала из красной комнаты и чуть не набросилась на прадеда с кулаками. Петя обрадовался — вот сейчас дед получит за свою непонятную жестокость. Но радость его была недолгой. Ефрем Николаевич что-то прошептал маме на ухо. Лицо ее изменилось. И она... Невероятно — она тоже занесла руку для затрещины, третьей уже за какую-то минуту. Как же так, за что?.. Петя вжался в тазик. Вид его при этом был такой беззащитный и беспомощный, что мама не решилась ударить. Безвольно опустила руку на голову. И даже погладила его, ероша волосы.

— У-у, — сказал прадед осуждающе. — Предателя гладишь...

Мама вспыхнула:

— Он не предатель, он — ребенок. Шли бы вы, Ефрем Николаевич, в свою комнату...

Прадед резко махнул рукой и ушел, стуча по полу палочкой.

А мама домыла Петю, вытерла насухо. Как-то особенно тщательно

* КХАТовская постановка "Вишневого сада" Антона Чоха.

и одновременно нежно вытерла. Завернула его в это же полотенце, как раньше делала, когда он совсем маленьким был. И отнесла в кровать.

А там взбила подушку. Укрыла его одеялом. Пете сразу же захотелось спать. Должно быть, организм хотел так защититься от непонятных перепадов злости и заботливости. И вот, когда глаза его сами уже закрывались, и не было никаких сил держать их открытыми, мама наклонилась над ним. Сказала:

— Это плохие слова. Гадкие. Никогда больше не говори их.

Она не произнесли этих слов, но он понял, о чем говорит мама — про "дерёвню" и "язык говняжий".

— Почему плохие? Смешно, — сказал Петя уже сонно заплетающимся языком.

— Плохие. Гадкие, — упрямо повторила мама. — Может, и смешно. Но плохо смешно. Глупо и оскорбительно. Нельзя смеяться над родным языком. Твои родители московиты и ты московит...

Мама помолчала, а потом добавила:

— Московит. Русский!

"Русский!" Неужели она так сказала? А может, показалось. Трудно сказать, ведь в следующее мгновение он уже уснул.

Жига появился чуть раньше Марты. И он был жид. Поначалу Петя этого не понял. Правду сказать, он вообще этого не понял. Трудно вот так сразу осознать, что есть жиды, а есть — нет...

Они познакомились так. Утром мама привела Петю в садок, помогла переодеться и запустила в общую комнату. И он сразу заметил новенького. Новенький стоял под стеночкой и ни с кем не играл. Не потому что его обижали, сторонились. Просто не играл. Будто ему было неинтересно. Будто ему никто не нужен, кроме него самого.

Но когда в комнату зашел Петя, что-то изменилось. Почувствовали это оба. Но Петя как старожил подошел и заговорил первый:

— Ты чего?

— Ничего!

— А почему?

— Просто так!

И они засмеялись. А потом начали болтать друг с другом. Так спокойно и деловито, будто делали это года три из прожитых четырех. Ведь Жига был совсем как Петя. Совсем-совсем. Только жид, и по-московитски говорил с сильным русинским акцентом.

(Чуть позже Петя понял, почему к Жиге тогда никто не подходил. Одет он был неправильно, *не по-робітничому**. Напротив даже — по-буржуйски: шортики, гольфики, белая рубашечка с русинским шнурочком в бусинках, повязанным вместо галстука.)

Они рассказали друг другу все-все. Петя узнал, как полностью, по-большому, по-настоящему зовут Жигу — Жигмонт Зильберович. Ему понравилось — красивое имя, звучное. Еще он узнал много о родителях нового друга. Оказалось, его отец — видатний більшовик, а дідусь — *видатний вчений, лікар-академік, со старих ще часів, дореволюційних*.** Удивительно было, что Жига так хорошо говорит на московитском. Пусть и с акцентом, но хорошо, чисто. Мама у него — московитка. И не просто московитка, а самая что ни на есть настоящая москвичка.

Жига так интересно рассказывал о своих родственниках, о большом столичном Киеве, о знаменитом университетском городе — Батурине, где работал его дедушка, что Петю даже завидки взяли. Нет, не то чтобы он не любил своих родителей или пренебрегал ими. Просто в сравнении с Жигиными рассказами они ему казались какими-то слишком уж обычными.

Придя домой, Петя поделился своими размышлениями с дедом. И снова что-то как-то не так у них получилось. Ефрем Николаевич, вместо того чтобы посочувствовать, сказать что-то мудрое, насупился и отвернулся в угол, к иконе. Пробурчал только:

— Нашел друга! Из энкистов***, небось. Жидов послушать — они всегда все самые лучшие и умные.

Слова эти услышал папа. И тут же устроил деду выволочку, обозвал его... Слово такое яркое, Петя не сразу его запомнил. "Антисемизм", кажется. Ефрем Николаевич совсем обиделся, выпроводил всех из своей комнаты. Закрылся. И судя по тому, что вечером громко пел, напился.

А потом появилась Катя! Точнее — Марта. Но он еще не знал, что Марта. Так что — все-таки Катя.

Это чудо, что она появилась. Это чудо, как она появилась. Да это просто чудо. Катя была хорошо одета. По настоящему, по-пролетарски: красная косынка, серое платье, грубые башмаки. Она сразу пошла к игрушкам

* Не по-рабочему.

** Выдающийся большевик, а дедушка — выдающийся ученый, врач-академик, со старых еще времен, дореволюционных.

*** Энкисты — сотрудники *НК, надзвичайної комісії,* после преобразования НК так по традиции называли и сотрудников всех последующих посполитых спецслужб.

и начала строить дом из больших кубиков, расставлять в нем столы, стулья и кровати, рассаживать и укладывать по ним кукол и зверей.

И никто ей не помешал. Никто не объяснил, что чужакам и новичкам нельзя все вот так вот сразу. Все тут же начали играть в доме, ею построенном. И все почему-то захотели заговорить с ней, познакомиться. Познакомиться — получилось, а заговорить — нет. Девочка только представлялась: "Катя". И всё — ни с кем дальше не разговаривала. Нет, не совсем правильно. Она словами не разговаривала, но все говорила глазами. И — удивительное дело — даже так, не по-настоящему, общаться с ней было удивительно интересно...

Однажды Катя улучила момент — подошла к нему так, чтобы никто не видел (все, конечно, видели, но сделали вид, что не видели).

Да, Катя подошла и прошептала на ухо, касаясь губами уха:

— Я не Катя. Я — Марта!

И ушла.

Почему она это сказала? Зачем? Неужели опять хитрит, привлекая его к себе? А что если сейчас сказать всем, указывая для верности пальцем, — она не Катя! Она Марта! И пусть себе дальше хитрит.

Но Петя посмотрел на нее, поймал ее взгляд. И понял, что теперь она не хитрит. Она и вправду сказала ему свою самую великую тайну.

А осенью в садку был торжественный утренник. Великий Сталько опять разоблачил планы империалистов. Злобные буржуазные демократии хотели столкнуть лбами могучую Русь Посполитую и Третий Рике. Но вождь, хёвдинг Третьего Рике Адольфус Хитлерссон, защищая свою страну и свой народ, нанес упреждающий удар по уродливой панской Польше. *Могутня Червона Армія* не может спокойно смотреть, как безответственные польские паны оставили на произвол судьбы братское русинское население Новгородчины. И конечно же, пошла вызволять его.

Соломія Орестівна сказала, что в честь этого великого освободительного похода они подготовят *виставу* "*Армія — визволительниця*". Роли начали распределять тут же. Все были в радостном возбуждении от общего хорошего дела. И только Жига все испортил. Он отказался играть киоскера, продающего свежий номер "*Правди*", рассказывающий о походе.

И это было очень обидно, потому что Жига с его очками как никто подходил на роль киоскера. Он долго не объяснял, почему не хочет играть эту роль. Но все же признался. Жига показал на первую страницу "Прав-

ди", на портрет Хитлерссона, бывший в самом ее низу, и сказал, что не может "продавать" газету с фотографией фашиста.

Соломія Орестівна ответила не сразу. Но зато когда заговорила, то говорила очень весомо, как-то *важко*. Она сказала, что как *справжня більшовичка* и немного даже жидовка в какой-то степени может понять Жигу. Но только в какой-то степени. Конечно, вождь Третьего Рике Адольфус Хитлерссон не во всем прав и во многом ошибается. Это естественно. Если бы он был во всем прав и никогда не ошибался, то он был бы русинским коммунистом, а не шведским фашистом. Да, он ошибается и неоправданно плохо говорит о жидах. Это у него такая средневековая отрыжка. Но нужно быть выше этого. Социальное нужно ставить выше национального. Честная, прямая, во многом социалистическая политика Хитлерссона сегодня нам намного ближе коварства и интриг лживых буржуазных демократий Франции и Британии. Так считают *Всерусинська Комуністична Партія* (*більшовиків*) *та керманич Сталько*. А *ні Партія, ні, тим більше, Сталько*, ошибаться не могут.

Все это она сказала так просто, так убедительно, что, несмотря на то, что многие слова были непонятны, все всё поняли. Кроме Жиги. Он сказал, что плохо себя чувствует и участвовать в *виставі* не будет. *Соломія Орестівна* велела, чтобы он пошел отдыхать в спальную комнату. А о здоровье Жиги она поговорит с его папой, *на партзборах**.

Вистава "*Армія — визволительниця*" получилась замечательная. Петя играл в ней *червоного кавалериста*. Он с упоением скакал на воображаемой лошади и лихо махал настоящей — деревянной — саблей. Представлял, как рубит на полном скаку зажравшихся *білоляхів*** и освобождает братьев-новгородцев.

Петя был счастлив.

Из садка детей забирали мамы или бабушки. После того как Петя понял, что у него любовь, *кохання****, — он просто жаждал встречи с Катиной мамой. Но увидеть ее долго не удавалось. Катю из садка забирали из всех детей последней. А иногда даже оставляли в *нічну зміну*****. Так что увидеть ее близких никак не удавалось. Но однажды Пете ужасно повезло. "Как на грех", никто из домашних забрать его не мог. А Ефрему Нико-

* На партсобрании.

** Белоляхов, белополяков.

*** Любовь; в русинском языке — именно любовь к женщине, а не к партии или родине.

**** Ночную смену.

лаевичу — не доверили. Какое счастье — *нічна зміна*. Петино сердце замерло в сладком предвкушении. Он даже не знал, какой вариант был бы наилучшим: чтобы пришла Катина мама, и он, наконец, увидел бы ее, или чтобы Катю никто не забрал, и она тоже осталась в садку на ночь. Тогда Петя мог бы всю ночь не спать, а только смотреть на нее...

Он все думал, думал, никак не мог выбрать, решить. И очень огорчался от этого. Как будто бы от его решения что-то зависело. Будто бы станется именно так, как он решит. Игра в тот день у него совсем не получалась, и даже говорить Петя не мог. То, что Катя молчала, — это нормально, это обычно. Но тут и он как язык проглотил. А два молчащих человека — это уже слишком. Тем более что у него не было таких больших говорящих, как у Кати, глаз.

Наступил вечер. Детей разных возрастов собрали в одну группу и отвели на второй этаж садка. Петя и Катя были среди всех старшими, а потому главными. Но они не пользовались своим старшинством. Они играли друг с другом: строили дома, крепости. Штурмовали их отрядами восставшего пролетариата. А взяв, тут же обустраивали для *щасливого життя всього людства*.*

Петя понял, что именно это и есть счастье — быть рядом с Катей, работать вместе с нею, иногда касаясь пальцами руки ее пальцев. Да-да, как же хорошо, что ее не забрали, — этого, именно этого он и хотел. Но как только Петя это понял, одна из нянечек сказала, что за Катей пришли.

Он сначала очень расстроился. Однако потом сумел убедить себя, что именно этого и хотел с самого начала. Нужно только не упустить время — посмотреть на Катину маму. А сделать это было не так просто. Катю увели на первый этаж, в комнату их группы, к шкафчику. Собирать вещи. Но остальных-то детей, теперь уж наверняка остающихся *в нічну зміну*, в комнату своей группы не пускали.

Как же пробраться вниз, вслед за ушедшей Катей?! Прежде всего, не нужно показывать, что тебе туда нужно. Взрослые всегда с особым удовольствием и настойчивостью запрещают именно то, чего больше всего хочется. Поэтому Петя ушел в угол комнаты собрал много кубиков и самые большие фигурные куклы. В несколько секунд он создал видимость такой увлеченности, что на него перестали обращать внимание. А как только это произошло, Петя незаметно выскользнул в дверь. Тихонько спустился по лестнице. Ступал не по центру, а на края ступенек, — они так

* Счастливой жизни всего человечества.

скрипят меньше. У раздевальной комнаты встал за дверью. И в щелочку между дверью и дверным наличником стал смотреть.

Катя была мало похожа на маму. Разве что — одеждой, тоже пролетарской. Мама торопила ее, но Катя одевалась, собиралась неохотно — медленно, рассеянно.

— Катя, поторопись!

— Я — Марта!

Услыхав это, мама вздрогнула, отвела руку в сторону, как для пощечины. Но остановилась.

— Доиграешься, Катя. И меня погубишь.

— Мы договаривались, только при других — Катя. А наедине — Марта.

— Наедине!

— Но тут же никого нету.

Мама ответила как-то странно, можно сказать, грубо:

— *Це — державна установа. А в державній установі завжди хтось є!**

Ой, это же про него. Петя вжался в стенку. Как эта женщина догадалась о нем? Сердце стучало громко, во все стороны. Но, к счастью, Катина мама с Катей ушли, его не заметив. Так же незаметно Петя вернулся в общую комнату на второй этаж.

Засыпая, он думал о Кате. То есть о Марте. Она действительно Марта. На маму совсем не похожа. Но почему — то Марта, то Катя? И почему Марта только наедине с мамой?

Наедине! И не только с мамой. Но и с ним, с Петей. Она ему открылась, она ему рассказала.

Но почему Марта?

А *життя ставало все краще, все веселіше.*** *Червона Армія* помогала нашим рабочим и крестьянским братьям. Освобождала от помещиков и капиталистов одну за другой соседние страны. И вот уже сразу три страны, Молдавия, Валахия и Болгария, провели свободные выборы, собрали свои Посполитые рады и попросили принять их в состав *першої в світі соціалістичної держави**** — Руси Посполитой. Вновь принятые республики получили новые гордые имена — *Молдавська Посполита Соціалістична Республіка, Валаська Посполита Соціалістична Республіка,*

* Это государственное учреждение. А в государственном учреждении всегда кто-то есть!

** Жизнь становилась все лучше, все веселее.

*** Первой в мире социалистической страны.

*Болгарська Посполита Соціалістична Республіка** со столицами в городах Яссы, Бухарест и София.

Соломія Орестівна готовила все новые и новые утренники. Петя с наслаждением играл в них любые роли, какие дадут. Но больше всего ему нравилось быть Головою вновь избранной Посполитой Рады:

— *Ясси, Ясси, це Софія! Чи ти слухаєш мене?*

— *Так, Софія, чую, чую! Де ж наш Київ — місто правди, місто свята, місто самих світлих, самих-самих щирих мрій...***

Москва

* Молдавская Посполитая Социалистическая Республика, Валашская Посполитая Социалистическая Республика, Болгарская Посполитая Социалистическая Республика.

** — Яссы, Яссы, я — София! Слышишь ли меня?

— Да, София, слышу, слышу! Где ж наш Киев — город правды, города праздника, город самых светлых, самых-самых сокровенных мечтаний...

Валерий ХАИТ

Год счастья за кулисами
Главы из будущей книги

От редакции. От всей души поздравляем нашего друга и постоянного автора Валерия Хаита с семидесятилетием, которое он отметил в нынешнем году.

О Викторе Ильченко

В 1970 году Миша Жванецкий и его друзья пригласили меня директором в свой театр миниатюр при Одесской филармонии. Так я стал артистом. В этом нет никакого противоречия: для того чтобы иметь возможность работать директором (или, как тогда говорили, бригадиром) эстрадного коллектива, я должен был быть тарифицирован именно как артист. Мне дали третью категорию разговорного жанра (8 рублей за выступление), и я приступил к исполнению своих совершенно не знакомых мне обязанностей.

Не знаю, чем руководствовались Миша, Рома и Витя, приглашая меня на эту работу, но я в тот момент был просто счастлив: быть рядом с любимыми артистами и ездить вместе с ними на гастроли — об этом можно было только мечтать. И кроме того, возник наконец долгожданный шанс завершить свою пусть и не совсем безуспешную, но все же довольно скучную инженерную карьеру.

Справедливости ради нужно сказать, что я в то время благодаря своим сомнительным кавээновским занятиям тоже был достаточно известен. Но, видит Бог, я уже тогда понимал разницу между случайной кавээновской известностью и настоящей популярностью профессионалов.

И вот меня пригласили в профессиональный театр. Я был в полном восторге.

Первые гастроли театра, которые я, с позволения сказать, готовил, планировались в город Черновцы. А директором филармонии в Черновцах (многие артисты это хорошо помнят) в те годы был знаменитый Фалик. О, это был администратор старого закала, интеллигент, настоящий артист своего дела! Он восседал в своем кресле, как какой-нибудь французский министр: всегда в бабочке, чуть ли не во фраке, с красиво оттеняющим седые волосы чуть загорелым лицом. Наши гастроли по городам и весям его, так сказать, "куста" были подготовлены им идеально, поэтому мои знаменитые друзья и одновременно (смешно сказать!) подчиненные

не имели в тот раз возможности по достоинству оценить деловые способности своего нового директора, что меня на время и спасло.

Но речь в данном случае не обо мне.

Тогда в Черновцах я и сблизился с Витей Ильченко по-настоящему. Он пригласил меня жить с ним в одном гостиничном номере, на что я с радостью согласился. Мы ходили вместе завтракать и обедать, вели беседы о том о сем, собирались на концерты. Я, помню, читал ему стихи Пастернака из книжки, изданной в малой серии "Библиотеки поэта", и он слушал их с таким интересом и вниманием, что я ему тут же эту книжечку и подарил.

Но Витя не только умел слушать — еще лучше он умел и любил рассказывать сам. А поскольку он очень много читал и вообще интересовался в жизни разными вещами, то и знания у него были весьма обширные.

Словом, с Витей было очень интересно... А если к этому добавить восторг от выступлений блестящей троицы, постоянным свидетелем которого я был, то нетрудно представить себе мое состояние весь этот гастрольный месяц.

Публика тогда в Черновцах была потрясающая. Я помню, как, стоя за кулисами, каждый раз буквально ощущал накатывающие на сцену из зрительного зала волны хохота, — когда на сцене появлялись поочередно Рома и Витя, когда они выходили вместе, когда читал Миша. В программе тогда были два монолога — "Оптимист" и "Пессимист", и я до сих пор не могу забыть, как почти встык с уходом под аплодисменты со сцены оптимиста Ромы появлялся из-за другой кулисы мрачный (в кепке, руки в карманах) Витя и, проводив скептическим взглядом пританцовывающего Рому, поворачивался к публике и бросал: "Сволочи все!..". Что вызывало в зрительном зале не только взрыв смеха, но и бурные аплодисменты.

Сказать, что Витя был замечательный артист, — мне кажется, ничего не сказать. Он мог быть и неплохим режиссером. Думаю, он и был им. Карцев и Ильченко в те годы работали со многими постановщиками. Но мне всегда казалось, что в работе с текстами Жванецкого, а тем более с этими конкретными артистами, роль режиссера должна была быть весьма скромной. Рома и Витя идеально чувствовали порой очень сложные для постановки Мишины тексты и часто приходили к режиссерам с готовыми решениями. И тот, кто принимал за основу их вариант (например, Евгений Ланской), как правило, выигрывал.

Роль же Вити в таких случаях была чрезвычайно важна. Когда он видел, что в юморе и в понимании текстов Жванецкого режиссер с ними, так

сказать, одной крови, то очень умело и деликатно давал советы. В противном же случае бывал очень решителен и, как правило, первым из троицы от режиссера отказывался.

А как актер он ставил перед собой сложнейшие задачи.

В ту нашу поездку в начале второго отделения программы стоял большой, чуть ли не двадцатиминутный монолог. Причем не очень смешной. И вот его как раз исполнял Витя. Там у Жванецкого был как бы рассказ какого-то директора клуба о своей жизни с лирическими и житейскими подробностями. И я помню, как в антракте Витя сам выходил на сцену и ставил себе стул для этого монолога, как примерял микрофон, корректировал свет. И как потом, ни на секунду не теряя внимания зала, мастерски читал этот огромный текст, получая в конце искренние аплодисменты по-настоящему взволнованных зрителей.

Но Витя был не только блестящий солист, он был идеальный партнер. Конечно, об этом лучше знает Рома Карцев — он был рядом с Витей на сцене, и ему, как говорится, виднее. Но вот что я неоднократно видел сам, и что меня особенно поражало — это его мимика, смена выражений лица, посадка головы. Помните в миниатюре "Слова, слова..." горделиво запрокинутую голову Ильченко: "Да, надолго — это хорошо..."? Или его же самодовольно-высокомерное лицо в "Теории относительности" — "относительно домов..."?

А блестящая, совсем по Станиславскому, игра Ильченко в изумительной миниатюре Жванецкого "На работе и дома" (один из вариантов названия — "Мужчина и женщина")? Невозможно забыть, как голый по пояс Витя в образе забитого инженера, пригласившего свою сослуживицу (ее играла Люся Сафонова) на свидание в квартиру друга, вместо того чтобы тут же приступить к "делу", говорит с ней о работе, жалуется на начальника и доводит себя до такого состояния, что кричит: "...Ты большой начальник, у тебя сегодня крупный пост, хорошо... Так сколько ручек на крышку ставить? А? Не знаете? Все! Билет на стол! Квартиру под детсад — и домой, по шпалам, по шпалам!..".

А ни на чьи не похожие характерные Витины интонации! "Кольцов, вы, конечно, были на работе!.. Отпустите собаку, товарищи, я уже с ним разговариваю!" ("Дурочка").

Между прочим, про собаку у Жванецкого, кажется, не было, здесь Витина (причем не первая и не последняя!) удачная импровизация.

Нет, что и говорить, неповторимые модуляции Витиного голоса звучат у меня в ушах до сих пор.

Карцев. Чем докажете, что вы Петров?

Ильченко. Да чего ты, чего ты, чего ты?! Я двадцать лет тут сижу работаю, чего ты?..

("У кассы", или "Кассир и клиент")

А вот знаменитая миниатюра "Ставь птицу":

Карцев. А ребята брали...

Ильченко. Какие ребята, кто их видел?..

Или там же: "Втулка — она коническая..."

А "Свадьба на 170 человек"!

Карцев. Остановите здесь, пожалуйста.

Ильченко. А платить?

Карцев. Как? Разве не оплачено?

Ильченко. Уже третья семья выскакивает. Я монтировкой пересчитаю всех. Оплачено, оплачено...

Или из "Диспута" Витино знаменитое, пошедшее сразу в народ, — "Товарищ не понимает...".

Кстати, впервые эта миниатюра, мгновенно ставшая шлягером, была сыграна Ромой и Витей на сцене Одесского Дома актера в театральном капустнике. Если мне не изменяет память, это было в новогоднюю ночь с 1970 на 1971 год. Там кроме "Диспута" были и другие совершенно уморительные номера, и Витя с Ромой и здесь задавали тон, блистали на равных.

Кроме виртуозного исполнения уже упомянутого "Диспута" я запомнил Витю еще в двух сценах того капустника. В одной он блестяще пародировал популярного тогда иллюзиониста Арутюна Акопяна. Номер состоял в следующем. Витя выходил на сцену, говорил: "Берем один маленький бумажка..." — и разворачивал большую афишу нового спектакля их театра. Затем со словами "Складываем этот бумажка" складывал афишу несколько раз, рвал ее на мелкие клочки и, завершив номер словами "Нет бумажка", делал "Ап!".

И зал хохотал и аплодировал тогда не только потому, что это было очень точно и смешно, но и потому, что было остро.

Многие помнят, как некоторые члены комиссии обкома партии и управления культуры, принимающей спектакли Карцева, Ильченко и Жванецкого, готовы были не просто запретить театр, но уничтожить даже упоминание о нем...

И еще один капустный номер с участием Вити стоит у меня перед глазами.

Кажется, в финале представления там была блестящая пародия на бывшие тогда в большой моде народные танцевальные ансамбли. Все участ-

ники представления начинали отплясывать знаменитый молдавский танец жок с характерными притоптываниями и восклицаниями. И вот, помню, один из танцоров — Карцев, бодро топая и охая в такт музыке, вдруг хватался за сердце и, продолжая еще некоторое время, но уже вяло, топать и охать, сползал вниз и оказывался недвижимым на полу. И тут наступал черед Вити: стоя в центре взявшихся за руки танцоров с истовым и одухотворенным лицом, он увлекал их вперед на поклоны, не обращая никакого внимания на упавшего, демонстративно переступая через него...

Роль ведущего в этом капустнике исполнял еще один актер театра — остроумнейший и легкомысленнейший (во всяком случае, в то время) Исай Котлер. Конечно, не он один в этой блестящей компании любил и умел пошутить, но некоторые его импровизации помнят до сих пор многие. Вот, например, поселяемся мы в тех же самых Черновцах в гостиницу "Буковина". А в руках у Исая кроме чемодана две длинные палки, на которые мы вешали наш задник-ковер. Администратор говорит: "А куда это вы в гостиницу с палками?". Исай отвечает: "А я ими рис ем". Нужно было видеть, как хохотал и радовался чужой остроте Витя...

Я проработал в театре Карцева, Ильченко и Жванецкого год — дольше скрывать свое полное неумение заниматься административно-финансовой деятельностью мне не удалось.

В течение долгих лет после этого я тоже был от них от всех неподалеку — при первой возможности виделся с ними, восторгался их премьерами, даже иногда выпивал, но вот та первая совместная поездка запечатлелась в памяти особенно ярко. Вот мы сидим с Витей, обедаем, и он мне подробно и увлеченно рассказывает полную технологическую схему производства пива...

Гердт читает стихи

Познакомил меня с Зиновием Ефимовичем кинорежиссер Петр Тодоровский. Это было на Одесской киностудии, куда я был приглашен для участия в пробах на роль главного героя в будущем фильме Тодоровского "Городской романс".

А началось все с того, что Петр Ефимович по просьбе одесских властей принял участие в первой встрече одесской команды КВН в сезоне 1969/70 гг. (это был так называемый "Кубок чемпионов") в качестве режиссера. Он поставил нам домашнее задание, которое, помнится, и сыграло решающую роль в нашей встрече со знаменитой когда-то командой

подмосковного города Фрязино. Тодоровский и в нашем случае использовал только ему одному присущее в кино сочетание лирики и юмора. Таким же характерным для него было и умелое использование музыки. Я помню, как волшебно, вызывая каждый раз восторг в наших душах, звучала на репетициях мелодия итальянца Нино Рота из фильма "Восемь с половиной", ставшая лейтмотивом нашего домашнего задания...

Конкурс, а вместе с ним и встречу мы выиграли, с Петром Ефимовичем подружились надолго, что, видимо, и было одной из причин принятия им странного решения пригласить меня на пробы. Я прибыл, мне дали текст, познакомили с прилетевшей из Москвы тоже на пробы актрисой (фамилию не помню) и включили камеру. Через пять минут не только я, но и Петр Тодоровский понял, что никакой я не киногерой, но попросил меня прийти и на следующий день: должна была пробоваться другая актриса, которой мне теперь предстояло просто подыграть.

Ее имя я уже запомнил, поскольку, выполняя техническую роль, совсем не волновался; это была Маша, ставшая впоследствии Машей Соломиной, хотя главную мужскую роль в "Городском романсе" в результате исполнил не только не я, но и по каким-то причинам не Виталий Соломин, а совсем наоборот — Евгений Киндинов. Я знаю, чем утешился не получивший главную роль в фильме Виталий: он нашел себе на пробах будущую жену; меня же вполне устроило то, что я помог Маше успешно пройти эти самые пробы, сыграв таким образом решающую роль в ее встрече с будущим доктором Ватсоном.

И вот мы идем с Петром Ефимовичем по двору киностудии, а навстречу нам Гердт. Он был без проб утвержден на одну из ролей в "Городском романсе" и гостил в Одессе у друзей, часто видясь и с Тодоровским, которого уважал и любил. Причем любил до такой степени, что делал как раз в это время все возможное для переезда семьи друга в Москву. И насколько я помню, аргументы Гердта были, как он говорил, сугубо эгоистическими: он просто не мог дня прожить без Пети. Тот платил Зиновию Ефимовичу тем же; даже район съемок "Романса" в Москве, где были необходимые для фильма объекты, выбрал рядом с домом Гердта, чтобы тот мог приходить на площадку пешком.

Тодоровский представил меня, Гердт сказал, что наслышан (КВН тогда был в прямом эфире, да и интеллигенция его тогда еще смотрела), взял меня под руку, увел от Тодоровского и сразу стал мне читать Пастернака. В некоторых стихах я подхватил строки, некоторые мы прочли, так сказать, в унисон, а раз-другой я даже позволил себе уточнить некоторые сло-

ва. Со временем стало понятно, что у Гердта это был такой своеобразный тест: знание стихов, и прежде всего, Пастернака, было как бы пропуском в его мудрую поэтическую душу. После того знакомства я еще несколько раз виделся с Гердтом в доме его одесских друзей, куда и для меня была открыта дверь, а когда я вновь оказался в Москве, то несколько раз даже побывал в гостях в его двухкомнатной квартире на улице Телевидения в крашенном темно-синей краской новом доме. Помню, вот я прихожу на съемки, жду, когда Зиновий Ефимович отснимет свой эпизод, и мы идем с ним по свежему снегу к его отчетливо видимой синей девятиэтажке, где на первом этаже была его квартира. Он меня угощает обедом, потом уже в сумерках, не зажигая света, мы опять читаем Пастернака, перекидываемся строчками, потом доходим до романа в стихах "Спекторский", откуда я тоже знал наизусть какие-то куски, скажем, такой:

Привыкши выковыривать изюм
Певучестей из жизни сладкой сайки,
Я раз оставить должен был стезю
Объевшегося рифмами всезнайки.

Я бедствовал. У нас родился сын.
Ребячества пришлось на время бросить.
Свой возраст взглядом смеривши косым,
Я первую на нем заметил проседь.

Но я не засиделся на мели.
Нашелся друг отзывчивый и рьяный.
Меня без отлагательств привлекли
К подбору иностранной лениньяны...

Потом он начинает мое самое любимое из "Спекторского":

Поэзия, не поступайся ширью,
Храни живую точность: точность тайн.
Не занимайся строчками в пунктире
И зерен в мере хлеба не считай...

И я подхватываю:

Недоуменьем меди орудийной
Стесни дыханье и спроси певца:
Неужто, жив в охвате той картины,
Он верит в быль отдельного лица?..

Потом я напоминаю ему волшебное, буквально сверкающее оттуда же:

Поселок дачный, срубленный в дуброве,
Блистал слюдой, переливался льдом,
И целым бором ели, свесив брови,
Брели на полузанесенный дом...

И тут выясняется, что я тоже когда-то обратил внимание и чуть ли не помнил наизусть напечатанный в пастернаковском томе "Библиотеки поэта" в разделе "Ранние редакции" потрясающий фрагмент из "Спекторского":

Когда рубашка врезалась подпругой
В углы локтей и без участья рук,
Она зарыла на плече у друга
Лица и плеч сведенных перепуг,

То не был стыд, ни страсть, ни страх устоев,
Но жажда тотчас и любой ценой
Побыть с своею зябкой красотою,
Как в зеркале, хотя б на миг одной...

В тот вечер Зиновий Ефимович подарил мне свою фотографию с очень теплой и очень лестной для меня надписью...

С тех пор я много раз слышал, как Гердт читал стихи. Это было неподражаемо! Мне довелось бывать на концертах выдающихся чтецов. Я помню прекрасное чтение Пушкина Дмитрием Журавлевым; несколько раз слушал поэзию Гарсиа Лорки и Жака Превера в изысканном исполнении Вячеслава Сомова; до сих пор у меня в ушах звучит мгновенно запомнившаяся с сомовского голоса миниатюра Раймона Кено:

Возьмите слово за основу
И на огонь поставьте слово.

Добавьте мудрости щепоть,
Наивности большой ломоть,
Немного слез, немного перца,
Кусок трепещущего сердца
И на конфорке мастерства
Прокипятите раз и два
И много-много раз все это.

Теперь пишите... Но сперва
Родитесь все-таки поэтом!

Я слушал стихи Давида Самойлова в великолепном исполнении Рафаэля Клейнера, слушал Михаила Казакова, Сергея Юрского... Но я все равно считаю, что лучше Зиновия Гердта никто стихов не читал! Он читал просто, естественно, озабоченный лишь тем, чтобы донести до слушателя всю красоту и глубину стиха. Это не было актерским чтением. Он ничего особенно не педалировал. Он лишь подчеркивал мысль, чуть-чуть выделял особенно нравившиеся ему строки и сочетания слов, да, он как бы делился своим восторгом перед силой поэтического слова, но делал это сдержанно, благородно, никому ничего не навязывая.

Помню, как-то при мне он начал читать Лермонтова — "Наедине с тобою, брат...", "Сон" ("В полдневный жар в долине Дагестана..."). Возникло ощущение, что я слышу эти стихи впервые, какая поэтическая мощь, какая красота! Эти три сна в одном "Сне", эта ирония и печаль в "Брате"! И опять я запомнил стихи с голоса наизусть. Запомнил навсегда...

Как-то Зиновий Ефимович поведал мне, как он попал в театр Образцова. Я не помню рассказ буквально, но суть была в следующем. Гердт всегда мечтал стать актером. До войны он был участником Арбузовской студии и исполнителем одной из ролей в коллективно написанной знаменитой пьесе "Город на заре". С войны Гердт вернулся инвалидом, но мечта осталась. Какой театр согласится взять хромого? И тогда Гердт решил пойти к Образцову: это был театр кукол, и актеры там играли за ширмой. И когда Гердта пригласили в комнату, где заседала возглавляемая Образцовым некая комиссия, и спросили, что он умеет делать, Гердт начал читать стихи. Он прочел несколько и остановился. Образцов сказал: "Еще!". Гердт снова прочел несколько. Образцов вновь попросил продолжать. "Я читал часа полтора, — рассказывал Гердт, — и меня зачислили. Образцов сказал: "Берем. В крайнем случае, будете читать нам стихи".

Я еще раз прошу прощения, что решился написать об этом, не помня рассказ Зиновия Ефимовича дословно...

Гердт читал мне Самойлова, с которым близко дружил; благодаря Гердту я внимательно вчитался и полюбил Твардовского.

А вот рассказ о его личной встрече с Александром Трифоновичем. Гердты приобрели половину дачи в Красной Пахре (во второй ее части жила семья Константина Симонова). А в этом дачном поселке уже давно жил Твардовский. Так вот Зиновий Ефимович рассказал, как однажды встретил гуляющего в лесу поэта и, набравшись смелости, познакомился с ним. Они шли, беседовали, и вдруг Гердт неожиданно начал декламировать:

В чем хочешь человечество вини
И самого себя, слуга народа.
Но ни при чем природа и погода,
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни...

Эти стихи только что появились в "Новом мире", и Зиновий Ефимович сразу запомнил их наизусть. Он прочитал их поэту до конца...

...Безветренны, теплы, почти что жарки,
Один другого краше, дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листвы
В самой Москве, в окрестностях Москвы
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.
Перед какой безвестною зимой
Каких еще тревог и потрясений
Так чист и ясен этот день осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой?..

Гердт рассказывал, как он волновался, читая, даже опустил голову. Поднявши глаза, он увидел, что Твардовский плачет...

Нетрудно высчитать, что встреча Зиновия Ефимовича с Твардовским состоялась ранней осенью 1968 года, советские танки только что вошли в Чехословакию; строка о пражском парке подсказывала, в связи с чем было написано стихотворение. Это все мне тоже рассказал Зиновий Ефимович...

Как-то в один из своих частых в те годы приездов в Москву я позвонил Гердтам и услышал от Татьяны Александровны, жены Гердта: "Зямы сейчас

нет, приходи вечером, расскажешь об Одессе...". Татьяна Александровна относилась ко мне тоже по-доброму, но несколько иронически. Так, за мою провинциальную привычку приходить в дом с цветами она называла меня одесским пижоном. В принципе, завоевать доверие жены Гердта было довольно трудно, я, честно говоря, еще легко отделался... Но это так, к слову...

И вот я прихожу вечером, у Гердтов гости, меня приглашают к столу, и я оказываюсь рядом с Александром Моисеевичем Володиным — великим драматургом, автором киносценария знаменитого "Фокусника", снятого Петром Тодоровским в 1967 году с Гердтом в главной роли. Гердт ведет стол (это отдельная поэма), взрывы смеха идут без пауз, я быстро хмелею (поэтому, видимо, никого из гостей, кроме Володина, сидящего рядом, не запомнил). Время мчится, и вот мы уже едем, а потом идем с Александром Моисеевичем, которого я вызвался проводить, по снежной Москве, и я с жаром читаю ему наизусть Твардовского, которого, по сути, открыл мне Гердт. Здесь и "Две строчки", и "Дробится рваный цоколь монумента", и "Немного надобно труда...", и "Полночь в мое городское окно", и начало "Теркина на том свете...". Читал я, видимо, хорошо, поскольку был пьян, а значит, смел. Александр Моисеевич не перебивал меня, восторгался стихами, говорил, что слышит их впервые, я удивлялся тому, что он может их не знать, и до сих пор во мне живет ощущение, что иронический, склонный к мистификациям Володин просто меня тогда разыграл...

Еще одно яркое воспоминание, связанное с Зиновием Ефимовичем, — одесская Юморина 1976 года, к организации которой я имел тогда прямое отношение. Мы пригласили уже невероятно популярного к тому времени Гердта (фильм Швейцера "Золотой теленок" вышел в 1969 году). Он приехал с Петром Тодоровским, и на главном концерте Юморины в филармонии под гитарный аккомпанемент Петра Ефимовича они исполнили вместе специально написанные Гердтом куплеты, начинавшиеся так:

Послушайте, граждане, дамы, мужчины,
Мы выложим наш аргумент:
Какие быть могут еще Юморины
В такой напряженный момент?!

В то время как целый народ в Ламцедроне
Военщине рвет потроха,
Они в филармоньи сидят, как на троне,
И все им хи-хи да ха-ха...

Номер имел бешеный успех, который только возрос после исполнения Гердтом и Тодоровским на бис таких же куплетов, посвященных Утесову.

А в девяностые годы мне посчастливилось видеть Гердта уже на петербургском фестивале юмора "Золотой Остап", где он был и лауреатом, и почетным гостем. Вот он выходит на сцену и тоже читает стихи, потом рассказывает невероятно смешной, тем более в его исполнении, анекдот про случай с охотником. Помните? Охотник проваливается в медвежью берлогу, страшно пугается, видит там медвежонка и шепотом спрашивает: "Папа дома?". Тот: "Не-ет." — "А мама?" — "Не-ет". Охотник, осмелев: "А ну, вали отсюда!..". Медвежонок зовет: "Бабушка-а-а!..". (Ах, как Гердт это произносил!..) Потом Зиновий Ефимович зовет на сцену Валентина Гафта и просит прочесть новую, посвященную ему эпиграмму, и тот читает: "О необыкновенный Гердт! Он сохранил с поры военной одну из самых главных черт: колено-он-непреклоненный!" — и зал взрывается овацией. И Гердт, прихрамывая на свою негнущуюся раненную ногу, сходит в четырехтысячный зал, который стоя приветствует его...

Тогда же (а возможно, это было и во время другого "Золотого Остапа") я, помню, спустился довольно рано в бар гостиницы, где жили гости фестиваля, выпить чаю и обнаружил там одиноко сидевшего за рюмкой коньяку Александра Володина. Я поздоровался с ним и, поскольку он меня не узнал, сел за другой столик. Через минуту появился Зиновий Ефимыч, к которому, видимо, и пришел Володин. Они обнялись и стали выпивать понемножку уже вместе. Был какой-то живой разговор, потом пошли стихи, бар понемногу заполнялся гостями "Остапа", и вот уже всех нас приглашают к столу, где они сидели, и мы неожиданно становимся зрителями и слушателями невероятного бенефиса этих двух остроумнейших и доброжелательнейших людей, которые были так рады друг другу, что почувствовали непреодолимое желание поделиться этой радостью с другими. И конечно же, опять были стихи, стихи, стихи...

Я думаю, что поэзия значила для Гердта очень многое, в частности, она заменяла ему религию: его мудрость, благородство, всегдашнее следование понятиям чести и достоинства, гармоничность его натуры были в нем именно от русской поэзии. Он поклонялся ей, причем вполне допускал в этой своей вере многобожие: Пушкин, Лермонтов, Пастернак, другие замечательные поэты были для него всю жизнь истинными богами...

Возвращаясь же к временам, когда судьба в лице Петра Ефимовича Тодоровского подарила мне знакомство с выдающимся артистом и прекрасным человеком Зиновием Ефимовичем Гердтом, я вспоминаю одну

встречу, когда я его немного подвел. Однажды, было это, кажется, году в семидесятом, Гердты взяли меня с собой к уже переехавшим к тому времени в Москву Тодоровским. Помню, мы пришли к ним в двухкомнатную квартиру на проспекте Вернадского, вытащили принесенные с собой бутылки и тут же сели к столу. Тем более что повод, по которому Тодоровские решили собрать гостей, красовался именно на столе: там сияла желтовато-стальным светом огромная овальная банка югославской ветчины. Кто помнит советские времена, согласится, что стать тогда обладателем подобного деликатеса было не только огромной удачей, но и настоящим праздником. Мы выпили за удачу и приступили к ее уничтожению. Со временем к нам присоединились дочь Гердтов красавица Катя со своим тогдашним мужем молодым театральным режиссером Валерием Ф. Конечно, банка ветчины была замечательным поводом для встречи, но по мере насыщения повод этот как-то стал меркнуть, и тут Зиновий Ефимыч намекнул, что раз я как-никак из Одессы, то должен взять по возможности художественную часть на себя. Я несколько раз пытался сказать что-нибудь если и не смешное, то хотя бы осмысленное, но не преуспел в этом: во-первых, здесь были Гердт с Тодоровским, шутить при которых было глупо, во-вторых, молодой театральный режиссер сидел за столом с таким видом, что ни у кого не возникало сомнений в его великом будущем, ну и наконец, присутствие красавицы Кати как ничто питало мое косноязычие.

Гердт оставил свои попытки меня реанимировать и стал невероятно смешно петь малоизвестные одесские частушки из утесовского репертуара, помню, про какую-то Франечку. При этом он так виртуозно подражал утесовской манере, что мы просто падали со стульев.

Вечер "Гердт в роли Утесова" продолжался и дальше и завершился опять стихами: Зиновий Ефимович уморительно прочитал в образе Утесова лермонтовское "Выхожу один я на дорогу...". Я тогда впервые узнал, что Утесов в уже более чем зрелом возрасте полюбил стихи Лермонтова, причем полюбил до слез. Уверен, что и здесь не обошлось без Гердта...

Евгений ДЕМЕНОК

Утопии

* * *

В нашем городе, который не так давно стал центром мировой культурной жизни и Меккой для ценителей искусства, развернулась жестокая борьба между группировками приверженцев различных видов искусства. Появился и даже стал привычным термин "культурный терроризм". С первых полос газет не сходят репортажи об очередных разрушениях и жертвах. Основная борьба развернулась между группами так называемых "кваров" и "анти-кваров". Если первые являются горячими приверженцами и собирателями современного искусства, утверждая, что все старое уже отжило свое, и мы должны оставить свой оригинальный след в истории, то вторые как раз наоборот, ценят проверенные временем шедевры. Квары яростно доказывают в публичных дискуссиях, что искусство должно быть актуальным и отражать основные признаки современности, и только так потомки смогут достоверно узнать о том, как мы жили, потому что через сто, двести, триста лет никто не будет помнить имена сегодняшних политиков, депутатов и олигархов, а будут помнить только имена писателей, художников и ученых. Анти-квары с этим в принципе соглашаются, но не менее яростно утверждают, что потомки могут сложить превратное мнение о нашей эпохе, увидев современную концептуальную мазню, в которой ни красоты, ни техники, и которую нужно рассматривать, только прочитав предварительно три листа пояснений того, какой же именно смысл автор хотел, но не смог вложить в свое творение. Время все расставляет на свои места и проверяет авторов на прочность. Сегодняшний кумир завтра может быть совершенно забыт, а скромный трудяга, не блиставший в многочисленных интервью и на светских тусовках, станет символом времени, и его работы будут цениться все больше и больше. Вот почему мы наслаждаемся проверенными временем шедеврами и именно их коллекционируем.

Довольно быстро дискуссии перешли из вербальной в реальную плоскость. Анти-квары стали громить Музей современного искусства и новомодные галереи, а квары отыгрывались на Музее западного и восточного искусства и Художественном музее. В самом безопасном положении оказалась третья группа, о которой мы еще не упомянули. Футуристы являлись приверженцами искусства будущего. А так как его еще физически не существовало, они-то и понесли наименьшие материальные потери.

* * *

Он был истово культурным, молился перед просмотром фильмов Линча и Гринуэя. В углу перед портретом Мерлин Монро работы Уорхола у него всегда была зажжена свеча. Он был в курсе всех событий, книги Пелевина были у него на столе не только раньше того дня, когда они выходили в печать, но раньше того дня, когда сам Пелевин их заканчивал. Он очень хотел войти в историю. К его глубочайшему сожалению, Господь не дал ему творческих талантов. Он не умел толком ни сочинять, ни рисовать, да и фотографии получались не очень. Поэтому оставалось только ярко умереть. Кумирами его были Курт Кобейн и Майк Хатченс. Он хотел закончить жизнь так же ярко, как они, чтобы о нем говорили и писали много десятилетий подряд. Чтобы стать легендой если не при жизни, то после смерти. Он два раза стрелялся и трижды выбрасывался из окна, но тщетно. Всему виной было крепчайшее здоровье, доставшееся ему от родителей. Не пристало тонкому эстету и ценителю искусства быть таким здоровым, но гены штука упрямая. Переход в вечность, окутанную славой, откладывался на неопределенный срок, но тут ему пришел на помощь Дэмиен Херст. Да-да, не кто иной, как гуру современного искусства. У Пинчука открыли его выставку, а выставка открыла глаза нашему герою. Даже не вся выставка, а один ее экспонат. Повешенная корова с выпущенными кишками. Это был блестящий вариант. Он арендовал на три дня лучший выставочный зал города и дал рекламу о незабываемом и шокирующем перформансе. На открытии зал был набит битком. Что произошло дальше, вы догадались сами. Это был миг упоения славой. Он оказался блестящим перформером. Здоровье и тут не подвело, и все три дня он подмигивал посетителям и корчил рожицы, качаясь в петле. Жаль только, иракских денег не нашлось, и пришлось разбросать в луже наши гривни.

* * *

Может ли домохозяйка управлять государством? Этот вопрос никогда не беспокоил меня раньше, да и сейчас не беспокоит. Но как-то недавно он всплыл из глубин на поверхность моего же сознания (хорошо, что не чужого сознания, а то неудобно было бы как-то, все-таки время позднее), и я начал его думать. Вот что мне придумалось.

Объявление в газете (его же можно крутить по радио и даже ТВ): "Курсы для домохозяек по управлению государством. Трехступенчатая

система обучения. По окончании курсов выдается свидетельство установленного образца. Лучших выпускников трудоустраиваем".

А вообще, это очень сложный вопрос. Потому что, если начала управлять государством, домохозяйку нельзя уже так называть — она теряет свой домохозяистый статус, и управляет государством уже государственный деятель. А еще управление государством сильно отвлекает от домашних дел, и с такой загрузкой домохозяйка не сможет в полную силу домохозяйничать. Вывод — домохозяйке лучше всего управлять государством по совместительству, на полставки.

* * *

"Поэт в России больше, чем поэт". Уверен, эту загадочную фразу слышало большинство из вас. И хотя смысл ее лежит, казалось бы, на поверхности, я не побоялся и решил поискать более глубокие, потаенные ее смыслы. Исследовать ее, так сказать, не вширь, а вглубь. И снедаемый любопытством, отважно бросился в пучину раздумий. Сначала в голову лезла всякая чепуха типа: "Поэт в России больше, чем писатель". Ну, это естественно, — если писатель, к примеру, при росте 165 см весит 70 кг, а поэт при росте 185 см весит 105 кг, это утверждение верно. Тут, как у боксеров перед поединком, — важны правильные весы.

Потом полезло более злободневное: "Поэт в России больше, чем садовник, но все же меньше, чем сержант ГАИ". Это тоже понятно — роль творческой интеллигенции всегда принижалась, а тем более сейчас, когда появились новые "хозяева жизни". У сержанта и полномочий, и возможностей гораздо больше. Кроме того, не все поэты знают правила дорожного движения.

Потом всплыло вот что: "Поэт в России больше, чем поэт, лишь потому, что влез он в Интернет".

Но мне все время казалось, что смысл гораздо глубже. И тогда меня осенило — мы знаем только часть фразы, ее оборванный кусок! Поэтому и не складывалось! И на волне озарения фраза завершилась сама собой! Привожу ее целиком: "Поэт в России больше, чем поэт... в Монголии"!

* * *

Я тихо стояла в стороне и ела рыбу. Потом ко мне подъехали на здоровенном мотоцикле два больших парня в кожаных штанах и куртках. На их лицах росли большие бороды. Они предложили мне заняться с ними групповым сексом. Хотя мне было уже за сорок и я навидалась всякого

в этой жизни, я согласилась. Потом они спросили, есть ли у меня квартира, где они могут помыться и отдохнуть, а потом заняться со мной групповым сексом. Я сказала, что есть, и они предложили мне сесть с ними на мотоцикл и поехать на мою квартиру. Но у меня не было мотоциклетного шлема, а ведь мотоцикл — опасный транспорт, и я сказала, что без шлема с ними не поеду. Они начали чертыхаться и пытались втянуть меня на мотоцикл, но я человек принципиальный и ни за что не согласилась. Тогда один сказал другому: "Поехали за шлемом", — и этот другой попросил меня стоять на этом месте и ждать их. Я сказала, что они сами тоже без шлемов, и это неправильно. Я бы на их месте так не ездила. Они не послушались и уехали. Почти сразу их остановили милиционеры из госавтоинспекции. Мне не было слышно, о чем они разговаривали, но мотоциклисты начали громко ругаться, а милиционеры тоже громко ругались. Вдруг один из бородачей выхватил пистолет и выстрелил в офицера (или не офицера, я не очень разбираюсь в воинских званиях). Офицер неожиданно тоже выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в бородача, как бы отстреливаясь. Бородач упал. Другой бородач поднял руки, и милиционеры затолкали его в машину и уехали. Я уверена, что если бы у них были шлемы, ничего бы этого не произошло. Я привыкла к человеческой неосмотрительности. Я поняла, что ждать бородачей уже не стоит, и пошла на заседание секции любителей книги при Доме ученых. На небе был красивый розовый закат, который нежно окрашивал мою любимую арку у входа на Ланжерон.

Обри Бердслей

Для меня Обри Бердслей – это точность и четкость, ирония и контраст, игра в шахматы, где лицом к лицу снова сталкивается черное и белое. У Бердслея в запасе много ходов, он многогранен и талантлив, он иллюстратор, декоратор, великий эстет своего времени... Его графика – это шах и мат, но сегодня речь пойдет о другом. Его ход конем – это его литературные произведения. Их совсем немного, но каждое их них, как редкий драгоценный камень, – совсем не то, что громоздкие украшения с обилием бриллиантов. И пусть они не столь известны, как его рисунки и иллюстрации, но кто сказал, что нужно всем рассказать о своем потайном ходе, ходе шахматного коня?..

Наталия БОГАЧЕВА

Застольная болтовня

Бромптонская часовня

Единственное место в Лондоне, где можно забыть, что сегодня — воскресенье.

Вебер

Фортепианные сочинения Вебера напоминают мне о великолепных хрустальных люстрах в Королевском павильоне Брайтона.

Жорж Санд, etc.

И все-таки все Музы — женщины, и нужно быть мужчиной, чтобы обладать ими — должным образом.

Мендельсон

У Мендельсона нет дара построения. У него есть всего лишь чувство последовательности.

Шекспир

Когда англичанин открыто заявляет о превосходстве Шекспира над другими поэтами, он считает, что это дает ему право не изучать общий курс литературы. Это дает и другое право — не так подробно изучать творчество Шекспира.

"Stabat Mater" Россини

Партия Скорбящей Матери должна звучать из уст Богоматери Моралеса, одной из тех дев испанского художника, чей болезненный вид вызывает сомнения в способности Богорождения, а высокий матовый лоб овальной формы обрамляют хорошо завитые шелковистые локоны.

Александр Поуп

В сатире Поупа больше желчи и меньше жара, чем у любого другого великого сатирика. Образ его Спораса — совершенство сатиры. Звук самих слов ранит прежде, чем пронизывает смысл.

Импрессионисты

Как мало молодых английских импрессионистов знали разницу между палитрой и самой картиной! Но я считаю, что в этом превосходно разбирался хитрец Уолтер Сикерт!

Тернер

Тернер — не более чем риторик в живописи! Именно поэтому он нравится Рескину.

Английская литература

Какая все-таки домашняя английская литература! Несложно назвать 50 не столь интересных французских писателей, которых читают во всем мире. Гораздо сложнее назвать 4 величайших английских писателей, которых читают хоть где-то, кроме Англии.

До чего поражен

Я так поражен, что даже мои легкие поражены.

Простуда

Я простудился, — а все из-за того, что вышел погулять без кисточки на своей трости!

Христианство

Во времена Нерона христиане пылали, как церковные свечи — единственный источник света, который у них когда-либо был.

На заметку коллекционеру

Рекламное объявление — вещь для современной жизни совершенно необходимая, а уж чем привлекательнее и понятнее его делают, тем теплее становятся отношения между производителями мыла и теми, кого это мыло интересует.

Обычное представление о картине заключается в том, что это изображение, написанное маслом или акварелью, и что участь его — висеть на стене чьей-то комнаты или картинной галереи, чтобы удивлять недалекую публику, пришедшую на нее поглазеть. Никто не ожидает, что картина окажется хоть чем-то полезной в каждодневной суете. Художнику в наши дни достаточно просто дать ей подходящее название и повесить ее.

А вот рекламный плакат оправдывает свое существование исключительной практичностью, и если его создатели будут и дальше стремиться к совершенству линий и цвета, возможно, наши скромные коллекции и станут в один ряд с картинными галереями, а дизайнеры рекламных афиш будут гордо смотреть в глаза общественности, как мастера Холланд Роуд или Бонд-Стрит Барбизон (при этом никакой платы за вход в галерею и никаких каталогов).

И все же бытует мнение, что художник, который тратит свой талант на рекламные плакаты, — не чета настоящему серьезному мастеру. Критики не могут обнаружить, а значит, и обсудить манеру письма, художники неодобрительно косятся на работу, представленную публике с полным отсутствием рамы, не говоря уже о том, что для подобных работ никто не позирует, а самой публике сложно принять всерьез плохо напечатанный плакатик, оставленный на милость солнца, пыли и дождя, как старинная фреска на двери итальянской церквушки.

Какого мнения по этому поводу придерживаются расклейщики афиш и те люди, чья работа — носить рекламные объявления на себе, я пока не знаю. По крайней мере, первые — неплохая замена для комитета по отбору картин на выставку, а рабочая одежда вторых — компания получше некоторых картин и не так навязчива, как, например, краски пурпурного цвета.

Счастливы те художники, которым удается избежать несправедливости судей и махинаций дельцов. Они старательно соблюдают границы своего мира, своего искусства и время от времени позволяют нам туда заглянуть, избегая мира тревог, в котором живут те, чей выбор — выставлять свое искусство, а значит, и себя напоказ.

Вскоре Лондон будет сверкать своими разноцветными рекламными щитами, а на фоне серого лондонского неба будут ярко гореть причудливым орнаментом рекламные огни. Город сдался на милость победителя, и телеграфные провода наконец-то перестанут быть единственной радостью нашего эстетического восприятия.

Что же касается технической стороны дела, то здесь мне нечего добавить. Говорить о чем-либо, не вдаваясь в детали, — значит, не очень-то разбираться в этих деталях, а уж тем более бесполезно формулировать правила изготовления самих плакатов. Все уже устали от голосов критиков, похожих на нахохлившихся попугаев на жердочке, которые с важностью рассуждают о технических подробностях и только изучают то, что другие творят в своих студиях. Удел этих всезнаек — не более чем плохенькая копия да большие претензии к оригиналу. Но если есть кто-то, кого интересует не то, как делают плакаты, а то, какими они должны быть, — я с радостью дам им адреса одного или двух джентльменов, покровителей искусства, которые предоставят всю необходимую информацию.

Борис ХЕРСОНСКИЙ

Плохой район

* * *

Раз в год выбираться к морю, чтоб убедиться — оно
еще существует, хотя и забыло давно
о тебе и о городе на берегу.
Раз в год выбираться к морю, как в детстве ходят в кино,
как в игре понарошку сдаются врагу.
Сдаюсь, ничего не могу.

Пляж совершенно пуст, не считая тебя самогю, чаек и голубей,
первые ищут в песке, вторые — у кромки. Дней
через десять похолодает. Пока
можно ходить без пальто. С каждым часом небо все голубей.
Ветерок подует, и стягивает рука
лацканы пиджака.

В парке торговля свернута. Вертится лишь карусель одна
с единственным малышом. Вот и мама. Она
в зеленом плаще, на плече ремешок
черной лаковой сумочки, знавшей лучшие времена.
Все для ребенка. Карусель, лучший кусок,
апельсиновый сок.

Мама одна. По Аллее Славы ветер метет листву по прямой
от обелиска к больнице. Нужно справляться самой.
Остановить вращение, пока не продрог
ребенок, не оберешься хлопот, как прошлой осенью и зимой.
Скорей домой, по осенней Одессе, которую Бог
берег, да не уберег.

* * *

Высокие каменные заборы,
Глухими спинами дома повернулись к прохожим
нетрезвым людям. Заперты на запоры
железные ворота. Умножая, умножим

свое достоянье. Посторонние взоры
не будут его расхищать. Спальня украшена ложем:
стопка подушек лежит пирамидкой,
никелированные спинки кровати с шарами.
Где спрятаны деньги, никто не скажет под пыткой.
За ворота никто не выходит. Особенно вечерами.

Посередине двора — колодец. Вернее — цистерна.
Раз в три месяца туда заливают воду.
На дне, наверно, заводится всякая скверна
копошится, живет, не являя лица народу.

Потусторонний люд посторонним себя не кажет,
даже если лишнего выпьет — лишнего слова не скажет.
Деревца вырастают метра на три — от силы,
шелестят листвою: мы не просили,
чтобы нас в эту черствую землю сажали.
Дети тоже не просят, чтоб их рожали.

По переулку баба Дуня и баба Сара
домой по две кошелки несут с базара.
— Дуня, скажите, почем вы рыбу берете?

Трамвай гремит и взвизгивает на повороте.

* * *

вдоль нового рынка идет николай нидворай
несет мешок в мешке стеклотара звенит
живи не тужи бутылочки собирай
жарит летнее солнышко забравшись в самый зенит

девушка спросит пивка отойдет от лотка
высосет николай нидворай смотрит исподтишка
бутылку поставила к дереву и оставила два глотка
дай ей бог здоровьечка и послушного женишка

железные створки вход в глубокий подвал
ящик на ящике голая лампочка под потолком

на сдаче сидит мужик финикийский ваал
телок телком и рожа хрен с молоком

авось отслюнит николаю пятерик за труды
гад кашалотовы зубы китовы усы
а там над подвалом благодать мясные ряды
бычьи головы гири окровавленные весы

* * *

Маленький магазин.
Рыбий взгляд продавщиц.
Стопка проволочных корзин.
Тьма ненужных вещиц.

Кассовый аппарат
кажет чек-язычок.
Фиолетовых цифр парад.
Щелчок и опять молчок.

Пластиковый кулек,
пластмассовый потолок.
Мертвый неоновый свет.
Просторно, а места нет.

Ни в лавке, ни в горсаду,
не вспомнишь, где этот сад,
ни в раю, ни в аду,
ни под солнцем, ни над.

Ни вовне, ни внутри,
ни памяти ни о ком.
Сплюнь окурок и разотри,
как танцуют твист, каблуком.

Придурок торчит на углу.
Окурок на мостовой.
Проведи ножом по стеклу:
кто говорит с тобой?

* * *

Двухэтажные дома, квадратные дворы,
белые колодцы посреди дворов,
спор домохозяек, гомон детворы,
Илюшенька плачет, чтоб он был нам здоров,

чтоб вырос нам большой, умный как талмуд,
чтоб закончил мукомольный или политех,
чтоб диплом был красный — люди не поймут,
если будет темно-синий, как у них, у всех.

Чтоб от армии отсрочка или белый билет,
чтоб нетронутая девочка, прозрачная фата.
чтоб квартиру получили через несколько лет,
чтоб с детьми не торопились — обстановка не та,

чтобы в комнатке одной не жались втроем,
чтоб морковка, курочка, прозрачный бульон,
чтобы старшим инженером, чтоб как мы живем:
хорошее времечко, жаль — плохой район.

Игорь ЛОСИНСКИЙ

Из цикла "Нота си"

валы

сиреневый огромный май
ворочает валы зеленые
как водится
    в три дня воздвигнут рай
с коринфскими древесными колоннами

забытая на даче книга чуть жива
пропитанная сном и одиночеством
теперь ее бессмысленно читать
в ней между слов обои ночью корчатся

непредставимо было в феврале
что цвета белого иные есть значения
и что не надо ни о чем жалеть
когда ты молишься цветущих крон свечению

шагать стараясь тихо в тишине
дарованной безлюдной яркой ночью
ты чувствуешь
как стала чуть длинней
таинственнее жизнь
    а путь короче

прощается

авось прощается
раз побывал горемыкою
со всяким
    всегда случается
были бы мы безликими
если б не страх
    и отчаянье

взять и отважиться
уповать на далекие милости
и тогда не брести
    но с важностью
присущей вчерашней бескрылости
шествовать
    старостью

и взирать с удивлением
на кругом происходящее
и траву
    ощутить коленями
под беспокойными тенями
уверовав
    в настоящее

зла не припомню я
просто
    кем-то из сонмища
в небесных долах и восхолмиях
белых
    клубящихся
        солнечных
заплутаю
    как в теогонии

от остановки к дому

благословенное лето
как в гипнотическом сне
раскачиваются под ветром
кроны
    у неба на дне

вдребезги расшибаются
лунного света валы
переливаются
гроздья листвы

подпрыгнуть, схватиться
руку пригнуть
того
    кому вдаль торопиться
зачем
    если вверх путь

сколько теплых ладоней
прожилок узор
не утонет
кому суждено в костер

птичье меццо-сопрано
шуршания
    глас
поздно
    рано
и между ними
    сейчас

вечером человечки
после земных трудов
втягивают скоротечность
над головой цветов

становится эпопеей
простых секунд ассорти
самой длинной аллеей
навсегда
    невозможно уйти

время в мире отмерено
этом
    значит и в том
дождь шагает рассеянно
под зеленым зонтом

янтарь

презрели первейшие страхи
разыскивая самок и корм
не ставшие прахом
комахи
застигнутые янтарем

души широким бреднем
ловить еще некому
плоть
липкою каплей
время
в бессмертие облекло

будет
остаться волея
богов улещать мавсол
но в золотом мавзолее
крохотный богомол

крылья
усики
лапки
глаза
рот
грозная краткость
земных щедрот

в лесах обрели странники
тверди прозрачной край
тщета стараний
насекомый рай

симеиз

пыль
    мертвая крепость
бальзамированная травой
струною слепо
звенит зной

после
    штиля
        истерика
заждавшаяся жена
на грудь берега
бросается волна

перекликаются
щебет и ровный гул
душе
    покаяться
кому

трепещущие маки
ветра след на сосне
бог
    каким верить вракам
внутри
вовне

со скал почему-то не страшно
отвесно глядеть вниз
копье подземного стражника
кипарис

моря полная чаша
тугой аромат
пророчествует чайка
на древний лад

царственное лето
солнца ратная медь
увидеть
        это
и лицезреть

я только лишь путник
к дому из темноты
идущий
где ждешь меня
ты

аэд

я не выиграю в лотерею
мне не бродить в облаках
суть
    потеря
жизни
    которая на века

мира избранники
наполеон
    александр
слепой странник
о них не написал

и богоравных воителей
вопреки судьбе
небожители
не причисляют к себе

мы в переборчивой памяти
того кто еще идет
словами останемся
коль повезет

обреченная библиотека
ветру послушный аэд
сулят человеку
многая
        лет

Одесса-63

О.Д.
На солнечном пляже...
А. Вертинский

Как добрые ложки (а ну эти злобные вилки!)
И чуткие стражи,
Пузатые бабушки чинно сидят на подстилке
На солнечном пляже.

Сверкает вода, изумрудная и золотая,
И парус, как лучик,
Пузатые бабушки смотрят, от нежности тая,
На внуков и внучек...

Недавно приятель сказал мне в одном разговоре,
Нескладном немножко,
Что время из всех, так сказать, категорий
Уж точно не ложка

И даже не вилка; пространство добрей и круглее —
Садишься в двуколку
(Ну, в поезд) — раз-два и вернулся! Вот пляж, вот аллеи...
А толку?

Дом отдыха 70-х

Статуи, беседки, тишина.
Все, включая тишину, немножко
Развалилось... В парке дотемна
Взрослые гуляют по дорожкам.

Фонари желтеют сквозь листву.
Ленин, Сталин, Господи помилуй!

Жизнь, как в школе, жмется к большинству,
В большинстве, как водится, немилому.

Брежнев, Каплер, комнатный балет
Смыслов и непрожитого воздуха...
Вот и получается, что нет
Ничего прекрасней дома отдыха.

* * *

Преподаешь английский — свет на ключ
Закрыт, но вдруг взрывается, как будто
Аплодисмен-(качается каюта)-
Тами; мартышка прыгает, как луч.

Цирк на гастролях; дрессировщик с чаш-
(Качает)-кой эспрессо и галетой
Сидит в рубашке с воротом апаш
На палубе под куполом из света.

Прозрачная качается каюта,
Лучи и тени ходят по стене...
Чем неслучайней наши объясне-
(Держись!)-ния, тем гаже почему-то.

Первая правда

Из заросшей музыкой, как мхом,
Первой правды (небо, окна, стены)
Не видны ни куст, ни стол, ни дом —
Только освещенный угол сцены.

Это не премьера, не прогон —
Просто репетиция, когда и
Цвет не различает цвета, звон
Сам, где он, звонит, не понимая;

Ритм не держит ритм — и только страх,
Не смущаясь немотою зала,
В белых электрических лучах
Впечатляет с самого начала.

* * *

Noblesse oblige. Старик совсем облез.
Чуть что — прыг-скок — и убегает в лес
Сидеть на пне, гудеть-бубнить ab ovo:
Разве мальчик в Останкине летом... И прочее...
То забывая слово,
То вспоминая...

А то летит на велике без рук,
Шурша, за кругом нарезает круг,
То забыва... то вспоминая слово,
То бабочку раздавит, то грибы...
Эх, Брэдбери бы на него и Чжоу
Чжуана бы.

Вот возвратился б он на свой чердак,
А там не так, вернее, слишком так,
Как есть — и все бы вдруг распалось,
Скажу ль, с очей упала б пелена,
И *забыва* б уже не отличалось
От *вспомина*.

Москва

Наталья БЕЛЬЧЕНКО

Стихи, написанные в Одессе

Ул. Еврейская угол Осипова

* * *

Бежать по капелькам к тебе,
Теряясь между проводами,
Или сидеть себе в тепле,
Когда разверзлась хлябь над нами?
Должно быть, в городе чужом
Всяк лучше, чем в своем исконном,
Где напряжен и отражен
До самой смерти небосклоном.
А здесь, за тридевять земель, —
Ни пораженья, ни защиты,
Хоть стрелы попадают в цель
И гвозди правильно забиты.
Ты под зонтом, что аммонит
В земле, — в дожде своем сохранен.
Жизнь предлежит и предстоит,
И предлетит, как марсианин.

* * *

В Одессе, в дождливой осаде
С мурлышкою кошкой меж ног...
Стихи пробегают во взгляде —
От взгляда стихи наутек.
В квадрате двора, посредине,
Акацию встретил орех.
А что я умею доныне?
Всего лишь скрываться от всех
За кошкой, орехом и книжкой,
За городом южным, дождем,
За воздухом и передышкой
Любви, раздышавшейся в нем.

Все это летуче, как бегство,
Хоть грудью к груди прилегло,
И радость по имени бездна
Разверзлась по слову Его.

Киев

Анна СТРЕМИНСКАЯ-БОЖКО

"Ко мне пришел пришелец ранним утром..."

* * *

В окне ателье заводной манекен что-то шьет,
еврейский портной, что старательно делает дело.
Он ручку машинки без устали вертит умело
и, кажется, тихо под нос себе что-то поет.

Невидящим взглядом в себя лишь он смотрит, и вот
невидимых тканей мы слышим уже шелестенье.
И платьев невидимых блеск ослепит на мгновенье,
и глупый король тут поблизости где-то живет.

Для всех королей он нарядов неспешно нашьет,
а также их жен и детей ни за что не забудет.
А мимо проходят уставшие буднично люди,
и каждый наверное знает, зачем он живет.

Но здесь с выраженьем необщим лица тот сидит,
кто знает, зачем неживой он, и с тихой улыбкой
он вертит машинку, и тянется времени нитка.
И время под пальцем его словно ткань шелестит.

* * *

Здесь дом стоял и рухнул на исходе
отпущенных ему ста с лишним лет.
Тут продавали керосин и вроде
когда-то уголь, говорил сосед.

Теперь упал, и внутренности дома
наружу все — желтеет ракушняк.
Доска торчит — зияет рана слома,
уже трава растет сквозь боль и мрак.

Собаки спят на бедных тех останках,
стена стоит с глазницею окна.

Летит вишневый цвет, как будто манна
небесная, с утра и дотемна.

Летит вишневый цвет и покрывает
остывшей жизни мимолетный след.
Снега его так щедро засыпают,
листва желтеет, вишни сок пускают,
собаки спят, и смерти вовсе нет.

Мяо-цзы

Ко мне пришел пришелец ранним утром,
прохладным, тихим, виноградным утром.
Сидел на крыше моего сарая,
мяукал тихо, что-то прозревая.

И был он весь, как дым густой и пепел
легчайший, а в глазах его был лепет
огня такого древнего и злого...
Янтарный отблеск зелья колдовского.

И получил он имя — Мяо-цзы.
На крыше он сидел в тени лозы
и размышлял о вечном и мгновенном,
о тленном мире и мирах нетленных...

Он сочинял легенды, сказки, песни,
рассказывал и пел без слов, и если
его брала на руки я, ворчал,
и лишний раз погладить не давал.

И вдруг исчез в один сентябрьский день,
когда вокруг играла светотень.
И душу старого кота забрал с собой —
кошачий серый ангел колдовской.

* * *

Сергей нашел немецкую каску с дырочками от пуль.
Ради смеха надел он ее на голову, и вдруг его захлестнул
поток чужого сознанья и речи нездешней лязг.
И он закричал: "Мою голову прострелили!" — и разум его погас.
И снится ему, что лежит он в поле на чистом белом снегу,
но весь он пронзенный чужою болью: "Майн либен, я встать не могу!
Зачем я лежу на большом покрывале, холодном, как чья-то смерть?
Мою голову прострелили, ох майн Ленхен, майн херц!
Зачем я лежу здесь, подобно снегу, а мне еще нет тридцати.
Ведь если время приказывает нам быть, то пространство
приказывает идти!
Но я умираю, и снег накрывает белой меня простыней...
Я был поэтом, а не солдатом, я хотел вернуться домой.
Всегда мне казалось: надо мною витают ненаписанные стихи.
Но смерть говорит: "Это были пули!". Шаги ее так легки".

С Сергея сняли немецкую каску — зачем нам чужие грехи?
Он долгое время ходил, как блаженный, затем сел за стол
и начал писать стихи.

* * *

Вино и кровь, молоко и вода —
Они на Земле пребудут всегда.
Четыре жидкости — нет древней!
Налей мне воды, и вина налей!

Вино в крови у древних царей
Текло тем быстрее, чем кровь
горячей!
И были войны — алела кровь
В речной воде — вот таков улов.

Недаром в вино претворялась вода,
Недаром в кровь претворялось вино.
Тот прошел свой путь от воды до суда,
Кому это было дано!

И был Он как все молоком вскормлен —
Простым молоком земным.
И млечный туман тех простых времен
Развеялся словно дым...

Но только будут с нами всегда
Вино рассвета, заката кровь.
И день, прозрачный, словно вода,
И молоко облаков...

В конце лета

Холодный дождь нежданный
Не осень — час не пробил
Намокшие платаны
Стоят в солдатской робе
Кругом густая зелень
И мухи не уснули
И птицы не допели
А эти в карауле
Покоя сердце просит
Но дождь нагнал тревогу
Уже пугает осень
Погоду — недотрогу
Такая тишь стояла
Еще вчера над морем
Без запаха скандала
И, уж конечно, горя
Конечно, не допето
Конечно, дождь некстати
Но будет бабье лето
Но будут в легких платьях
Девчонки на бульваре
Прохожим строить глазки
На всех скамейках пары
Дарить друг другу ласки
И мы еще дождемся
Природы снисхожденья
И будет за дождем сим
Покой и вдохновенье

Холодная весна

Была метель в апреле,
Стояли холода.

Душа ждала капели,
Но пели провода.
Метались ветры в раже,
И все ж, настороже
Стояли в стане вражьем
Деревья неглиже,
Храня покой и силу,
Божественную стать.
Убей их, изнасилуй —
Им низкими не стать.
Пустое время года:
Как будто не зима,
Но зимняя погода,
Сошедшая с ума,
До мая бесновалась,
Держала рубежи.
Но все ж пришла усталость,
И вот ручей бежит.
Застывшие в терпенье
Деревья не спешат,
Их будят птицы пеньем,
Но дремлет их душа.
Не почки — взрывпакеты.
Подольше б свет не мерк,
Еще немного света —
И будет фейерверк.
Шестого, в воскресенье,
Перенапрягся торс,
И лопнуло терпенье
У веток абрикос.
Наполнились цветами,
Как будто сговорясь,
И белыми шарами
В саду пустились в пляс.
Тех, кто не видел это
За дальностью сторон,
Зеленою ракетой
Оповещает клен.

И покатилось в стане...
А в День Победы, ночью,
Все свечи на каштане
Зажег Всевышний Отче.

Балаган

Ты приманка, Коломбина,
Для кретина Арлекина
И, конечно, ты "зеро"
Для влюбленного Пьеро

Сюжет

В бойкий кукольный приют
Призывает барабан
Рассмешат и не соврут
Заходите в балаган

Вот, смешнее всех картин:
Весельчак и хулиган
Красномордый Арлекин
Свой вынашивает план

Коломбину чтоб завлечь
Шитый золотом кафтан
Не снимает ухарь с плеч
Ей подносит сарафан

Коломбине сарафан
Хочется надеть сейчас
А блудливый хулиган
Свой выпяливает глаз

Но внезапно рвется нить
Куклы, падая, гремят
Продолженье нужно скрыть
От пытливых глаз ребят

Акт второй: пришел Пьеро
Плачет он над Коломбиной
Неприглядная картина —
Слез наплакано ведро

Вот финал: Пьеро ревет
Арлекин опять хохочет
Коломбина не поймет
С кем она остаться хочет

Идиллия

На деревне именины
Непорочна и светла
Молодая Коломбина
Встала вдруг из-за стола

Коломбина строит глазки
У забора Арлекин
Он, конечно, в яркой маске
И косится на овин

И она ему украдкой
Тоже знаки подает
Плод ко рту подносит сладкий
И вкушает сочный плод

На гумне сидит Пьеро
У него печальный вид
Голубиное перо
В волосах его торчит

Новый месяц встал над лесом
Слышно песню под гармонь
Арлекин дурак повеса
В куртке алой, как огонь

В лес уводит Коломбину
А Пьеро глядит с гумна
Вот еще он видит спину
Вот спина уж не видна

Что ж он будет делать бедный
В поле мальвы собирать
Принесет букетик бледный
Коломбине на кровать

Александр МАРДАНЬ

Ночь святого Валентина
("Потерялась собака...")
Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

Женщина, 42 года
Гость, 43 года
Хозяин, 47 лет

Действие происходит вечером 14 февраля в дачном поселке

На сцене темно.
Звучит ГОЛОС автора:

Дачный поселок Опушка появился недавно. Рядом с сосновым бором выросли дома, окруженные лужайками.

Вечер, 14 февраля, полнолуние. Недавно выпал снег. Он лежит на ветках сосен и подстриженных кустах. Ветви отбрасывают тени, рисуя на снегу загадочные картины.

К самому высокому дому на нечетной стороне улицы подъезжает машина.

Из нее выходит мужчина, помогает выйти женщине. Они идут по расчищенной дорожке к дому. Мужчина открывает дверь. В окнах вспыхивает яркий свет.

* * *

Загорается свет.
На сцене — просторная гостиная загородного дома. Мебель под старину, пианино, камин, перед камином — ковер. Посреди гостиной — небольшой стол.
В комнату входят двое — он и она. Он помогает ей снять шубу, затем снимает дубленку. Она — красивая, ухоженная, одета нарядно, со вкусом. Он в костюме, под пиджаком — черный гольф.

ХОЗЯИН: ...Сказка должна закончиться красиво. Спящая царевна проснется, а в лесу расцветут подснежники.

ЖЕНЩИНА: А если не расцветут?

ХОЗЯИН: Расцветут! Уплачено!

ЖЕНЩИНА: Уплачено? Постмодернизм какой-то.

ХОЗЯИН: Постмодернизм — это история про то, как принц живет на деньги Золушки от стирки. А у нас классика. В крайнем случае — модерн. Проходите, присаживайтесь...

Женщина осматривает комнату, садится в кресло.

ЖЕНЩИНА: А у вас мило.

ХОЗЯИН: Какое вино вы предпочитаете в это время суток?

ЖЕНЩИНА: Наверно, белое.

ХОЗЯИН: Я предлагаю красное. Недавно был в Болгарии, там говорят, что красное вино нужно пить в те месяцы, в названии которых есть буква "р-р-р".

ЖЕНЩИНА: Я такое слышала про раков и устриц. А про вино — впервые.

Он открывает штопором бутылку вина, наполняет бокалы.

ХОЗЯИН: Кстати, в Болгарии много песен про красное вино, и только одна — про белое.

ЖЕНЩИНА: И о чем в ней поется?

ХОЗЯИН: В ней поется: "Почему я не красное?". Попробуйте. Это Бордо из коллекции барона Ротшильда.

ЖЕНЩИНА: Если Ротшильд не против, то я согласна. Красное — так красное.

Они выпивают несколько глотков.

ХОЗЯИН: Странно, что я не видел вас в ресторане.

ЖЕНЩИНА: А я видела. Вы были увлечены беседой с друзьями...

ХОЗЯИН: Партнерами. Если бы я увидел вас раньше, я бы их сразу бросил.

ЖЕНЩИНА: Бросать партнеров неэтично.

ХОЗЯИН: Ради такой женщины все этично. Хорошо, что я оставил бумажник в пальто. Пошел за ним в гардероб — а там вы.

ЖЕНЩИНА: Впервые потеряла номерок. Если бы вы не вмешались, — не знаю, что бы делала.

ХОЗЯИН: Ресторан тоже начинается с вешалки, а заканчивается поисками номерка.

ЖЕНЩИНА: Сто раз перевернула сумочку — нет его. А вы — рыцарь.

ХОЗЯИН: Я часто там бываю, поэтому они поверили моему поручительству.

ЖЕНЩИНА: С кем бываете?

ХОЗЯИН: С партнерами.

ЖЕНЩИНА: А еще с кем?

ХОЗЯИН: Все хотят определенности...

ЖЕНЩИНА: Но не всем она отвечает взаимностью. И все-таки — с кем еще вы там бываете?

ХОЗЯИН: Еще без партнеров... Один.

ЖЕНЩИНА: И вы не спрашиваете, с кем была я? И почему уходила одна?

ХОЗЯИН: Могу спросить, если вам этого хочется.

ЖЕНЩИНА: Не очень. Лучше спросите, почему я решилась поехать с вами, хотя вижу впервые.

ХОЗЯИН: Потому, что верите в любовь с первого взгляда. Моего, разумеется.

ЖЕНЩИНА: А если не верю?

ХОЗЯИН: Тогда я сойду с ума! Кстати, сегодня мы отмечали сделку с немцами, и они рассказали, что у них четырнадцатого февраля отмечают день сумасшедших, а не влюбленных.

ЖЕНЩИНА: Сумасшедших?

ХОЗЯИН: Представьте!

ЖЕНЩИНА: В чем-то немцы правы. Любовь безумна.

ХОЗЯИН: А давайте выпьем на брудершафт!

ЖЕНЩИНА: Не люблю немецкий язык. Стреляющий какой-то. Бру-дер-шафт...

ХОЗЯИН: Разве? (*Читает стихотворение Гейне по-немецки.*) Айн фихтенбаум штит айн зам ам норден ауф хойен хох.

ЖЕНЩИНА (*перебивает его*)**:** "На севере диком растет одиноко сосна...". Я его в школе учила, все равно не нравится.

ХОЗЯИН: У вас красивый голос. Вы поете?

Женщина подходит к окну, отодвигает штору.

ЖЕНЩИНА: Падает снег...

ХОЗЯИН: У вас красивые глаза.

ЖЕНЩИНА: Какие?

ХОЗЯИН: Красивые.

ЖЕНЩИНА: Какого цвета?

ХОЗЯИН (*удивленно*)**:** Серые.

Женщина медленно подходит к нему, практически вплотную.

ХОЗЯИН (*еще более удивленно*): Голубые... А у вас голубые с детства?

ЖЕНЩИНА: А у вас карие только по праздникам?

ХОЗЯИН: Я тоже хотел быть голубоглазым, но... Наверное, в следующей жизни.

Женщина поднимает бокал.

ЖЕНЩИНА: Так за что будем пить?

ХОЗЯИН: Ну, если тост на немецком вам не нравится, — пусть будет на французском. À toi. À la façon que tu as d'être belle... Нет, лучше в оригинале.

Он берет пульт дистанционного управления музыкальным центром, нажимает на кнопку. Звучит известная песня Джо Дассена:

À toi
À la façon que tu as d'être belle...

Песня продолжается, а он, подняв бокал, ее переводит.

ХОЗЯИН: За тебя! За твое умение быть красивой. За твои нежные, но иногда наигранные слова. За ту маленькую девочку, которой ты была. За ту, которой ты часто бываешь. За твое прошлое. И за твоих прекрасных принцев!

Он выключает музыку, подходит к Женщине с бокалом.

ЖЕНЩИНА: После такого тоста нельзя не выпить. Тем более что французский мне всегда нравился. Хотя я понимаю всего пять-шесть выражений. Шерше ля фам, се ля ви, оревуар...

ХОЗЯИН (*перебивает ее*): Мсье, же не манж па сис жур. Однажды я сказал эту фразу в парижском ресторане, и официант спросил: "Почему все русские, которые сюда приходят, говорят одни и те же слова?".

ЖЕНЩИНА: И как вы ему объяснили?

ХОЗЯИН: Сказал, что у нас есть старинный обычай: не есть несколько дней перед походом в ресторан.

ЖЕНЩИНА: И он поверил?

ХОЗЯИН: Возможно. А вы поверите, что я могу выпить пятьдесят грамм вина из закрытой бутылки?

ЖЕНЩИНА: Нет.

ХОЗЯИН: Спорим?

ЖЕНЩИНА: Спорим.

ХОЗЯИН: На поцелуй.

ЖЕНЩИНА: А вы упрямый. Попробуйте.

Он достает из бара запечатанную бутылку. Держит ее в одной руке. В другую руку берет открытую бутылку. Жестом бармена переворачивает закупоренную и наливает вино в круглую выемку на дне. Медленно выпивает, как из бокала. Кланяется.

ЖЕНЩИНА: Фокусник!

Подставляет ему щеку для поцелуя.

ХОЗЯИН: Вот оно, женское коварство!

Целует ее в щеку. Чокаются, выпивают по глотку.

ХОЗЯИН: Рыцарь спас прекрасную даму от злого волшебника...

ЖЕНЩИНА: От гардеробщика.

ХОЗЯИН: Все равно — он заслужил награду.

ЖЕНЩИНА: Подвиг должен быть бескорыстным!

ХОЗЯИН: Тогда подарите мне любовь. Она бесценна.

ЖЕНЩИНА: Вообще, вы обещали найти подснежники! Сказали, что поедем в лес, а привезли — сюда...

ХОЗЯИН: Будут, будут подснежники! А пока, может, я сварю вам кофе?

ЖЕНЩИНА: Я не пью кофе.

ХОЗЯИН: Почему? Цвет лица?

ЖЕНЩИНА: Просто — перестал нравиться.

ХОЗЯИН: Есть великолепный чай. Простите за выражение — с маракуйей.

ЖЕНЩИНА: А я люблю, простите за выражение, с бергамотом.

ХОЗЯИН: Устроим. Я вас оставлю на пару минут.

ЖЕНЩИНА: Зачем?

ХОЗЯИН: Заварю чай.

ЖЕНЩИНА: А разве такому дому не полагается горничная?

ХОЗЯИН: Я всех отпустил. Даже охранника. Они бы нам мешали.

ЖЕНЩИНА: А вы умеете заваривать чай?

ХОЗЯИН: Учился этому в Японии.

ЖЕНЩИНА: Насколько я знаю, там этому учатся годами. Как вам удалось это постичь?

ХОЗЯИН: Я сразу уловил главное: нельзя экономить на заварке.

ЖЕНЩИНА: Чай — это хорошо, но давайте попозже. Вино действительно вкусное.

Женщина снова подходит к окну.

ЖЕНЩИНА: Как красиво...

ХОЗЯИН: Может быть, показать вам дом?

ЖЕНЩИНА: Не надо.

ХОЗЯИН: Почему?

ЖЕНЩИНА: Вы начнете экскурсию со спальни?

ХОЗЯИН: Можно начать с ванной.

ЖЕНЩИНА: Спасибо, мне пока не нужно.

ХОЗЯИН: Там есть на что посмотреть. Небольшой бассейн. Итальянская мозаика. Сто двадцать четыре оттенка.

ЖЕНЩИНА (*с сарказмом*): Очень увлекательно.

ХОЗЯИН: От чая вы отказались. Кофе не пьете. Мозаика не интересна... Чем вас удивлять?

ЖЕНЩИНА: Расскажите о себе.

ХОЗЯИН: С удовольствием.

Он опять щелкает пультом и включает песню Дассена. Звучит второй куплет:

À moi
À la folie dont tu as la raison,
À mes colères sans savoir pourquoi...

ХОЗЯИН (*одновременно с песней*): За меня. За сумасшествие, причина которого — ты. За мою немногословность. За время, которое я потратил, чтобы тебя найти. За мои черты, над которыми ты смеешься, и бесшабашные идеи.

Выключает музыку.

ЖЕНЩИНА: Если вы так похожи на Дассена, — выпью с удовольствием.

Они вновь чокаются и выпивают.

ХОЗЯИН: Ну вот, я о себе рассказал. Теперь ваша очередь.

ЖЕНЩИНА: Рассказать? Так неинтересно. Давайте лучше поиграем. Я буду спрашивать, а вы отвечайте.

ХОЗЯИН: Хорошо. Но — с условием: за каждый правильный ответ вы будете снимать с себя одну вещь.

ЖЕНЩИНА: Я такое видела в плохом кино. Там учительница соблазняла ученика.

ХОЗЯИН: И чем закончилось?

ЖЕНЩИНА: Ее посадили.

ХОЗЯИН: А он?

ЖЕНЩИНА: Носил ей передачи. А когда она вышла, парню было уже восемнадцать.

ХОЗЯИН: Они поженились?

ЖЕНЩИНА: Нет. Он ухаживал за другой учительницей.

ХОЗЯИН: Ну, мы-то взрослые. Нас за это не посадят.

ЖЕНЩИНА: Ладно. Начнем с простого... Какую музыку я люблю?

ХОЗЯИН: Ну, когда мы с вами были моложе, в моде были Тото Ку-

туньо, Челентано, фестиваль в Сан-Ремо... Рискну предположить... итальянская эстрада.

Женщина снимает шелковый шарфик.

ХОЗЯИН: Угадал, угадал!

ЖЕНЩИНА: А какие мне нравились пирожные? Когда мне их еще можно было есть...

ХОЗЯИН: Трубочки... Нет, нет, подождите... Картошка. Ой, нет... Эклеры! С заварным кремом.

Женщина, глубоко вздохнув, снимает жакет.

ЖЕНЩИНА: Чего я больше боялась в детстве — темноты или грозы?

ХОЗЯИН: Думаю, в детстве вы боялись... оставаться одна дома. Правильно?

Она аплодирует и снимает туфельку.

ЖЕНЩИНА: Похоже, вы знаете все на свете.

ХОЗЯИН: Практически.

ЖЕНЩИНА: Тогда — следующий вопрос: чем причастие отличается от деепричастия?

ХОЗЯИН: Понятно. Стриптиз закончен. А так хотелось праздника среди будней!

ЖЕНЩИНА: Много работаете?

ХОЗЯИН: Да. Домой приезжаю поздно, устаю...

ЖЕНЩИНА: От денег?

ХОЗЯИН: От работы.

ЖЕНЩИНА: Бедный...

ХОЗЯИН: Ну, не совсем. Кстати, ученые доказали, что женщины любят богатых не за деньги, а за то, что делает их богатыми.

ЖЕНЩИНА: Не заблуждайтесь. Богатых никто не любит. 95 процентов на вопрос "Любите ли вы богатых?" отвечают: "Нет". Правда, они же на вопрос "Хотите, чтобы ваши дети стали богатыми?" отвечают: "Да".

ХОЗЯИН: Но тогда получается, что женщины любят бедных? Не замечал.

ЖЕНЩИНА: Женщины любят не бедных и не богатых, не худых и не толстых, не брюнетов и не блондинов. Женщины любят тех, кто о них заботится.

ХОЗЯИН: Тогда позвольте окружить вас заботой и предложить тост. За нас!

Опять включает Дассена и переводит последний куплет и припев:

À nous
Aux souvenirs que nous allons nous faire
À l'avenir et au present surtout...

ХОЗЯИН: За нас, за наши надежды и иллюзии. За наше будущее первое свидание. За миллионы влюбленных, которые похожи на нас. За жизнь, за любовь. За наши ночи и дни. За вечность, давшую нам этот шанс!

Выключает музыку.

ЖЕНЩИНА: За наше будущее первое свидание... Восхитительно-загадочно.

Выпивают.

ЖЕНЩИНА: Простите, а где бы я могла попудрить носик?

ХОЗЯИН: Гостевые удобства здесь.

Показывает на дверь. Женщина выходит.

Хозяин включает бра и выключает верхний свет. Потом достает из кармана пакетик и высыпает в ее бокал какой-то порошок. Доливает вино.

Она возвращается.

ЖЕНЩИНА: Ну что — собираемся?

ХОЗЯИН: Куда?

ЖЕНЩИНА: За подснежниками. Хотя, боюсь, мы зря прогуляемся. Они появляются позже, в марте.

ХОЗЯИН: Вы не учитываете глобальное потепление.

ЖЕНЩИНА: Какая проза! Вы обещали сделать невозможное! Найти цветы под снегом! А теперь — потепление.

ХОЗЯИН: А знаете — я их уже нашел. Пока вас не было.

ЖЕНЩИНА: Да?

ХОЗЯИН: Отвернитесь и закройте глаза. Не поворачивайтесь!

Он снова включает музыку — звучит песня "Падает снег" в исполнении Адамо. Хозяин выходит из комнаты и тут же возвращается с большим букетом лилий.

ХОЗЯИН: Теперь можно.

Встав перед Женщиной на колено, он протягивает ей цветы.

Она поворачивается.

ЖЕНЩИНА: Ну вот! Ты опять все испортил!

Берет пульт и выключает музыку. Хозяин в растерянности поднимается, включает верхний свет.

ХОЗЯИН: Здрасьте... Что не так?

ЖЕНЩИНА: Ненавижу лилии!

ХОЗЯИН: Ты говорила — гиацинты.

ЖЕНЩИНА: Ли-ли-и! Сто раз говорила! А ты забыл. Точнее — забыл об этом напомнить водителю. Который покупает цветы для твоей жены.

ХОЗЯИН: Да! У меня на это нет времени. Я работаю. Двадцать четыре часа в сутки. Мне по ночам снятся аккредитивы, накладные, погрузки, отгрузки... Неужели так важно, кто покупает цветы?

ЖЕНЩИНА: Мне важно, чтобы ты помнил, какие цветы я люблю и что пью по утрам — кофе или чай. И если мне захотелось романтики...

ХОЗЯИН: У тебя все есть, поэтому тебе чего-то не хватает?... Ты же понимаешь, заехать в салон и выбрать орхидеи — не проблема. А вот если у дороги не стоят бабушки — где взять подснежники? (*Пытается обнять ее.*) Неужели из-за цветов!..

ЖЕНЩИНА: Да не в цветах дело! А в том, что ты не обращаешь на меня внимания! Сегодня для тебя было много нового, правда?

ХОЗЯИН: Да, кстати! Зачем ты линзы надела?

ЖЕНЩИНА: Интересно было, когда заметишь, что у меня другой цвет глаз.

Раздается приглушенный звонок мобильного. Женщина роется в своей сумочке, достает телефон, смотрит на монитор и отключает звонок. Хозяин закуривает.

ЖЕНЩИНА: Тебе неинтересно, кто мне звонит в такое время?

ХОЗЯИН: Ты же не вышла с телефоном в другую комнату. Не стала говорить другим тоном. Так что, думаю, это неважно.

ЖЕНЩИНА: Да, неважно. Это Люда.

ХОЗЯИН: О-о-о... Подруга пенопластовая!

ЖЕНЩИНА: Какая?

ХОЗЯИН: Тебе нравится, как шуршит пенопласт?

ЖЕНЩИНА: Так же, как железо по стеклу.

Женщина передергивает плечами и морщится.

ХОЗЯИН: Вот! Меня от твоей Люды тоже так...

ЖЕНЩИНА: Моя Люда??? Она жена твоего друга и партнера!

ХОЗЯИН: Ну и что? Я тебя не просил с ней общаться.

ЖЕНЩИНА: А что делать, если она записала меня в наставницы?

ХОЗЯИН: Пошли ее куда подальше.

ЖЕНЩИНА: Миша обидится.

ХОЗЯИН: Не бери в голову. Это мои проблемы.

ЖЕНЩИНА: Честно говоря, я с ней общаюсь не только поэтому. Мне интересно.

ХОЗЯИН: Тебе? С ней? Она же, кроме меню, ничего не читает.

ЖЕНЩИНА: Я сказала не "с ней интересно", а "мне интересно". Хочу понять, что Миша в ней нашел и почему он бросил Катю.

ХОЗЯИН: Не бросил, а оставил. С домом, машиной и еще кое с чем. А у Люды... он нашел год рождения. Если отнять Катин — получится ровно двадцать.

ЖЕНЩИНА: "Меняю сорокалетнюю жену на две по двадцать". Среди твоих друзей это модно. Кто следующий? Не ты?

ХОЗЯИН: У тебя навязчивая идея. Запомни, когда женщина начинает что-то укреплять, — она это разрушает.

ЖЕНЩИНА: Я ничего не укрепляю. Я просто хочу понять, что вы находите в таких...

ХОЗЯИН: Ты опять за свое? Я ничего не потерял и никого не ищу.

ЖЕНЩИНА: Да? А почему ты сегодня собирался в командировку?

ХОЗЯИН: А что такого?

ЖЕНЩИНА: Сегодня праздник!

ХОЗЯИН: Это же не Новый год! Мы раньше никаких святых не знали — и нормально жили. И вообще — о чем разговор?! Я же не поехал. Ты сказала — я остался!

ЖЕНЩИНА: Не получилось с командировкой — придумал деловую встречу.

ХОЗЯИН: Но ты же на ней была!

ЖЕНЩИНА: Я уверена — ты ее организовал после того, как я сказала, что один ты на нее не пойдешь. Только вместе со мной.

ХОЗЯИН: Если я буду отменять работу на все старые и новые праздники, я прогорю.

ЖЕНЩИНА: По-моему, ты давно можешь вкладывать деньги и получать проценты...

ХОЗЯИН (*перебивает ее*): Вкладывать легко. Вынимать не у всех получается.

ЖЕНЩИНА: ...не пропадать сутками в офисе. Не ездить в какие-то командировки... неизвестно с кем...

ХОЗЯИН: Ты опять?

ЖЕНЩИНА: Что — опять?

ХОЗЯИН: С кем командировки? Я езжу один или с Мишей! И занимаюсь только делами!

ЖЕНЩИНА: Делами? А паста в тюбике?

ХОЗЯИН: Какая паста?

ЖЕНЩИНА: Когда ты возвращаешься после недельной командировки, пасты в тюбике столько, сколько было до отъезда.

ХОЗЯИН: Ну и что из этого, гражданин следователь, следует?

ЖЕНЩИНА: А следует, что в номере живет еще кто-то, чьей пастой ты чистишь зубы.

ХОЗЯИН: В хороших гостиницах дают гигиенические наборы.

ЖЕНЩИНА (*с иронией*)**:** А! Это ты такой экономный! А пакеты? Откуда у тебя в чемодане пакеты из дамских магазинов, в которых я ничего не покупаю? Знаешь, почему? Потому что они дорогие. Как ты утверждаешь... Для жен, разумеется. А для любовниц — самое то!

ХОЗЯИН: Сколько раз говорить — мне подарили виски. Я на пакет внимания не обратил!

ЖЕНЩИНА: А телефон?

ХОЗЯИН: Что — телефон?

ЖЕНЩИНА: Ты ездил в Прагу, а оператор отвечал по-польски!

ХОЗЯИН: Я был в Праге! Оператор отвечал по-чешски. А если ты не различаешь — учи язык.

ЖЕНЩИНА: Какой?

ХОЗЯИН: Оба. Чтоб наверняка. (*Пауза. Закуривает.*) А заодно — итальянский.

ЖЕНЩИНА: Зачем? Ты что — собрался в Италию?

ХОЗЯИН: Да. Вот к Юле слетаем — и поеду.

ЖЕНЩИНА: Один?

ХОЗЯИН: С цыганским хором.

Женщина молчит. Пауза.

ХОЗЯИН: Давай выпьем. И успокоимся.

Протягивает ей бокал. Берет свой. Они чокаются. Он делает глоток. Она, едва пригубив, ставит бокал на стол.

ХОЗЯИН: Выпей. Оно же тебе всегда нравилось.

Женщина протягивает ему руку, они сцепляют мизинцы в примирительном жесте.

ХОЗЯИН: Мы столько лет жили без подозрений. Ревность — это же неуверенность в себе. У тебя нет никаких оснований.

ЖЕНЩИНА: Ревность... Верность... Две буквы переставлены. Я только сейчас заметила... Если тебя ревнуют — значит, любят. А если совсем не ревнуют?.. Хотя бы чуть-чуть.

ХОЗЯИН: Я не ревную, потому что ты не даешь повода.

ЖЕНЩИНА: А если будет повод?

ХОЗЯИН: То есть? Специально устроишь?

ЖЕНЩИНА: Устрою.

ХОЗЯИН: Перестань.

Женщина разворачивает лилии, ставит их в вазу.

ХОЗЯИН: За что ты их не любишь?

ЖЕНЩИНА: Запах тяжелый. Усыпляет. Вынеси их на кухню. А еще лучше — выброси.

Хозяин с обиженным видом выносит цветы из комнаты. Возвращается.

ЖЕНЩИНА (*примирительно***):** Не сердись. Но меня действительно обижает, что ты весь в этой работе. (*Пауза.*) Твоя мама говорит: "Подожди, исполнится ему шестьдесят — будет замечательный муж". Я не хочу ждать! Помнишь, как мечтали, что дела наладятся, и мы будем жить? Жить — а не зарабатывать.

ХОЗЯИН: Бизнес — это бег наверх по эскалатору, который идет вниз. Остановишься — снесет.

ЖЕНЩИНА: Может, пора сойти? Посидеть на скамеечке...

ХОЗЯИН: Для запасных? И что там делать?

ЖЕНЩИНА: Ничего. Будем путешествовать.

ХОЗЯИН: Мы и так с тобой ездим. Сейчас в Америку полетим. В Европе есть страна, где ты не была?

ЖЕНЩИНА: Есть... Албания.

ХОЗЯИН: Учтем. Но я не буду сидеть дома, чтобы тебе было весело.

ЖЕНЩИНА: Мне не скучно!

ХОЗЯИН: Да, я вижу. Веселишься изо всех сил. Сегодняшняя игра удалась?

ЖЕНЩИНА: Удалась бы — если б не твои лилии!

ХОЗЯИН (*встает***):** Так! Всё! Я еду за подснежниками!

ЖЕНЩИНА (*растерянно***):** Ты серьезно? Вообще-то, уже двенадцатый час.

ХОЗЯИН: День святого Валентина переходит в ночь святого Валентина. Так что с меня — подснежники, с тебя — ночь любви.

Хозяин надевает дубленку, хлопает себя по карманам, проверяет бумажник, достает ключи от машины и пачку жвачки. Кладет в рот две подушечки.

ЖЕНЩИНА: Ты что — на самом деле поедешь?

ХОЗЯИН: Конечно. Буду искать бабушек, для которых братья-месяцы устроили глобальное потепление. (*Подает ей бокал.*) Нехорошо,

когда остается. Допей — и ложись спать. Вернусь — и разбужу, как спящую красавицу.

Женщина берет бокал, но, не пригубив, ставит на стол.

ЖЕНЩИНА: Потом. Я буду чемодан собирать. Послезавтра лететь, а я еще не решила, что возьму.

ХОЗЯИН: У тебя завтра весь день свободен. Успеешь собраться. Ложись. Чмокает ее в щеку, выходит.

Женщина стоит посреди комнаты. Берет бокал с вином, но, подержав, не отпивает, а ставит на стол. Подбирает брошенные на кресло жакет и шарфик, уходит в спальню. Возвращается с платьем в руках. Прикладывает его к себе, смотрится в зеркало. Затем, бросив платье на диван, берет телефон, набирает номер.

ЖЕНЩИНА: Марина, это я. Не разбудила? Я хотела спросить... (*Мнется, потом решается.*) Где вы на свои девишники мальчиков заказываете? Ну, стриптиз и... Меня попросили. (*Пауза.*) Сейчас... (*Находит ручку и листок.*) Клуб? "Ноль-два"?! Остряки... Мальчики по вызову. А номер? Диктуй. (*Записывает номер.*) Понятно. Спасибо.

Снова набирает номер, сверяясь с бумажкой.

ЖЕНЩИНА: Девушка, добрый вечер! Я бы хотела заказать... вызвать... Да. (*Слушает.*) Понимаю, праздник... Надо было заранее, но тут ситуация... Всего на час. Постараетесь? Пишите. Поселок Опушка. Улица Светлая, 15. Александра. У вас номер высветился? Может, кто-то освободится в нашем районе... Двойной тариф? Хорошо. Буду ждать.

Женщина берет платье и, положив его рукав себе на плечо, танцует медленный танец.

Раздается звонок мобильного. Она берет трубку.

ЖЕНЩИНА: Алло! Нет, не сплю. Не могла говорить. (*Пауза.*) Да, безумный секс. Люда, зачем тебе настоящий оливье? Миша голодный? Уснул? Завтра поразишь? (*Пауза.*) Пиши. Два рябчика. "Ешь ананасы, рябчиков жуй"... В школе не учила? Антикризисное. Рябчиков в мадере сваришь. Телячий язык. Сто грамм черной икры. Пучок салата. Раки вареные — двадцать пять штук. Почистить. Полбанки пикулей. Что?.. Огурчики маринованные, самые маленькие. Два свежих огурца. Пять яиц, сварить вкрутую. Сто грамм каперсов... В магазине спросишь. Записала? Представь, а картошки с горошком нету. Все нарезать, смешать, заправить майонезом. (*Пауза.*) Повар Люсьен Оливье. Фамилия. Вот у тебя фамилия Розенкранц. А девичья — Гильденстерн? Шучу... А, Коцубей... Что значит — вторая девичья? Их у тебя сколько? Мамина?.. Ну вот, приду-

май салат — и все будут есть салат твоего имени. Десерт? Люда, давай уже завтра. Я поищу. Например, торт "Захер". (*Смеется.*) Я не ругаюсь. Его австриец придумал, с такой фамилией. Хороший торт, сухой, можно без холодильника хранить. (*Пауза.*) Майонез — не фамилия. Город во Франции. Майон. Там куры хорошо неслись. Всё, Люда, я спать хочу. (*Пауза.*) Спокойной ночи.

Снова набирает номер.

ЖЕНЩИНА: Алло! Юлечка! Как ты? Что? Не можешь говорить? А сколько у вас времени? Ну хорошо, хорошо. Когда сможешь — перезвони, пожалуйста. Буду ждать. Нет, не сплю. Потом объясню. Целую тебя.

Кладет телефон на стол.

Раздается звонок в дверь. Женщина выходит в прихожую. Возвращается с мужчиной. Ему около сорока. Высокий, подтянутый, в пальто и перчатках.

ЖЕНЩИНА: Заходите.

Она откровенно рассматривает гостя.

ЖЕНЩИНА: Надо же... Двойной тариф творит чудеса. Не думала, что у вас бывают... такие сотрудники.

ГОСТЬ (*улыбаясь*)**:** Какие — такие?

ЖЕНЩИНА: Ну... Я думала — помоложе.

ГОСТЬ: В нашей фирме чем сотрудник опытнее, тем выше ценится.

Он расстегивает пальто и достает из внутреннего кармана букет подснежников.

ГОСТЬ: Это вам.

ЖЕНЩИНА: Какое чудо! Настоящие подснежники... Раздевайтесь, присаживайтесь.

Она берет с полки вазочку, ставит в нее цветы и выходит в спальню. Возвращается. Гость осматривает гостиную. Снимает перчатки, пальто, кладет его на спинку кресла. Остается в костюме. Садится.

Женщина достает из сумочки три купюры по сто долларов и протягивает Гостю. Тот недоуменно смотрит на деньги.

ГОСТЬ: Они столько не стоят.

ЖЕНЩИНА: Это не за цветы, а за вечер. Авансом.

Гость не прикасается к деньгам, и Женщина кладет их на стол.

ЖЕНЩИНА: Я вас долго не задержу. Час, не больше. Мы с вами посидим, выпьем чаю и дождемся, когда приедет муж.

ГОСТЬ: Буду рад знакомству.

ЖЕНЩИНА: Меня зовут Саша.

ГОСТЬ: Валентин.

ЖЕНЩИНА: Чай, кофе?..

ГОСТЬ: Спасибо, нет.

ЖЕНЩИНА: Вы даже пальто снимаете красиво. Эротично. Но больше снимать ничего не надо.

ГОСТЬ: Я не собираюсь. Немного замерз. Ветер... А у вас, кстати, флюгер не вертится.

ЖЕНЩИНА: Раньше вертелся, но со скрипом. Подкрутили, смазали... Опять заскрипел. Спать мешал. Закрепили намертво.

ГОСТЬ: Выходит, что флюгер умер.

ЖЕНЩИНА: Умер флюгер... Вы поэт?

ГОСТЬ: Скорее, нет.

ЖЕНЩИНА: И даже не пробовали писать? В школе, любимой девочке...

ГОСТЬ: Я больше прозой.

ЖЕНЩИНА: Когда муж придет — мы его разыграем.

ГОСТЬ: В карты?

ЖЕНЩИНА: Нет. Я придумала...

Раздается мелодия мобильного.

ЖЕНЩИНА: Извините.

Берет телефон, отходит к окну.

ЖЕНЩИНА: Алло! Да, это я. (*Пауза.*) Что? Простите, не поняла... Плохо слышно. Все заняты? Никого не можете прислать?.. (*Растерянно.*) Спасибо.

Она отключает телефон, с ужасом смотрит на Гостя.

ЖЕНЩИНА: Вы кто?!

Гость молча смотрит на нее, улыбаясь.

Женщина отступает в сторону двери и одновременно набирает номер на мобильном. Гость резко встает.

ЖЕНЩИНА: Не подходи!

ГОСТЬ: А вы не звоните.

Оба замирают.

ЖЕНЩИНА: Ты кто?

ГОСТЬ: Мы с вами уже познакомились.

ЖЕНЩИНА: Кто ты такой и что здесь делаешь?

ГОСТЬ (*неторопливо*)**:** Я?.. Ну как вам сказать... Киллер... А может быть, маньяк... А может, грабитель... А может, ваш тайный поклонник...

Долгая пауза.

ГОСТЬ: Ну что? Звонок другу? Пятьдесят на пятьдесят?

ЖЕНЩИНА (*срывающимся голосом*)**:** Что — пятьдесят на пятьдесят?..

ГОСТЬ (*с интонациями ведущего телешоу*)**:** Итак, пятьдесят на пятьдесят! Оставшиеся варианты: маньяк, серийный убийца или ваш тайный поклонник. Выбирайте.

Женщина опускает глаза на мобильный.

ГОСТЬ (*угрожающим тоном*)**:** Звонок другу был раньше. Вы им не воспользовались.

ЖЕНЩИНА (*дрожащим голосом*)**:** Может, мы как-то договоримся?

ГОСТЬ: Может быть. Садитесь. (*Показывает на диван.*) Обсудим.

Женщина идет, но не к дивану, а бросается к сервировочному столику и хватает нож. Гость встает и приближается к ней.

ЖЕНЩИНА: Не подходи!

Выставив вперед нож, она нажимает на кнопки мобильного.

ГОСТЬ: Саша, успокойся, я пошутил!

Она прижимает телефон к уху, ждет ответа, но в этот момент поблизости звучит приглушенная мелодия мобильного. Женщина озирается, пытаясь понять, откуда раздается звонок.

ГОСТЬ: Всё, всё... Я пошутил неудачно.

Делает шаг к ней, но Женщина снова выбрасывает вперед руку с ножом.

ГОСТЬ: Саша, ты меня не узнала? Я Горецкий. Валя. В параллельном классе учился.

Женщина молчит.

ГОСТЬ: Не помнишь...

ЖЕНЩИНА: Валя?..

ГОСТЬ: Ну? Вспомнила?

ЖЕНЩИНА (*растерянно*)**:** А как... (*Недоверчиво.*) Как ты меня нашел?

ГОСТЬ: Через Родионову. Вы же с ней переписываетесь?

ЖЕНЩИНА: Да. Но адрес я ей не давала.

ГОСТЬ: Зато рассказывала, что дача у тебя в Опушке. Что живешь в домике с башенкой и флюгером... Рассказывала?

ЖЕНЩИНА: Кажется...

ГОСТЬ: Ну вот. Я прошелся, увидел, что дом с флюгером тут один. Другого нет.

ЖЕНЩИНА: Когда прошелся?

ГОСТЬ: Сейчас.

ЖЕНЩИНА: Ночью? Как ты вообще сюда попал?

ГОСТЬ: К тебе приехал.

ЖЕНЩИНА: Ко мне? Почему не днем?

ГОСТЬ: Расписание... Еду с юга на север. Поездом. Стоянка в вашем городе двадцать минут. Десять минут думал: сойти — не сойти... Когда еще здесь буду? Наверно, никогда. Вышел.

ЖЕНЩИНА: А как же дела? Командировка?

ГОСТЬ: Ничего, догоню самолетом. Утром есть рейс.

ЖЕНЩИНА: Валя, это, конечно, трогательно, но... почему ко мне? Мы ведь со школы не виделись...

ГОСТЬ: Потому и заехал, что не виделись. Так жизнь пройдет — и не поговорим.

Женщина опускает руку с ножом, но снова набирает номер на мобильном, и снова где-то поблизости раздается мелодия.

ГОСТЬ: Ты мужу звонишь? Телефон рядом. (*Кивает в сторону прихожей, откуда слышна мелодия.*)

Женщина молчит, смотрит неуверенно.

ГОСТЬ: Ты все-таки меня не помнишь...

ЖЕНЩИНА: В общем... смутно.

ГОСТЬ: Хорошо. А Витю Станиславского помнишь?

ЖЕНЩИНА: Конечно! Рыжий, в очках. Он в нашем классе учился.

ГОСТЬ: А я с ним в одном доме жил. Мы дружили. Он еще в химкабинете пожар устроил, чуть школу не спалил.

ЖЕНЩИНА: Да... Дыма было много... А он сейчас где?

ГОСТЬ: Витька? В Канаде, малярничает.

ЖЕНЩИНА: Да, мне Света говорила... Ты с ней часто общаешься?

ГОСТЬ: Не очень.

Женщина кладет нож на стол.

ЖЕНЩИНА: Ты меня сильно напугал.

ГОСТЬ: Извини. А чего тебе пугаться? У вас же здесь дворники, садовники...

ЖЕНЩИНА: Всех отпустили. Праздник.

ГОСТЬ: Тогда еще раз извини.

Женщина снова берет мобильный, набирает номер. Снова слышна мелодия телефона. Женщина выходит из гостиной в прихожую, возвращается с мобильным.

ЖЕНЩИНА: Муж телефон оставил. Странно... Но он скоро придет.

ГОСТЬ: А за кого ты меня приняла?

ЖЕНЩИНА: Потом расскажу. Ты садись... Кофе?

ГОСТЬ: Нет, спасибо.

ЖЕНЩИНА: Коньяк?

ГОСТЬ: Не пью.

ЖЕНЩИНА: Совсем?

ГОСТЬ: Я в жизни столько выпил, что тебе не переплыть...

Женщина ставит перед Гостем пепельницу.

ГОСТЬ: Не курю.

ЖЕНЩИНА: Может, ты и футбол не смотришь?

ГОСТЬ: Представь.

ЖЕНЩИНА: Фантастика. Таких мужиков не бывает.

Она садится на диван.

ЖЕНЩИНА: Знаешь, я на встречи выпускников не езжу. Как с мужем сюда переехали... Зато переписываюсь. На "Одноклассниках". Почти все наши там. А почему тебя нет?

ГОСТЬ: Прячусь.

Женщина смотрит с недоумением. Гость улыбается.

ЖЕНЩИНА: От налоговой?

ГОСТЬ: И от нее тоже...

ЖЕНЩИНА: Валя, все-таки... У тебя что-то случилось?

ГОСТЬ: Случилось... И у тебя тоже.

ЖЕНЩИНА: Что?!

ГОСТЬ: Мы наконец-то встретились.

ЖЕНЩИНА: Серьезно?

ГОСТЬ: Очень. А ты не изменилась. Только глаза... Глаза у тебя были серые. А сейчас... Или это свет так падает?

ЖЕНЩИНА: Свет ни при чем. Стали голубыми. Это несложно. Сейчас даже пол можно поменять.

ГОСТЬ: С голубыми ты еще красивее.

ЖЕНЩИНА: Спасибо.

ГОСТЬ: Расскажи о себе.

ЖЕНЩИНА: Ты же с Родионовой общаешься. Наверное, все про меня знаешь.

ГОСТЬ: Почти. Как дочка?

ЖЕНЩИНА: Замуж собралась. Куда-то торопится... Говорит, что у них все серьезно. Послезавтра к ней летим.

ГОСТЬ: А где она?

ЖЕНЩИНА: Учится в Америке.

ГОСТЬ: Нормально.

ЖЕНЩИНА: Ей — нормально, мне — тоскливо. Скучаю.

ГОСТЬ: А где работаешь?

ЖЕНЩИНА: Вот здесь и работаю.

ГОСТЬ: Понятно, почему скучно.

ЖЕНЩИНА: Но в школу возвращаться как-то несерьезно...

ГОСТЬ: Учиться?

ЖЕНЩИНА: Учить. Я ведь там пять лет проработала. Потом у Игоря дела пошли... Я на дорогу больше тратила. Юля болела. В общем, устроилась домохозяйкой.

ГОСТЬ: И как вас, Александра Романовна, ученики называли?

ЖЕНЩИНА: Не угадаешь... Александр Македонский.

ГОСТЬ: Почему?

ЖЕНЩИНА: Я когда класс утихомиривала, говорила: "Александр Македонский был герой, но стульев не ломал"... А вообще, интересно было. Вроде, оказалась с другой стороны зеркала. Мы-то считали, что учителя чего-то не понимают, а мы такие умные, их дурим... А тут смотришь на детей — и все про них знаешь. Вот этот сейчас острить будет. А этот голодный, и уже потихоньку бутерброды развернул. Уже и я запах слышу... Эта сидит тихо-тихо, глаза опустила — боится, что вызовут. Этот — наоборот, выучил и ерзает: ответить бы сегодня — и можно две недели не учить. Уходит расстроенный.

ГОСТЬ: Не вызвала? Противная была?

ЖЕНЩИНА: Немножко. Или бывает — сеешь разумное, доброе... А мальчик хочет девочке понравиться — и урок мне срывает. Ты тоже таким был?

ГОСТЬ: Мне девочка из другого класса нравилась.

ЖЕНЩИНА: Еще интересно, когда сочинения пишут. Вижу: этот списывает. Своих мыслей нет. А у этого — минута откровения. Торопится, с ошибками, без запятых... Думает — напишет нечто, досель неведомое, и мир изменится.

ГОСТЬ: По материалам сочинений "Как я провел лето" были раскрыты два грабежа и одно изнасилование.

ЖЕНЩИНА: Да ну тебя... У меня хорошие ученики были.

ГОСТЬ: Слушай, а классная ваша еще жива? Биологичка. Наталья... Наталья...

ЖЕНЩИНА: Павловна. Умерла в прошлом году... Помню, она Станиславского к доске вызвала, спросила про стегоцефалов. Ящерица такая, страшнее крокодила. Он у доски стоит, а Леня Сахарков с третьей парты ему подсказывает. Потом Леня отвлекся и стал соседу в ухо бумажку за-

совывать. А биологичка в этот момент Витю на тройку тянет. "Что в юрский период появилось у стегоцефалов?". Витя на Леньку посмотрел, потом на стегоцефала... У него за спиной плакат висел... Опять на Леньку. А тот продолжает соседу в ухо бумажку совать. И Витя неуверенно, но все-таки произносит: "У-у-ухи"...

ГОСТЬ: У нас в соседнем кабинете чуть потолок не упал от вашего хохота.

Женщина смотрит на часы.

ЖЕНЩИНА (*с тревогой***):** Где же муж?

ГОСТЬ: А за чем он поехал?

ЖЕНЩИНА: Приедет — увидим, за чем ездил... Кстати, где ты подснежники нашел?

ГОСТЬ: Военная тайна. А как ты его разыграть хотела?

ЖЕНЩИНА: Позвонила в клуб, попросила, чтобы стриптизера прислали. Вас же, сорокалетних, на девочек тянет? А тут... Муж приедет — а у меня молодой ухажер коньяком балуется... Хотелось в ревнивые глаза посмотреть.

ГОСТЬ: А я не сгожусь?

ЖЕНЩИНА (*подумав***):** Легко! Меняем сюжет. Понарошку ты был в меня влюблен. Школьная любовь не умерла. Сегодня пришел предложить мне руку и сердце.

ГОСТЬ: И ногу.

ЖЕНЩИНА: Какую ногу?

ГОСТЬ: Шучу. Годится. А ты, я смотрю, игры любишь?

ЖЕНЩИНА: Есть немножко...

ГОСТЬ: Я на автобазе работал, там в конторе были Вера и Верочка. У обеих мужья-дальнобойщики. Веру муж ревновал, скандалил. А Верочкин — нет. Да и поводов не было. А ей хотелось, как у Веры, — скандалов и страстей. Подобрала как-то окурок и положила под подушку. А муж некурящий. Окурок он нашел. Молча ушел на работу. Но домой не вернулся. И сколько ни рыдала — не поверил. Развелись. Без скандалов и страстей... Не боишься?

ЖЕНЩИНА: Боюсь, что скандала не будет. Вот ты бы устроил сцену, если б к твоей жене ночью пришел одноклассник?

ГОСТЬ: Нет.

ЖЕНЩИНА: Почему?

ГОСТЬ: Он бы не пришел.

ЖЕНЩИНА: Почему?

ГОСТЬ: Холост.

Повисает неловкая пауза.

ГОСТЬ: Ладно, легенду я усвоил. А как разыгрывать будем?

ЖЕНЩИНА: Он заходит, а мы... выпиваем?

ГОСТЬ: Я не пью. Будет неубедительно... Кстати, а ты чего? (*Кивает на полный бокал с вином.*)

ЖЕНЩИНА: Пока не хочется.

ГОСТЬ: А давай — он заходит, а ты играешь на пианино.

ЖЕНЩИНА (*с иронией*)**:** А ты поешь?

ГОСТЬ: Ты часто играешь?

ЖЕНЩИНА: Сто лет не подходила. Давай что-то другое...

ГОСТЬ: Ему не играешь, а мне играешь. Сразу приревнует.

ЖЕНЩИНА: Не помню ничего.

ГОСТЬ (*просит*)**:** Сыграем...

ЖЕНЩИНА: В четыре руки?

ГОСТЬ: В чет-нечет. Если угадаешь — придумаем другое.

ЖЕНЩИНА: Давай.

ГОСТЬ: Отвернись.

Женщина отворачивается. Гость, оглянувшись по сторонам и не увидев ничего подходящего, отрывает пуговицу с рубашки и зажимает ее в кулаке.

ГОСТЬ: Готово.

Женщина поворачивается к нему. Гость протягивает ей сжатый кулак.

ГОСТЬ: Чет или нечет?

ЖЕНЩИНА: Чет.

ГОСТЬ: Почему?

ЖЕНЩИНА: Всегда так загадываю. Чет — это пара. Двое.

Гость раскрывает ладонь, на которой лежит пуговица.

ГОСТЬ: Не угадала. Нечет.

ЖЕНЩИНА: Ты что — оторвал ее?

ГОСТЬ: Сама оторвалась.

Женщина, вздохнув, садится к пианино.

ГОСТЬ: Не расстраивайся, повезет в любви.

ЖЕНЩИНА: И не сомневайся.

Она берет несколько аккордов, потом начинает играть вальс из фильма "Мой ласковый и нежный зверь". Сбивается.

ЖЕНЩИНА: Я же говорю: давно не играла.

Продолжает наигрывать мелодию, берет отдельные аккорды.

ГОСТЬ: А "Ягоду-малину" помнишь?

Она, ошибаясь, пытается сыграть.

ЖЕНЩИНА: Нет... Я же говорила — не получится... (*Встает, закрывает крышку пианино.*) Хочешь, я диск поставлю? У меня есть сборник 80-х.

ГОСТЬ: Потом. Помнишь, как директриса не разрешала на дискотеках свет гасить? Боролась за нравственность.

ЖЕНЩИНА: Темнота — друг молодежи... Сколько ей было?

ГОСТЬ: Лет сорок.

ЖЕНЩИНА: Она нам казалась такой старой!.. А где пуговица, Нечет? Давай рубашку, я пришью.

ГОСТЬ: Ну, это ва-аще! Он заходит — а тут семейная идиллия со стриптизом.

Женщина идет к шкафу, достает коробку с нитками, вдевает нитку в иголку.

Гость снимает пиджак, рубашку. Остается в брюках и футболке.

ЖЕНЩИНА: И это называется — стриптиз?

Она пришивает пуговицу. Поглядывает на Гостя.

ЖЕНЩИНА: Ты после школы куда пошел?

ГОСТЬ: Поступил в командно-политическое. Помнишь, была такая профессия — Родину защищать... А потом этих родин стало много. И защищать их надо было друг от друга. Потом у меня история случилась: отпустил солдата на три дня, жениться, а он дезертировал... В общем, дослужился до бесплатных похорон и уволился.

ЖЕНЩИНА: Это как?

ГОСТЬ: Ну, до майора.

ЖЕНЩИНА: А сейчас на автобазе?

ГОСТЬ: Нет. В другой конторе.

ЖЕНЩИНА: Чем занимаетесь?

ГОСТЬ: Оказываем услуги.

ЖЕНЩИНА: Какие?

ГОСТЬ: Разные.

ЖЕНЩИНА: Загадочный... Как шпион.

ГОСТЬ: Первая заповедь разведчика — не быть похожим на разведчика.

ЖЕНЩИНА: Ладно. Не хочешь — не говори... Наши мальчишки на сайте фотки выложили. Рубенс отдыхает! А ты молодец, держишься.

ГОСТЬ: По утрам бегаю, по вечерам не кормят. Вот и весь секрет.

ЖЕНЩИНА: А я?

ГОСТЬ: Что?

ЖЕНЩИНА: Стала другой?

ГОСТЬ: Конечно. Еще лучше.

ЖЕНЩИНА: Врешь, но приятно.

ГОСТЬ: Тебе идет стрижка. Шею открывает.

ЖЕНЩИНА: А ты входишь в роль... Я еще в институте постриглась.

ГОСТЬ: Не жалко было?

ЖЕНЩИНА: Говорят, обрежешь волосы — избавишься от лишних воспоминаний.

ГОСТЬ: Меня несколько раз наголо стригли. Не помогло.

Закончив пришивать пуговицу, Женщина перерезает нитку, подходит к Гостю. Секундное замешательство. Она протягивает ему рубашку. Гость берет ее.

Женщина отворачивается, складывает швейные принадлежности в коробку.

ГОСТЬ (*рассматривает пришитую пуговицу*)**:** Ты укололась?

ЖЕНЩИНА: Разве?

ГОСТЬ: Тут кровь.

ЖЕНЩИНА: Испачкала?

ГОСТЬ: Кровь выдави.

Женщина достает из сумочки носовой платок, вытирает им палец. Прячет платок обратно в сумочку. Гость надевает рубашку.

ГОСТЬ: Как палец? Донор не нужен? У тебя какая группа?

ЖЕНЩИНА: Вторая.

ГОСТЬ: Подходит. Покажи.

Женщина протягивает ему руку. Он берет ее и поворачивает ладонью кверху.

ЖЕНЩИНА: Ты хиромант?

ГОСТЬ: Почти угадала... Руки для нас — главное. (*Держит ее ладонь.*) Что было — знаешь. Что будет — знать не надо.

ЖЕНЩИНА: А что есть?

ГОСТЬ: Ситуация.

ЖЕНЩИНА: Какая?

ГОСТЬ: Пришел мужчина к женщине.

Гаснет свет.

ГОСТЬ: Где ты?

Раздается грохот, Женщина ахает.

ГОСТЬ: Что случилось?

ЖЕНЩИНА: Штору хотела отодвинуть — а карниз упал.

В темноте раздается чирканье, загорается огонек — это Гость держит в руке зажигалку. Женщина стоит у окна.

ГОСТЬ: Ты не ударилась?

ЖЕНЩИНА: Нет. У соседей свет горит. Значит, у нас проблема. Почему генератор не включается? Странно.

ГОСТЬ: Давай посмотрю. Где он?

ЖЕНЩИНА: В подвале.

ГОСТЬ: Пойдем.

Направляется к ближайшей двери.

ЖЕНЩИНА: Лестница в подвал — из прихожей. А это спальня.

Огонек гаснет.

Из соседней комнаты раздается бой часов — двенадцать ударов.

Антракт

* * *

Часы бьют пять раз. Вспыхивает свет. Та же гостиная. На каминной полке расставлены свечи. На столе — полный бокал с вином. Рядом появилась ваза с фруктами, коробка конфет и чашки с кофе. У окна — стремянка, на ней стоит Гость. Он прикрепляет карниз.

Женщина говорит по мобильному телефону.

ЖЕНЩИНА: Алло! Доброй ночи... Товарищ дежурный, у меня муж пропал. Сегодня. То есть вчера вечером. (*Пауза.*) Трое?! А если... (*Отключает телефон.*) Говорит, что заявления о пропаже принимают через трое суток. А мужья, которые исчезают 14 февраля, находятся сами... Будем надеяться...

ГОСТЬ: Не волнуйся. Он же без телефона. Заглох где-нибудь на дороге — и позвонить не может. Или гаишники остановили. Он пил?

ЖЕНЩИНА: Чуть-чуть.

ГОСТЬ: Сегодня же праздник! Они за любым чуть-чуть охотятся. (*Прикрепив карниз.*) Кажется, всё. Дай, пожалуйста, тряпку. Здесь пыль.

ЖЕНЩИНА: Спускайся. Домработница вытрет.

ГОСТЬ: Я все равно уже здесь.

Женщина подает ему тряпку, Гость протирает карниз и спускается со стремянки.

ЖЕНЩИНА: Спасибо.

ГОСТЬ: Не за что.

ЖЕНЩИНА: Извини, о чем мы до милиции говорили?

ГОСТЬ: О снах.

ЖЕНЩИНА: Да... Я чужие сны вижу.

ГОСТЬ: Например?

ЖЕНЩИНА: Будто я — домработница. Убираю в доме — и все боюсь вазу разбить. Большую, напольную. Убрала, потом в эту комнату возвращаюсь — вазы нет, а на полу осколки.

ГОСТЬ: Ну, это к счастью.

ЖЕНЩИНА: Чьему? Хозяев?

ГОСТЬ: Когда посуда бьется — к счастью.

ЖЕНЩИНА: Это если наяву. А во сне?

ГОСТЬ: Во сне — тем более.

Пауза.

ЖЕНЩИНА: Ты юбилей отмечал?

ГОСТЬ: Какой?

ЖЕНЩИНА: Сорок лет.

ГОСТЬ: Не положено. Примета плохая.

ЖЕНЩИНА: А я на дни рождения уезжаю. Никаких ресторанов, тостов... В прошлом году к дочке летала, в Бостон. Гуляю по городу, стою на перекрестке и вижу — на столбе объявление: "Lost dog. Name is Sasha. Phone number...". Потерялась собака по имени Саша.

ГОСТЬ: Саша?

ЖЕНЩИНА: Тезка. Жалко стало... Потом стихотворение написала...

ГОСТЬ: Про собаку?

ЖЕНЩИНА: И про нее тоже.

ГОСТЬ: Прочитай.

ЖЕНЩИНА: С выражением?

ГОСТЬ: Серьезно, прочитай.

ЖЕНЩИНА: "Потерялась собака по имени Саша.
Кто найдет, пусть накормит, согреет.
Для нее лучший завтрак — овсяная каша,
А от мяса с картошкой — болеет.
Она любит гулять, но в сухую погоду,
Если можно, то без поводка.
По утрам часто пьет охлажденную воду
До последнего в чашке глотка.
Очень редко рычит, на соседей не лает,
А скулит, когда возле нее — никого,

Когда хочется выть — вспоминает,
Что бывает и хуже того.
У нее нет болезней серьезных собачьих,
Благодарность и ревность — не в счет.
Только лгать ей не нужно, иначе
Она снова куда-то уйдет".
"Потерялась собака по имени Саша.
Кто найдет, пусть накормит, согреет..."
Подпись смыло дождем, только "Искренне Ваша"
На листочке тетрадном синеет.

ГОСТЬ: Грустно... Прочти еще что-нибудь.

ЖЕНЩИНА: Да ну... Старое не хочу, новое не пишу.

ГОСТЬ: Почему?

ЖЕНЩИНА: Рифмы разбегаются...

ГОСТЬ: А прозу не пробовала?

ЖЕНЩИНА: О чем?

ГОСТЬ: О себе.

ЖЕНЩИНА: Грустная сказка получится.

ГОСТЬ: Почему?

ЖЕНЩИНА: Принцесса спит — и это всех устраивает. Служанки вытирают пыль, садовник стрижет кусты, а принц занят своими делами. Флюгер не скрипит. Ее сну ничего не угрожает.

Женщина подходит к окну. Говорит, не поворачиваясь к Гостю.

ЖЕНЩИНА: Со мной что-то в последнее время... Всё так... и всё не так. Будто ты есть, — а тебя не надо... Если меня не будет, — ничего не изменится. Пока Юля была здесь, я знала, что ей нужна. Что от меня многое зависит. А теперь...

Поворачивается, натянуто улыбается.

ЖЕНЩИНА: Так что... сказка выходит невеселая.

ГОСТЬ: Напиши роман.

ЖЕНЩИНА: Сюжета нет.

ГОСТЬ: Подсказать?

ЖЕНЩИНА: Попробуй.

ГОСТЬ: Представь себе... Жил-был мальчик. Не трус. На самые высокие деревья лазил, с хулиганами дрался. А подойти к девочке, которая ему нравилась, боялся. Девочка была красивая, самая красивая. С первого класса мальчишки за ней портфель таскали. Подросли — стали из-за нее драться... С одним она дружила. Высокий, красивый. Семья научная.

Одевался с иголочки. А наш мальчик ходил в перешитых брюках. Донашивал дедушкины свитера. Но однажды ранней весной он решился — и залез к ней на балкон, на третий этаж, и оставил букет подснежников. На другой день школа гудела о подвиге профессорского сына. Наверное, она сказала ему спасибо, а он промолчал загадочно. И она улыбалась ему во дворе школы, как не улыбалась никогда. Мальчик стоял в классе у окна и видел это.

ЖЕНЩИНА: А дальше?

ГОСТЬ: Дальше? Дернул раму. Не открылась... Бумага, которой на зиму окна заклеивали, держала. Рванул сильнее. Встал на подоконник и прыгнул вниз. Думал подойти и сказать: "Это я не боюсь высоты, а не он!". Но не подошел.

ЖЕНЩИНА: Почему?

ГОСТЬ: Ногу сломал.

ЖЕНЩИНА: А она?

ГОСТЬ: Пока окно открывал, отвернулась. Кто-то позвал, наверно.

ЖЕНЩИНА: А дальше?

ГОСТЬ: Подошел на выпускном. Хотел сказать: "Предлагаю тебе руку и сердце!". Страшно было, как со второго этажа прыгать... И выпалил: "Предлагаю тебе руку... и ногу".

ЖЕНЩИНА: Смешно.

ГОСТЬ: Да, она рассмеялась. Сказала: "Ногу мне еще никто не предлагал!". И ушла с кем-то танцевать.

ЖЕНЩИНА: А он?

ГОСТЬ: Ушел с выпускного. Скоро уехал. Через несколько лет оказался в городе. Встретил девочку. В кино, с компанией приятелей. Хотел подойти, — но опять услышал ее смех, как тогда, на выпускном... И не решился. Потом узнал, что она вышла замуж.

ЖЕНЩИНА: За профессорского сына?

ГОСТЬ: Круче. За кооператора... Мальчик тоже женился. Однажды написал ей письмо, но оно вернулось с пометкой "адресат выбыл". Он его сохранил и заставлял себя читать: "Адресат выбыл, адресат выбыл...".

ЖЕНЩИНА: А дальше?

ГОСТЬ: Дальше была жизнь. У каждого — своя. Только она о нем не помнила, а он не мог ее забыть.

ЖЕНЩИНА: И всё?

ГОСТЬ: Пока да...

ЖЕНЩИНА: Сюжет, конечно, милый. Мальчик девочку любил... Но не хватает концовки. Нужен яркий финал. А так... жили себе и жили...

Раздается звонок мобильного. Женщина хватает телефон мужа.

ЖЕНЩИНА: Алло! Алло, я слушаю! Отключились... (*Жмет на кнопки.*) Номер не определился... Может, это он звонил?

Она жмет на кнопки мобильного, потом кладет телефон на стол. Гость молча наблюдает за ней.

ЖЕНЩИНА: Извини. Так что там с мальчиком?

ГОСТЬ: Раздевайся.

ЖЕНЩИНА: Что?!

Голос Гостя меняется. Становится жестким и агрессивным.

ГОСТЬ: Я говорю — р-раздевайся.

Женщина встает и отходит к столу. Гость тоже поднимается.

ЖЕНЩИНА: Зачем?

ГОСТЬ: Для яркого финала. Мальчик любил девочку двадцать пять лет. А теперь он ее трахнет.

ЖЕНЩИНА: Валя, ты с ума сошел!

ГОСТЬ: Еще в десятом классе.

Он подходит к столу и начинает его обходить. Женщина отходит дальше. Они перемещаются вокруг стола.

ЖЕНЩИНА: Но этого не было! Я такого не помню. Валя, остановись! Ты меня с кем-то путаешь. Ничего не было!

ГОСТЬ: И подснежников не было?

ЖЕНЩИНА (*истерично*)**:** Не было!

ГОСТЬ: Ты забыла!

ЖЕНЩИНА: Может, ты балконом ошибся?

ГОСТЬ: Раздевайся, дрянь!

ЖЕНЩИНА: Валечка, остановись! Ты двадцать пять лет этого хотел?!

ГОСТЬ: Да!

ЖЕНЩИНА: Вот так?!

Гость останавливается. Они стоят друг напротив друга, через стол.

ГОСТЬ (*хриплым сорванным голосом*)**:** Ты мне жизнь сломала. Женился — и каждую ночь думал о тебе. Я не знаю, что это — сумасшествие, помешательство, болезнь такая? Мне тоже чужие сны снятся. Я даже знаю, чьи. Твоего мужа... Прости меня. Это не я. Это наваждение. Прости...

Становится на колени, кладет голову на стол, как на плаху.

ГОСТЬ: Отруби мне ее, легче станет.

Она остается на месте.

ЖЕНЩИНА: Валя, ты что-то перепутал... Влюбился... В кого? В девочку с косами?.. Где она?.. Кто она?.. Ты же меня не знаешь... Я тебе жизнь сломала? А может, ты — мне?.. Или не мне... Может, я о такой любви мечтала. А ты не признался... Струсил. Не подошел. Не сказал.

Пауза.

ГОСТЬ: Может... мы можем быть вместе?

ЖЕНЩИНА: С кем вместе? С тем, кого выдумали?

ГОСТЬ: Поедем со мной...

ЖЕНЩИНА: Зачем?

ГОСТЬ: Ты сама говорила — в этом доме ничего не изменится! А есть другой дом. И ты там будешь нужна.

ЖЕНЩИНА: Валя, я так не могу.

ГОСТЬ: Ты любишь мужа?

ЖЕНЩИНА: Не знаю... Потерялась собака по имени Саша.

ГОСТЬ: Я люблю тебя. Ты мне веришь?

ЖЕНЩИНА: "Люблю тебя" на всех языках означает: "люби меня"...

Она подходит к нему, кладет руку на голову.

ЖЕНЩИНА: Вставай.

Гость встает, берет ее руку, целует.

ГОСТЬ: Прости меня еще раз. Мне пора. Самолет в восемь. Не люблю самолеты, но — что делать...

ЖЕНЩИНА: Клаустрофобия?

ГОСТЬ: Наверно.

Гость встает, надевает пальто.

ЖЕНЩИНА: А где твой багаж?

ГОСТЬ: Нет багажа.

ЖЕНЩИНА: Вызвать такси?

ГОСТЬ: Не надо. Пройдусь до трассы, воздухом подышу.

Смотрят друг на друга, не приближаясь.

ЖЕНЩИНА: Ты... звони.

ГОСТЬ: Хорошо. А ты не приглашай мальчиков по ночам. А то ждешь юного принца, а приходит старый... ненормальный.

Гость надевает перчатки.

ЖЕНЩИНА: А телефон? Оставь мне номер.

ГОСТЬ: У меня нет телефона.

ЖЕНЩИНА: А мобильный?

ГОСТЬ: Не пользуюсь.

ЖЕНЩИНА: Как же я тебя найду?

ГОСТЬ: Как я тебя. В компьютере. Напишешь на сайте: "Потерялась собака".

ЖЕНЩИНА: И ты найдешься?

ГОСТЬ: Если позовешь.

ЖЕНЩИНА: Подожди.

Вырывает из блокнота листок, записывает номер.

ЖЕНЩИНА: Возьми, на всякий случай.

ГОСТЬ: Спасибо.

Целует ее в щеку. Выходит. Хлопает дверь.

Женщина стоит у окна.

Звонит ее мобильный.

ЖЕНЩИНА: Алло! Юля? Что случилось? Почему так рано? Опять не рассчитала... (*Пауза.*) Собираемся. Что привезти? С изумрудами? Ладно... Солнышко, как у тебя дела? Все нормально? А экзамены? (*Пауза.*) На улице холодно? А в комнате? (*Пауза.*) Юля, ты другие слова, кроме "нормально", знаешь? Я по тебе скучаю, а ты со мной говоришь — как повинность исполняешь. (*Пауза.*) Ладно, всё. Не забуду. Честно. Прямо сейчас в косметичку положу. Ложись спать. Целую.

Она кладет телефон на стол и выходит в спальню. Возвращается с открытой шкатулкой. Роется в ней, выворачивает содержимое на стол. Перебирает рассыпанную бижутерию, смотрит растерянно по сторонам. Раздается сигнал — короткая мелодия и голос: "У вас новое сообщение". Женщина берет мобильный мужа, давит на кнопки, потом бросает телефон на стол.

ЖЕНЩИНА: Я так и знала...

Снова уходит в спальню.

Хлопает входная дверь. В гостиную входит Хозяин.

Из спальни появляется Женщина.

ЖЕНЩИНА: У тебя совесть есть?

ХОЗЯИН: Есть.

ЖЕНЩИНА: Почему не пользуешься? Где ты был?!

ХОЗЯИН: А ты чего не спишь?

ЖЕНЩИНА: Сплю??? Я уже в милицию звонила... Не знала, что делать!

ХОЗЯИН: Извини. Так вышло.

ЖЕНЩИНА: Как вышло? Где ты был?

ХОЗЯИН: Подснежники искал.

ЖЕНЩИНА: Очень смешно!

ХОЗЯИН: Еще как! Где эти тетки с цветами? Бабки есть, — а бабок нет, и подснежников тоже. А потом меня менты остановили.

ЖЕНЩИНА: И что?

ХОЗЯИН: Ну что... Пил, не пил, подышите в трубочку... У них сегодня показательное выступление, типа "Дорожный патруль". Денег не берут. Уперлись: "Вы выпили! У нас максимум аварий — вечером 14 февраля... Отдайте ключи и поспите". Хотели машину на штрафплощадку отогнать. Еле уговорил... Тебе звонить? — телефон забыл.

ЖЕНЩИНА: А у гаишников? Неужели за деньги позвонить не дали?

ХОЗЯИН: Может, дали бы. Но когда ругаться закончили, подумал, что уже спишь. Сел в машину, часик подремать. А проснулся, смотрю — уже пять.

ЖЕНЩИНА: Я тут чуть с ума не сошла.

ХОЗЯИН: А почему не ложилась?

ЖЕНЩИНА: Не спалось.

ХОЗЯИН: Надо было таблетку выпить.

ЖЕНЩИНА: Искала вчера снотворное — не нашла. Ты не брал?

ХОЗЯИН: А зачем? Я хорошо сплю. Совесть чиста.

ЖЕНЩИНА: В налоговой расскажешь.

Хозяин смотрит на не выпитый бокал вина. Берет его, протягивает Женщине.

ХОЗЯИН: Выпей и успокойся.

ЖЕНЩИНА: Успокойся?! (*Берет бокал, делает пару глотков. Потом рассматривает его.*) В чем у тебя руки?

Хозяин смотрит на свои ладони, выпачканные чем-то красным.

ЖЕНЩИНА: Игорь! Что это? Кровь?!

ХОЗЯИН: Вот черт! Не заметил... Еду через лес, прямо под колеса — лиса. Остановился. Думаю — заброшу в багажник. На шапку. Поднимаю — а это собака...

Он выходит в туалетную комнату. Саша ставит недопитый бокал на стол. Нервно ходит по комнате.

Игорь возвращается, вытирая руки салфеткой.

ЖЕНЩИНА: Ты уехал на полчаса — и пропал на всю ночь! К тому же без телефона.

ХОЗЯИН: Забыл. Бывает...

ЖЕНЩИНА: На тебя не похоже! Ты его специально оставил, чтобы я не могла позвонить. И ездил не за цветами!

ХОЗЯИН: Ну, началось!

ЖЕНЩИНА: А что? Думаешь, я не понимаю, где ты был? Точнее — у кого.

ХОЗЯИН: И у кого же?

ЖЕНЩИНА: Сам знаешь.

ХОЗЯИН (*садится на диван, зевает*)**:** Не знаю. И вообще, я спать хочу. У меня, между прочим, в отличие от тебя, завтра... то есть сегодня, рабочий день. Последний перед поездкой. Еще собраться надо. (*Берет со столика доллары.*) Ты зачем финансовые инструменты разбрасываешь?

Женщина молча забирает у него купюры и прячет их в сумочку.

Хозяин показывает на открытую шкатулку и рассыпанную на столе бижутерию.

ХОЗЯИН: А это что здесь?

ЖЕНЩИНА: Игорь... Нас обокрали.

ХОЗЯИН (*встает*)**:** Когда?!

ЖЕНЩИНА: Не знаю. Бижутерия осталась, а маленькой шкатулки с драгоценностями нет. Вчера утром все было на месте. (*Пауза.*) Лида?

ХОЗЯИН: Вряд ли. Крадет новая прислуга, а не та, что в доме шесть лет...

ЖЕНЩИНА: Может, твой водитель? Он же лилии заносил.

ХОЗЯИН: Сережа? Который меня от пули спас? А потом, ты не поверишь, но цветы в дом заносил я.

ЖЕНЩИНА: Тогда кто?

Пауза. Хозяин смотрит на сервировочный столик — конфеты, фрукты, свечи.

ХОЗЯИН: К нам кто-то приходил?

ЖЕНЩИНА: Этого не может быть...

ХОЗЯИН: Чего не может быть? Приходил или нет?

Женщина молчит.

ХОЗЯИН: Саша, в конце концов! Что здесь было?

ЖЕНЩИНА: Приходил... Одноклассник.

ХОЗЯИН: Какой? Когда? Я уехал в двенадцатом часу. Откуда он взялся?

ЖЕНЩИНА: Просто пришел. Он тут проездом.

ХОЗЯИН: Теперь я понял, почему тебе понадобились цветы! Ты хотела, чтобы я уехал.

ЖЕНЩИНА: Это ты хотел уехать! А я, дура, тебя отпустила.

ХОЗЯИН: Он кто? Чем занимается?

ЖЕНЩИНА: Не знаю. Кажется, бывший военный.

ХОЗЯИН: Вы давно общаетесь?

ЖЕНЩИНА: После школы — ни разу.

ХОЗЯИН: Я чего-то не догоняю. Ты его не видела столько лет. Он не звонил. Заявился на ночь глядя... И ты его впустила?!

ЖЕНЩИНА: Так получилось.

ХОЗЯИН: А как он узнал адрес?

ЖЕНЩИНА: Через одноклассницу.

ХОЗЯИН: Какую?

ЖЕНЩИНА: Вы не знакомы.

ХОЗЯИН: Она из тех, с кем ты на сайте меня обсуждаешь?

ЖЕНЩИНА: Откуда ты знаешь?

ХОЗЯИН: Читал как-то... За два часа узнал о тебе больше, чем за двадцать лет.

ЖЕНЩИНА: Тебя мама не учила, что чужие письма читать нельзя?

ХОЗЯИН: Когда меня мама учила — интернета не было! А ты про черную риэлтершу слышала? Милая такая дама... Находила на сайтах фотографии похожих на нее, причем одиноких, знакомилась с ними... И убивала. А потом, пользуясь сходством, по их документам продавала квартиры, снимала деньги со счетов...

ЖЕНЩИНА (*перебивает его*): Зачем ты мне это рассказываешь?

ХОЗЯИН: Чтобы до тебя, наконец, дошло, что твой одноклассник двадцать пять лет спустя может быть кем угодно! А зачем ты этой подружке дала наш адрес?

ЖЕНЩИНА: Я не давала. Просто писала, что у нас на крыше флюгер. Он по этой примете нашел.

ХОЗЯИН: Так, ничего не трогай. Надо снять отпечатки.

ЖЕНЩИНА: Зачем?

ХОЗЯИН: Человек нашел дом, не зная адреса. Пришел ночью. И именно тогда, когда мы всех отпустили! До тебя не доходит?! Он следил за домом!

ЖЕНЩИНА: Зачем?

ХОЗЯИН: Ограбить, убить...

ЖЕНЩИНА: Кого?

ХОЗЯИН: Может, ему меня заказали? Сегодня же вызову ребят, чтобы проверили. Мог оставить взрывчатку. Или прослушку. Где он был?

ЖЕНЩИНА: Мы здесь сидели. Потом свет погас, а генератор не включился. Он спустился в подвал — посмотреть, что с генератором.

ХОЗЯИН: И что?

ЖЕНЩИНА: Сказал — солярка кончилась.

ХОЗЯИН: А у соседей свет был?

ЖЕНЩИНА: Да.

ХОЗЯИН: Все понятно. Сообщник специально дом обесточил. Чтобы он мог по нему пройтись, в темноте. Значит, гостиная, коридор, подвал... Где еще был?

ЖЕНЩИНА: Дверь перепутал — и в спальню вошел.

ХОЗЯИН: В спальню... В темноте. А ты не подумала, что у тебя на столике? Коробочка... А в ней — серьги по пять карат. Кольцо с изумрудом. Колье. Бери — не хочу... (*Кричит.*) Не подумала?!

Женщина закрывает лицо руками.

ХОЗЯИН: Ладно, все! Успокойся! Не плачь! Драгоценности в сейфе. Я их спрятал, когда всех отпустил. На всякий случай.

ЖЕНЩИНА: Почему сразу не сказал?

ХОЗЯИН: Чтобы до тебя дошло, что в дом нельзя пускать кого попало!

Он выходит в спальню.

Женщина достает из сумочки платок и зеркальце, вытирает глаза.

Хозяин возвращается, приносит пузырек с лекарством.

ХОЗЯИН: На, выпей. Я схожу в подвал, посмотрю генератор. И сейф проверю.

Выходит. Женщина наливает в стакан воду, капает лекарство, выпивает.

Возвращается Хозяин.

ХОЗЯИН: Да, солярки нет. Может, кончилась. А может, слили... Кстати, почему постель расстелена? (*Кивает на спальню.*)

ЖЕНЩИНА: Я ее за минуту до твоего прихода расстелила.

ХОЗЯИН: Сама? Или он помогал?

ЖЕНЩИНА: С каких пор тебя это стало интересовать?

ХОЗЯИН: С тех пор, как у тебя крыша поехала! Это что? (*Берет с журнального столика пачку глянцевых журналов и швыряет их перед Сашей.*) Женские советы? Начиталась? (*Передразнивает ее.*) "Давай в машине... давай в гамаке... рассказывай, что ты чувствуешь... давай будто мы только что познакомились..." (*Продолжает своим голосом.*) Что дальше? Плетку купим? Третьего поищем?

ЖЕНЩИНА: Заткнись!

ХОЗЯИН: Ты же сама над этим смеялась... А теперь? Как с цепи сорвалась...

ЖЕНЩИНА (*кричит*)**:** Да! Сорвалась! Я с тобой забыла, что я женщина! Сегодня у тебя налоговая, завтра стресс, послезавтра — суд ... А теперь еще кризис!

ХОЗЯИН: Кризис тоже я придумал?

ЖЕНЩИНА: В наших отношениях?

ХОЗЯИН: Я работаю! И я...

ЖЕНЩИНА: Не ври! Ты эти проблемы сочиняешь, чтобы я тебя не трогала. Ты — как твои приятели. Для вас сорокалетняя жена — старая кровать. Можно не выбрасывать, но спать на другой.

ХОЗЯИН: Какой — другой?

ЖЕНЩИНА: Ты думаешь, я ничего не знаю? (*Протягивает мужу его телефон.*) На! Почитай! Новое сообщение. (*Имитирует чужой женский голос.*) "Милый, надеюсь, ты доехал без приключений. Спасибо за волшебную ночь".

ХОЗЯИН (*читает сообщение*)**:** Какая-то идиотка ошиблась номером.

ЖЕНЩИНА: А если я позвоню этой идиотке? Дай телефон.

ХОЗЯИН: Ты с ума сошла!

ЖЕНЩИНА (*кричит*)**:** Дай телефон!

ХОЗЯИН: На! Истеричка...

Протягивает ей телефон, отворачивается, закуривает.

Она набирает номер, слушает.

ХОЗЯИН (*поворачивается*)**:** Ну что?

ЖЕНЩИНА: Не отвечают.

ХОЗЯИН: Успокоилась?

ЖЕНЩИНА: Ничего, завтра дозвонюсь. А чтобы успокоиться — поехали к гаишникам.

ХОЗЯИН: Только этого позора не хватало! Они уже, наверно, сменились.

ЖЕНЩИНА: Врешь, ты все время врешь! Сменяются в восемь, а не в шесть.

ХОЗЯИН: Ты все про всех знаешь! Возмущаешься, что я читаю твою переписку, а сама копаешься в моем телефоне. Кстати, тебя мама учила читать чужие смс-ки?

ЖЕНЩИНА: Ты пропал на всю ночь! И тут на твой телефон приходит сообщение. Как же я могла не прочитать? А на сайте я переписываюсь с женщинами! С женщинами, а не с мужчинами.

ХОЗЯИН: Откуда ты знаешь — может, эту смс-ку мужчина прислал?

ЖЕНЩИНА: Он называет тебя "милый"?

ХОЗЯИН: Почему меня? Номером ошибся. Кстати, таких "милых" у нас — двадцать процентов. Они тоже этот праздник отмечают. Да Бог с ними... Лучше объясни — ты свои фото в пеньюаре для одноклассниц вывешиваешь? Это они тебе пятерки с плюсом ставят?

ЖЕНЩИНА: Представь себе!

ХОЗЯИН: Среди ваших "Одноглазников" половина психов — таких же, как ты!

ЖЕНЩИНА: А ты с жиру бесишься!

ХОЗЯИН: Когда бесятся с жиру — не страшно. Страшно, когда бесятся с голода.

ЖЕНЩИНА: Да пошел ты!

Он садится в кресло. В этот момент включается музыкальный центр и раздается песня Джо Дассена: "À toi. À la façon que tu as d'être belle...".

Он приподнимается, вытаскивает из-под себя пульт и швыряет его на пол. Музыка обрывается.

Женщина берет шкатулку и уходит в спальню. Звонит ее телефон. Он хватает его.

ХОЗЯИН: Алло! Алло! Александру? А кто спрашивает? Что? Из какого клуба? (*Пауза.*) Уже можете? Нет, уже не надо. Надо было раньше...

Хозяин швыряет телефон на столик. Из спальни выходит Женщина.

ХОЗЯИН: Тебе звонили. Ноль-два.

ЖЕНЩИНА: Милиция?

ХОЗЯИН: Какая милиция? Что ты из меня идиота делаешь? Из ночного клуба. Мальчики освободились. Могут прислать. Тебе сколько — одного, двух?

ЖЕНЩИНА: Я тебе все объясню...

ХОЗЯИН (*кричит*)**:** Что объяснишь? Чем ты занимаешься? Одноклассники, одноглазники, мальчики по вызову... Я зарабатываю деньги, чтобы ты их в трусы этим соплякам запихивала?

Женщина подходит к окну, смотрит на улицу. Хозяин нервно прохаживается по гостиной.

ХОЗЯИН: Ладно. Давай успокоимся... Когда твой гость ушел?

ЖЕНЩИНА (*не оборачиваясь*)**:** Недавно.

ХОЗЯИН: Он что — всю ночь тут был? И что вы с ним делали?

ЖЕНЩИНА: Разговаривали.

ХОЗЯИН: О чем можно шесть часов разговаривать?

ЖЕНЩИНА (*оборачивается*)**:** Обо всем...

ХОЗЯИН: На чем он уехал? Ты вызвала такси?

ЖЕНЩИНА: Нет. Он сказал, что пойдет на шоссе, поймает машину.

ГОСТЬ: И ты поверила? Интересно, кто будет в шесть утра подбирать попутчика? Ты бы остановилась?

ЖЕНЩИНА: Я бы и днем не остановилась.

ХОЗЯИН: Даже если он пошел на шоссе, — почему я его не встретил? Наверное, его ждал сообщник, на машине. Он и свет отключил.

ЖЕНЩИНА: Какой сообщник? Бриллианты же здесь. Он ничего не взял.

ХОЗЯИН: Потому и не взял, что я их спрятал... С горничной я завтра побеседую... Может, она и навела. Так... Ничего тут не трогай, сейчас ребята приедут, снимут отпечатки... Из какого стакана он пил?

ЖЕНЩИНА: Он не пил.

ХОЗЯИН: А кофе?

ЖЕНЩИНА: Он ничего не пил и не ел.

ХОЗЯИН: Но к чему-то он прикасался?

ЖЕНЩИНА: Когда свет потух, я задела портьеру. Карниз упал. А он его повесил.

ХОЗЯИН: Хорошо. Снимут отпечатки с карниза.

ЖЕНЩИНА (*вспоминая*)**:** Не снимут... Там пыль была, он ее тряпкой вытер.

ХОЗЯИН: Сам вытер? Понятно. У тебя его телефон есть?

ЖЕНЩИНА: У него нет телефона.

ХОЗЯИН: Что???

ЖЕНЩИНА: Он сказал, что у него нет телефона.

ХОЗЯИН: Значит, не хотел, чтобы ты знала номер. Или... еще хуже.

ЖЕНЩИНА: Что хуже?

ХОЗЯИН: Знаешь, кто сегодня не пользуется мобильником? Тот, кто не хочет, чтобы его вычислили. Потому что трубка — колокольчик на корове. С точностью до ста метров можно определить, где ты есть. Даже если ты карточку поменяешь. Ладно... Куда он поехал?

ЖЕНЩИНА: В аэропорт. Сказал, что самолеты не любит, но иначе не успеет...

ХОЗЯИН: Самолеты не любит?.. Интересно.

ЖЕНЩИНА: Клаустрофобия.

ХОЗЯИН: Значит, телефона нет, и при этом он не летает...

ЖЕНЩИНА: Ну и что?

ХОЗЯИН: Человек, который летит на самолете, оставляет след. Причем не в небе, а на земле. В компьютере... А твой соученик следов оставлять не любит... Замкнутого пространства боится? Тюрьмы он боится! Звони своей подружке. Которая его сюда направила.

ЖЕНЩИНА: Рано еще.

ХОЗЯИН: Саша, все очень серьезно. Звони сейчас. Или дай мне.

ЖЕНЩИНА: Лучше я.

ХОЗЯИН: Спроси, она ему про дом с флюгером говорила? А если нет... Значит, твою переписку читаю не только я... Узнай про него больше... Где живет, чем занимается...

Она берет мобильный, набирает номер.

ЖЕНЩИНА: Алло. Света, доброе утро. Извини, что так рано. Это Саша. Мне очень срочно... Ты говорила Горецкому, что мы с тобой переписываемся? (*Пауза.*) Горецкому. Вале. Он в параллельном классе учился. (*Долгая пауза.*) Подожди, ты что-то путаешь... (*Пауза.*) Когда? Нет, этого не может быть! А как?.. (*Долгая пауза.*) Извини. (*Отключает телефон.*)

ХОЗЯИН: Что?

ЖЕНЩИНА: Ерунда какая-то.

Она берет бокал, делает несколько глотков.

ХОЗЯИН: Что? (*Кричит.*) Что она сказала?!

ЖЕНЩИНА: Не может быть!

ХОЗЯИН: Что не может быть?

ЖЕНЩИНА: Он подорвался на мине.

ХОЗЯИН: Как?

ЖЕНЩИНА: В Осетии, год назад.

Пауза.

ЖЕНЩИНА: Она его с кем-то путает.

ХОЗЯИН: А может, не она путает, а ты? Ты же его не видела больше двадцати лет! И сразу узнала?

ЖЕНЩИНА: Не сразу.

ХОЗЯИН: А если это был не он?! Просто мужик, похожий, назвался его именем.

ЖЕНЩИНА: Это был он, я ничего не перепутала.

ХОЗЯИН: Ты уверена?

ЖЕНЩИНА (*срывается на крик*)**:** Я знаю, что это был он!!! Я помню. Я все, все помню!

Пауза.

ХОЗЯИН: Какой-то триллер на троих... А может, не на троих, а на двоих... Может, его вообще не было, и тебе все приснилось?

ЖЕНЩИНА: Нет, он был.

ХОЗЯИН: Ты говоришь — был, а никаких следов нет. Дух бесплотный! Святой Валентин. Ты с ним говорила, — а он тебе отвечал?

ЖЕНЩИНА: Конечно.

ХОЗЯИН: Если ты говоришь с Богом — это молитва. Если Бог говорит с тобой — это шизофрения.

ЖЕНЩИНА: Тебе нравится делать из меня ненормальную? Легче шляться по ночам? Я не сумасшедшая. И не умалишенная. (*Задумывается.*) Он же мне цветы принес!

ХОЗЯИН: Какие цветы?

ЖЕНЩИНА: Подснежники! Которые ты найти не смог.

Она выходит в спальню. Тут же возвращается с пустой вазочкой.

ЖЕНЩИНА: Куда ты их дел?

ХОЗЯИН: Я их не видел.

ЖЕНЩИНА: Врешь! Ты их выбросил! Решил за лилии отомстить?

ХОЗЯИН: Саша, тебе приснилось? Я не брал никаких цветов!

ЖЕНЩИНА: Они были! А ты их выбросил! Потому что ты — ничтожество!

ХОЗЯИН: Я не трогал цветы, потому что их не было. Потому что его — тоже не было.

ЖЕНЩИНА: Не было? Не было... (*Пауза.*) У него оторвалась пуговица на рубашке. Я ее пришивала и укололась. Вот!

Протягивает руку. Хозяин берет ее ладонь, рассматривает.

ХОЗЯИН: Где?

ЖЕНЩИНА: Ну вот же!

ХОЗЯИН: Здесь ничего нет.

ЖЕНЩИНА: Не видно? Иголка тонкая... Но я же чувствую — палец болит!

ХОЗЯИН: Какой? Этот? Или этот?

ЖЕНЩИНА: Не знаю...

ХОЗЯИН: Саша, у тебя бред.

ЖЕНЩИНА (*протягивает руку*)**:** Я чувствую — болит!

ХОЗЯИН: Мы завтра же... нет, сегодня пойдем к врачу.

ЖЕНЩИНА (*кричит*)**:** Он был, был!

ХОЗЯИН: Так, всё! Пошли спать!

ЖЕНЩИНА: Нет! Не пойду!

ХОЗЯИН: Делай что хочешь!

Он уходит в спальню и хлопает дверью.

Женщина мечется по комнате, находит сумочку, достает из нее платок, которым протирала пораненный палец. Берет его, рассматривает. Потом быстро выходит из комнаты. Тут же возвращается — уже в шубе. Кладет платок в карман, берет со стола ключи от машины. Допивает вино из бокала и идет к выходу. По дороге поднимает валяющийся на полу пульт, бросает его на диван. Выходит из комнаты.

Звонит лежащий на столе телефон. Через несколько секунд Женщина возвращается, берет трубку.

ЖЕНЩИНА: Алло. Алло, плохо слышно! Валентин? Ты откуда звонишь? Из автомата? Как хорошо, что ты позвонил... (*Пауза.*) Опоздал? Не страшно. Я сейчас к тебе приеду... (*Пауза.*) Да, муж нашелся, досыпает... У самой глаза слипаются...Не бойся, не усну, выпью кофе... Валя, а я Светке звонила, она мне про тебя сказала... что тебя уже нет, на войне убили... (*Пауза.*) Два месяца в госпитале? Что же ты не рассказал!.. Понятно. Ты меня жди, у центрального входа... Я уже выезжаю. (*Женщина допивает кофе из одной, потом из другой чашки.*) Пароль... Пароль меняем на "Собака нашлась...".

Женщина кладет трубку и выходит из комнаты...

Звучит песня Адамо "Падает снег".

Tombe la neige,

Tu ne viendras pas ce soir...

Медленно гаснет свет. Затихает музыка.

Одесса, май 2009 г.

Галина ЛАЗАРЕВА

Знакомый незнакомец

Одесская киностудия для большинства одесситов сегодня терра-инкогнита, несмотря на практически столетнее свое существование в разных ипостасях и под разными названиями.

Кино на Французском (Пролетарском) бульваре – данность, спорадически привлекающая к себе внимание двух-трех персонажей в XXI в.

Так было не всегда. Определяющая судьбу – так можно обозначить киностудию в 60-70-80-е годы XX столетия для многих значимых для кинопроцесса и истории людей. Творческий путь киностудии был исторически оправданным, но для участников тех событий далеко не безоблачным.

Геннадий Збандут, главный редактор, затем директор киностудии, кандидат философских наук уровня 50-х годов, аналитик по способу мышления, романтик и прагматик по образу жизни, в 1971 г. с трибуны конференции высказывал свое отношение к критическим публикациям в адрес фильмов, созданных студией: скандальные "Долгие проводы" молодой Киры Муратовой, "Городской романс" – новаторской ленты Петра Тодоровского, взорванные прессой "Опасные гастроли" Георгия Юнгвальд-Хилькевича и др.

Григорий Поженян, чье имя выбито на мраморе среди имен погибших защитников Одессы в 1941 г., чудом оставшийся жить, стал поэтом, был автором сценария знаменитого фильма "Жажда" (1959 г.), автором сценария к фильму "Никогда" (1962 г.), автором и режиссером фильма "Прощай" (1966 г.), автором сценария "Поезд в далекий август" (1971 г.) (рабочее название "Оборона Одессы").

В прениях после доклада, полемизируя с писателем, критиком Михалевичем А.В., членом ЦК КПСС, режиссером, секретарем правления Союза кинематографистов СССР Хейфицем И.Е., лауреатом Ленинской премии, режиссером пятисерийного фильма о Великой Отечественной войне советского народа "Освобождение" Озеровым Ю.Н., спокойно, с достоинством и профессионально отстаивает право художника и киностудии на самобытное и самостоятельное творческое решение, не затушевывая реально существующие проблемы.

Григорий Колтунов, патриарх и мэтр советской кинодраматургии, блестящий оратор, по сценарию которого в 1969 г. в Одессе снят знаменитый "Зеленый фургон", вспоминает фильм "Шаг с крыши" молодого режиссера Радомира Василевского, созданный в тандеме с будущим лауреатом международной литературной премии им. Ганса Христиана Андерсена писателем Радием Погодиным, раскрывает свое видение взаимоотношений кинодраматурга, режиссера и студии.

Представляемые фрагменты выступлений Г. Збандута, Гр. Поженяна, Гр. Колтунова звучат злободневно и сегодня, не нуждаются в комментариях, предлагаются читателю в стенографической архивной записи.

Збандут Г.: Многие, несправедливые, на наш взгляд, по своему содержанию и форме оценки нашей работы проистекают из недостаточно глубокого изучения вопроса. Критика кинопроизведений часто ничем не отличается от литературной критики. В ней редко учитывается коллективный характер творчества в искусстве.

...Если бы этого не было, если бы наши критики больше учитывали состояние, особенности разных периодов развития коллективов киностудий, если бы они понимали, в частности, неизбежность в прошедшие годы в творчестве начинающих творческих работников нашей студии наряду с поиском — подражание, заимствование, то они, я думаю, по-иному оценивали бы многие факты. В. Орлов не назвал бы одну из своих статей "Провинциальный модерн", К. Щербаков не воспользовался бы термином "вторичный поток", газета "Вечерняя Москва" не писала бы по поводу одного нашего фильма, что "только крайней неразборчивостью проката можно объяснить тот факт, что этому фильму предоставлены экраны столичных кинотеатров", а Б. Деревянко не поучал бы нас, как первоклассников, что "у искусства нет ни одесских, ни ялтинских, ни киевских мерок, есть одна, общая для всех, высокая мера подлинного искусства", что "провинция может присвоить право на второсортную продукцию, но присвоенное еще не есть законное...".

Наша студия в оценке ее деятельности не нуждается в скидках...

Но выступления, которые только что назывались, в которых предметный анализ подменяется обвинениями в провинциализме... с сознательной критикой ничего общего не имеют.

Провинция она и есть провинция!..

Григорий Поженян: Я буду говорить, в основном, о профессиональных вещах, чисто технологических, о вопросах, связанных с нашей кинематографической профессией.

Несколько слов в связи с выступлением тов. Михалевича А.В.

Проблемы отдельной Одесской студии не существует. Все проблемы Одесской студии — проблемы вообще нашего кино, которые, к сожалению, в Одессе усугублены тем, что всегда на маленьких студиях меньше возможностей для маневров.

Прежде всего, по поводу общих задач. Я не понимаю этого противоречия: с одной стороны, вы говорите, что может быть реализация одной темы, а с другой — требуете, чтобы каждая картина непременно отражала все социальные разрезы, которые связаны с нашей державой.

Вы должны понять, что борьба добра со злом — вопрос не абстрактный, это задачи всех поколений, и все зависит от того, насколько естественно и, с точки зрения мастерства, хорошо сделано. Например, "Салют, Мария!", которую очень хвалят, по моему мнению, это одна из самых худших картин Хейфица, которая не может удержаться на поверхности изучения социальных проблем, потому что социальные проблемы можно разрешить и одной статьей. У него могла быть загадка прекрасной женщины.

Для того чтобы делать фильм, нужно решать главное — драматургию, а она в этом фильме незначительная по степени своего проявления.

Что касается "Освобождения", то мне кажется, что это слабый фильм. Масса и глобальность — это еще не высокая драматургия. За исключением 3-й серии, которую я считаю наиболее удачной, первые две — слишком общие.

Можно ли решить локальным путем, на каком-то маленьком участке на 73 страницах сценария какую-то государственную проблему? Конечно, можно. Может ли быть она решена путем показа взаимоотношений между мужчиной и женщиной? Конечно, может. И на этом стояла вся русская литература. Вся русская литература XIX века — это защита человека. Чехов заключал весь тот цикл, который начал Гоголь маленьким человеком в "Шинели", и говорил, что дальше так жить нельзя. И решалось это самыми разными средствами.

Когда собираешь всю литературу каплю по капле, то видишь — насколько наша литература была бы обеднена, если бы требовала от всех одного и того же.

Что касается фильма П. Тодоровского "Городской романс".

Я уже не говорю о Кулиджанове. Лев Алексеевич не имел права так говорить о своем коллеге неуважительно. Мнение Кулиджанова — это его мнение. Во всех наших статьях и выступлениях, если они исходят от лица должностного, необходимо говорить: "мне кажется", "я так думаю", — потому что один человек не может выражать мнение всех.

К Тодоровскому можно предъявить какие-то претензии, но претензии в рамках тех задач, которые поставил перед собой режиссер.

Ведь нельзя же толстую женщину ругать за то, что она не худая, бере-

зу ругать за то, что она не осина. И художника надо ругать в русле тех задач, которые он ставит.

То же самое и с Кирой Муратовой. Она по-своему видит мир. Пора отучиться от искусственных речей и призывов "улыбнитесь".

Я считаю, что фильм Тодоровского сделан эмоционально, элегантно, с огромным вкусом, актуален и теперь, когда нужно решать проблему молодежи.

Товарищ из Донбасса предложил поставить комедию о радиохулиганах. Хорошие себе хулиганы, это не хулиганство, а какое-то уклонение от нормы.

Проблема взаимоотношений мальчика и девочки, мужчины и женщины всегда была и будет. Что же тогда делать Феллини или Антониони, которые решают эти проблемы? Например, говорят о проблеме внебрачной связи. А откуда появляются вторые браки? Сначала эта проблема "внебрачная", а потом она станет "брачная". (*Аплодисменты.*)

Мне кажется, что судьба художника и его произведения зависят от того, помогает ли это дальше жить, помогает ли это быть честными, правдивыми, не лгать своим детям, или не помогает.

У нас всегда есть время давать советы, ругать, но никогда не хватает времени заступиться за своего товарища.

Почему от Кулиджанова до Замошкина, который без году неделя работает в "Известиях" и мало что понимает в искусстве, ругают фильм Тодоровского? Потому что ругнул Кулиджанов, ругнул и Замошкин, а художник каждый день встает и думает, и занимается этой трудной и вредной профессией, и ему еще предстоит работать.

Если мальчик и девочка стоят где-то на углу или на площади и целуются, и рядом с ними стоят тысячи людей, то каждый из них может дать им совет, потому что считают, что они осведомлены в этом вопросе. То же происходит и со сценарием.

Я вчера подсчитал, что только официальных людей, которые дают мне советы, — 70 чел. Редакторы, коллегия Одесской киностудии, Украинский главк, кстати, очень доброжелательные люди, начальник главка, главный редактор, потом Московский главк, потом бесконечное количество консультантов, потом консультанты консультантов. В результате в сценарии от того, как он задуман, до того, как он вышел на экран, мало что остается. Я ничего не могу плохого сказать о генерале армии Павловском, но он мне советует — хорошо было бы здесь сделать сцену, как приехал Антонеску в штаб. Это может быть и хорошо, но картина ведь уже снимается. То есть

после того как все созрело, нам предлагают вносить изменения. Мне кажется, что руководство должно бесконечно застенчиво смотреть наш материал.

Представьте себе, показывается 700 метров материала. Ты снял поцелуй, смерть и ноги героини, а мне говорят — "нет воздуха". Так его и не может быть! Конечно, надо иметь большую фантазию, надо быть очень большим профессионалом и очень глубоко сидеть в этом материале перед тем, как давать совет.

Мне тов. Проценко В. (засл. работник культуры УССР, член СРК Госкино УССР. — **Прим. Г. Лазаревой**) дала газету со статьей о сценарии, я забыл фамилию критика. Дело не в том, что он пишет. Критик понял то, что хотел понять. Картина только снимается. Это жизнь сценариста — 65 советчиков за это отвечают, хотят или не хотят. Потом начинается прохождение через инстанции. Не менее сложная жизнь, почти невозможная для режиссера. Пленка отвратительная. Наши камеры плохие, не синхронные. Снимать невозможно. Гарантии, что не будет брака, нет. Хорошо, когда оператор очень сильный, — 14 килограммов надо держать. Не говорю о том, что обеспечение съемок — один из самых неблагополучных вопросов.

Претензии, которые можно предъявить к студии: больше того, что она может сделать, она сделать не может.

Произошел сдвиг, с одной стороны, положительный, с другой — отрицательный: увеличилось количество картин на студии, укрупнили объемы. Стало невозможно для работающих в группе. Для маленькой студии с небольшой емкостью 9-10 картин в работе — почти невозможно. (В 80-е годы одновременно на разных этапах производства находилось в работе 28-30 полнометражных кинофильмов. — **Прим. Г. Лазаревой**).

Вот и еще одна проблема — автопарка. Если в съемках картины "Оборона" участвует 2,5 тысячи войска, — нужно 5-6 машин, где их взять? Для Одесской студии "Оборона" все равно, что "Война и мир" для Мосфильма.

Не можем делать декорации с двумя постановщиками. Режиссер приезжает на площадку. До двух часов готовится площадка. Один-два часа остается на съемку. Уходит солнце. Не хватает времени работать с актерами. Беда в группе — это нерасторопность и отсутствие профессиональных людей. Когда вы смотрите на пленку, никому нет дела, что не было гвоздей и т. д. Это проблема не локальная, не одной картины. Беда всех групп. Мы задыхаемся в полном, не переносном смысле слова. Отсутствие директоров картин, администраторов, отсутствие профессиональных людей во всех масштабах. Как воспитываем художника — пишет рисунки, эскизы,

и ничего не делается на площадке. Проблема "резников" и "холщевников". Резник придумал прекрасно. Но приходишь на площадку — ничего нет. Нужен Холщевников, который умеет обживать площадку. Каждый раз на директорских совещаниях обсуждается — как решить судьбу картины? Не моя судьба, судьба студии. Судьба участников обороны Одессы. В картине есть огромное количество достоинств и недостатков. Но эта картина одна из самых главных и генеральных.

Масса узловых вопросов, которые должен решить только Комитет по кинематографии. Надо дать свободу директору группы, ту, которая выгодна группе. Приходит в слезах Брашеван В. (директор съемочной группы) подавать заявление об уходе. Почему? Снималась сцена ухода войск из Одессы. Ночью приходят лошади. Некуда девать сено. Директор картины оказывается мальчиком для подзатыльников, который ничего не может сделать.

Огромное количество денег на декорации. Некоторые съемки решили снять на батареях. Деньги сохраняются, но их нельзя взять: не та статья.

За 800 тысяч, которые дали, можно снять 2 серии.

Армия помогает, флот помогает. Часть денег даже не берут. В отличие от одесских организаций, о чем должно знать местное руководство. Говорил с секретарем горкома: городские организации пытаются с нас урвать. Потоптали цветы — 10 тысяч плати, еще за что-то — 15 тысяч. Помогать нам надо решительнее.

Проблема администраторов — этих несчастных людей, которые получают 80 руб. зарплаты и ничего не могут оформить, ничего не могут.

В кино жизнь администратора совершенно невыносима, нужно как-то разрулить много технологических вопросов, без которых кино вообще невозможно снимать. Мы настолько погрязли в своих производственных проблемах, что нам не хватает времени для самого главного — для творчества. А учить нас и ругать — тут тысячи охотников. Мы не успеваем снять материал, а уже 5 раз его показываем. Ведь режиссер — живой человек, он дергается, вся группа дергается, и создается дикое напряжение.

В заключение хочу сказать, что нужно эти проблемы видеть и студии помогать. Студия также задыхается. Она не могла отказаться от этой большой, серьезной картины, как не могла отказаться от других. Она ведь не может снимать одну картину.

Появился новый тип руководителя (Г. Збандут. — **Прим. Г. Лазаревой**). Люди на самых разных должностях и местах должны быть людьми, принимающими решение, не демагогами.

Надо уметь принимать решение и перестать озлобляться друг против друга. (*Аплодисменты.*)

Колтунов Г.Я.: Искусство — зеркало жизни. Не только зеркало, а и орудие ее переустройства, ее совершенствования. Но принимаем мы его, в первую очередь, как зеркало жизни. Как и всякое зеркало, оно отличается тем, что может искривить жизнь, которая в нем показана. Правда, у этого зеркала амальгама не из холодной ртути. Она написана горячей кровью художника, если художник занимается искусством, если он не бездарный ремесленник.

Надо посмотреть, что в зеркале искусства сделала наша студия за тот период, о котором отчитывался в своем докладе тов. Збандут, какие задачи ставились перед нами, с кем мы встретились, как выражались наши представления о мире, помогли ли они понять этот мир и помогают ли нам самим совершенствовать жизнь вокруг и в себе самих.

Несколько слов по вопросам, задетым на конференции в выступлениях. О докладе. Мне доклад очень понравился: интересный, с моей точки зрения, самокритичный. Он сделан не директором студии только, а и кандидатом философских наук. Мне это нравится и импонирует. Правда, отдаю себе отчет в том, что дела не всегда сходятся со словами, что проведение линии, намеченной в докладе, не всегда четко.

Понимаю, как сложны обязанности директора студии, не только кандидата философских наук, как они многообразны, неприятные отклонения от четкого проведения линии вполне возможны. Важно только, в какой мере эти отклонения совершаются.

Я был очень рад из доклада услышать долгожданное мною признание факта (пусть режиссеры не подумают, что это выпад против них, потому что у режиссера чрезвычайно сложная работа), что режиссер, желая улучшить, позволяет себе, не скажу искажать, а портить сценарий. В проекте решения это нужно отметить и как-то этому воспрепятствовать.

Хемингуэй говорил, что пишет он стоя, исправляет сидя. Потому что сократить, исправить труднее, чем написать. А нас, кинодраматургов, в процессе производства сценария поправляют не только не сидя, а и на бегу, на ходу. Тут случайные мнения, случайные настроения, и в этом причина погибших хороших сценариев. Вот почему огромный урон нанесен нашей литературе и создано искривленное представление о том, что такое советская драматургия. Часто режиссеры и другие "соавторы" сценарий не улучшают, их вмешательство портит литературную основу на фарисей-

ской фразе, что сценарий защищается. Вот вопль души, который вырвался у Игоря Неверова, когда он не говорил, а кричал, — "Без меня почему искажают, делают не так, как я видел!". Абсолютно понятно, кто задает тон в фильме, кто определяет его идейные концепции, хотя бы даже подсказал опытный режиссер. Если автор взялся и делает, — это становится его идейной концепцией, его сюжетной концепцией, его концепцией искусства, и вмешиваться в его работу явочным порядком никто не имеет права. Нельзя трактовать автора-сценариста, простите за грубоватое выражение, как литературного холуя при режиссере, который делает те или иные замечания.

Дорогой Игорь, нельзя трактовать и режиссера как холуя при авторе. У него есть свои права, свои обязанности и вопросы в трактовке того или иного момента во время создания картины. Вопросы сложные, не простые. Я против того, чтобы постановщик дописывал сценаристу новые эпизоды. Актер нужен тоже не холуй при режиссере. Только в этом обогащении рождается искусство, искусство кино. Фильм — это коллективное искусство. Каждый должен вносить от себя в меру своих возможностей и талантов. И задача режиссера и руководства вытаскивать эти таланты, не подавлять в пользу режиссера, актера, администраторов.

В докладе вижу движение вперед в этом направлении, потому как сразу меня не понимали. Начали привносить в мой сценарий отсебятину, калечить, приписывать эпизоды, за которые меня потом обвиняли как за безвкусицу.

Когда я говорил с Геннадием Пантелеевичем: "Оставьте это", — у него была точка зрения, что режиссер имеет право от себя дописывать. Нет. Он не имеет права. Право трактовки, право интерпретации — одно, а делать отсебятину — это совершенно другое. И я бы хотел, очень хотел, чтобы эта рекомендация, которую мы приняли по этому вопросу, жестко проводилась в жизнь и прекратилось безобразное отношение к кинодраматургии на других киностудиях на примере нашей Одесской киностудии.

О портрете современника, который нашел место в фильмах студии. Раньше всем нам представили обаятельный, хоть и несовершенный портрет одиннадцатилетнего нашего современника в картине "Шаг с крыши". Дарование Радия Погодина, очень близкого нам советского писателя, воспитанного всем тем, что советское общество дало человеку, нашло пусть не полное, в определенной мере дилетантское, но убедительное решение в том, как его воспроизвел на экране режиссер Василевский. Мне очень нравится, что в тематическом плане Радий Погодин и Радомир Василев-

ский соединены творческой дружбой, взаимопониманием, которое может привести к интересным, хорошим и нужным делам. Если сравнить этого, кстати, посредственно играющего мальчика, с блестящей работой девочки-актрисы, то он проигрывает, на мой взгляд. Но как он ненавидит неправду, беззаконие, как он относится к расизму, к национализму — это прекрасно, и это воспитывающий детей портрет маленького современника. Очень хорошо, что студия создала такой боевой и интересный фильм, не прячась на ходу в слюни, не отыскивая ничего трогательного, а беря главное: как понимают жизнь маленькие люди, находящиеся в атмосфере советских идей. Это очень интересно и важно. И с этой точки зрения, я считаю эту несовершенную картину очень нужным и интересным явлением.

Затем мы увидели очень чистую, удивительно мне приятную женщину в фильме "Городской романс". Я впервые смотрел эту картину, в каждом кадре виден художник, есть искусство и есть мысль.

Я ошибался в некоторых вещах, я иначе предполагал себе финал ленты. Представляя себе судьбу этой картины, понимаю, что будет разница в восприятии ее широким зрителем и различными инстанциями. Но кое-что мне все же непонятно.

В выступлении Александр Михайлович говорил о значимости темы и о глобальном подходе к ней. Крупно мыслить можно и об очень маленьких вещах. Что касается картины "Городской романс", — это вовсе не маленькая вещь, она весьма и весьма глобальная. Не понимаю, как этого не увидели. Кинофильм рассказывает не только о том, что интересует молодежь, какие отношения должны складываться в браке и до брака. Фильм говорит о свободе, которую получила женщина, о ее независимости от брака, от мужчины, от имущественных отношений. Она не вынуждена проституировать себя в браке, — вот о чем идет речь, хотя героиня ни слова об этом не сказала в фильме. Это свободная женщина, которая полюбила и пришла.

Посмотрите, как этой картине не повезло. Кинолента много потеряла от небольших поправок редакторов. Эти небольшие поправки порождены крупным явлением в нашей редактуре — я имею в виду редактуру в широком смысле, не исключая самих авторов, восприятия зрителя и т. д. Фильм потерял в редактуре, которая определяется политикой не столько партийно-коммунистической, сколько политикой перестраховки. Посмотрите, что произошло в связи с небольшими изменениями.

В первой редакции к молодому человеку, пошло относившемуся к доверившейся ему девушке, оставившему ее, приходит другая женщина, ви-

давшая виды, уже не чистая в своем отношении к жизни и любви, изолгавшаяся: лжет матери, говоря, что будет ночевать у подруги, лжет подруге, прося ее, чтобы она сказала матери, что была у нее. Лжет и молодому человеку, далеко не безупречной нравственности. И тот, глядя на нее и сравнивая ее с очень чистым человеком, с которым он расстался, вдруг начинает понимать, что потерял, и говорит: "Не заказать ли мне для тебя такси?". Победила чистота.

Но когда из фильма убирают, как эта другая женщина лжет о любви, а ей надо удовлетворить только свою тоску, одиночество, то мне непонятен становится мотив, заставивший молодого человека отказаться от лжи, выпроводить ее посредством такси, понять и оценить героиню фильма и свою брошенную любовь.

После идут обвинения в адрес сценария, что он слабый. Конечно, слабый в том виде, в котором он пошел на экран. А сам он был сильным.

Другой пример. Герой фильма задает вопрос: "А что ты скажешь, если тебя обвинят в близости со мной?". Любящая героиня говорит: "А я скажу — подите вы все на фиг". Я не за то, чтобы с экрана пропагандировать такого рода фразы. Но вся сцена, все разговоры, не очень сами по себе острые, были направлены к этой заключительной реплике, которая вызывала смех в зале только потому, что эта грязная фраза подчеркивала чистоту девушки, почти ребенка. И если "на фиг" выбросили, то надо было найти замену этой фразе. Этого художник не нашел. И девочка, и зритель потеряли.

И еще о "Городском романсе". Финал картины. В жизни очень часто бывает, что встречаются люди, расходятся, потом сходятся вновь, забыв оскорбления, унижение чести своей. Такова жизнь, и зеркало жизни может это отразить.

Мне показалось, что в этой картине — девушка, которая тактично, не вульгарно выслушала просьбы молодого человека вернуться и не простила ему, — было правдой. Это есть в жизни у лучших представительниц женского пола.

Я не думаю, что лента Тодоровского "Городской романс" является совершенной в ее эстетике, в ее вкусе. Мне кажется, что вкус в чем-то изменил авторам. Даже там, где спокойное течение жизни, изображение на экране экстравагантно, надуманно, чувствуется желание заинтересовать чем-то побочным. Иногда там вполголоса говорится то, о чем можно было бы сказать в полный голос. А в целом лента благородная, чистая, и все-таки глобальная.

Теперь по поводу К.Г. Муратовой. Прежде всего, я должен сказать, что с огромным уважением и интересом слушал выступление А.В. Михалевича. Я считаю, что его работа в Союзе кинематографистов в высшей степени полезна, интересна, облагораживает работу нашего Союза и работу нашей конференции.

Критик всегда держится крупной, масштабной темы и старается во всем увидеть большое, обобщающее и проблемное. Поэтому то, что он говорил о ленте Муратовой, для меня очень и очень интересно, хотя в споре до конференции я не во всем был согласен с ним.

Александр Владимирович! То, что я говорил вам, я говорил и Муратовой, не скрывая, и она даже меня не очень за это жалует.

Но я ей и не навязываю свою правду и свою точку зрения.

Протестую против того, что говорил Поженян в части выступления Михалевича. Был рад, что в докладе Геннадий Пантелеевич отдал должное Поженяну как художнику. Многие не ценят его напористость, прямоту, даже какую-то нагловатость. Григорий — художник горячий, темпераментный, борющийся не за свои интересы, за интересы искусства. Так он и выступил сейчас.

У Поженяна в хорошем выступлении была положительная нота — требует, чтобы каждый мог выражать себя в искусстве естественно, открыто. Но почему-то отказывает в этом праве Александру Владимировичу: не нравится ему глобальность. Низводит ее до обвинения в демагогии, что само по себе, дорогой Гриша, демагогия в определенной мере.

Михалевич говорит, что желал бы видеть пушкинское начало в творчестве Муратовой. Пушкин — величайший поэт России, был вином в поэзии, но рядом существовал Лермонтов, который был уксусом в поэзии и был таким же великим.

Нам этот уксус необходим, как и вино. Опасен он только страдающим повышенной кислотностью.

Не хочу сказать, что Муратова — это уксус нашей кинематографии.

Правильно говорил Александр Владимирович — "улыбнитесь жизни". С моей точки зрения, Муратова "улыбается жизни". В этой картине она "улыбается" устами мальчика, который в телефонной будке разговаривает со своим отцом, счастлив говорить слово "папа", не потому, что есть папа. Есть ТАКОЙ папа, как его нам показали. За этим все радостное, светлое, что есть в жизни. Оно тут. Я картину так понял. В картине есть стремление мальчика — это главное, уйти от нигилизма, в котором живет мать. Она хочет устроить свое дитя получше, а ему это претит. Он

хочет вырваться оттуда. Жаль, что сценарий не прописывает это более ясно и сильно.

Мы увидели общество в этой картине целиком? Ни в коем случае, это какая-то часть его. Художник имеет право говорить о части общества, он не обязан охватить все и вся. Разные жанры и манеры позволяют выражаться художнику. Гоголь создал "Тараса Бульбу", создал и "Ревизора", в котором отразил другую сторону явления.

Искусство не только зеркало, но и орудие совершенствования жизни. Оно имеет право говорить о части общества.

(*Из президиума: "Белинский имел право писать Гоголю".*)

Пишите письмо Муратовой, может быть, убедите этого человека. Она чрезвычайно интересный человек.

Дирекция студии после конференции проводит линию на удержание кадров, чтобы они воспитались здесь, сделались сильнее, снизилась их текучесть. Немало швов торчит в голове у дирекции. Не знаю, ценит ли это Муратова. Дирекция поддерживает ее, дает работу, дает возможности самовыявления, о котором она мечтает, и делает это во многом за счет государства. Кира Георгиевна — интересный человек. С моей точки зрения — талантливый человек. То, что сделано в ее картине, стоит на очень высоком уровне в ряде эпизодов, на уровне высокой культуры профессионализма.

Поэтому я считаю, то, что сделала Муратова, ее критика части общества нашего, построенный ею образ молодого человека из полуинтеллигентной семьи, вы внимательно следите, этот образ наш, советский. Мне только жаль, что показывая жизнь в школе, в классе, где отвратительно отнеслись дети к учительнице (это у нас бывает, мы это читали в прессе, дети бывают необычайно жестоки), молодой человек поднялся, против всех пошел. Жаль, что жестокости столько обыграно, а благородства — мало.

(*Из президиума: "В этом позиция автора".*)

Вы берите за шиворот своих авторов и режиссеров. Вы ей говорили об этом? Говорили, что этот эпизод недоработан?

(*Из президиума: "Много раз".*)

Главное из того, что хотел сказать режиссер, он сказал. К поправкам редакторским надо подходить очень тонко, деликатно, исходя из идей искусства, Только тонко, осторожно подходить.

И самое последнее: я не сторонник этой картины в целом. Я был против этого сценария. Мне очень хотелось, чтобы Муратова делала вещи более близкие к тому, о чем говорил Михалевич. Я соскучился по крупной

личности, по крупному мышлению, по крупному сюжету в картинах нашей студии. Мне кажется, что Качалов из "Властелина мира" (литературный сценарий Г. Колтунова. — **Прим. Г. Лазаревой**) крупная личность, сосредоточившая в себе то, что сосредоточил в себе мальчик из "Шага с крыши". И я хочу, чтобы мы мыслили как крупные мастера, как лучшие мастера нашего киноискусства.

Публикация Галины ЛАЗАРЕВОЙ

Вадим АВЛОШЕНКО

Записки "провинциального" кинооператора

Отрывки

Я специально поставил слово *провинциального* в кавычки, потому что на Одесской киностудии никогда не чувствовал себя провинциалом. И родная студия не была провинциальной! С середины 60-х годов и до 90-х она считалась в киномире СССР одной из лучших, во всяком случае, по популярности, или, как теперь принято говорить, по рейтингу, была на втором месте после "Мосфильма", обогнав даже "Ленфильм". К нам с огромной охотой ехали сниматься самые известные актеры, сюда, в Одессу, рвались молодые режиссеры, операторы, художники, зная, что еще с довоенных времен Одесскую киностудию называли "фабрикой молодых". Наши фильмы собирали многомиллионные аудитории, их любили по всему Союзу, да и не только.

Да, были времена, когда при одном только упоминании "Одесская киностудия" делалось невозможное, открывались, казалось бы, закрытые для всех двери... "За всю Одессу" не скажу, приведу несколько примеров из своей 40-летней операторской работы в Одессе.

Приступая к съемкам телефильма "Последнее дело комиссара Берлаха" (Реж. Василий Левин), мы сразу решили, что сниматься в нем будут только крупные актеры. В роли Берлаха и его антагониста Эменбергера снялись гениальные актеры народные артисты СССР Николай Константинович Симонов ("Петр I") и Андрей Алексеевич Попов (слуга Захар в "Обломове"). В других ролях снимались народные артисты Николай Николаевич Волков-старший ("Старик Хоттабыч"), Светлана Коркошко, Николай Гринько, Александр Бениаминов...

Объехав Таллин, Вильнюс и Ригу (кто себе сегодня это может позволить?), мы решили, что столицу Швейцарии Берн мы будем снимать на улочках Старой Риги. Через два года на этих же улочках режиссер Татьяна Лиознова снимала "свой Берн" в "Семнадцати мгновениях весны"... Когда со съемочной группой мы прилетели в Ригу после трехнедельной обсервации на теплоходе "Грузия", местные власти поначалу не хотели пускать нас, приехавших из "холерной Одессы". В конце концов, все

утряслось, и мы приступили к съемкам. Оказалось, что и в Прибалтике знают Одесскую киностудию, больше того, рижане шутили, что "наши студии — родня, и вы, и мы хорошо снимаем детективы!". В Риге оказалось много такого, чего мы не могли бы найти в Одессе, например, машину "опель-кадет", на которой ездил Берлах. Водитель, обслуживавший наши съемки, рассказал мне, откуда у него эта немецкая довоенного выпуска машина: "Когда немцев разбили в Курляндском котле, на полях осталась брошенная техника. Мужики после окончания боев растащили по своим хуторам кто что смог — кто грузовик, кто оружие, спрятали в сараях, закопали в поле. Вот и мой отец прикатил на хутор эту машину. Ей нет износа — крупповская сталь, а мотор я поставил от "Волги".

Нас пустили снимать и в знаменитую галерею Домского собора, и в "Дом дружбы" с потрясающими витражами (уж не знаю, что теперь в этом доме), и в лютеранский собор Святой Катарины, мы спокойно снимали на улицах — горожане, привыкшие, что на улочках Риги постоянно снимают что-то "иностранное", не обращали на нас внимания, даже не было толпы мальчишек, которые всегда и везде окружают съемочную площадку.

Действие второй серии должно было проходить в элитной больнице бывшего нацистского врача, и надо было найти такое советское лечебное заведение, которое походило бы на "элитное". Мы объездили лучшие больницы и поликлиники Москвы и Ленинграда, побывали в институте хирургии им. Вишневского, в знаменитой клинике академика Федора Углова, нас даже пустили посмотреть (сверху, через стеклянный купол) операцию, которую проводил выдающийся хирург. Да, эти клиники не походили на городские и районные — и палаты побольше, и коридоры почище, но не было в них "элитного" шика, да и медицинское оборудование все больше советское... (Напомню, что снимали мы в начале 70-годов.) Выход подсказал Андрей Алексеевич Попов, бывший тогда главным режиссером театра Советской Армии. Он посоветовал нам съездить в Архангельское и попытаться добиться разрешения снимать в Главном клиническом госпитале Министерства обороны. Мы с трудом пробились к начальнику госпиталя генерал-майору Сергееву. Услышав, что в главных ролях снимаются Николай Симонов и Андрей Попов, да еще по одной из любимых им повестей Ф. Дюрренматта "Подозрение", да еще любимая Одесская киностудия, генерал-майор лично провел нас по госпиталю. Для съемок мы отобрали суперсовременный операционный блок, отделение реанимации (каждая кровать находилась в отдельном стеклянном блоке, больной

круглосуточно был подключен к контрольным приборам), два процедурных кабинета — и все это было оборудовано импортной медтехникой. Генерал дал "добро" на съемки, поставив при этом два условия: первое — группа должна заканчивать работу ровно в двадцать часов, за час до отбоя; второе — дать концерт для больных. Неделю мы снимали в этом закрытом привилегированном заведении, работали по 12 часов... А потом был полуторачасовой концерт. Николай Симонов читал стихи Есенина, монолог Арбенина из "Маскарада", рисовал на доске чудные карикатуры (он был потрясающим художником, окончил в свое время Ленинградскую Академию художеств), а Андрей Попов читал смешные рассказы Чехова и рассказывал анекдоты. В первом ряду в больничных халатах сидели три маршала Советского Союза — Андрей Гречко, Иван Баграмян и Кирилл Москаленко. А дальше — офицеры чинами поменьше, а еще дальше — молодые солдаты, кстати, их было очень много...

А больничную палату Берлаха и кабинет Эменбергера мы снимали в "президентском номере" гостиницы "Россия", расположенном в 21-этажной башне северного корпуса. Его нам подсказала дежурная по этажу вдова генерал-лейтенанта Николая Осликовского, постоянного консультанта фильмов, где были конные сцены. Номер состоял из огромной гостиной, уставленной мебелью из белой карельской березы, двух спален — для главного гостя и прислуги (охраны), кабинета и переговорной комнаты. Два туалета с ванной и просторная прихожая-холл. Через несколько лет я прочитал, что в этом номере останавливался президент США Буш-старший... Но и я пожил в нем, — вместе со вторым режиссером мы перебрались в большую спальню, и неделю, пока проходили съемки, чувствовали себя "президентами". Вот только боялись даже заходить в гостиную, садиться на диваны и кресла, обтянутые белой кожей... Номер в то время стоил, если мне не изменяет память, рублей 50-70 в сутки (а "квартирные" были 1 рубль 70 копеек), но за него платила картина — как за декорацию. Сколько бы стоил такой номер сейчас — боюсь даже представить, — в Москве наем для съемок "приличной квартиры" какого-нибудь "крутого" бизнесмена или бандита стоит от 1000 долларов в день...

В конце 1978 года на студии появился сценарий фантастического фильма "Петля Ориона" — о контактах с внеземной цивилизацией. Авторами сценария были Валентин Селиванов и летчик-космонавт дважды Герой Советского Союза Алексей Архипович Леонов. Он-то и оказался главным двигателем этого фильма.

Нас, одесских киношников, пустили снимать в "святая святых" — в ИКИ, Институт космических исследований, архизакрытое заведение, в коридорах которого с потолка опускались за прошедшим в лабораторию человеком решетки, а стены изнутри были обшиты каким-то металлом, как нам сказал один человек в белом халате: "Любопытных много сидит в домах напротив, пытаются подслушать наш треп!". Сейчас, когда передают информацию о полетах в космос, когда рассказывают об удивительных космических аппаратах, я немного представляю, о чем идет речь. Нам разрешили снимать и в термобарокамерах, где проверяют космические аппараты при температурах в несколько тысяч градусов и почти при *абсолютном нуле*, при давлении в несколько сот атмосфер и при вакууме, на виброустановках, где эти аппараты безжалостно ломают: "Представьте себе, что ваш телевизор упал с десятого этажа и не только не разбился, но и продолжает работать. Таковы требования к спускаемому аппарату "Венера". Мы общались с удивительными людьми, которые свои "Космосы" и "Протоны" называли "телегами", а при удачном прилунении из столовой института исчезали стаканы (одноразовых стаканчиков еще не было), и в стенгазете, что висела в центральном холле, появлялся огромный заголовок: "Позор сектору "Луна"! Верните 276 стаканов, в столовой не из чего пить компот!". Но надо же было из чего-то пить шампанское!

Для съемок "Пролога" в павильон "Космос" приехали космонавты Виталий Севастьянов, полковники Петр Климук и Владимир Коваленок — в парадных мундирах, при полном "иконостасе". А позже, уже в Одессу, приехали на просмотр рабочего материала выдающиеся ученые — директор ИКИ Роальд Сагдеев, членкоры АН СССР Иосиф Шкловский и Николай Кардашев. Посмеялись, конечно, поострили по поводу "клюквы" в фильме, даже поспорили, где может произойти эта "встреча" с "внеземным разумом". Сообща написали заключение. А потом вдруг сами предложили перед камерой высказать свои соображения по поводу "контакта" для "Пролога". Быстро организовали съемку на веранде Морского вокзала. И в фильм "Петля Ориона" вошли эти уникальные кадры!

А перед озвучанием фильма в Одессу неожиданно для всех прилетел Алексей Архипович. Посмотрел материал и высказал пожелание, что надо доснять еще несколько кадров: "Поезжайте в станицу Зеленчукскую, что на Северном Кавказе, и снимите самый большой телескоп-рефлектор с зеркалом диаметром 6 м. Стоит он на горе Семиродники, на высоте 2080 м. Там же снимите крупнейший в России радиотелескоп с антенной переменного профиля РАТАН-600. Это придаст картине вес — Земля беспокоится о своих

космонавтах, слушает и смотрит Космос". И я вместе с ассистентом срочно вылетел в Минеральные Воды. Уже в аэропорту нас ждали сотрудники обсерватории с пропусками на эти два секретных объекта. Не возникло никаких проблем и со спецслужбами, которые охраняли эти объекты... Конечно, все препоны падали благодаря громадному авторитету Алексея Леонова. Но вы бы видели лица тех же "астрȯномов", когда мы произнесли: "Мы с Одесской киностудии", — как они пели за обеденным столом (по ночам они работают) "Когда весна придет, не знаю" и "Мы с тобой два берега у одной реки...". Ох, как любили нашу студию, наши фильмы...

Особый разговор о сотрудничестве киностудии с Советской Армией. Студия много и охотно снимала фильмы на военную тематику — и о Великой Отечественной войне, и об армии современной: "Оборона Одессы", "Верность", "Аллегро с огнем", "Гу-га", "Дерзость", "Ожидание полковника Шалыгина", "В двух шагах от рая", "Меня ждут на земле", "Про Витю, Машу и морскую пехоту" и много других. Каждый "военный" сценарий проходил утверждение в Главном политическом управлении СА, потом Госкино СССР посылало в Министерство обороны заявку. В округа, в которых намечались съемки, шла директива о выделении военных консультантов и необходимых для съемок военной техники и личного состава. Это была многомесячная изнурительная процедура. Но зато все — бесплатно! А потом... Потом непосредственно на площадке с режиссером и оператором общались майоры и капитаны, которые говорили: "Генералы уехали, теперь скажите, что вам надо сделать?". И делали подчас невозможное...

На съемках фильма "Меня ждут на земле" надо было снять кадр, когда у военно-транспортного самолета никак не выходят шасси. У летчиков есть прием — они резко бросают машину вниз, а потом так же резко поднимают ее вверх, как бы встряхивают, заставляя шасси выйти из гнезда. Вот такой кадр и надо было снять. Командир полка и руководитель полетов долго и нудно инструктировали командиров двух самолетов (один в кадре, с другого я снимал), предупреждали, что ближе, чем на 25 метров, подходить друг к другу нельзя. Когда мы поднялись в воздух и вышли на параллельные курсы, я попросил по переговорному устройству подойти самолеты поближе — в камеру снимаемый самолет был слишком маленьким. Оба командира ответили мне одинаково: "Как ближе, говори!". Я смотрел в камеру и говорил: "Ближе, ближе". И вдруг в СПУ раздалось: "Ближе не могу, до него восемь метров! Снимай!". Я включил камеру, крикнул: "Снимаю!" — и вдруг почувствовал, как меня оторвало от пола,

и я повис на страховочных ремнях — несколько секунд я был в невесомости! Камеру вырвало из рук, она повисла у меня перед лицом... Я успел ее поймать и крикнуть: "Не снял! Вырвало камеру!". В ответ послышалось что-то нечленораздельное и суровое: "Держи ее зубами! Заходим на второй круг!". На втором круге, вися в воздухе, я все-таки умудрился поймать в объектив и снять падающий и взмывающий самолет... Окончив съемку, я зашел в кабину пилотов поблагодарить их и увидел, что они пристегнуты привязными ремнями (никогда до этого они так не делали), и рубашки у них темные от пота. Командир корабля майор Баранов повернулся ко мне и сказал: "На втором круге мы были в пяти метрах друг друга... Чуть не столкнулись...".

Но особенно мне запомнились съемки финальной сцены фильма о штрафниках "Гу-га". По сюжету, полтора десятка штрафников, оставшихся в живых от двух сотен штурмовавших в лобовой атаке немецкие доты, сидят, привалившись к бетону, и видят, как через болото, которое не могли взять две дивизии и в котором штрафники пролежали больше месяца, идут в прорыв войска: идут танки, "катюши", идут сотни и сотни бойцов... Накануне на место будущей съемки приехали военные консультанты, среди них был небольшого роста человек в офицерской плащ-накидке. Он скромно стоял чуть в сторонке и молча слушал... Консультанты наметили, откуда будут идти танки и "катюши", откуда будет двигаться пехота, где надо навести понтонные мосты через болото... Съемку назначили на 10 утра...

На следующий день в 8 утра мы выехали из гостиницы. За несколько километров до "нашего" болота на обочине вдоль дороги вытянулась бесконечная вереница крытых грузовиков. Я насчитал две сотни и сбился... Ближе к съемочной площадке уже вовсю дымили два десятка армейских походных кухонь.

Камерваген въехал на высокий бугор, где должна была стоять камера, я вышел из машины и обомлел — войска и техника стояли на исходных позициях. За спиной раздался шум мотора, и рядом с камервагеном остановился армейский "уазик". Из него вышел вчерашний человек в плащ-накидке:

— Я командир корпуса генерал-лейтенант... Зови меня Василий Иванович... Оператор, все готово, ставь свою камеру.

— Сколько здесь войск? — спросил я.

— Около десяти тысяч.

И только мы установили камеру — пошел дождь. Нет, это был ливень! Я

глянул в объектив и ничего не увидел — сплошная дождевая пелена. Снимать было нельзя... В "уазике" шумела рация, и голоса спрашивали: "Когда? Вязнем в грязи!". Я отрицательно мотал головой, и командир корпуса произносил лишь одно слово: "Стоять!". Так продолжалось с полчаса... Ливень не утихал... Я не услышал, как сзади подошел Василий Иванович с адъютантом, который накинул мне на плечи поверх промокшей насквозь куртки офицерскую плащ-накидку (она до сих пор висит у меня в шкафу).

— Еще минут десять — и все утонет в грязи... Техника не пройдет...

И будто на небесах услышали эти слова — ливень прекратился, сменился мелким дождиком. Я глянул в объектив: "Можно снимать!".

— Вперед! — скомандовал командир корпуса.

И вся армада войск зашевелилась и двинулась через болото...

Сняв два дубля длиннющей панорамы, я сменил точку и стал снимать поднимающихся из болота на косогор бойцов... Спасибо ливню! Ни один режиссер не смог бы добиться такого — мимо камеры шли усталые, мокрые, с лихорадочными от недосыпа глазами бойцы...

А потом прямо на капоте штабного "уазика" была разложена немудреная армейская закуска, появились две фляги со спиртом. Когда наполнили пластмассовые стаканчики, Василий Иванович произнес тост.

— Говорят, что Одесса не первый город, но и не второй. А вы, одесситы, первыми решились снять фильм о штрафниках. Честь вам за это и хвала! За город-герой Одессу! За Одесскую киностудию!

Однажды журналист Юрий Рост сказал, что "прошлое ничуть не лучше настоящего — просто оно намного больше, и выбирать полегче". Звучит парадоксально, но если вдуматься...

Сегодня прошлое Одесской киностудии — это уже девяносто лет, а станет (будем оптимистами!) и девяносто один, и девяносто два, и... сто (?!).

А моих одесских киношных лет из студийных девяноста — чуть меньше половины. И около тридцати кино- и телефильмов. Есть из чего выбирать, прав Юрий Рост.

Москва

Валентин КОЗАЧКОВ, Александр МАРЬЯМОВ

Эврика!

От редакции. Валентин Козачков – старейший режиссер Одесской киностудии. Он снял немало фильмов, посвященных детям, которые и сегодня с удовольствием смотрят маленькие зрители. Предлагаем читателям небольшой его сюжет для очередной ленты.

Школьный кабинет физики. Идет урок.

Взгляд пожилого учители медленно скользит поверх очков по затылкам склонившихся над партами учеников. Останавливается...

Мальчишеские пальцы ловко мастерят бумажного голубя из вырванного из тетради листа...

— Все балбесничаешь, Сидоров? — учитель остановился в проходе рядом с нерадивым учеником. Тот поднялся. Застыл, опустив голову. — Я, значит, про земное притяжение, а ты, значит... — учитель взял бумажного голубя, повертел его, вдруг резко запустил под потолок: голубь клюнул носом, выровнялся, плавно пролетев над головами ребят, нырнул в открытое настежь окно. — Гм-м... — кашлянул учитель, камуфлируя неловкость. — Мне, Сидоров, уже, понимаешь, надоело родителей твоих в школу вызывать. И двойки твои надоели, понимаешь? — продолжил после паузы: — Великий Исаак Ньютон, между прочим...

— ...тоже плохо учился, — послышался негромкий мальчишеский голос с задней парты.

— Что? — не сразу нашелся учитель. — Кто это сказал?

— Я, — над партой поднялся круглолицый Крепыш. Повторил с озорной улыбкой: — Великий Исаак Ньютон, как и Сидоров, плохо учился... И великий Альберт Эйнштейн, между прочим, тоже... Это же всем известно!..

— Что известно? — растерялся учитель. — Да как ты мог? Вон из класса! И ты, Сидоров, тоже!.. — добавил шепотом, покачивая головой: — Ничего святого — как это грустно...

На толстом суку старой развесистой липы во дворе устроился Крепыш.

На переброшенной через сук веревке, нижний конец которой с явным трудом удерживает шестилетний малыш, висит корзина с яблоками.

Под деревом, прислонившись спиной к стволу, сидит Сидоров.

— Ничего святого, — шепчет себе под нос Крепыш, передразнивая учителя. — Да если б Ньютону яблоко на голову не свалилось, фиг бы он чего открыл...

Крепыш взял из корзины яблоко, прицелился:

— Вели-и-кий... Как только яблоко по башке ударит, кричи: "Эврика!". Понял?

Отпустил яблоко. Оно плюхнулось на землю рядом с Сидоровым. Крепыш взял следующее. Чуть сдвинулся вправо на суку. Яблоко снова летит мимо цели.

— Замри! — командует сверху Крепыш.

И опять яблоко летит мимо. Потом еще одно, и еще...

Сидоров все время чуть отклоняется в стороны.

Крепыш запускает руку в корзину. Достает внушительных размеров арбуз. Примеряется, чтобы бросить его. Но в последний момент передумывает — кладет арбуз обратно.

Малыш внизу едва сдерживает веревку с корзиной.

Повиснув на суку, Крепыш спрыгивает на землю. Отойдя на пару метров в сторону, придирчиво соизмеряет сидящего у ствола Сидорова с висящей над ним корзиной, как бы проводя между ними перпендикуляр. Затем подходит к Сидорову, принимается сдвигать его в сторону. Тот встает, освобождая Крепышу место для маневра.

— Так... Чуть левее... — Крепыш запрокидывает глаза, становится прямо под карзиной. — Вот здесь. Сядешь здесь и не шевелись, понял?..

— Ну?.. — не очень уверенно кивает Сидоров.

— Ну... — передразнивает его Крепыш. Бьет себя по затылку: — Я, значит, сверху — бац! А ты — радостно — "Эврика!". И всех делов... И весь тебе закон Ньютона!.. Бац! А ты — "Эврика!".

Сидоров кивает.

Обессиливший малыш выпускает вдруг конец веревки. Корзина, висящая на суку, переворачивается.

Огромный арбуз летит вниз. Шлепается на голову Крепыша, разлетаясь яркими красным брызгами.

— Эврика!.. — кричит малыш из-за дерева.

— Эврика, — повторяет растерянный Сидоров.

— Эв-рри-ка... — едва ворочая языком, шепчет Крепыш, медленно опускаясь на траву.

Вера САВЧЕНКО

"В глухом переулке", или Искусство вне идеологии

О Художественном обществе им. К.К. Костанди

Хотелось бы всех поименно назвать...
А. Ахматова

Этот год можно считать памятно-юбилейным в отношении одной из важных страниц истории города и его художественной жизни. Осенью 1929 года, то есть 80 лет тому назад, под непомерным натиском пролеткультовцев разных мастей и накалявшегося воздуха будущих политических репрессий вынуждено было прекратить свою деятельность Общество им. К.К. Костанди. Организованное всего лишь 7 лет ранее, в 1922 году, оно запечатлело свой особый след не только в сердцах и умах его участников и современников, но, несомненно, стало тем преемственным звеном, которое соединяет столь дорогие для нас традиции южнорусской художественной школы и настоящее нашей культуры.

Сегодня у нас довольно часто на слуху возникает имя одного из самых прославленных мастеров одесской живописи, ее зачинателя Кириака Костанди. Но, к сожалению, мы совсем мало знаем о продолжателях его дела. Объединившись после смерти любимого друга и учителя в общество его имени, они тем самым задали направление и приоритеты своего дальнейшего развития.

Семь лет жизни Общества были отмечены активной и обширной деятельностью, им руководили и его поддерживали художники-профессионалы и любители — "рафинированная" интеллигенция города — медики, ученые, преподаватели. Это, несомненно, был очаг подлинно культурного творчества и, несмотря на присущую интеллигенции скромность и порой беззащитность, объединение отличала очень принципиальная и последовательно отстаиваемая позиция.

В 2002 году сотрудники Одесского художественного музея предприняли благое начинание — в честь 80-летнего юбилея основания общества и к 150-летию самого К.К. Костанди (1852-1921) была открыта прекрасная выставка, преимущественно из фондов музея, а также при участии Муниципального музея личных коллекций им. А.В. Блещунова, Музея академика В.П. Филатова и частных собраний С.З. Лущика, Н.В. Сапуно-

ва, Ю.А. Смаглия. В рамках этого события была проведена интересная конференция и издан каталог выставки [1], где помимо сведений о представленных работах во второй части были размещены данные о других авторах — участниках Общества, произведениями которых организаторы юбилейной выставки либо не располагали, либо не могли их включить в общую экспозицию, исходя из параметров ее художественно-эстетической цельности. Составители каталога — заслуженные опытные сотрудники музея, его главный хранитель Л.А. Еремина и заведующая отделом дореволюционного искусства Л.Н. Гурова, их кропотливой и в высшей степени добросовестной работе мы обязаны не только сведениями о картинах, их создателях и "биографиях", но и вступительной статьей об истории Общества. Кроме того, в этом же издании был опубликован извлеченный на свет из находящегося в Киеве архива Национального музея Украины очерк о К.К. Костанди, написанный В.Ф. Лазурским, литературоведом, профессором Новороссийского университета и секретарем Общества. Довольно объемный текст (49 машинописных листов), созданный младшим современником и сподвижником Костанди, живо и доступно рассказывает об этапах становления личной и творческой судьбы мастера, знакомит с воспоминаниями художников из его близкого окружения, благодаря свидетельствам очевидцев приоткрывает завесу над многими вообще неизвестными или же весьма туманно обозначенными в нашем сознании фактами. Подготовка текста к первой публикации и вступительный комментарий "Профессор В.Ф. Лазурский — первый биограф К. Костанди" были написаны В.А. Абрамовым, авторитетным историком искусства, заместителем директора по научной работе ОХМ [2].

В то же время сегодня даже в специализированных изданиях по искусству, его теории и истории, деятельность Общества им. К.К. Костанди и его участников освещена до обидного мало. Помимо упомянутых работ мы встретили лишь одно исследование — в материалах научно-практических конференций 1999-2004 гг., проводимых Одесским домом-музеем им. Н.К. Рериха, статья научного сотрудника ОХМ М.Н. Верховецкой о личности и деятельности председателя Общества — А.А. Кипена, с публикацией его автобиографии [3]. В связи с обсуждаемой темой хочется отметить еще один замечательный документ очевидца событий — "Краткую историю Художественного общества имени Кириака Константиновича Костанди", написанную В.П. Снежковым (1882-1959), известным в Одессе хирургом-педиатром, профессором медицинского института, серьезным художником-любителем и активным участником Общества. Эти вос-

поминания стали известны благодаря О. Тангян, представившей их из Германии, из архива своего деда А.М. Нюренберга, для публикации в 33-м выпуске альманаха "Дерибасовская — Ришельевская" со вступительным словом и примечаниями известного исследователя-краеведа О.М. Барковской [4]. Обращаясь к теме сегодня, автор будет опираться на свои личные первые впечатления от знакомства с костандиевцами, имевшие место на той, семилетней давности ретроспективной выставке в Одесском художественном музее, и в то же время на появившиеся с тех пор в печати исследования, свидетельства, документы.

Представим себе время возникновения Общества им. К.К. Костанди — первые годы после гражданской войны. Люди пытаются найти ближайшие ориентиры, "точку опоры" в обрушившемся на них хаосе политических катаклизмов. Разворочен прежний уклад, и для интеллигенции в эту пору одним из немногих островов спасения и духовного пристанища остается искусство.

Художественное общество им. К.К. Костанди как организация было формально зарегистрировано в 1922 году, хотя работа по его созданию началась на год раньше, сразу после смерти Костанди, с того момента, как идею о необходимости такого объединения высказал известный одесский художник, сподвижник Костанди по Товариществу южнорусских, Е.О. Буковецкий. Горячо поддержанный учениками и друзьями Костанди, в 1921 году был учрежден комитет по увековечению памяти выдающегося мастера.

Дело в том, что к тому времени официально продолжавшее существовать, Товарищество южнорусских художников фактически прекратило свою деятельность. Революция 1917 года, эмиграция активных членов общества, среди которых оказались Н.Д. Кузнецов, П.А. Нилус, С.Ф. Колесников, привели к кризису и распаду — последняя выставка "южнорусских" прошла в 1919 году, а смерть Костанди подвела завершающую черту под деятельностью Товарищества.

Новое же сообщество художников, по замыслу учредителей, должно было бы наследовать лучшие традиции южнорусских и в то же время действовать в изменившихся социально-политических реалиях. Так, Товарищество южнорусских художников, основанное еще в 1890 году, в течение 29 лет ежегодно проводило большие выставки, в которых участвовали не только одесситы, но и многие известные мастера из разных точек тогдашней России: среди экспонентов ТЮРХ были И.К. Айвазовский, И.И. Левитан, Н.И. Мурашко, С.И. Светославский, В.А. Серов, Н.К. Пимоненко, Л.О. Пас-

тернак, Е.Е. Лансере. Продолжая линию активной выставочной деятельности южнорусских, Общество костандиевцев организует за 7 лет своего существования 7 обширных экспозиций: 2 посмертные, посвященные корифеям одесской живописи — К.К. Костанди и Т.Я. Дворникову, и 5 общих выставок, представляющих созданные за последнее время работы членов Общества и иногородних участников, таких крупных живописцев и графиков, как К.Ф. Богаевский, М.А. Волошин, А.Ф. и Л.Н. Гауши, Е.Е. Лансере, В.М. Конашевич, Д.И. Митрохин, А.П. Остроумова-Лебедева, К.С. Петров-Водкин, А.А. Рылов, Д.В. Шибнев и другие. Костандиевцы продолжили начинания южнорусских и по части проведения многих других мероприятий (выставки этюдов, выставки-лотереи, концерты etc.), которые чаще всего преследовали благотворительные цели, как, например, сбор средств на установление надгробных памятников К. Костанди и Т. Дворникову.

Кроме того, можно вспомнить, что многие "южнорусские" имели широкий круг творческих интересов, и потому нередко являлись участниками и других художественных объединений. Так в 1897 г. Е.О. Буковецкий, А.Х. Заузе, К.К. Костанди, Н.Д. Кузнецов, П.А. Нилус и Б.В. Эдуардс инициировали создание Одесского литературно-артистического товарищества, а в 1899 г. во многом стараниями Товарищества был открыт нынешний Одесский художественный музей. Теперь же Общество им. К. Костанди было сформировано на новых основаниях, из узкопрофессионального объединения оно трансформировалось в сообщество, включавшее наряду с профессионалами художников-любителей и просто настоящих почитателей искусства. При этом в большинстве случаев непрофессиональные художники Общества обладали достаточно высоким уровнем мастерства, как, например, ученый-виноградарь А.А. Кипен, хирург-офтальмолог В.П. Филатов, хирург-педиатр В.П. Снежков (впоследствии, после расформирования Общества, произведения бывших костандиевцев участвовали в городских и всеукраинских выставках, что может без предвзятости свидетельствовать об их художественных достоинствах). Некоторые члены объединения интересовались теоретическими аспектами творчества: в частности, с докладами выступали литературоведы и историки искусств (В.Ф. Лазурский, М.П. Алексеев), историки (В.И. Селинов), искусствоведы и художники (Н.И. Толмачевская, Л.А. Бродский, А.А. Смирнов, Х.С. Чернявский), писатели и журналисты (А.С. Серафимович, А.М. Дерибас), композиторы и музыканты (Л.Н. Ревуцкий, В.П. Гутор), театральные деятели и историки театра (Н.Н. Боголюбов, Б.В. Варнеке) и другие.

Помимо выставочно-организационной и практически-творческой деятельности Общество вело активную просветительскую работу, проводя лекции по истории искусства и его современным аспектам. Энтузиазм костандиевцев и масштаб сделанного в этом направлении достойны искреннего удивления и восхищения.

Для того чтобы более или менее адекватно оценить весомость этой деятельности, позволю себе обширную выдержку из "Краткой истории Общества", написанной его участником, профессором В.П. Снежковым.

"Общество им. К.К. Костанди с большим воодушевлением принялось за выполнение взятых на себя на основании устава обязанностей и в короткий срок своего существования провело большую и исключительную просветительную работу. Эту работу можно разделить на пять самостоятельных разделов: 1) Характеристика отдельных выдающихся художественных деятелей, а также историков искусств. 2) Современная художественная жизнь. 3) Эпизоды из истории искусств. 4) По психологии творчества и общей эстетике, и наконец 5) О новых книгах по истории и теории искусства...

По первому разделу были освещены жизнь и деятельность следующих выдающихся художников: "Рафаэль", "Рембрандт", "Давид", "Ф. Милле", "Клод Моне", "Ван Гог", "Гоген", "Конст. Менье", "А. Иванов", "Репин", "Шевченко", "Верещагин", "Ге", "Крамской", "Суриков", "Айвазовский", "В. Васнецов", "Рерих", "Бакст", "К. Костанди", "Эдуардс", "Дворников", "Нилус", "Крайнев", "Кондаков", "Гнедич" и др.

По второму разделу были прочитаны доклады: "Выставки в Париже", "Художественная жизнь Запада", "Московская академия художественных наук", "Художественно-научные учреждения Москвы и Ленинграда", а также были сделаны обзорные доклады о проходивших в различных городах Союза художественных выставках картин и скульптуры.

По третьему разделу "Эпизоды из истории искусств" были представлены доклады: "Древняя русская фреска XII-XVII вв.", "Франциск Ассизский и итальянское искусство XIII в.", "Театр времен Французской революции", "Революция в искусстве", "Крестьянское искусство", "Искусство Плешское", "Выдающиеся исторические памятники старой Одессы" и много других.

По психологии творчества были прочитаны: "Об отношении искусства к природе", "Человеческое тело и искусство", "Мимика лица", "Красота и польза", "О художественной критике", "Польза красоты", "Философия искусства", "Иллюстрация и книга", "Декоративное искусство в современ-

ном театре", "Контраст и рефлекс в живописи", "Современные вопросы социологии искусства", "Цветной слух", "Световая музыка", "Анализ восприятия художественного творчества", "Отождествление в художественном творчестве", "Споры о задачах искусства".

И наконец, по пятому разделу разбирались критические заметки о новых книгах по истории и теории искусства" [4, с. 226-227].

Только простое перечисление этих фактов на фоне существования в более чем скромных, а поначалу, после войны, и просто в крайне жестких материальных условиях, бесспорно, впечатляет. Все это говорит об особой преданности искусству и о том высоком, по дореволюционным меркам ("по сравнению с 1913 годом"!), уровне культуры, широте эрудиции, несомненной природной одаренности костандиевцев, позволившим им сделать так много для сохранения и преумножения доброго имени Одессы.

Но вернемся к выставкам. Выше уже говорилось о том, что Общество имело глубокие и тесные контакты с отдельными художниками и их объединениями и вне Одессы. Разумеется, присутствие работ первоклассных мастеров повышало и уровень самой экспозиции и давало одесситам возможность, участвуя в таком творческом диалоге, профессионально расти и обогащаться. Но интересна и живая обратная связь: письма многих талантливых и уже состоявшихся к тому времени мастеров к А.А. Кипену, председателю Общества, говорят об их личной горячей заинтересованности, непоказной радости и удовлетворении от участия в мероприятиях костандиевцев.

Не повторяя постоянно звучащих слов благодарности, отмечу лишь реплику в письме 1928 года, написанном академиком Е.Е. Лансере:

"...участвуя на таких выставках, как в Одессе, так любовно устраиваемых, просто получаешь удовольствие — что ты еще для кого-то интересен, что твои работы еще нужны как простое художественное произведение, без утилитарной пользы как агитка или изображение какой-нибудь достопримечательности" [Цит. по 3, с. 240]. Да, как там у И. Бродского — "лучше жить в провинции у моря"? По-моему, приведенные слова Е. Лансере принципиальны для понимания ситуации. В те весьма неблагополучные и неспокойные времена одесское Общество им. К. Костанди оказывается в некотором смысле последним оплотом искусства, подчиненного не идеологической пропаганде, а сугубо эстетическим принципам и критериям.

Но существование такого "вольнодумного" объединения долго продолжаться не могло, в конце концов, началось "избиение камнями". Не обсуж-

дая очевидное — агрессивность нападок на участников Общества, ущемление их личностных прав, — отдадим себе отчет в другом. Степень проявленной враждебности была не случайной: рапповцы чувствовали силу противоположной стороны. Ведь изображения "кисейных барышень" или "бесконечные портреты жен", которые, в частности, вменялись в вину якобы несознательным, отсталым и упаднически настроенным художникам, как раз и свидетельствовали об их внутренней стойкости и упорном желании следовать лично выбранному пути, а не в направлении, указанном перстом новой власти. Они действительно не вписывались в "Большое Сегодня" нового социалистического мира, противореча его мощной поступи своей утонченностью и духовным аристократизмом [5].

На ежегодных выставках Общества можно было увидеть вновь созданные произведения таких крупных одесских мастеров, как В. Бальц, Е. Буковецкий, П. Волокидин, В. Заузе, А. Кобцев, Д. Крайнев, В. Синицкий, А. Шовкуненко. Работы, присланные из Петрограда, Москвы, Харькова, Крыма, пополняли общую картину представлений о происходившем в искусстве, а точнее, пожалуй, подтверждали тот факт, что и в других местах, помимо Одессы и Общества им. К. Костанди, есть единомышленники, которым дороги, если снова воспользоваться формулировкой Е. Лансере, "простые художественные произведения". И вправду, на этих выставках преобладали "безыдейные" пейзажи, портреты, натюрморты.

В ретроспективной экспозиции, осуществленной Одесским художественным музеем в 2002 году, особенно запомнились изысканно тонкий по нюансировке жемчужно-серый "Коктебель" М. Волошина, изящно-декоративные фантазии в духе "мирискусснических" ретроспекций П. Шварца, осязаемо-убедительная в своих пространственных решениях графика А. Остроумовой-Лебедевой, и по контрасту с ней — митрохинская: легкая, воздушная, напоминающая сетку птичьих лапок на снегу. Великолепно пластически решенные композиции В. Заузе, символистского толка полотна и акварели П. Нилуса, импрессионистичные образы Одессы — ее Большого Фонтана (А. Стилиануди) и сельских окрестностей (В. Синицкий), мастерски запечатленный А. Шовкуненко херсонский порт. И череда блестящих психологически разработанных портретов — профессоров А.А. Кипена (ученого-виноградаря, писателя, художника) и В.Ф. Лазурского (литературоведа, историка искусств) работы П.Г. Волокидина, академика Н.П. Кондакова (археолога и искусствоведа) кисти Д.К. Крайнева, художника-любителя С.М. Василопуло, написанный А. Шовкуненко, обаятельные женские образы, созданные Е. Буковецким и Н. Кузнецовым.

Ну, где уж им таким было, не поломав себя, не противоречить формату рабоче-крестьянского "социалистического строительства"; так же, как, к слову, не могли там бесконфликтно вписаться булгаковские герои — ни профессор Преображенский, ни один из персонажей "Белой гвардии". Поэтому, увы, если несколько лет Обществу удавалось отводить удар, поскольку были в городе сочувствовавшие и ценившие деятельность костандиевцев, то в 1929 году обвинения и требования стали недвусмысленно угрожающими и бесповоротными. Сначала начались трудности с размещением Пятой ежегодной экспозиции — срыв предварительной договоренности и дальнейшие унизительные отказы. Когда все же удалось решить эту проблему (в итоге экспозицию пожелали посмотреть более 4000 человек), на участников выставки началось давление личного характера. В результате, чтобы не остаться за стенами Одесского политехникума изобразительных искусств, где они преподавали, за день до открытия были вынуждены снять работы и выйти из Общества Д. Крайнев, В. Заузе, П. Волокидин. В печати посыпались упреки в непрофессионализме и консерватизме, мещанстве и отсталости. Вспоминая это время, профессор В.П. Снежков отмечал: "...в "Вечерних известиях" был фельетон "Глухой переулок". Выходило, что "костандиевцы" забились в тихое, как на погосте, место с коптящими фонарями и ощипанными канарейками. Однако симпатии публики были все же на стороне Общества" [4, с. 229].

Понятно, что всегда можно извратить любой смысл и представить в неприглядном виде любые идеи и чувства. Тогдашней прессе этого было не занимать. И в самом деле, натюрморты и пейзажи, жанровые картины, интерьеры и портреты членов Общества в большинстве своем создавали камерный уютный мир, вызывающе резонирующий с "громадьем" нарождающихся Советов. И все же теперь, на восьмидесятилетнем отдалении, мы можем оценить эту камерность иначе, нежели современники. И даже ограничивая художественную значимость созданного участниками Общества только рамками сохранения классических традиций изобразительного искусства (хотя, несомненно, там бывали и новации, творческие прорывы границ реалистического и импрессионистического письма, которое в целом доминировало у костандиевцев), мы можем сказать, что они внесли свою значимую лепту в то, что сегодня мы называем Одесской школой живописи. Участников Общества упрекали в безволии и слабохарактерности, политическом малодушии и тому подобном... Но, к счастью, сегодня мы можем увидеть ситуацию в другом свете, как минимум, с большей исторической объективностью. И тогда оценка происходящего меняется

"с точностью до наоборот". Мы не только видим псевдоправомерность звучавших обвинений и упреков, их белыми нитками прошитую политическую подкладку, но должны выразить признательность и восхищение благородством и силой духа костандиевцев. Несмотря на факт самороспуска Общества 25 ноября 1929 года, в развязывающейся против членов Общества войне на уничтожение, тогда еще моральной, они, несомненно, выстояли... сохранив достоинство и в высшем, сократовском, разумении одержав победу. Поскольку вопреки всем противостоящим обстоятельствам остались верны себе и своим идеалам. Подобно другим "хранителям древностей" и носителям "белых одежд", выступавшим на разных этапах истории, они сделали все от них зависящее, чтобы наши глаза и сердца были чутки к тем вневременным ценностям, которым верой и правдой служили они.

Литература

1. К.К. Костанди. Художественное общество им. К.К. Костанди: Каталог выставки / Сост. и авт. вступ. ст.: Л.Н. Гурова, Л.А. Еремина. — Одесса: Астропринт, 2003. — 80 с.

2. Абрамов В. Профессор В.Ф. Лазурский — первый биограф К. Костанди // К.К. Костанди. Художественное общество им. К.К. Костанди: Каталог выставки. — Одесса: Астропринт, 2003. — С. 47-48.

3. Верховецкая М.Н. А.А. Кипен (1970-1938) // Творческое наследие семьи Рерихов в свете мировой культуры: Материалы научно-практических конференций 1999-2004 гг. — Одесса: Астропринт, 2005. — С. 238-247.

4. Снежков В.П. Краткая история Художественного общества имени Кириака Константиновича Костанди / Вступ. статья и примеч. О.М. Барковской // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 33. — Одесса: Печатный дом, 2008. — С. 218-234.

5. Савченко В. Товариство ім. К. Костанді, або Ті, хто не вписався у "велике Сьогодні" // Образотворче мистецтво. — 2009, № 1 (69), с. 14-15.

Феликс КОХРИХТ

"Какая-то глубокая удивительная мысль..."

В июне нынешнего года исполнилось 210 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, но, увы, ранее, в феврале, мы вспоминали дуэль на Черной речке. 10 февраля 1837 года — день, когда земная жизнь поэта завершилась... Это случилось 172 года тому назад.

В июле исполнилось 186 лет с того дня, когда молодой Пушкин прибыл в наш город. Тринадцать месяцев своей ссылки он провел в Южной Пальмире, написав здесь поэмы, лирические стихи, главы романа "Евгений Онегин", а нам — одесситам — со щедростью гения выписал Грамоту на бессмертие.

В Одессе Пушкин — молодой, талантливый, дерзкий, влюбчивый, самолюбивый — заводил друзей и врагов, возлюбленных и ревнивцев. От тоскливого семейного треугольника, глухой вражды великосветской черни, от рокового поединка его отделяли четырнадцать лет. Всего... Целых...

Каким он был, как выглядел в разные годы жизни, хорош был или плох собой, на кого больше похож — на папу или маму, российскую или арапскую родню? Проживи Пушкин еще лет пять, и мы бы сегодня разглядывали его фотографии, — и в Россию вскоре пришли первые дагерротипы. Остались портреты — и знаменитых живописцев В. Тропинина и О. Кипренского, и художников попроще, а также автопортреты, рисунки на полях.

Словесные описания облика поэта оставили многие современники — каждый согласно своему отношению к нему. И все же единственным достоверным, объективным и лаконичным отображением лика Александра Сергеевича является посмертная маска, снятая в день смерти. Специалиста — лучшего на то время — И. Гильберга спешно вызвал ближайший друг Пушкина, поэт и царедворец Василий Жуковский. Я в юности видел ее в Пушкинском доме на Мойке, и она и по сей день остается, пожалуй, самым сильным и нестареющим впечатлением от Ленинграда...

Можно собрать целую полку научных трудов, полемических заметок, поэтических реминисценций, посвященных судьбам нескольких первых отливок с маски, снятой Гильбергом. Одна из них принадлежала Жуковскому, другая — автору знаменитого Словаря русского языка В. Далю, были и третья, и четвертая... Маски долгое время находились в семьях пушкинского окружения, а затем были подарены музеям. С них были отлиты тысячи копий, которые разошлись по всей стране. Я помню эти белые

страдальческие лики в квартирах почитателей творчества поэта, в школьных кабинетах литературы... Гипсовые отливки стали непременной составляющей предметов, из которых студентам художественных училищ предлагалось составить натюрморт, их рисовали, их лепили...

Есть такая маска и в Одесском художественном училище имени Грекова. Сегодня его выпускники Олеся Зайвая и Стас Жалобнюк не могут с точностью не только до дня, но и месяца, и года назвать дату своей встречи с Обликом Поэта, застигнутого застывающим гипсом в свой последний час, но и сегодня они помнят то чувство... Ощущение сопричастности к трагической судьбе молодого человека (сегодня — они почти ровесники), застигнутого на взлете не только пулей французского авантюриста, но и профессиональными тщаниями старательного немецкого скульптора, специализировавшегося на произведениях в жанре Stillleben (Тихая жизнь), но справедливее было бы — Totleben (Жизнь мертвая). Не правда ли — блестящий пример оксюморона, единства противоположностей.

Гильберг старательно снял маску, которую затем отлил петербургский формовщик Балин. Спустя сто с лишним лет студенты Стас и Олеся старательно срисовывали с гипсовой копии черты застывшего лица. Через десяток с небольшим лет они придумали и реализовали проект "48 посмертных масок Пушкина", впервые показанный в киевской галерее "Тадзио", а затем и в Одессе.

Почему именно 48? Я и не думал задавать супругам этот вопрос, — вряд ли они задумывались над этим. Но вот почему материалом стал не гипс, а бумага, полюбопытствовал. Но и об этом не спросил, решил сам поразмышлять.

И, как мне кажется, угадал! Достаточно вспомнить пушкинское: "И мысли тянутся к перу, перо — к бумаге!". Все наследие великого поэта — стопы исписанных листов, десятки печатных томов. В последний час его окружали книги, и он прощался с ними, как со своими детьми...

Но, разумеется, всего этого я Олесе и Стасу не сказал, — художники недолюбливают литературные ассоциации. У них свой язык — язык красок, линий, объемов. Вот почему я воспринял проект Жалобнюка и Зайвой, прежде всего, не как концептуальный тезис, а как произведение современного изобразительного искусства.

В мастерской на Садовой Олеся перебирает маски, приглаживает пальцами кромки портретов, вспоминает, как они со Стасом собирали разрозненные книжные странички, газетные полосы, развороты глянцевых журналов, рекламные листовки — все, что составляет нынче печатный поток,

отражающий Время. Собранные разноцветные кипы замачивали в ведрах с водой — до превращения в массу наподобие папье-маше, но более легкую. Затем формовали на гипсовой маске — и начиналось самое главное. Каждый лик Поэта под руками художников приобретал черты одной из ипостасей его гениальной, многосложной и противоречивой Натуры. Несколько штрихов, несколько мазков, сухой осенний лист, ленточка яркой фольги — и маска на миг оживает, словно Поэт возвращается к жизни...

Не менее важен и занимателен как бы внутренний мир создаваемых образов — изнутри маски сохранили и фактуру, и характер материала — бумаги, вернее, ее фрагментов с текстами, фотографиями, рисунками, опубликованными в печатных изданиях. Здесь и стихотворная строфа, и обрывок официальной речи, и "шматик" фотографии двух шаров на Ланжероне, и та самая "пара стройных женских ног" из гламурного журнала, и рекламное обещание современной колдуньи: "Сниму венок безбрачия", — Пушкин ведь был суеверен... Был суеверен, повернул назад — в Михайловское, наткнувшись по дороге в Петербург на зайца, и избежал печальной участи декабристов. А вот от предсказания знаменитой гадалки не уберегся.. Нашел-таки погибель от руки "Белого человека" — блондинчика Дантеса...

...В тот скорбный петербургский вечер Жуковский остался один у тела только что умершего друга. Вот что он написал немного позднее: "...никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Это был не сон и не покой. Это было не выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу, это не было также и выражение поэтическое! Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание... Мне все хотелось у него спросить: что видишь, друг...".

Этот вопрос вслед за Жуковским задают одесские художники Стас Жалобнюк и Олеся Зайвая. И 48 Пушкиных не дают ответа.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"На флейте водосточных труб"

Сквозь двадцатый в двадцать первый век проросла хлесткая формула Владимира Маяковского: "А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?". В ней безусловный вызов, бравада, но столь же безусловные — ранимость, нежность, эстетизм. Не на чем-либо, а на флейте... это — сквозь век — проверка подлинности художника. И проверка того, что он делает и для чего он пишет музыку, стихи, картины (нужное — подчеркнуть).

Убежден, одесский живописец Стас Жалобнюк на флейте водосточных труб может сыграть и ноктюрн (лирика), и кантату (патетика), и скерцо (ирония), и симфонию (философия).

* * *

Выбирать врагов следует с особым тщанием. Можно продолжить эту мысль: скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты.

Одним из внутренних толчков, побудивших написать эту статью, стал номер журнала "Образотворче мистецтво" за 2009 год, посвященный современному состоянию одесской художественной школы. Вроде бы неплохой номер — много репродукций, обозначены истоки, проложены вехи в настоящее, широко освещен нынешний творческий процесс. И все же, перелистывая номер журнала раз, другой, ощутил границы пустоты: невнятны пути развития в XXI веке, нет, к примеру, художника, чье творчество мне представляется еще одним ярким мазком в палитре Одессы.

"Без меня народ неполный", — внятно сформулировал когда-то Андрей Платонов.

Без картин Стаса Жалобнюка художественная жизнь Одессы становится неполной. Этот живописец (не хочется употреблять штамп "молодой художник", да и какая это молодость — тридцать третий год, возраст Иисуса Христа), прорываясь сквозь влияния учителей, активно заявляет о себе и на выставках, и на аукционах.

* * *

Единственный способ избавиться от искушения — это поддаться ему. Именно так и поступил Стас Жалобнюк.

Ко времени окончания Одесского художественного училища он уже участник многих выставок. Среди его учителей Владимир Власов (а зна-

чит, реальное ощущение "шестидесятничества") и Владимир Цюпко (следующий культурный пласт — нонконформизм). Молодому художнику интересно было все. Понять структуру художественного мышления Юрия Егорова, виртуозный жест Валентина Хруща. Быть частью одесской школы для Жалобнюка значило пропустить весь этот опыт сквозь свои холсты, вступить в живописный диалог с мастерами, которых он любил, которым поклонялся.

...Знакомство с работами Стаса Жалобнюка у меня произошло задолго до знакомства с самим художником. В галерею "Либерти" Анне Голубовской он принес два или три пейзажа, в которых чувствовались уроки Юрия Егорова. Прошел год — и вновь картины Жалобнюка. На этот раз женские торсы, натюрморты. Не подражание В. Хрущу, а скорее, исследование его идей. Признаюсь, тогда же я подумал, не слишком ли часто молодой живописец меняет систему координат, на чем же он остановится, каков же он вне диалогов с мастерами...

Понадобилось время, чтобы я ощутил, что так Жалобнюк избавляется от "искушений", и каждый виток развития не оказывается напрасным. Слой за слоем он созидает свою систему, свою материальность, свой творческий метод. Ни от чего не отказывается — ни от уроков абстрактной символики (как это было заметно на выставке "Территория 2х2", где рядом со Стасом Жалобнюком и его женой Олесей Зайвой выставили свои холсты их мэтры, супруги Владимир Цюпко и Светлана Юсим), ни от уроков статического напряжения, почерпнутых в пейзажах Юрия Егорова, ни от аристократизма, которым отмечены все работы Валентина Хруща. Это были кирпичики, на которых строилась органичная живопись Жалобнюка, сплав, поддерживаемый вкусом и профессионализмом.

* * *

Единственный наш долг перед историей — это постоянно ее переписывать. Стас Жалобнюк расставляет перед собой старые холсты. И те, что его не удовлетворяют, становятся жертвой — холстами для новых картин. Нет, он не думает, что исследователи когда-нибудь будут слой за слоем расчищать его полотна. Ему интересно писать поверх ранней работы. Здесь преодолевается и психологическая боязнь белого листа (холста), и возникает ощущение фактуры как живой плоти.

Кстати, один из одесских коллекционеров, приобретая картину, долго ощупывает ее рукой. Если ощущает человеческое тепло, "флюиды", верит, что выбор правильный.

Но это — отступление, взгляд в сторону, и никак не связано с работой С. Жалобнюка. Он движется вперед, вне пристрастий коллекционеров, и многое, что пять лет его удовлетворяло, сегодня кажется случайным.

Еще сравнительно недавно было распространено увлечение — собирание пазлов: по правилам этой игры, из множества фрагментов нужно сложить цельную картину. Жалобнюк придумал для себя игру "без правил". Он любит выстраивать свои недавно написанные картины ("фрагменты пазла"!) в причудливые "иконостасы" — рифмуются с его именем. И каждый раз, меняя их расположение, композицию "иконостаса", он добивается иного эмоционального воздействия.

Переписывание истории. Как это бывает отвратительно в руках политиков и как весело в руках художника! Ошибка художника им же может быть исправлена. Залогом этого является подлинная глубокая культура. И тут мне кажется совершенно необходимым подчеркнуть, что Стас Жалобнюк действительно глубоко погружен и в отечественную, и в мировую культуру.

* * *

Жизнь — слишком серьезная штука, чтобы говорить о ней всерьез. Может быть, поэтому я ощущаю в картинах Стаса Жалобнюка нескрываемую иронию. Он и к самому себе, кстати, относится с веселой усмешкой. Самоирония помогает не только жить, но и творить.

Иронично — по определению — было искусство постмодернистов. Это была тотальная насмешка над чувствами, мыслями, действием. Следующее поколение, а именно к нему принадлежит Жалобнюк, соединило иронию с грустью, с теплом, возможно, даже с ностальгией по былым образцам красоты.

Одна из инсталляций Стаса Жалобнюка и Олеси Зайвой — сорок восемь посмертных масок А.С. Пушкина. На каждой из них какая-либо цветная аппликация, мазок кистью. И возникает образ многоликого мира. Ироничный? В меньшей степени, чем трагичный.

А сейчас художник работает над живописным циклом, связанным с образом Гоголя. Классический портрет, острый нос, насмешливые глаза. Но несколько таких портретов помещены в контекст людей нынешней эпохи. Неоднозначных. Жестких. Из тех, кто больше всего интересуется, к какому этносу принадлежал Гоголь, а не тем, что он сказал миру. Можно ли при этом не быть ироничным? Можно ли в таком случае говорить всерьез?

* * *

Не бывает моральных или аморальных книг, бывают книги хорошо или плохо написанные. Тем более не бывает моральных или аморальных картин — за ними творческое переживание художника. Моральным или аморальным, скорее, может быть зритель.

Смело, откровенно вторгается Стас Жалобнюк в чувственный мир своих героев, понимай — зрителя. Я уже упоминал его ранние работы — женские торсы, в исполнении которых был отзвук манеры Валентина Хруща. Следующие шаги художника привели его не столько к сознательному шокированию зрителя, сколько в тонкости и причуды бессознательного.

Эротическое искусство существует в разных проявлениях — от фаллической скульптуры неолита и откровенных сюжетов расписных античных ваз до работ Тулуз-Лотрека и Фелисьена Ропса, Константина Сомова, Обри Бердслея, Эмиля Нольде...

Можно ли в этот ряд ставить Стаса Жалобнюка? Нет. Потому что он в своем творчестве не эротичен, не сексуален, а точен, как точен хирург. Именно поэтому его картины нельзя воспринимать как "приколы", столь любимые постмодернистами. Это попытка сказать обществу правду о нем самом. Попытка, иронизируя над гламуром, нанести очередную "пощечину общественному вкусу". Так замыкается некий круг в размышлениях о художнике Стасе Жалобнюке. "Пощечина общественному вкусу" — альманах русских футуристов, в котором участвовал Владимир Маяковский. Связь с "флейтой водосточных труб" замкнулась.

И еще: в обнаженных Стаса Жалобнюка при всей их экспрессии нет торгашеского вызова: "Все на продажу!". Как ни удивительно, они лиричны, в них грусть, нежность, подчас лукавство. И вызов. Художника — обществу.

* * *

Есть только один грех — глупость. Вот в этом Стас Жалобнюк перед Богом чист. Думаю, и во многом другом.

В нем сочетается бесстрашная открытость, с которой он объясняет себя; энергия преодоления — собственных ошибок, заблуждений, сопротивления среды; вера, что всего можно добиться собственным трудом.

Я уже писал, что культурный слой, на котором он воспитывался, глубок. Но желание учиться, познавать не пропадает. Открылась выставка Давида Тихолуза — первая в его жизни. Стас был одним из внимательных

нейших зрителей. Поехал к художнику домой. Купил у него работу. И рассказывал:

— Беру в руки картон. Переворачиваю. А на нем надпись: "Душа". Мурашки по спине от этого определения.

Теперь "Душа" Давида Тихолуза висит у Стаса Жалобнюка. Кстати, не многие художники в своих мастерских, квартирах вывешивают картины других мастеров.

И еще о душе. В статье о С. Жалобнюке арткритик Ута Кильтер писала: "А ведь "душа" — внимание! — никакого выхода в астрал, именуемого духовностью, именно "душа" суть ключевое понятие для определения наличия или отсутствия перед зрителем чего-то подлинного, произведения искусства. Поэтому я вздрогнула, когда Станислав определял соразмерность своих работ как — "там шмат души"... (No comment)".

* * *

Мысль, которая не опасна, не достойна называться мыслью. Это относится не только к литературе, но и к живописи. Умные художники пишут умные картины. Уже потом искусствоведы словесно пытаются формулировать их место в иерархии искусства, находят название течения, которое они представляют. Современное искусство — это море разливанное, в котором сосуществуют и Зураб Церетели, и Демиэн Хёрст. Когда выставка англичанина открылась в Киеве, Станислав, естественно, не мог упустить такой возможности — увидеть своими глазами работы одного из самых модных художников современности...

И все же, тому, что делают художники, вышедшие из постмодернизма с его иронией, а подчас цинизмом, решившие продолжать поиски на грани "живописи абсурда" (по аналогии с "театром абсурда"), придумали новое определение: "актуальное искусство", или "contemporary art". Казалось бы, исходя из этой концепции, можно смело назвать Стаса Жалобнюка художником, работающим в манере "актуального искусства". Но мне кажется, что для него эта ниша узка, скорее, размыта.

Нет еще такого определения, но я бы, не боясь, сказал — это "мыслящее искусство", а раз так — "опасное искусство". На пути художника могут подстерегать взлеты и падения (и он не должен их опасаться), приятие и неприятие. Опасность — стать "популярным", вот через что каждому мыслящему художнику необходимо пройти с достоинством.

* * *

Статья о Стасе Жалобнюке обдумывалась долго. Несколько месяцев тому назад мы договорились с Сергеем Князевым, что для каталога С. Жалобнюка он напишет ряд ассоциаций, которые опубликуем на полях у репродукций, а я статью, где попытаюсь определить место этого художника в современном творческом процессе. Сергей Князев незадолго до кончины прислал мне свою "амальгаму", ассоциации на темы Жалобнюка. Блестящее эссе. Я опубликовал его во "Всемирных одесских новостях". Но как-то оттягивал работу над своей статьей, ощущая ответственность и перед памятью Сергея Князева.

Впервые я увидел, познакомился со Стасом Жалобнюком во Всемирном клубе одесситов на выставке Давида Тихолуза. Высокий, молодой, красивый, с длинными волосами. Похож на Оскара Уайльда. Потом, в разговорах с ним, я оценил парадоксальность его мышления. Так пришло решение — начинать каждую главку афоризмом Оскара Уайльда. И пазл сложился в картину.

* * *

Искусство не азартная игра. Здесь нет букмекеров. Но если бы существовали, я сказал бы, что из художников, вошедших в одесскую художественную школу в XXI веке, я "ставлю на Жалобнюка".

SONY
CXS-S2213GF

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ

"Весенние" юношеские стихи В.П. Катаева

"...Не любить весну,
Согласитесь, довольно странно"
В. Катаев

В последнем, 10 томе своего собрания сочинений, изданных в 1986 году, писатель-одессит Валентин Петрович Катаев поместил свои немногочисленные, по отношению к прозе, стихотворения. Стихи он начал писать еще гимназистом, продолжал в действующей армии на фронтах первой мировой войны, куда пошел добровольцем (охотником, как тогда говорили). Многие стихи посвящены барышням, в которых юный одессит Валентин безудержно влюблялся.

Валентин Катаев

По традициям того времени, стихи записывались в изящные девичьи альбомчики. Но кроме того, молодой поэт посылал их в редакции одесских журналов. Их безотказно печатали, и сейчас при просмотре одесской периодики тех времен находятся стихи, которые маститый писатель не включил по разным причинам в 10-томное собрание своих сочинений.

Неопубликованным стихам, адресованным "девушке с сиреневым именем", как называл ее В.П. Катаев, Ирине (Ирен) Алексинской (Миньоне – в "Юношеском романе"), посвящена статья, опубликованная в № 9 всесоюзного журнала "Юность" за 1986 год одесситами Е.М. Голубовским и А.А. Дроздовским. О "Влюбленном Валентине" и нескольких адресатках его поэзии написана замечательная книга научного сотрудника Одесского литературного музея А.Л. Яворской.

Шуточно-любовное стихотворение Валентина Петровича "Моя кино-дрррама" (Весенняя поэза), о котором пойдет речь, адресовано 15-летней одесской гимназистке Люле Шамраевской. Стихотворение, текст которого связан с кино, прислано в 1916 году из "действующей армии", напечатано в № 26 еженедельного иллюстрированного издания "Театр и кино", 25 июня 1916 года.

ТЕАТРЪ и КИНО

№ 26.

„Занятъ-комедія".

Моя кино-дрррама.

Кабаре Ив. Ивн.

УРАНІЯ.

Расписаніе лекцій

І. Миргородскъ

В. Ю. Кинги

"Моя кино-дрррама"
в журнале "Театр и кино"

Улица Пироговская

Люля – Нина Никитична Шамраевская – была нашей соседкой по дому на Пироговской, 3, в котором некоторое время жила до революции и семья Катаева. Об обширном доме, выходящем на две улицы, писатель писал в "Юношеском романе": "Шесть корпусов, расположенных как кости домино, – два против двух и по краям поперек еще по одному, так что в середине между ними получился длинный двор с газонами, цветниками, стриженым кустарником, совсем молоденькими, как тросточки, липками, и посредине с круглым бассейном с фонтанчиком и даже золотыми рыбками".

Отец тогдашней гимназистки Н. Шамраевский служил в чине полковника-артиллериста в 15 артиллерийской бригаде, расквартированной в Одессе. Семье Шамраевских принадлежал небольшой особняк в уютном Удельном переулке, снесенный лишь несколько лет назад (фотографию своего дома Нина Никитична подарила нашей семье). .

Неподалеку, на Французском бульваре, 19, позднее 23, перед первой мировой войной жила семья полковника Константина Алексинского, с которым Шамраевские состояли в родстве. Кроме того, К.Г. Алексинский был прямым начальником полковника Н.П. Шамраевского.

Нина – Люля, как ее называли близкие, – дружила с сестрами Алексинскими, больше всего с близкими ей по возрасту младшими – близнецами Александрой и Марией ("Шурой и Мурой" у Катаева). Катаев был влюблен в Ирен – среднюю по возрасту из четырех сестер Алексинских. Ей посвящены замечательные любовные письма – стихи влюбленного поэта, о которых мы уже упоминали.

Поводом для написания стихотворения, адресованного Люле Шамраевской, по-

служило увлечение девушки очень известным в то время киноактером, главным героем-любовником российского немого кино красавцем-мужчиной Витольдом Полонским. 90 лет назад имя этого выдающегося актера не нуждалось в комментариях, но сегодня оно известно лишь знатокам и исследователям российского немого кино. Дебютом актера Полонского в кино стало прекрасное исполнение роли князя Андрея Болконского в фильме "Наташа Ростова", снятого в 1915 году. В течение этого же года вышло еще 5 фильмов с его участием: "Братья Борис и Глеб", "Ирина Кирсанова", "Песнь торжествующей любви", "После смерти", "Тени Греха". В короткий срок, в течение 1915 года, известный театральный актер Полонский стал звездой российского кинематографа, одним из самых популярных актеров дореволюционного кино, любимцем женщин всех возрастов.

Экзальтированные барышни грезили Полонским, не сходившим с киноэкранов в течение 1915-1916 годов. Не обошло повальное увлечение и гимназистку 6 класса Люлю Шамраевскую. Из действующей армии 19-летний начинающий литератор В.П. Катаев выразил в стихах свою ревность к красавцу актеру и изящно сложил "к ногам Люли Шамраевской" шуточную пьесу в стихах — "кино-дрррраму".

Особняк Шамраевских в Удельном переулке

Витольд Полонский

Кадр из фильма с участием Витольда Полонского

Моя кино-дрррама
Весенняя поэза

К ногам Люли Шамраевской

— Напишите про Полонского что-нибудь!
Напишите что-нибудь! Похвалите, —
Говорит гимназистка и смотрит, как по небу
Собираются дождевые нити.

Я и она в весеннем саду.
Рядом с ней моему сердцу радость снится.
Спряталось солнышко, ветерок подул,
Ласково гладит Люлины ресницы.

— Боже мой, дождь пойдет... в кино не возьмут...
Буду опять разлучена с Полонским на день —
Я ревную. На сердце кошки скребут:
— О да, конечно! Полонский — кумир Люлин и Надин.

— Как он изящен в метрах драм,
Как он на экране любить и страдать умеет!
Ну, точно парикмахер для молодящихся дам,
Который одновременно и завивает, и от любви млеет.

Люля меня не слушает. Заалела, что мак.
— Кто это Надя? Почему — "кумир Надин"?
— Не волнуйтесь. Я пошутил. Это так...
Не соперница... А рифма к слову: на день.

— Не ревнуйте. Он любит вас одну,
На вас одну он влюбленно смотрит с экрана.
Вы ведь весна, а не любить весну,
Согласитесь, довольно странно...

Раньше гимназистки влюблялись в кадет,
В студентов, в Надсона, в учителей арифметик.
Теперь не то. Меняется белый свет.
Забыты Надсон, студенты, кадетики...

Парит над шестиклассным сердцем кино,
И обаянья его разбить не трудись ты...
Эх! Буду писать дикие стихи. Все одно.
Потому... на очереди футуристы.

Валентин Катаев
Действующая армия
1916 г.

Очень скоро Нине Шамраевской стало не до кино и других развлечений. С приходом советской власти особняк в Удельном переулке был национализирован, и прежним хозяевам было предложено в течение получаса убраться подобру-поздорову.

Дружба Нины Никитичны с сестрами Алексинскими продолжалась всю их нелегкую жизнь. Как единственную память об отце – полковнике царской армии хранила Н. Н. фотографию полковника Шамраевского в парадной офицерской форме на коне. Уничтожить она ее не решалась, но сцарапала погоны, наивно полагая, что таким образом удастся скрыть высокий чин отца.

Именно Н.Н. Шамраевская была инициатором и соавтором возмущенного письма сестер Алексинских писателю Катаеву, показавшему их семью в негативном свете в романе "Зимний ветер", изданном в 1960 году. Люле, правда, места в романе не нашлось, но все члены семьи генерала Заря-Заряницкого, показанного контрреволюционером и черносотенцем, легко узнаваемы. Ответ Валентина Петровича, присланный на адрес Нины Никитичны, она хранила долгие годы. Маститый писатель по прошествии многих лет вряд ли вспомнил, что пишет той самой Люле, которую "ревновал" когда-то в стихах к красавцу-артисту Витольду Полонскому.

Южный Огонекъ
Крестоносцы

ВЕСЕННЕЕ.
Великій – Святой.

"Весеннее"
в журнале "Южный огонек"

Гуляя в 1980-х годах с детьми в сквере возле "дома специалистов" на Пролетарском (Французском) бульваре, 12, мы часто встречали последнюю из оставшихся в живых сестер Алексинских – Александру Константиновну – вместе с Ниной Никитичной. К сожалению, многое из рассказанного ими стерлось из нашей памяти, невозможно расспросить родителей, которые знали намного больше подробностей из жизни этих женщин из окружения Катаева.

Всю жизнь увлекавшаяся музыкой Нина Никитична посещала вместе с родителями Анатолия Дроздовского Л.И. Дроздовской и А.П. Тухгендлером музыкальный кружок

им. С. Рахманинова, много лет собиравшийся в коммунальной квартире 60 на Пироговской, 3, по инициативе соседей – В. Браецкого и М.Ф. Басанкиной.

Лидия Иосифовна Дроздовская, обладая в преклонном возрасте уникальной памятью, давала в 1990-х годах интервью корреспонденту одесского радио, рассказывая о семьях Шамраевских и Алексинских.

Скорее всего, шуточно-любовная "кино-дрррама" просто-напросто забылась или показалась незначительной при составлении 10-томника, поэтому не была включена в собрание сочинений как юношеское стихотворение В.П. Катаева.

Совсем по другим, совершенно понятным причинам, не было включено в собрание сочинений еще одно юношеское стихотворение В.П. Катаева, тоже навеянное весной и названное незатейливо: "Весеннее". Весеннее пробуждение природы ассоциировалось у молодого поэта с христианским праздником Воскресенья – Пасхой. Стихотворение было опубликовано 22 апреля 1918 года в одном из первых номеров еженедельного художественно-литературного журнала "Южный огонек", выходившего в Одессе с апреля по август этого непростого и неспокойного года.

"Весеннее"

I

В полдень солнце палит спины,
Блещет в небе над заливом,
И от мокрой красной глины
Пар клубится по обрывам.
Пусть в садах деревья голы,
Но прозрачен воздух вешний,
И несется писк веселый
Над подсохнувшей скворешней.
Пусть за домом, у забора,
От недавней лютой стужи
Снег лежит, но, как озера,
У ворот сверкают лужи.
Пахнет степью, мокрым сеном...
Облака встают, как горы;
От зеркальных луж по стенам
Так и светятся узоры.
Тени четки. Солнце палит.
Сердце полно вешней дурью.
Божий мир до краю налит
Опьяняющей лазурью.

II

Теплый, тихий, ясный вечер
Гаснет в поле за буграми.
Сквозь кадильный сумрак свечи
Жарко тлеют в темном храме;
Сквозь кадильный сумрак лица
Смотрят набожней и строже —
Чуть мерцает Плащаницы
Тонко вытканное ложе.
От лампад ложатся блики
На узор иконостаса,
Освещают кротко лики —
Божьей Матери и Спаса...
Дым кадильный, как волокна...
И от близости святыни
На душе светло, а в окна
Нежно смотрит вечер синий.

III

Ночь. Темно. Во тьме дорога,
Загородные строения...
В сердце радость: у порога —
Светлый праздник Воскресенья.

Не правда ли, неожиданное отношение метра советской литературы к религиозному празднику? Внук вятского соборного протоиерея Валентин Петрович Катаев в советские времена, ознаменованные усердной и всесторонней борьбой с религией, мягко говоря, не афишировал свое "поповское" происхождение и отношение к религии. Когда читаешь трепетные строки юноши, посвященные Пасхе – "светлому празднику Воскресенья", становится понятно, что Вера в лучшем понимании этого слова была в нем заложена в семье, впитана "с молоком матери".

В 1980-е годы, когда готовилось к изданию его 10-томное собрание сочинений, такое отношение к религии не было бы понято властями, с которыми Валентин Петрович умел "дружить" во все времена своей долгой плодотворной жизни.

Поэтому "Весеннее" пасхальное стихотворение осталось неизвестным широкому читателю.

Володимир ГЕТЬМАН

Білі крила вітрил

Серед відомих українських поетів, творчість яких пов'язана з Одесою, почесне місце належить Володимиру Гетьману. Митець, мислитель, справжній лицар слова, Володимир Петрович ніколи не намагався особисто бути у центрі уваги широкого загалу шанувальників поетичного слова. Навпаки, здавалось, що він уникає публічності, вважаючи, що читач має спілкуватись не особисто з поетом, а з його творами. Саме вони є квінтесенцією його думок, його світосприйняття, сповіддю його душі.

В.П. Гетьман прожив нелегке життя, у якому були і репресії з боку радянської влади у тридцяті роки, і тривале перебування у німецьких таборах військовополонених у роки Великої Вітчизняної війни, з яких він двічі тікав, і принизливе відношення комуністичного режиму до вчорашнього солдата після його визволення з фашистської неволі. Усі ці випробування не могли не вплинути на життя і характер молодої людини. Але Володимир Петрович не зламався – навпаки, зберіг у своїй душі вміння бачити красу, цінити в людях людське, зберіг ніжність і любов до життя в усіх його проявах.

Перша книжка двадцятидев'ятирічного поета "Рибальське щастя" вийшла у 1950 році. А потім з'явились поетичні збірки "Зустріч" (1955), "За дротом" (1958), "Ранкові зорі" (1960), "Подорож до обрію" (1963), "Іскри з-під молоту"... Це був послідовний підйом по сходинках майстерності: адже з кожною новою книжкою талант Володимира Гетьмана розкривався новими гранями. Висока культура вірша, свій, оригінальний образний світ, своє мелодійне багатство... У добу, коли українська поезія досягла неабияких висот (Л. Костенко, В. Симоненко, М. Вінграновський, В. Коротич, молодий Б. Нечерда і ще чимало яскравих імен), голос В. Гетьмана звучав яскраво і впевнено, він був несхожий ні на кого, завжди приваблював своєю творчою індивідуальністю.

На мій погляд, піком творчого зросту поета стали семидесяті роки, коли у поетичному морі України замайоріли його "Білі крила вітрил", коли читачі поринали у дивосвіт збірок лірики "Квітнева заметіль", "Не залишай мене, любове", "Святкую молодість"...

Поезія Володимира Гетьмана проста і мудра, вона зростала на міцній основі багаторічних духовних традицій народу і водночас вона по сьогодні сучасна за тематикою, за своєю образністю, щирістю.

Я мав честь неодноразово спілкуватись із Майстром – людиною скромною, чесною, відповідальною, відданою своїй справі. Незадовго до того, як Володимир Петрович переступив поріг Вічності, я одержав від нього листа з віршами, який пропоную увазі читачів. Думаю, що тон листа та зміст віршів якнайкраще розкажуть про те, якою людиною був Поет, творчість якого, безперечно, є невід'ємною складовою української літератури другої половини XX та початку XXI сторіч.

Роман БРОДАВКО

Добродію Романе Ісааковичу!

Ваша стаття про "Щоденник Одеський" мого вчителя і великого порадника Андрія Володимировича розбудила мене напередодні 80-річчя (10 червня цього року). Нині тяжко хворію, 6 років не виходжу з квартири. Не читаю. Тільки помацки пишу етюди. Змагаюся з Омаром Хайямом. Поки він — мудрець Сходу — перемагає. Але буду вчитися у нього. Як говорив мій наставник Андрій Володимирович: "Треба завжди, постійно, до самозабуття вчитися!".

Андрій Володимирович присвятив моїй творчості — збіркам, 6 своїх робіт. Він написав і до збірки "Квітнева заметіль", яка вийшла у столиці, передмову. Це — були вибрані поезії (Київ, "Дніпро").

Традиції Андрія Володимировича продовжили його учні — професори Г.А. Вязовський, Є.М. Прісовський. Дух нашого великого наставника витав над ними, в тому й вони ставилися до мене доброзичливо, прихильно.

Спільно я із Андрієм Володимировичем переживав удари долі, коли розгорнулася люта критика поезії В. Сосюри "Любіть Україну".

(Далі до листа були додані вірші. — **Р. Б.**)

1.

Навколо "Тихого Дону" нова суперечка:
"А хто написав епохальний роман?"
Концепції. Докази. Ціла вервечка.
А правда зайшла в ще густіший туман.
О, скільки потрібно зусилля цінителю,
Щоб доказ його — все ж таки переміг.
А учень читає і каже учителю:
"Він що — сотворити романчик поменше не зміг?!"

2

Ми часто згадуєм Кленове,
Понад Оріллю хутірець,
Гніздечко те зеленоброве
І запахущий вітерець,
Конвалій подих над хатами,
Розвеселілий гомін дня.
І дзвінко струнними шляхами
Красивий легкий біг коня...

3

Хто продає, а хто купує
державу нашу — Україну?
А хто скажено провокує:
Почать партійну різанину?!
О, люди, зморені нуждою,
З якого ви ввірвались краю? —
Аж видається вже з "ганьбою!"
Дійшли таки земного краю!

4

Льоня Цвейвель, Льоня Цвейвель, Цвейвель Леонід!
У душі моїй залишив дуже давній слід.
Ще ми — діти, ще ми — учні... час рожевих мрій...
Ще над нами, ще над нами — медоносний рій.
Не братались, не стрічались... Кожен знав свій світ:
І зернину, і пашнину, і достиглий плід.
Та ніхто з нас, та ніхто з нас час не докоря,
Бо між нами, поміж нами з давнини — зоря...

5

Ми чаювали, гомоніли,
Переплiталися слова,
Що наші душі освіжили,
І віра зводилась жива,
Що за епохою епоха
В тисячоліття відлетить,
І доля наша (хоч забрьоха!)
І ще нам скаже: "Треба жить!"

6

...Любіть її во время люте.
Т.Г. Шевченко

Любіть її в годину скрути,
Коли розкрадена вона,
Коли від власної отрути —
І геніальна, і дурна;

Коли упала на коліна
І безпорадна, і німа;
Коли ще зветься — Україна, —
І стяг надії підійма!

7

Раїсі Кириченко

Щодня ми молимось за Вас, за нашу Раю,
Прохаємо у Бога дати Вам снагу —
Небесного, земного вікового раю,
Бо всі, дитино, перед Вами всі в боргу.

Дружину запитаю: "Хто тебе лакує?"
І хто мене вертає також до життя?
Так, ще ми живемо — раз серце пісню чує.
А в пісні тій — наснаги ждане вороття.

8

Лебеді летіли... Сіли на лимані...
Вдарили морози дуже, дуже ранні.
Береги скувало, де-не-де водиця.
А в краї у теплі не проб'ється птиця.

Замерзає лебідь, замерза лебідка.
Хтось до них підходить і годує зрідка.
І тріщать морози — дуже, дуже ранні.
І зоря холоне у Сухім лимані...

9

Я все летів, а крила перебиті.
Я все кружляв, а сльози вогневі.
Гірким стражданням, болями налиті
Мої шляхи скропляли польові.

А я, мов жайвір, воскресав у пісні.
Із неба стрімко падав у жита:
За мною гнались хмари лиховісні,
Переді мною грала висота.

10

Сніг летить і кружля з Вологодського краю,
У панельну кімнату влітає мою.
Я не вперше оце до кісток промерзаю,
Мов під вітром палючим голий стою.

Обізвались санки біля мене летючі.
І ямщик ухопив і поклав у санки,
...Я стою на дністрянській розвесненій кручі —
Медоносні летять і кружляють бджілки...

11

Не охолону, не покину,
За "пагорбом" не буду:
Як ту поранену пташину
Забути? Не забуду;

Я принесу тобі чар-зілля,
Цілющого напою.
І ти помножиш многосилля,
Бо завжди я с тобою.

12

Ой, напитися верба
Стала над рікою.
Аж розхристана юрба
Суне з перепою.
Хтось — вже листя позвивав,
Тріснула гілляка...
Ради дурощів, забав,
Хтось — беззвучно плакав...

P. S. *За винятком 9-го — етюди ще ніде не друкувалися.*
З повагою: Дід-сіромаха Гетьман.
Панельний хутір (адреса стара), там пошта краще працює.
27.05.2001 р.

Публікація Романа БРОДАВКА

Владимир ФИЛАТОВ

Первый поцелуй

Великий ученый Владимир Петрович Филатов лишь постепенно раскрывается перед нами во всей своей многогранности. Он был художником и входил в Общество им. К. Костанди, он был писателем, и недавно вышли две его книжки – том стихов и том прозы. Этими изданиями не исчерпывается литературное наследие писателя. И сегодня у нас есть возможность представить читателям шуточный рассказ В.П. Филатова, переданный нам С. Матвеевой.

Едут четверо: итальянец, англичанин, француз и русский. Поспорили, чей язык богаче. "Наш язык самый богатый, — говорит итальянец. — На нем писали Данте, Петрарка, пел Карузо..." — "Наш язык самый богатый, — говорит француз. — Французский — это язык дипломатов, высшего света. Расин, Гюго..." — "А наш язык... почему не он самый богатый? — говорит англичанин. — Что вы скажете насчет Шекспира? А путешественники, мореплаватели..." В разговор вмешался немец: "А философы, мыслители... Кант, Гегель, Гете...". Вмешался русский: "Хотите убедиться, что русский язык самый богатый, назовите любую букву..." — "Ну, хорошо, — сказал немец, — пусть будет буква П".

— Первый поцелуй, — говорит русский. — Слушайте...

Павел Петрович Петушков получил по почте письмо. Письмо пригласительное писала Полина Павловна Перепелкина: "Приезжайте погостить поскорее, пожалуйста". Павел Петрович приглашение принял, поехал. Павла Петровича приняли: прелестная Полина Павловна Перепелкина, плешивенький племянничек Поликарп Поликарпович Перепелкин.

Подали покушать паштет, пирожки, пикули, помидоры, пельмени, пол-литра померанцевой. Пообедав, почувствовав приятное пресыщение, Полина Павловна предложила погулять. Погуляли по парку. Перед парком простирался полноводный пруд. Полина Павловна предложила пожениться. Павел Петрович побежал прочь. Побежав, подумал: "Полина Павловна прекрасная партия". Присел, поздравили. "Поздравим", — прибавил почтенный папаша. "Поздравим, поженим", — пропищал плешивенький племянничек. Поженились. Подруги поздравили, принесли подарки... Прозвучал первый поцелуй.

Публикация Светланы МАТВЕЕВОЙ

Борис НЕЧЕРДА

Народный роман

В этом году поэту Борису Андреевичу Нечерде исполнилось бы 70 лет. Начинал Борис Нечерда писать по-русски, затем перешел на украинский – родной для него язык. И стал, убежден в этом, одним из лучших поэтов Украины, увы, недооцененным при жизни. Чтобы прийти к тогдашнему всесоюзному читателю, нужны были хорошие русские переводы. Бориса Нечерду переводили, но сам он, ощущая в тонкостях русскую поэзию, чаще всего не был доволен переводами.

Закончив "Народний роман", он получил предложение от какого-то московского журнала прислать им его, естественно, в русском переводе. Вот тогда и обратился Борис к коллеге, сотруднице газеты "Вечерняя Одесса" Инне Леонидовне Тикер с просьбой перевести текст. Редактировал перевод Юрий Михайлик, авторизовал Борис Нечерда. И хоть текст автору нравился, публикация тогда, увы, не состоялась.

Нет среди нас уже ни Бориса Нечерды, ни Инны Тикер. Но мне кажется, поэма и ее перевод не потеряли актуальности. Предлагаю читателям текст, сохранившийся в моем архиве. Это большая часть поэмы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

I

Негры на Украине живут себе слава богу.
Учиться да скалить зубы — всех у студента дел.
А в старых моих Ярешках дедов собирают в дорогу,
сала дают и к салу, чтоб было как у людей.
Платон и Павло степенны, мыслят как по декрету,
а третий — Саня-зачинщик, леший и выкрутас,
так заморочит баки, разнюхает все секреты,
что купит танк у танкистов, да им же перепродаст.
Их снаряжают миром — патлы дедам обрезали,
отпарили жесткие пятки и выходные штаны,
на головы возложили фабричные шляпы-сомбреро,
чтоб не роняли марку односельчан и родни.
Деды суеты чурались, тихонько себе соловели —
на то они и избранники, чтоб люд кипел возле них.
Тем временем вся деревня гостинцы несла к сельсовету,
а там уж сам председатель суровый отбор чинил.

"Макитра сметаны — скиснет" "Ой, бабоньки,
что ж то будет!.."
"Картошку — долой! И тюльку... А что там у вас в чулке?
Бабуся, венок цыбули? Да разве ж там нет цыбули?
А чей это узел с салом? И чей это кот в мешке?!!"
Оставили три каравая, каждый как та перина,
корзину ясных антоновок, гречишного меду горшок,
на вышитых полотенцах — петухи да калина,
а в кузове умостили бочонок на посошок.
Общественность было ойкнула, но разойтись не спешила,
когда дед Саня торжественно, как заморский товар,
когда дед Саня на площадь внес петуха-страшилу,
а тот, горлопан, авоську грыз и протестовал.
Волною гуляет гребень цвета сургучной печати:
такой уж в деле не выдаст, на все село заорет.
Присядем, братья-славяне. Достаточно для начала.
Недаром, какое здравствуй, такое и будь здоров.

II

Село уже поутихло и нежно себе напевало:
"Ой рано ранешенько всходит заря"... Отбой.
Но тут уж заверещала вредная тетка Варвара,
а кто же с такою сладит, с иерихонской трубой?
"Да что ж это в мире творится? Да где ж она, справедливость?
Как в поле работать — бабы, а ехать, так мужики?
Смотрите на этих кретинов, на этих заик сопливых,
да мой башмак, вот ей-богу, умнее его башки!
Уважим себя, люди добрые, мы сраму не знали сроду.
Для этой треклятой троицы земля до сих пор на китах.
Куда, лопухи, суетесь в воду, не зная броду?
Как будете добираться?" Деды отвечают: "Так.
Язык доведет до Киева, а там погоняй в Борисполь..."
Как муха их укусила! Не терпится, как в страду!
Сам председатель напутствует: "Езжайте скорей да смотрите,
не упивайтесь в стельку, когда на прием поведут".
Ехать им в гости дальними реками и морями,
кровно нести ответственность за теплый очаг и судьбу,
как водится по обычаю (а подсказал дед Саня),

к вновь обретенным родичам им пробивать тропу.
Петух приударит шпорой, село на глазах потонет:
оно в слезах и улыбках, — а их всегда пополам.
Тут как затрубит Варвара: "Верните назад Платона,
отдайте мне хоть Платона! или оставьте Павла..."
Вот же клятая баба, любого сживет со свету!
Молчала бы лучше в тряпочку, пугала б себе ворон.
Не по твоей ли милости, твоей, да еще Лизаветы
подняли всю эту бучу, гармидер и вавилон?!
Ты бы к брачному ложу не подходила ж близко,
а если уж так приспичило, и влипла себе на беду,
надо б тебе, Варвара, надо бы твою Лизку,
надо бы это семячко да выплеснуть в лебеду.
Гордыня тебя заела? На разум свой понадеялась?
Соседи предупреждали: там вуз, но ведь там и порт...
Напрасно свою лебедушку пускаешь одну в Одессу,
там же такое делается, не приведи господь!
Смеялась в ответ Варвара: "Не будет сякого-такого?"
Ярешки тебе поверили — чужой беды не пасем.
Но стукнула телеграмму твоя Лизавета-тихоня:
"Люблю Выхожу замуж Люблю Приезжаем вдвоем".
Вишневая станция Бровки. Встречают: Платон и Саня,
Варвара и (между нами) навеки... милый... Павло.
И вот, очертя голову, как в воздушном десанте,
выпрыгивают молодые... Поехало тут и пошло...
Такая она тростинка — как тень паутины в небе.
Такую усадишь в сани — и погоняй коней!
А он рядом с нею — ясень, и высится он над нею
такой уж правдоподобный, будто с плаката, негр!
И так он идет победно, и так плечами играет
(она — глаза опустила, влепилась ему в рукав),
как будто к себе он в джунгли привез на смотрины кралю,
и не себя, а Лизку нахваливал африкан.
На что уж дед Саня тертый — чертям от него тошно,
и он поначалу росту убавил на целый вершок,
когда африкан с излету увидел в Варваре тещу,
влепил поцелуй в губы и сказал: "Хар-ра-шо!"
На эту веселую сценку поглядывал бойкий поезд

под возгласы и советы — куда кого занесло!
Варвара, едва опомнясь, склонилась пред Лизой в пояс
и гордым гвардейским шагом промаршировала в село.

III

Какая новость в Ярешках! Не грех промочить бы горло!
Вы слышали, Лизавета привадила мил-дружка,
таки окрутила негра (не сразу и скажешь) Нгоро,
князя из роду-племени Банановго Божка.
Вот это новость так новость! С наших кумушек станется —
еще не одна подолом по двору заметет:
"Как себе знаете, Варка, отмоем его в сметане,
и кавалер у Лизки как яблоня зацветет..."
Соседушкам прытким Варвара умерила аппетиты —
иди, мол, гуляй сторонкой, ищи себе дураков.
Ой в мыслях проклято Лизку, ой бито Платона, бито,
ой на свою головушку надето терновых венков!..

IV

Тогда-то ярешковский Саня и встал на военную стежку,
издалека закручивал, в надежде на рикошет:
"Думаю я, Платон, что твой древнегреческий тезка
тоже неплохо кумекал, хоть не читал газет.
Вот ведь в чем тут загвоздка, зри, Платон, прямо в корень,
как считаешь, что выйдет (ну, Платон, не хитри),
если к нашим да ведрам татаро-полесской крови
добавить еще кучерявые капли две иди три?
Непорядок, Платоша, в твоем хозяйстве — поверь мне,
да соседей послушай, впусти людскую молву —
расплодил индюков — не хата, а птицеферма,
и зажившись на свете, скучает кабан в хлеву.
Саня цели достиг, но победа далась тяжеленько.
Сколотили столы, наливали не самогон,
угощались Ярешки, уставив глаза в тарелки,
заскрипело застолье, пошло, набирая разгон.
Ели, пили, украдкой поглядывали на Нгоро.
Кто-то песню затеял, но сразу же приумолк.
Тут Павло закричал дурноватым голосом: "Горько!"

и Платон приподнялся: "Пью за тебя, сынок".
Чертыхнулась Варвара — чего не знаешь, спросил бы,
вот подсунул нечистый зятя — хоть беги из села.
Да вставай и целуй! Лизавета, голубка, спасибо,
что и как подсказала и показала сама.
Тут Ярешки причину застолья вконец разглядели,
быстро карпов пекли, рушники приносили с собой —
украинская свадьба пошла-разлилась на неделю,
так, что эхом в районной газете статья — "Пьянству бой".
А какое тут пьянство? Что попусту волноваться?
Ну, попали, бывает. А парни на свадьбе, как шелк.
Музыканты, чудные, сбивались все с каравайниц*,
все с печальных напевов соскальзывали в мажор.

V

Так с места в карьер, казаки, седлайте коней горячих,
на вольный полет на ветер... пока не иссяк запал!
А надо святой водицы? Так чистый колодец рядом.
Само по себе святилось (дед Саня куда-то пропал).
Дорогу переливали. Убрали с дороги камень.
Монеты перегибали — опять же не в деньгах честь.
Держали сладкое деревце над головой африкана.
Он все по-своему понял и с Лизкой в хате исчез.
И вышел потом на люди, не то чтобы вовсе голый,
а так, прости господи, снизу слегка обернут в тряпье.
Умолкли браслеты-кольца, когда живописный Нгоро
на ясеневое удилище оперся, как на копье.
Как будто молнии с неба по телу его проходят —
он содрогнулся телом и молниям не мешал,
и крикнул высоким криком — гостей аж бросило в холод,
копье приподнял и к людям враждебно продвинул шаг.
И трясся, как в лихорадке. И будто забился в угол.
И будто бы выворачивался неизвестно из-под кого.
И снова рычал угрожающе. Извивался, как угорь.

* Милые мои каравайницы,
испеките мне каравай красный,
испеките мне каравай красный,
как на небе месяц ясный,

и т. д. — ярешковская свадебная песня, исполняемая дрyжками.

А свадьба переживала, как в заправском кино.
Мужчина ступает лесом. Неслышно шаги пружинят.
Опасности подстерегают, но двум не бывать смертям.
Набросится ловкий хищник — и льва поборет мужчина.
Ему далека дорога и цель у него свята.
Варвара сложила губы куриной гузкой и злилась:
"Глаза б мои не видали, на целый свет осрамил".
А он, победитель, замер и крикнул по-нашему "Лизка!" —
и надвое над головою удилище переломил.
Она к нему вышла павой, а в нем разгорался пламень...
Все кончилось хэппи-эндом, как председатель сказал.
И порешили миром — а наш ничего себе парень,
а наш — компанейский хлопец и хоть куда казак!

VI

Тут объявился Саня — местами битый, но целый,
нес под мышкой бочонок, слизывал кровь с губы:
"Я обшарил весь Киев, облазил Белую Церковь,
и только в нашем Бердичеве по случаю раздобыл".
К столу привалился натруженно: "Что за муки танталовы,
налейте скорее чарочку, придвиньте мясной консерв...
Что ты заплакал, Нгоро? Тебе приволок тамтам я,
вот закушу, возьму бубен, устроим с тобой концерт".
По кругу несется свадьба — недели ей мало будет,
достанется и подковкам, и девичьим каблучкам.
С одной стороны Ярешек звенит украинский бубен,
с другой околицы вторит ему африканский тамтам.
"О, красавица нежная! Стан твой, как у пантеры!
О, мякоть твоего нёба, пьянящая, как кокос..."
В ответ ему — "Гандзя-любка", "Не тронь меня", "Цветет терен",
а "Доля", как солью с перцем, приправится гопаком.
Раздолье двум музыкантам: еще перезв`а* в запасе,
сливаются два темперамента, в одном закипают котле.
"Яркий пример растущих интернациональных связей", —
пишет газета "Правда" о свадьбе в моем селе.

* Перезв`а — свадебный обряд: в понедельник после первой брачной ночи родственники новобрачной идут на угощение в хату родителей жениха, при прохождении поют соответствующие песни.

VII

Отмолотили свадьбу, смололось ядреное жито,
уехали молодые, не обиженные ничем,
вернулись в свои институты, в разные общежития,
со свежей копейкой в кармане и с торбой домашних харчей.
Прощание было знатным, сердечней встречи и проще.
Одна Варвара ворчала, да так, что не пересказать.
Оно и понятно — на свете считает любая теща,
что дочь у нее, как ягодка, а зять — наперекосяк.
На этом бы все и кончилось, и слухи бы улеглися
(что стерлось бы постепенно, а что прямиком в фольклор),
но только вот с понедельника дед Саня закуролесил,
и с этим пошел в Ярешках совсем другой коленкор.
Дед Саня завесил зеркало, подмел до гвоздочка комору,
свою знаменитую пасеку отдал за бесценок Павлу,
под грушу привел Платону корову свою комолую,
рубанком отгладил доски, сварил на костре смолу.
Неужто?! Бесценные ульи! "Ну, Саня", — Ярешки галдели...
Он днище, как гоночной лодке, зачистил и лаком покрыл,
в кленовом гробу просторном законопатил щели —
сошла благодать такая, как будто по небу плыл.
Уже над ним и смеялись, и фершал силком обследовал,
и штрафом грозилась милиция, но Саня вещал в гробу:
"Живите себе и плодитесь, живите себе, как следует,
раз вам позволяет совесть. Моя говорит: табу.
Вот ты, председатель колхоза, образование высшее
и не брехло, как другие, скажи-ка ты мне, когда
и где это было, чтоб люди не следовали обычаю,
от любомудрых предков дошедшему в наши года.
Ты не кривись на меня, как сирота казанская,
в одном ты прав, председатель, — не время мне умирать".
И сельский праведник Саня слагал для людей сказания
и трогал сердца людские, и в души лил через край.
"Традиции — вот народа душа и вода живая.
От Запорожской Сечи род наш славный течет..."
А на него, учителя, Платон и Павло уповают —
они, карасики, нервами попались на Санин крючок.

А может, ярешковским миром зевнули первопричину,
и эта святая троица... в сговоре сразу была?!
Иначе чем объяснить, что только село почиет,
скликался совет военный, и Саня держал доклад.

VIII

Долго б еще дед Саня, лежа в гробу, хороводил,
но находит коса на камень, и камень идет под косу,
У мира иссякло терпенье: "Хватит толочь в ступе воду,
давай, выноси основное на справедливый суд".
И Саня пошел навстречу широким трудящимся массам,
и самое сокровенное собравшимся поверял.
Он брал в святые заступники учителя Карла Маркса,
в полемике всыпал Ницше и развенчал Коран.
Речь была содержательной, правда, не очень краткой.
Пахал глубоко, а сверку еще огород городил.
Под бурные аплодисменты закончил первый параграф
известными (Всякому городу) стихами. Сковороды.
"...О чем я толкую, люди? Взял чужестранец нашу.
Что же он сделал после? Как водится между людьми,
наведался к нам в Ярешки, землю нашу уважил
и вместе с нами руками хлеб наш переломил.
Кто упрекнет африкана, мол, бусурман, негодник?
Да он по сравнению с нами — чистой воды слеза.
Теперь уже наша очередь к нему собираться в гости,
Думайте, братья-славяне, решаете — я все сказал".
Такое и не приснится с похмелья под понедельник,
и чистого золота столько не выгребешь из-под коня!
"В Африку, прямо в гости? Сели и полетели!
Доколе терпеть нам выходки пузатого болтуна?!
Было б тебе, баламуту, не прятать в кармане дулю,
Взять бы тебя за шкирку, да от ворот поворот.
Не вечно коту масленица — иди погуляй в дурнях.
Расходимся, люди добрые. А Сане — на год бойкот!"
С тех пор с ярешковским людом что-то творилось странное —
еще друг друга стыдились, но думали наедине:
"В Африку, значит, в гости? Из Ярешек в дальние страны?
А почему бы, собственно, почему бы и нет?!"

Уже в рассудительных душах воскресли казацкие соки,
уже в крестьян-землепашцев вселился дух непосед —
звонит вечевой колокол, и весь белый свет несется,
Ярешки стоят на месте, а мир вокруг — карусель.
А гонору-то взрывного! Фантазии и азарту!
Да мы! Да куда угодно — "на вечорныцю Грыць!".
А в стороне от событий скромнейший в селе — дед Саня —
уселся на крышку гроба и грушку задумчиво грыз.
Пакуют уже чемоданы, тропическим солнцем согреты,
трое дедов из Ярешек — чудо-богатыри!
Платон и Павло степенны, мыслят, как по декрету,
про третьего, деда Саню, нечего говорить.
Их снаряжают миром — патлы дедам обрезали,
отпарили жесткие пятки и выходные штаны,
на головы возложили фабричные шляпы-сомбреро,
чтоб не роняли марку односельчан и родни.
Ехать им в гости дальними реками и морями,
кровно нести ответственность за теплый очаг и судьбу,
как водится по обычаю (а подсказал дед Саня),
к вновь обретенным родичам им пробивать тропу.
"Платон, я на вас надеюсь, ведь Саня и дома чокнутый, —
напутствует председатель, — такая вам выпала честь!
— Зачем же ты тащишь в Африку петушью породу чертову,
он там всех кур перетопчет, какие в Африке есть!
— Гостинец? А три каравая, каждый, как та перина,
корзина ясных антоновок, гречишного меду горшок,
на вышитых полотенцах — петухи да калина,
а в кузове умостился бочонок на посошок".
Тут возразил дед Саня: "Хватит шить меня в дурни,
Кто в протоколе не смыслит, лучше б того, молчал,
Петух в нашей миссии будет передовым редутом,
мы себе разговариваем, он же — за толмача.
Найдется, я себе думаю, мой африканский тезка —
ну копия, только черный, — на свете чему не бывать!
Такой же болтун пузатый, такой же калачик тертый,
такие же руки в жилах и тыквою голова.
Мы с ним нарежем удилищ — в джунглях чего уж легче,
и на ставок африканский (по-ихнему озеро Чад).

Для доброй ухи казацкой надергаем к вечеру лещиков,
казан африканских карасиков, окуньков и щучат.
Как славно вдвоем под вербами! Но только ни слова губами!..
Петух сидит между нами, в янтарных глазах огоньки,
поглажу я горлопана, погладит и мой напарник,
и вот у обоих, ей-богу, развяжутся языки.
"Ну, здравствуй, как поживаешь, тезка мой африканец?"
"Да так себе, помаленьку, картошка убрана вся,
До снега заквашу бочку с капустой и огурцами,
да с тем и перезимую. А ты как, ярешковский Сань?"
И все, и гуди беседа, толково, бесперебойно,
они уж мыслей подбросят, как сухостою в огонь...
Не хуже Павла с Платоном осудят нейтронную бомбу
и вправят мозги правителям почище самой ООН!"
Всем миром слушали Саню, но только в ответ молчали,
Всяк знает: перечить Сане — себе надрывать нутро.
Присядем, братья-славяне, достаточно для начала,
Недаром какое здравствуй, такое и будь здоров.

Перевод с украинского Инны ТИКЕР
Публикация Евгения ГОЛУБОВСКОГО

"В эти дни что-то грустное чудится..."

В далеком 1918 году Одессу лихорадило от смены властей – большевики, затем австро-немецкие войска, Центральная Рада, Директория, французские войска.

Однако, просматривая культурную хронику того периода, поражаешься обилию интересных событий в городе. Молодые поэты собирались в кружке "Зеленая лампа", вышел их "Первый альманах...", происходили гастроли и концерты знаменитых мастеров, открывались выставки художников, появлялись все новые периодические издания.

№ 4.
ИЮНЬ
ЖИЗНЬ
1918

Среди них – литературно-художественный и политический еженедельник "Жизнь", редактором-издателем которого являлся почетный гражданин, редактор "Одесского листка" 33-летний Сергей Федорович Штерн.

К сожалению, время не позволяло тогда печататься на хорошей бумаге. Сегодня страницы этого журнала читаются с трудом из-за едва видного типографского шрифта. "Жизнь" выходила с июня до начала декабря, в основном, когда в городе были австро-немецкие войска, и оставила нам свидетельства сложного, тревожного времени.

Тем не менее, авторы журнала старались не сосредоточивать свое внимание на военных темах, а больше соответствовать названию издания. По всем номерам рассыпаны лирические стихи и проза А. Федорова, В. Катаева, Ю. Олеши, В. Инбер, И. Бунина... Забавляют похождения мелкого буржуя Дудьки Рабиновича, талантливо описанные С. Юшкевичем. Много одаренный Петр Нилус печатал на страницах "Жизни" эссе под общим названием "Впечатления". Это мог быть рассказ о приезде Ивана Бунина, размышления о будущем школы, трудностях современного быта, песне "Яблочко", дающей повод поговорить о "бедах, которые наделали большевики", и выразить боль за Одессу, "теряющую свою прелесть, становящуюся нищей, грязной и печальной...".

В журнале много внимания уделялось вопросам современной литературы, в частности, конечно, немецкой, но тут же печаталась, скажем, поэма А. Блока "Двенадцать", ставшая для современников большим литературным событием. В читательской полемике

доминировало мнение о том, что "сердца устанут от взаимной ненависти – в этом великое будущее. В активе человечества не только палачи и сатрапы, но и пророки и мечтатели...".

А пока что на страницах "Жизни" соседствовали изящные виньетки и злые беспощадные карикатуры MAD'a. Литературные и культурные события освещали Леонид Гроссман, Борис Варнеке, Станислав Радзинский, Дмитрий Овсянико-Куликовский. По-человечески трогает статья Бор. Бобовича "Памяти Анатолия Фиолетова" и материал о тогдашнем директоре Публичной библиотеки профессоре Михаиле Попруженко.

Уделялось достаточное внимание вопросам изобразительного искусства, как в Одессе, так и за рубежом. Очень доставалось театрам в заметках И. Александровского "Театральные негативы", в которых автор категорически настаивал на кризисе театрального творчества. Больше располагает к себе статья Кудеяра "Об украинском театре", где спокойно и доказательно разбираются достоинства и недостатки украинских трупп и выражается вполне обоснованный оптимизм на будущее.

Вот так и сочетались на страницах "Жизни" столь разные материалы, как, например, "Очерки из жизни в египетской санатории" А. Федорова, публикация "Трефового короля" А. Вертинского и откровенно полемические заметки "Быть или не быть украинской мове государственным языком". Забавно?

Татьяна ЩУРОВА

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Не вѣрю я, что рай есть только сад,
Гдѣ никогда ни яблоко, ни грушу
Не кроет ранами алмазный град,
И гдѣ ничто не возмущает душу.

—

Я вѣрю, рай—такая-же земля,
Но небо там неизмѣримо выше,
И бѣлый голубь, о любви моля
Голубку, там воркует тише.

—

Великолѣпнѣй облаков игра,
И смерть сама, лишенная скелета,
Живет меж душ, как нѣжная сестра,
Безплотная и теплая, как лѣто.

—

Там память не безжалостна, как здѣсь,
И не хранит в своей большой тетради
Все, что не в силах сердце перенесть,
Молчанье или ненависть во взглядѣ.

—

Там отдохнет от слез мое лицо,
Там стану я моложе и бездонѣй,
И, видя на рукѣ своей кольцо,
Скажу:— Кто подарил его, не помню.

Вѣра Инбер.

Не вѣрю я, что рай есть только сад,
Гдѣ никогда ни яблоко, ни грушу
Не кроет ранами алмазный град,
И гдѣ ничто не возмущает душу.

—

Я вѣрю, рай — такая-же земля,
Но небо там неизмѣримо выше,
И бѣлый голубь, о любви моля
Голубку, там воркует тише.

—

Влеликолѣпнѣй облаков игра,
И смерть сама, лишенная скелета,
Живет меж душ, как нѣжная сестра,
Безплотная и теплая, как лѣто.

—

Там память не безжалостна, как здѣсь,
И не хранит в своей большой тетради
Все, что не в силах сердце перенесть,
Молчанье или ненависть во взглядѣ.

—

Там отдохнет от слез мое лицо,
Там стану я моложе и бездонѣі,
И, видя на рукѣ своей кольцо,
Скажу: — Кто подарил его, не помню.

Вѣра Инбер.

СТРАННОЕ.

"ИЗ ЦИКЛА ПАУТИНА".

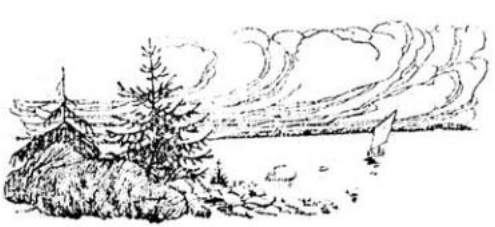
Я о любви писать сегодня не могу.
Я разлюбил Вас; Вы далекая, чужая...
Вчера я понял, что в стихах я только лгу,
Словами нѣжными Ваш образ окружая...
Вчера я понял: Вы совсѣм не та,
Какой лелѣял я Вас в творческія ночи
И снова в сердцѣ зазвучала пустота,
Но только в этот раз больнѣе и жесточе.
И как-то странно... как-то вдруг... не уловлю:
Мелькнули дрожки и исчезли за кварталом,
А я вдруг понял: Я Вас больше не люблю.
И стало пусто в сердцѣ скорбном и усталом.
Я разставаясь грустно руку Вам пожал...
Поникнув медленно побрел по переулку
И почему-то мнѣ припомнился кинжал,
Которым серб какой-то рѣзал булку.
А в головѣ бродил навязчивый мотив
Романса: "Бойся мнѣ в любви своей признаться"
...Вдали протяжно прогудѣл локомотив
И гдѣ-то с башни пробило 12...

.....

Я не могу писать сегодня о любви...

.....

Георгій Долинов.

ЧАСЫ.

Слова послѣднія слышны и близки,
Еще несказанное: навсегда, —
Но все вращается на бѣлом дискѣ
Двѣнадцатилучевая звѣзда.
О, человѣк! К послѣднему закату
Пусть солнце, угасая, подойдет,
Ты вѣчность пригвоздил! — По циферблату
Не кончится ея недвижный ход.

Юрій Олеша.

Счастье.

Мы счастья ищем всѣ, а счастье, может быть,
Лишь въ томъ, чтобы весной, напившись утром чая,
Сѣсть съ трубкой у окна, душистый дым пуская,
И томик Пушкина открыть.
Сноп солнца со двора ложится золотымъ,
Клубящимся столбом горячей, легкой пыли
И на обоях жжет букеты тусклых лилій
Огнем сіяющим своим.
И под напѣвы строф пѣвучих и простых,
Кружась, летает пыль, и в воздухѣ нагрѣтом
Табачный синій дым, зажженный яркимъ свѣтом,
В лучах сгорает золотых.

В трамваѣ.

Блестит шоссе весенним сором.
Из стекол солнце бьет в глаза.
И по широким косогорам
Визжат и ноют тормоза.
Люблю звенящій лет вагона,
Квадрат глухого пустыря
И тяжесть солнечнаго звона
У тихих стѣн монастыря.

Вал. Катаев.

СОНЕТ.

Точи свой стих, как дѣдовскій кинжал
От времени зазубренный и ржавый,
И освяти своею новой славой
Его холодный, голубой закал.
На рукояткѣ — дымчатый опал,
Очерченный серебряной оправой:
Неясный образ, вкованный в металл,
Стиха, застывшаго тяжелой лавой.
Но для любви забудь стальной сонет,
Любовь полна невѣрности свирѣльной,
В любви хорош трехгранный тріолет
И нѣжный лепет пѣсни колыбельной.
Любви свѣтло. Будь безконечно прост,
Как шелест трав, как дрожь весенних звѣзд.

Валентин Катаев.

ВАЛЬС.

Под шум дождя, под рокот грома
Лепечет дикій виноград.
Раскрыты настежь окна дома
И ярко-зелен мокрый сад.
По желобам струится пѣна,
Бѣла, воздушна и звучна,
И весел дождь, как вальс Шопена,
Легко летящій из окна.

Валентин Катаев

СРЕДИНА АВГУСТА.

Средина августа. Темно и знойно в домѣ.
На виноградникѣ сторожевой курень.
Там хорошо. На высохшей соломѣ
Я в нем готов валяться цѣлый день.
Лежу и слушаю. Шум моря ясно слышен.
Как из норы мечтательно гляжу
На хуторок в тѣни сквозистых вишен,
На жнивье, на далекую межу.
Я опьянен душистым виноградом,
Я морем ласковым, я солнцем опьянен.
И спит душа, и сердце жизни радо,
И клонит зной в тяжелый, сладкій сон.
Склоняю голову. Вокруг лепечут листья,
Сердито щелкает вдали пастушій кнут,
И золотисто-розовыя кисти
Дрожат от тяжести и жадно солнце пьют.

Впечатлѣнія.

Грядущее новое.

Недавно мнѣ пришлось пережить совершенно неожиданное впечатлѣніе в пріемной доктора.

Сначала меня развлекали болѣе или менѣе томящіеся паціенты. Мнѣ хотѣлось угадать, чѣм они занимаются, о чем думают, и я позавидовал врачу, который с такой легкостью подходит к тщательно оберегаемой двери чужого сердца — стоит ему небрежно постучать — оно послушно открывается...

Скучающіе, томящіеся ожиданіем люди разсѣянно перелистывали книги, брошюры, вѣроятно, скучныя и ненужныя, и я подумал о том, сколько вообще пропадает времени у всѣх, всюду ожидающих, в наше время.

Вспомнился анекдот о нѣмецком ученом, имѣвшем перед обѣдом пять минут свободнаго времени, в которыя он, как пчела, собирал матеріал. А к концу его жизни получилась цѣнная книга.

Потянулась рука к одной книгѣ, другой, попробовал было читать, погружаясь в сонливую скуку. Затрепанный номер "Сатирикона", ужасный экземпляр "Нивы"... я уже почувствовал непреодолимое желаніе зѣвнуть, как, вдруг, вниманіе насторожилось — я перелистывал путеводитель по Нью-Іорку — с каждой страницей я испытывал тревожное изумленіе... Я даже уступил свою очередь, заинтересовавшись толстым альбомом, четко, по американски, отпечатанным на мѣловой бумагѣ.

Всѣ мы знаем, что такое пресловутые американскіе "небоскребы". Как разрозненныя единицы, как курьез — это одно, но собранные вмѣстѣ, цѣлый ряд домов, улиц одного и того-же города, это нѣчто совсѣм, совсѣм другое...

Эти сказочныя многоэтажныя чудовища из желѣза и бетона — не то дома, не то дворцы — столпы, дома-ульи, низводящіе своих обитателей — людей до букашек, застрявших в сотах из цемента, желѣза, кирпича, — в большом количествѣ, производят удручающее впечатлѣніе. Эти новые дома вырастают теперь всюду. Их архитектура, планы удивительно совпали со вкусами общества, меркантильным духом времени — они конечно, комфортабельны, изумительны по строительной техникѣ, но они ужасны. Нѣт сил без содроганія представить себѣ будущіе города, наполненные этими столпами, застекленными шкапами для людей — а между тѣм, жизнь к тому идет — новая жизнь! Она стучится теперь в каждую дверь и, кажется, нѣт сил противостать ей...

Взволнованный, я встал и обратил вниманіе на то, что и я нахожусь, если не в таком ульѣ, каких так много размножилось за послѣдніе годы в Америкѣ, Австраліи, то в современном домѣ, по типу очень близко подходящем к этим страшилищам. И, в ту минуту, мнѣ ясно представилось, что пройдет немного лѣт и весь внѣшній облик жизни будет совершенно другим.

Эта пріемная известнаго врача, обставленная мебелью в новом стилѣ — развѣ имѣет что-либо общее с такими же пріем-

ными, которыя были у врачей 10-15 лѣт тому назад?

И декорація стѣн, и мебель, и сотни предметов обихода — все, рѣшительно все теперь другое, да и мы сами — развѣ не другіе люди?

Окончится революція в нашей странѣ, завтра начнется созидательная жизнь — снова очередной этап, небывалый в исторіи.

Наряду с устремленіем к новому, как противовѣс, в нашем обществѣ замѣчается такое-же устремленіе к старинѣ. Тысячи любителей старины помѣшаны на XVIII вѣкѣ, стараются всѣми силами хоть на время, задержать тѣни минувшей жизни. Эта борьба с новым, неровная, преходящая, кончится побѣдой жизни, которая вся в перемѣнах, не терпит построенія; но не может не смутить современнаго наблюдателя одна ужасная сторона новых форм. Онѣ, может быть, цѣлесообразны, логичны и совершенны, но какія-то сухія, лишенныя живого человѣческаго чувства. Машины ускорили невѣроятно темп жизни, фатально опустошая душу современнаго человѣчества. Машины принесли с собой и новую красоту; но этой красотѣ не хватает самаго главнаго, от нея как бы отлетѣла душа. И то интимное, драгоцѣнное, что было в уютѣ очага, живом пламени свѣчей, долгих путешествіях, утеряно навсегда для новой жизни, с автомобилями, трамваями, водяным отопленіем, электрическим освѣщеніем и многим другим.

Дѣти, родившіяся в началѣ нынѣшняго вѣка, не поймут, а главное — не почувствуют красоты стараго уклада жизни; но мы не можем не оглянуться с горестным сожалѣніем на увядшую поэзію дороги, паруснаго корабля, факелов, свѣчей, не можем с открытым сердцем принять обновленнаго, но холоднаго міра.

И вотъ, теперь недостаток в жизни чувства сказывается с особой силой. Общество, как никогда, начинает интересоваться вопросами религіи, философская мысль уклоняется на плоскость интуиціи, душа человѣка жаждет преодолѣть тайну жизни, углубляется в таинственное — все это примѣты глубокой неудовлетворенности современной жизни, так рѣшительно оторвавшейся от героическаго, от романтизма, природы, знающей только сегодняшній день. И похоже на то, что мы забыли что-то очень важное и нужное, без чего нѣть полноты жизни...

А иной раз кажется, что человѣчество должно вернуться к прежнему. Вѣдь стоит допустить, что всѣ тѣ, кто сейчас трудится в шахтах над добываніем угля — скажут: довольно... И не будет ни желѣзных дорог, ни Крезо и Крупов, ни чудовищ-фабрик и вмѣсто слѣпящаго электрическаго свѣта в храмѣ — затеплится древняя кроткая восковая свѣча.

П. Нилус.

ДРУГ КНИГИ.

Проф. М. Г. Попруженко

1 октября исполнилось тридцать лѣт учено-общественной дѣятельности профессора Новороссійскаго университета, по кафедрѣ славяновѣдѣнія, Михаила Георгіевича Попруженко.

Уроженец Одессы и питомец мѣстнаго университета, М. Г. еще на студенческой скамьѣ сблизился с незабвенным в исторіи одесской культурной жизни, профессором А.И. Кирпичниковым, непосредственное вліяніе котораго, дополняемое руководительством таких выдающихся ученых сил, как О.И. Успенскій и Н.П. Кондаков, опредѣлило все направленіе дальнѣйшей жизни М. Г.

При самых неблагопріятных условіях, вынужденный в теченіе долгих лѣт тянуть неблагодарную лямку учительства в средней школѣ, М. Г. продолжал усердно работать в области науки, издавая цѣлый ряд ученых трудов, доставивших ему высшую ученую степень доктора славянской филологіи и широкую извѣстность в ученых кругах как Россіи, так и юго-славянских стран, гдѣ ему удалось во время своих частых ученых путешествій завязать много дружеских связей с выдающимися дѣятелями славянства.

Но ни эта ученая дѣятельность, ни преподавательство в родном университетѣ не могли исчерпать всей кипучей энергии М. Г. Проф. Кирпичников, стоявшій, между прочим, во главѣ одесской городской публичной библіотеки, скоро усмотрѣл в своем юном другѣ безпредѣльную любовь к книгѣ и поспѣшил привлечь его к ближайшему завѣдыванію библіотекой, которая с тѣх пор составила главнѣйшее содержаніе жизни М. Г. Руководя в теченіе цѣлаго ряда лѣт этим крупнѣйшим книгохранилищем юга, М. Г. прилагает громадныя усилія к его постоянному пополненію. Благодаря его настойчивости и широким связям в самых различных кругах общества, ему удалось добиться того, что в состав библіотеки цѣликом вошло нѣсколько чрезвычайно цѣнных собраній; наприм., А.А. Борзенко. Но ему ничего не стоит пѣшком пройти в непогоду в отдаленнѣйшую часть города, чтобы там, в какой-нибудь захудалой типографіи добыть для библіотеки тоненькую брошюру: он ни за что не успокоится, пока всякая напечатанная в Одессѣ вещь, вплоть до уличнаго плаката, не попадет в библіотеку. Нужно-ли говорить, сколько, благодаря этой настойчивости, сокровищ скопилось в одесской библіотеке за время директорства проф. Попруженко, и как ему будет признателен будущій историк любой стороны одесской жизни.

Памяти Анатолія Фіолетова.

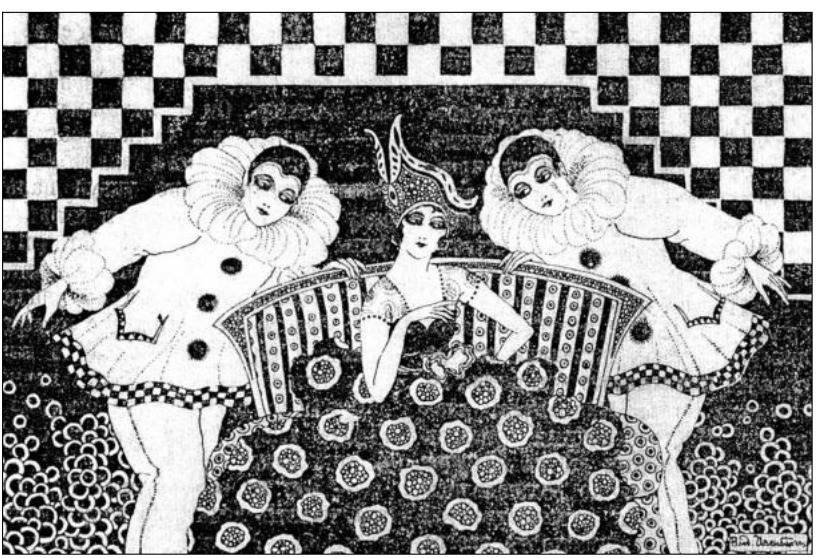
Как избѣжать вас, путы смерти?
Как обойти вас, дни утрат?

Газетная замѣтка говорит, что в тот самый момент, когда Анатолій Шор (Фіолетов) опустил руку в карман, очевидно, пытаясь вынуть револьвер для защиты, злоумышленник стал в упор стрѣлять, и Фіолетов был убит на-повал. И я себѣ очень ясно представляю, каким бѣлым и блѣдным стало его худое лицо, как широко и испуганно раскрылись его большіе, ясные глаза и как, закачавшись, рухнулся на землю бездыханным трупом поэт...

Для нас, его друзей, он был только поэтом! Инспектор сыска? Не знаю... Но, может быть, и тут он искал вдохновенья, вдохновенья и только вдохновенья...

Фіолетова считали футуристом. Но это не так. Фіолетов был просто поэт. В его наивных, немножко дѣтских, немножко иронических стихах такая бездна художественной утонченности, такая гармонирующая волна хорошаго вкуса и благороднаго чутья, такая очаровательная ласковость ритмическаго содержанія, что не о футуризме должна быть рѣчь, а о настоящем, радостном дарованіи, должно быть представленіе о будущем, которое дико и нелѣпо оборвала смерть...

Чахоточный, угрюмый колокольчик,
Качаясь на зеленой хрупкой ножкѣ,

Развертывал морщинистый чехольчик,
Протягивал на встречу солнцу рожки.
Глаза его печальные линяли,
Чехольчик был немоднаго покроя,
Но взгляды безнадежные кричали:
"Мнѣ все равно, вы видите — больной я"...

Какая чарующая, теплотой наполненная простота!

Или:

Есть нѣжное преданье на Нипонѣ
О маленькой лошадкѣ, вродѣ пони,
И добром живописцѣ Канаоко,
Который на дощечках, крытых лаком,
Изображал священнаго микадо
В различных положеньях и нарядах...

О самых обыкновенных вещах Фіолетов умѣл говорить каким-то безконечно душевным языком, языком тихой поэтической мягкости и доброты...

Как холодно розовым грушам!

Из незначащаго он дѣлал нѣкую образную и аллегорическую картину:

Мѣсяц очерчен отлично
В небѣ, как будто кисейном...
Мѣсяц с улыбкой приличной
В обществѣ чисто семейном
Нѣсколькихъ звѣзд, видно — теток
Прелесть как вѣжлив и кроток...

Стройны и гордым трувером шел Анатолій Фіолетов по скучной дорогѣ жизни. Шел и пѣл. Творил свою молодую, пѣвучую сказку... и улыбался проникновенно и заботливо:

Ах, как я вас, груши, жалѣю!

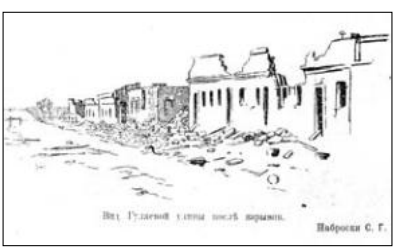
Да, он жалѣл груши, чьи "*щеки в узорах румянца*"!..

А его не пожалѣли, — выстрѣл и холодный, блѣдный труп...

Бор. Бобович.

К ВЗРЫВАМ В ОДЕССѢ.

Наброски С. Г.

Мѣстность Бугаевки является наиболѣе пострадавшей от взрыва, происшедшаго 31-го іюля с. г.

Приводимые наброски с натуры сдѣланы с улиц Столбовой и Гуляевой, — это конечныя населенные пункты Бугаевки. На Столбовой улицѣ цѣлый ряд одноэтажных торговых лавок, как видно из набросков, совершенно разрушены. Среди камней можно найти домашнюю утварь, обломки прилавков и между ними массу осколков снарядов и цѣлых снарядов.

На Гуляевой улицѣ расположены были только жилые дома, как видно из снимка, они совершенно разрушены. Такой-же вид представляет и противоположная сторона Гуляевой улицы, имѣющей протяженіе в 4 квартала и упирающейся в также совершенно разрушенный "хлѣбный городок".

Об украинском театрѣ.

Людям щастя-доля,
А мені неволя...

П. Куліш.

Украинскій театр — театр актера, а не пьесы.

В этом отношеніи он очень близко напоминает русскій провинціальный театр прошлаго столѣтія, преимущественно начала и середины его, вплоть до появленія Островскаго, своими твореніями положившаго начало новой эпохи. Это явленіе безусловно ненормально, так как оно неестественно выдвигает вперед роль и значеніе одного из составляющих факторов сценическаго творчества в явный ущерб других, но оно существует и с ним надо считаться.

Одна из причин — и главнейшая — этого лежит в юности, молодости украинского театра. Всякій театр в первое время своей дѣятельности выдвигает лишь актеров, не давая ничего особенно примѣчательнаго в области репертуара, так как процесс созиданія театральной литературы — тяжел и труден и требует для себя гораздо болѣе продолжительнаго времени. Другая причина находится в плоскости общественно-политических условій — Украинский театр, как театр національности негосподствующей, всегда находился под сугубо бдительным надзором рачительнаго начальства, что как извѣстно, отнюдь не является обстоятельством, особо благопріятствующим развитію искусства. На пути его развитія были разсыпаны далеко не однѣ лишь розы. До каких предѣлов доходило начальственное попеченіе, достаточно ярко показывает такой случай. Нѣкій уѣздный сатрап приказал заглавіе популярной пьесы "Ой, не ходи, Грицю, та на вечорниці" измѣнить на "Ой, не ходи, Григорій, на танцовальные вечера".

Театр живет, питается жизнью, отражая ее в себѣ — ярко и полно. Они находятся в безпрерывном взаимодѣйствіи и характер, перемѣны, измѣненія одной тотчас же сказываются на другом. Театр чутко отражает жизнь, а украинская жизнь не блистала излишним многообразіем, благодаря все тому же начальственному недреманному оку.

Самостоятельная общественная жизнь на Украинѣ была задушена. Ее не существовало, так как в ней видѣли угрозу государственности.

Національное чувство было заглушено. Оно всячески вытравлялось, как противорѣчащее дальнозоркой предусмотрительности правительственных мѣропріятій.

Область примѣненія родного языка была невѣроятно съужена, замкнувшись в предѣлах едва ли не одной только семьи.

Невольно рождается предположеніе: не являются ли политическія событія последняго времени естественным слѣдствіем предшествующаго. — Сѣявшіе вѣтѣр невольно пожали бурю. Но как бы то ни было, для театра это имѣло вліяніе болѣе, чѣм пагубное. Оно измѣнило его цѣли, видоизмѣнило стремленія и совершенно извратило отношеніе к нему публики.

В украинском театрѣ стали видѣть только лишь средство забавы: веселое, незамысловатое, не претендующее на серьезное значеніе — искусство, да и искусство ли еще. В нем стали видѣть искусство низшее, второго сорта, разщвлеченіе для толпы, куда интеллигентный зритель может попасть только случайно, с н и з о й д я. Словно взрослый появляется в дѣтской, чтобы кого-то пожурить, кого-то подтянуть, пред кѣм-нибудь показать свою широту взгляда, гуманность. Вот де, всѣм интересуюсь, во все вхожу.

В украинском театрѣ интеллигентный зритель держал себя, как в кунсткамерѣ, почти не отнимая лорнета или монокля от презрительно прищуренных глаз. Театр этот потерял в глазах зрителей то высокое значеніе, ту самодовлѣющую красоту, которыя составляют его характерныя и неотъемлемыя особенности, как театра. В украинском актерѣ перестали видѣть дѣятеля искусства, играющаго большое культурное значеніе. Званіе актера, вообще не обрѣтавшееся в большом авантажѣ у публики, для дѣятелей украинской сцены было поставлено на низшей ступени этой, не слишком избалованной истинным почтеніем іерархіи.

Длинные усы, смазные сапоги, полушубок овчинный и сивая шапка — вот как воображенію публики рисовался житель Украины вообще, украинскій актер в частности. Их, мол, удѣл — гопак да горилка. Естественно, что такая обстановка не могла быть черезчур привлекательной для пылкой молодежи, ищущей на сценѣ — красивых вымыслов, поэтических грез, влекущих своей таинственностью. И это наложило особый оттѣнок на актерскую братію украинскаго театра. Но с другой стороны, благодаря этому, здѣсь на сцену шли лица дѣйствительно убѣжденныя, искренно преданныя родному искусству и жертвовавшія для него всѣм. Интересы украинскаго театра были для них выше и дороже всего остального. Выдающаяся артистка М.К. Заньковецкая рѣшительно, напримѣр, отказалась перейти на русскую сцену, несмотря на самыя лестныя и заманчивыя во всѣх отношеніях предложенія. Ей представлялась возможность перейти от гнетущаго своим однообразіем и ходульностью украинскаго репертуара к высокохудожественным произведеніям русской литературы, но она отказалась. Она вѣрит в украинскій театр и знает, что будущее во всяком случаѣ, за ним.

Украинскій репертуар — полон недостатков. Пьесы его в большинствѣ технически построены слабо, мысли, проводимыя ими, темы — однообразны, и объясняется это молодостью — театра, его продолжающимся еще формированіем. Молодо-зелено, с одной стороны. С другой — украинскій театр находится сейчас едва ли не в младенческом состояніи, и причину этого нужно искать внѣ его. Начальственная опека пожинает здѣсь обильные плоды своей многолѣтней дѣятельности. Самостоятельной общественно-политической украинской жизни — не было и, таким образом, область наблюденія была ограничена до возможно малаго предѣла. Остался свободным лишь круг вопросов общечеловѣческаго характера, которые, не будучи заключаемы в оправу конкретной общественно-политической обстановки, — за отсутствіем таковой, теряя свой реальный характер, становились отвлеченно-риторическими. Оттого-то главную и почти единственную тему украинских пьес составляет — любовь, изображаемая в обстановкѣ — млынков, ставков и вишневых садков, поставленных внѣ вре-

мени и поэтому лишенных исторической конкретности. И часто авторам, сжимаемым тисками начальственного произвола, приходилось обращаться к прошлому, к вопросам минувшаго, и потому — не только, конечно, — в украинском репертуарѣ столь видное в количественном отношеніи мѣсто занимают пьесы историческаго содержанія, в которых, однако, можно меньше всего найти подлинной исторіи, но здѣсь вина в значительной степени ложится уже на сценическую неопытность украинских драматургов.

Вспыхнувшая революція, основательно всколыхнувшая нашу жизнь, вселила надежду, что естественный толчек будет получен и украинским театром. Предполагалось столь понятное оживленіе театральной дѣятельности, слишком долго томившейся в сѣтях безправія. Неоспоримо было ясно, что над украинским театром нависла неминуемая угроза: пучина безрепертуарія грозила безслѣдно проглотить его. Думалось, что таившіяся до сих пор под спудом силы, вырвавшись на свободу, смогут развернуться, показав себя во всей красѣ и блескѣ. но вот уже слишком полтора года насчитываем мы свободной жизни и, однако, надежды наши и донынѣ остаются лишь надеждами. Новых оригинальных пьес, за исключеніем, правда, одноактных миніатюр макулатурнаго производства, за это время не появилось, насколько мнѣ известно, лишь — одна; это комедія В. Винниченко — "Повстання Мари". Но говоря и об этой единственной новинкѣ украинскаго репертуара, невольно вспоминаешь отзыв гоголевскаго Собакевича о прокурорѣ. Извѣстный политическій дѣятель, всѣ силы посвящающій родному дѣлу, один из талантивѣйших сынов Украины на поприщѣ литературы, художественнаго творчества, на происходящее откликнулся лишь легкой комедіей, весьма часто сбивающейся на фарс. Хотя надо признать, что и общерусская театральная литература доселѣ не дала ничего значительнаго, достойно отразившаго бы происшедшее и еще происходящее. Но если слабо с литературой оригинальной, то с литературой переводной дѣло обстоит гораздо благополучнѣе, но это вопрос столь важный и обширный, что я остановлюсь на нем отдѣльно.

По многим причинам украинскій репертуар продолжает оставаться прежним и требует основательнаго пересмотра. Обстоятельство — печальное, но положеніе не отчаянное покамѣст. Долго продолжается процесс броженія и пора бы уже приняться за творческую работу, которой еще — непочатый угол.

Итак. — Много в украинском театрѣ недостатков, и недостатков крупных. Но нѣт основаній говорить, что украинскій театр не расцвѣтши отцвѣл, что это, де, — пустоцвѣт, от котораго ожидать чего либо — безнадежно. Беря неголый факт, и ознакомившись с основными причинами, могущими дать ему объясненіе, мы придем к другому заключенію. — Украинскій театр имѣет много положительных зачатков, и на нем лежит обязанность оправдать возлагаемыя на него надежды.

Будущее за ним.

Путь открыт.

Кудеяр.

Иван ЛИПТУГА

Швейцария — Россия наоборот?

"Рай и скука. Между двумя этими полюсами раскинулся мир, в котором что-то не так.

Странно все здесь русскому путешественнику.

Нет шири, но есть горы. Земли мало, а молока много. Начальства не ждут, а улицы чисты. Национальный герой — убийца, а граждане законолюбивы. Исправно платят налоги, правительства не боятся и живут не от войны до войны.

Что это вообще такое, Швейцария?

Ожившая витрина игрушечного магазина? Набор почтовых открыток вместо пейзажа? Послушание законам, самими же и придуманным? Святая уверенность деда, что его лужайка достанется внуку? Государство, скроенное по фасону гоголевской шинельки? Накопленный труд поколений, перед которым бессильны все революции и идеи? Россия наоборот?"

Именно так описывает эту удивительную страну Михаил Шишкин в литературно-историческом путеводителе "Русская Швейцария". И действительно, Швейцария вдохновляла, и с ней связаны биографии многих русских писателей, композиторов, художников, политиков. Швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях. Такие люди, как Скрябин и Достоевский, Герцен и Солженицын, Тютчев и Бунин, Карамзин, Щедрин, Гоголь, Жуковский, Тургенев, Набоков и Пастернак, Плеханов, Троцкий и Ленин приезжали, жили, творили, готовили перевороты в разных уголках этой маленькой страны.

Секрет швейцарского мироздания — "Schaffe, schaffe, Husli baue!" — одиннадцатая заповедь, не переведенная некогда на славянский: "Трудись, трудись, строй свой домик!".

Лев Тихомиров — один из лидеров "Народной воли", в мемуарах вспоминал долгие прогулки со своей беременной женой по окрестностям Женевы. "Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь деревенские дома. Каменные многосотлетние. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, огорожена камнем... Я сначала не понимал загадки, которую мне все это ставило, пока наконец для меня не стало уясняться, что это собственность, это "капитал", миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас в России прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, деревян-

ная дрянь, никто не живет в доме деда, потому что он еще при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла. А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное... И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут, как моллюски в коралловом рифе?"

Хоть со времени написания этих строк прошло уже около века, в России и Украине, которую лично я не отделяю по своему духу, к сожалению, ничего не изменилось. Урок швейцарского мироздания в наших странах остался невыученным.

Мы по-прежнему не научились ценить труд предыдущих поколений, и по-прежнему нами движет правило: "...до основанья мы разрушим, а затем...". Мы продолжаем слышать революционные лозунги борющихся за власть, а они, в свою очередь, как и сто лет назад, строят "светлое будущее", сидя на набережной Женевского озера с видом на швейцарское гражданство.

Счастливые швейцарцы, как и сто лет назад, морщатся, но терпят наших чиновников, бизнесменов с повадками паханов, ринувшихся в Швейцарию открывать счета в банках, чтобы приобщиться к общечеловеческим ценностям. Все это вписывается в "фискальные интересы" бюргеров, и они по-прежнему делают деньги на наших революциях.

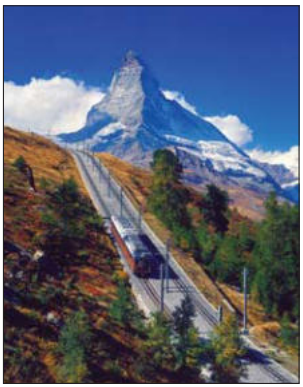
Швейцарский стиль жизни, швейцарское качество, признанное во всем мире, — это не секрет и не волшебство, а всего лишь "трудолюбие, умноженное на порядок и бережливость". Вот простейшая формула национального благосостояния, ставшая главной составляющей швейцарского менталитета. Это стоит увидеть, почувствовать и этому стоит поучиться.

Возможно, со временем мы научимся, так же, как швейцарцы, любить свою страну, свой город и ценить труд прошлых поколений, преумножая его понемногу каждый день для своих детей и внуков.

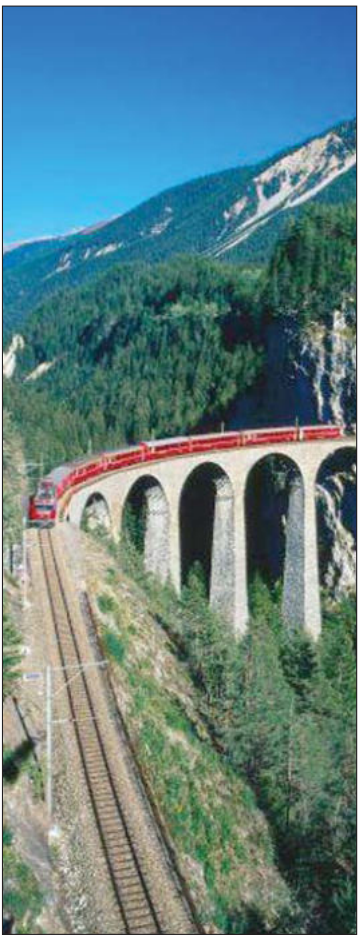

JUST IN TIME
PLASKE
ПЛАСКЕ
www.plaske.com

JUST IN TIME

PLASKE

ПЛАСКЕ

www.plaske.com

Феликс КОХРИХТ

Курьезы старой Одессы

Сто четырнадцать Рабиновичей. И каждый из них мог стать прототипом Героя одесских анекдотов, чья бронзовая фигурка соседствует в Саду скульптур Литературного музея с изваяниями венценосных особ (Екатерина Вторая), основателей Одессы (Дюк де Ришелье), любимых писателей (Ильф и Петров). Сто четырнадцать Рабиновичей проживали в нашем городе в 60-70-е годы 19 века. Наверняка их было значительно больше — ведь справочники учитывали лишь состоятельных горожан, квартировладельцев, купцов, лиц с высшим образованием. И наверняка жизнь каждого из носителей этой фамилии содержала эпизоды, достойные того, чтобы их пересказывали из поколения в поколение как в виде семейных преданий, так и поучительных и забавных анекдотов.

Их с удовольствием и тщанием разыскал и прокомментировал Олег Губарь и опубликовал в книге "Старая Одесса в курьезах и анекдотах", вышедшей в издательстве "Оптимум". Разумеется, Рабиновичи вовсе не единственные герои и участники различных коллизий, случившихся в Южной Пальмире за 215 лет. Своеобразие и уникальность одесского характера состоит как раз в смешении традиций, особенностей ментальности, своеобразии нрава различных этносов, создавших и населяющих наш город.

И все же не могу вслед за Губарем не упомянуть о том, что еще до переименования турецкой крепости Хаджибей в славный город Одессу здесь располагалось еврейское кладбище, а согласно первой переписи 1795 года, каждый десятый горожанин был евреем. Отсюда и глава, поименованная "Как звали первых одесских евреев?". Вообще, автор, как и в своих предыдущих трудах, охотно прибегает в вопросно-ответному принципу композиции книги.

Животрепещущим со времен незабвенного романа "Двенадцать стульев" остается вопрос: "Какой импортный товар производился на Малой Арнаутской?". Выясняется, что не только "Титаник" — ужасающая краска для волос, но и "липовый" (фальшивый) чай, самопальная водка и "фран-

цузское" шампанское"... С особым шиком подделывались ценные бумаги — акции, облигации, векселя. Причем настолько мастерски, что по ним хочется уплатить и сегодня.

Актуален теперь, в 21 веке, и вопрос: "Где и когда изобретены джинсы?". Вы уже поняли, что у нас. Оказывается, пишет Губарь, первый опыт "использования плотной хозяйственной хлопчатобумажной ткани для массового пошива повседневной модной одежды был поставлен в Одессе, за сотню лет до "джинсового бума" и за семь лет до патентования Штраусом заклепочного изобретении Якобса". Вот почему по предложению Олега один из двух Дюков в саду Литмузея одет в джинсы, подчеркивающие его ладную бронзовую фигуру.

Из новой книги вы узнаете много полезных и порой неожиданных сведений, к примеру, о том, "Надо ли устанавливать в Одессе памятник примусу?", "Давно ли по Дерибасовской прогуливались коровы?", "Чье имя носит улица Бунина?".

Есть среди вопросов и посвященный взаимоотношениям одесситов с братьями нашими меньшими. Когда книга Губаря уже вышла в печать, я рассказал ему о коллизии, которая случилась с моим прадедом, одесским ювелиром Исааком Кохрихтом. О ней рассказала горожанам газета "Одесские новости" в номере за 16 (28) июня 1892 года, а краевед Александр Розенбойм передал мне выписку:

"Вчера у мирового судьи 12-го участка слушалось дело г. Кохрихта с присяжным поверенным Стецким. Первый приобрел собаку прекраснейшей породы. Собака на днях пропала и оказалась у г. Стецкого. Последний отказался возвратить ее, заявляя, что он купил ее у неизвестного ему лица. Тогда г. Кохрихт предъявил иск о возврате собаки.

— Я бы вам посоветовал помириться, — говорит судья

— Я согласен дать г. Кохрихту 20 р.

— Я не согласен. Собака к нам привыкла.

— Она же у вас была всего месяц.

— Да, но мы к собаке еще больше привыкли.

Мировой судья дело отложил до вызова свидетелей и приведения собаки в камеру мирового судьи.

Вчера г. Кохрихт согласился покончить дело за 35 р.".

У меня есть немало документов о предках — купцах первой гильдии, владельцах "Депо бриллиантов" в доме Вагнера, меценатах, — прадед жертвовал средства и Теодору Герцлю на создание Еврейского Государства в Палестине, и на строительство памятника Пушкину в Одессе... Но

признаюсь, личность прадеда, а также суть образа жизни в Одессе 19 века еще ярче раскрылись в приведенной выше ситуации.

При всей кажущейся курьезности события (спор из-за собаки) я получил еще одно достоверное подтверждение того, что Одесса разительно отличалась от подавляющего большинства городов Российской империи. Ее окружала черта оседлости, где евреи могли разве что быть ремесленниками и шинкарями, а в Южной Пальмире господин Исаак Кохрихт на равных судится с дворянином — присяжным поверенным — и выигрывает дело.

Я убедился также, что привязанность к домашним животным унаследована в нашей семье от предков. Правда, все мои собаки не были прекраснейшей породы, но зато подобранный во дворе котенком Монстрик вырос в роскошного белого кота и сейчас внимательно следит за тем, как я заканчиваю эти заметки.

Предлагаем нашим читателям главу, случайно не вошедшую в рецензируемый сборник, но вполне того заслуживающую, что и будет осуществлено при многочисленных переизданиях: "Что находит искатель приключений?". Это вы узнаете, перевернув страницу.

Олег ГУБАРЬ

Что находит искатель приключений?

Ищите женщину! Эта французская народная мудрость живо обозначилась еще при Ришелье. Рачительный Дюк был ранней пташкой и покровителем редких тогда в Одессе зеленых насаждений. Однажды чуть свет он повстречал на своей даче прелестную "пейзанку", которая "уже успела нажать значительную кучу клевера". Градоначальник умилился настолько, что одарил трудолюбивую красотку серебряным рублем. На что управляющий его хутором в сердцах заметил: "Я все лето стараюсь изловить эту мерзавку, которая каждую ночь что-нибудь тащит с поля, а вы ей за это приплачиваете!". Ищите — и обрящете...

Изобретательность одесситок в достижении успеха простиралась весьма далеко. Так, одна дамочка обратилась к ювелиру с предложением принять в заклад всего за тысячу рублей браслет, серьги и колье, купленные ее женихом за 8 тысяч. "Проценты же возьмите бриллиантами, — прибавила она, — выньте несколько, замените стразами, он и не заметит". "Мадам, вы опоздали, — парировал ювелир, — ваш муж предупредил вас: вы принесли стразы, которые я сам вставил в обмен на 8 тысяч" ("Одесский вестник", 1876, № 190). Матримониальные сюжеты вылились в сотни бородатых, однако очень симпатичных анекдотов.

Вечером после свадьбы новобрачная капризно объявляет, что намеченное свадебное путешествие ей мало улыбается. "Как тебе угодно, дорогая, — любезно отвечает супруг, — тогда я совершу это путешествие в одиночестве" ("Одесский вестник", 1892, № 279). Супружеский диалог. "Дай же мне хотя бы раз высказать тебе всё!" — "Нет, душенька, столько времени у меня положительно нет: послезавтра надо ехать в Москву" ("Одесские новости", 1893, № 2566). "У меня ужасные головные боли, доктор! Что мне делать?" — "Выходите замуж: тогда головные боли будут у вашего мужа" и т. п. Причину особой сварливости провинциалок своеобразно трактовал известный Б.Н. Чичерин: по его словам, одна из представительниц этого ограниченного во всех отношениях контингента как-то "к ужасу своему заметила, что накануне в течение целого дня у нее было только три мысли".

Не всегда, прямо скажем, адекватно вели себя и представители сильного пола. Вот, например, типологическая сцена в мировом суде. "Вы обвиняетесь в том, что понемногу вынули все деньги из этой коробочки от лекарства, в которую знакомая ваша, служанка N, прятала свои сбереже-

ния" — "Господин судья, я сделал это потому, что на коробочке дано ясное указание: "Принимать по два раза в день" ("Одесский вестник", 1890, № 33).

Как известно, в одной из самых популярных в те годы опер, "Паяцы", муж убивает жену за измену. И вот однажды вокалист, исполнявший обманутого супруга, в каком-то творческом порыве в самом деле прикончил актрису, игравшую изменницу. Единственная не скорбная деталь сюжета — на все расспросы этот артист отвечал одно и то же: "Эта музыка действовала мне на нервы!" ("Одесские новости", 1893, № 2519). Но этот драматический эпизод меркнет на фоне другого. В одной корреспонденции из африканских дебрей, где обитало племя, подозреваемое в каннибальстве, сообщалось о миссионере, который надумал обратить в христианство тамошнего вождя. Вождь явился с тремя женами, и ему было растолковано, что многоженство в христианстве категорически запрещено. Спустя две недели вождь пришел с одной-единственной супругой. На вопрос миссионера, куда подевались остальные, тот спокойно ответил, что у него "уходит" по одной жене в неделю ("Одесский вестник", 1877, № 58).

Курьезно сказывался на семейных отношениях и деловой прагматизм одесских коммерсантов. Так, однажды в храме проходила процедура оформления документов о рождении и крещении сына крупного банкира. И вот этот замотанный контрактами бизнесмен привычно "подмахнул под метрическим актом своего законного детища: N и Компания" ("Одесский вестник", 1890, № 8). В другой раз подобная деловитость проявилась в ходе судебного разбирательства. Дело в том, что некий купец выставил в свидетельницы по весьма важному для него делу собственную жену, но суд отклонил ее показания — как лица заинтересованного. Тогда негоциант развелся с супругой, выиграл с ее помощью свое дело, а затем снова на ней женился ("Одесский вестник", 1877, № 58).

Забавен и эпизод, связанный с расчетливостью отца невесты, а именно. Некий солидный бизнесмен узнал о романе дочери, Иды, с его же приказчиком, Брауном, и поставил следующее брачное условие: невеста будет отдана на вес золота, и не иначе. Во исполнение этого условия и дабы правомерно величать супругу "золотко мое", молодой искатель отправился на золотые прииски, где нашел-таки слиток в 20 тысяч долларов и "мелочь" на такую же сумму. Однако откормленная папашей деточка "завесила" на 70 тысяч и вынуждена была сесть на строгую диету. Видя, как родное чадо истончается, отец прибавил "тридцатку" от себя, и Ида была благополучно сдана в эксплуатацию ("Одесский вестник", 1872, № 153).

Не менее веселая история, деловито обсуждавшаяся одесскими газетами, случилась в Рамбуйе. Надо сказать, что во многих французских городах существовала давняя традиция присуждать самой высоконравственной горожанке премию за целомудрие в размере двух тысяч франков. И вот победительница конкурса явилась за этими деньгами. "Но так как эта воплощенная добродетель находилась в интересном положении, — сообщает газета, — то муниципалитет Рамбуйе пришел в негодование и наотрез отказал ей в выдаче премии". Оскорбленная невинность тут же подала в суд иск на муниципалитет, мотивируя тем, "что это маленькое несчастье случилось с нею уже после торжественного венчания ее венком из роз и ее провозглашения перлом целомудрия" ("Одесский вестник", 1882, № 55).

Анатолий ГОРБАТЮК

Сплошная экзотика

Из новой книги

"Там хорошо, где... Записки бывшего эмигранта"

В самом сомнительном деле единственное средство не ошибиться – это предполагать самый худший конец.

Людовик XIV

...Заманчивое предложение поработать во Вьетнаме директором департамента строительства совместной вьетнамо-украинской компании "NN" (назовем ее так) мне сделал новый начальник тогда еще могучего пароходства в начале 1994 года. В этой должности я должен был помочь вьетнамским товарищам строить светлое будущее в виде глубоководного причала в солнечном Сайгоне.

Предложение действительно выглядело весьма заманчивым — настолько, что я решил из родного одесского порта, в котором проработал на тот момент более тридцати лет, перевестись в пароходство. Довольно быстро выправив все необходимые документы и заключив трехгодичный контракт, я отправился в неведомую мне экзотическую страну, провожаемый добрыми напутствиями начальника пароходства и проклятиями его коллеги из порта: в глазах последнего я выглядел изменником. Ну какая это измена? Вот потом...

Очень скоро я убедился в том, что Вьетнам — не то место на нашей планете, где может жить европеец. Не случайно во времена, когда это была французская колония, из метрополии приезжали сюда только в двух случаях: или приговоренные на ссылку судом, либо безнадежные люмпены, которым во Франции, кроме тюрьмы, ничего не светило. А ведь Анатолий Александрович Лобенко, много лет проработавший главным врачом больницы моряков, меня по-товарищески предупреждал...

Во-первых, ужасающий климат: тропические ливни ("сезон дождей"), а полгода изнуряющая, без капли дождя, жара. Во-вторых, наличие каких-то смертоносных бактерий — в водопроводной воде, в почве (а значит, во фруктах и овощах), в мясе животных... Во всем! Местному населению, прошедшему многовековую адаптацию, на эти "во-первых" и "во-вторых" было в высшей степени наплевать, а вот нашему брату европейцу... Кроме того, над вьетнамской природой весьма старательно потрудились американцы во время Вьетнамской войны, обильно поливая почву дефолианта-

ми и напалмом. Война закончилась более 30 лет назад, а вьетнамские женщины по сей день продолжают рожать страшных калек.

Думаю, читатель понял, в каком "раю" оказался его автор. И не могу еще раз не вспомнить со словами благодарности мудрого А.А. Лобенко, который, почувствовав, что жажда странствий влечет меня в неведомые дали настолько, что отговорить от этой затеи невозможно, набрался терпения и дал сидевшему перед ним упрямцу несколько практических советов. То, что я вернулся "целым и невредимым" (тьфу-тьфу-тьфу), в отличие от многих наших специалистов, серьезно подорвавших там свое здоровье, — безусловно, его заслуга. Я уже не говорю о большом количестве совсем молодых наших специалистов, вернувшихся домой умирать... Не могу еще раз не подивиться бесшабашности земляков, которые, даже видя, как вокруг заболевают их коллеги, упорно стремятся во что бы то ни стало продлить контракт — "авось меня пронесет!".

Попробуйте предложить длительный контракт в такое опасное место американцу или французу — да ни за какие деньги!.. Вспоминал я не раз и начальника порта, не преминувшего задать мне на прощание вопрос, на который я и сегодня ответа не нахожу: "Если твой благодетель так хорошо к тебе относится, то почему он тебя не направил на Кипр или в другое место, где работают избранные спецы из пароходства, а именно в это Богом забытое место?!"...

Конечно, благотворную роль сыграло и мое относительно недолгое (менее года) пребывание в этой стране, а ведь контракт я подписал на целых три года! Но обо всем по порядку. Компания "NN", в которой мне предстояло трудиться, разместилась в центре Хошимина (прежнее название — Сайгон). Это самый крупный город Вьетнама, торговый и финансовый центр, морской порт. В нем находится большое количество банков, импортно-экспортных фирм, предприятий со 100% иностранным капиталом и множество совместных предприятий.

Одна из главных особенностей: этот 7-миллионный город не имеет не только канализационных очистных сооружений, но и централизованного стока фекальных вод, которые отдельными ручейками сбегают в крупнейшую реку Сайгон, вдоль которой на 100 километров растянулся город. В дешевых ресторанчиках для местного простого люда, которых в Хошимине великое множество, кормят рыбой, вылавливаемой, в основном, в этой бурого цвета реке. Кроме того, успехом здесь пользуются и так называемые морепродукты, значительная часть которых (в частности, креветки) выращивается в питомниках, расположенных в прибрежных водах.

Иностранцы и местная знать снабжаются в супермаркетах и питаются в ресторанах, куда продукты завозятся из Франции, Японии, Китая...

Прилетел я в Сайгон (труднопроизносимое "Хошимин" употребляется здесь крайне редко) вместе с моим давним другом, который тоже получил направление в "NN". Разместились мы в "доме советских специалистов", как называлось по старой памяти 4-этажное здание, в котором еще с советских времен селились приезжавшие сюда на работу инженеры из Москвы и Ташкента, Одессы и Свердловска... На первом этаже в довольно просторном холле стояло несколько столиков: предприимчивые портье (вьетнамцы, конечно), которые несли у входа посуточные вахты, устроили мини-ресторан, где постояльцы могли в любое время суток полакомиться мороженым, купить хлеб, печенье, прочие мелочи и, главное, довольно качественное пиво "Tiger". Замечу, что это пиво — единственный продукт местного производства — я употреблял без боязни, и вот почему.

Старожилы рассказали, что когда некая французская компания предложила построить в Сайгоне автоматизированную линию по производству пива, местные власти с радостью приняли предложение французов: условия контракта были сказочно выгодны. За несколько месяцев линия была смонтирована, прошла испытания, после чего состоялось ее торжественное открытие, на котором только что родившееся пиво лилось рекой. Состоялись взаиморасчеты, и французские специалисты, проводившие шеф-монтаж, укатили в свою Францию. Но через некоторое время линия внезапно остановилась. Все усилия местных умельцев ни к чему не привели, и во Францию была отправлена рекламация. Появившийся через некоторое время французский наладчик после короткого обследования замершей линии невозмутимо произнес: "А как она может работать на вашей воде?! Нет, эта высокотехнологичная линия работает исключительно на специально подготовленной и запатентованной во Франции воде. Так что, уважаемые коллеги, срочно заключайте контракт на ее поставку...". С тем и уехал. Ошеломленные хозяева остановившегося производства, костя на чем свет стоит коварных французов, срочно заключили контракт, соответственно подняв продажную цену на продукт. И ничего страшного: пиво действительно производится качественное и пользуется большим спросом у среднего класса...

Дней через десять после прибытия мы с Олегом (так зовут прилетевшего со мной сослуживца) отправились на находившийся совсем рядом с нашим домом центральный рынок Бен Тхань (Ben Thanh). Было воскресенье, и, казалось, все население многомиллионного города, несмотря на удушающую жару, устремилось сюда. Я шел просто на прогулку, Олег —

с желанием отовариться. Все мои уговоры со ссылками на академика Лобенко были встречены моим другом со снисходительной усмешкой и никакого впечатления на него не произвели.

— Толян, — сказал он мне, положив руку на плечо, — Толян, я несколько лет назад заходил на нашем судне в эти края. Мы покупали на рынке и овощи, и фрукты, и, как видишь, я живой. Не хочешь — не покупай, а я куплю, что мне понравится...

И купил-таки! Сначала — несколько огромных ярко-красных помидоров, один вид которых мгновенно вызвал у меня обильное слюновыделение, потом — не менее аппетитно выглядевшие огурцы, несколько плодов манго, свежайшую зелень... Я уныло наблюдал, как пополняется его хозяйственная сумка, но стойко держался. Мой холодильник был заполнен экологически чистыми продуктами из французского супермаркета: консервированные немецкие копченые сосиски, французские яйца, сыр, колбасы, марокканские сардины и внушительный ассортимент французских соков: апельсиновый, томатный, грейпфрутовый, манго... И все бы ничего, но так захотелось впиться зубами в сочный помидор! Поэтому для себя я твердо решил: на подобные базарные экскурсии я больше не хожу. Забегая вперед, отмечу: за все время пребывания во Вьетнаме я ни разу не попробовал "живые" помидор или апельсин, довольствуясь исключительно консервированными соками. И слава Богу!.. Кстати, я много чего ни разу не сделал за тот период, например, ни разу не открыл дверь на балкон, на который свисала шикарная пальмовая ветвь, усыпанная бананами, более того, заклеил все щелочки скотчем. Почему? А потому что на этой самой ветке свил гнездо гигантский паук, один вид которого вызывал у меня ужас и отвращение...

...По возвращении с базара мы зашли к Олегу, который тут же демонстративно обмыл помидор кипяченой водой из чайника (хорошо еще, что не из крана!) и с аппетитом, слегка повизгивая от удовольствия, быстренько его слопал. Я выдержал и это испытание. Мы немного поболтали, причем говорил больше Олег, дружески, хоть и довольно ехидно, посмеиваясь над моим болезненным, как он выразился, недоверием к местным дарам природы. Потом я ушел к себе, включил телевизор и нашел какой-то российский канал (на крыше у нас стояла "тарелка"). Было часов шесть вечера, а за окном стояла настоящая тропическая ночь. Под прочувственное пение Аллы (тогда еще не Борисовны) Пугачевой и легкий рокот кондиционера я собрал себе нехитрую еду, поужинал и задремал на диване. Из дремы меня вывел настойчивый телефонный звонок. Это звонил Олег.

— Старик, я, кажется, отравился, — виновато произнес он. — У тебя ведь есть какие-то лекарства?

— Сейчас приду, — ответил я, не в силах погасить в голосе легкое злорадство, — только помидоры пока больше не ешь, ограничься огурцами...

Конечно, знай я в этот момент, насколько серьезно обстоит дело, свои дурацкие шутки оставил бы на более подходящее время... А Олега я застал в туалетной комнате, довольно интенсивно совершавшего цикличные рейсы, которые его порядком изнурили, между умывальником и унитазом. Упуская ненужные подробности, скажу только, что строго соблюдая полученные в Одессе инструкции, курсом припасенных антибиотиков я вылечил этого поклонника продуктов местного сельского хозяйства. Через какие-то четыре дня мой друг и сослуживец уже без видимой опаски удалялся от санузла на расстояние двух и более метров...

Признаюсь, бывали случаи, когда халатное отношение к собственному здоровью не приводило сразу же к серьезным последствиям, это уж как кому повезет. Помню смешную историю, произошедшую с прибывшим во Вьетнам (тоже по контракту) механиком из Питера. Прилетел он в пятницу вечером, разместился в нашем "советском" доме, по телефону доложив своему руководству, что с понедельника готов приступить к работе. Руководство обрадовалось и пообещало механику в понедельник утром прислать за ним машину, которая отвезет новичка в офис. Механик был, видимо, человек не слишком общительный, к тому же, у него с собой было, поэтому субботу и воскресенье он провел в своей новой квартире в полном одиночестве. В понедельник утром, как и было договорено, к нему в дверь позвонил его будущий сослуживец, житель Херсона, с которым механик должен был отправиться на работу.

— Одну минуту, — хрипло произнес механик, — сейчас поедем, только воды попью: после вчерашнего трубы горят — спасу нет!..

С этими словами на глазах потерявшего дар речи херсонца он подставляет под кран кружку и мигом опустошает ее под приветственный клекот заждавшегося влаги собственного организма.

— Ти що — з глузду з'їхав?! — неожиданно для себя перешел на родной язык совершенно ошалевший житель Херсона. — Ты с ума сошел — пьешь во Вьетнаме сырую воду?!

— А чего? Пью себе уже третий день, — невозмутимо отвечает механик. — А что — нельзя?..

Его, бедолагу, ведь никто не предупредил, не проинструктировал, вот он и заливал пожар организма водопроводной водой из реки Сайгон... И,

представьте себе, хоть бы что! Обошлось!.. Да этой водой, если хотите знать, я и зубы не чистил, а после приема душа (делать это приходилось несколько раз в течение дня) все "ответственные места" промывал легким раствором марганцовки, которая у меня всегда стояла в тазике в ванной комнате и стимулировала заходивших коллег на юмористические экзерсисы по поводу моей осторожности. Ну, и кто оказался прав?..

Честно говоря, мой организм все же подвергся как-то очень серьезному испытанию. Выйдя однажды днем из офиса, чтобы купить сигареты, по дороге к табачному киоску я обнаружил небольшую пивнушку, в которой над баром висели, как мне показалось, вяленые тушки тарани. Из бара доносился многоголосый гвалт пивших пиво посетителей. (Местные жители пьют пиво со льдом: наливают четверть кружки неохлажденного пива, оставшееся пространство заполняя льдом. Замечательный напиток! А шум поднимают, как наши докеры, после того как оприходуют, по меньшей мере, по бутылке водки на брата.) Войдя внутрь, я понял, что ошибся, приняв висевших вяленых кальмаров за обожаемую мною тарань. Захотелось попробовать. Я заказал у бармена кружку охлажденного "Tiger" и порцию кальмаров. Понравилось! Рассказал сослуживцам, после чего мы несколько раз заходили в эту пивнушку попить пива и полакомиться вяленым кальмаром. Но через несколько дней совершенно случайно мы подошли к заведению с другой стороны, как бы с тыла, и увидели сам процесс вяления кальмаров. Зрелище, как говорится, не для слабонервных!.. На довольно широкую пешеходную дорожку, занимая по ширине приблизительно половину ее, под палящие лучи тропического солнца без всякой подстилки выкладываются тушки кальмаров. Идущие по дорожке трудящиеся дисциплинированно кальмаров обходят. Через некоторое время завяленные с одной стороны тушки собирают (трудящиеся, естественно, тут же пошли по всей ширине дорожки), после чего опять раскладывают, подставляя под солнце тушки другой, не завяленной, стороной. Понимаете, на то место, где только что массово ступала нога человека, прямо "на палубу", раскладывают морепродукты, которые нам через пять минут подадут на стол, и мы их будем с аппетитом есть, запивая пивом! Какой кошмар!.. Так — быстро и печально — закончилась это кальмарное блаженство...

* * *

...Чинопочитание у вьетнамцев — тема особая. В первый же день, войдя утром в свой кабинет, я обнаружил у себя на столе огромное количество пришедших по почте документов, как оказалось — все, что пришло

в "NN". Я понял, что курьер ошибся, отобрал несколько писем, которые имели отношение ко мне, а остальные отнес в приемную. Но на следующий день произошло то же самое — опять у меня на столе оказалась вся почта компании. Когда я рассказал об этом президенту "NN", он долго смеялся.

— Видите ли, Анатолий, — сквозь смех сказал руководитель фирмы, — этим они показывают свое особое уважение к вам, зная, что вы — человек начальника пароходства.

— Во-первых, я вовсе не человек начальника пароходства, а во-вторых, даже если и так, — откуда это знать местному курьеру?

— Э-э, не скажите, их "почта" работает намного оперативнее нашей. Все, что происходит в пароходстве, сразу же становится известным во Вьетнамском консульстве в Одессе. Видимо, кто-то из работников ЧМП находится у них на зарплате. Из консульства информация оперативно приходит в Сайгон. А мы здесь сразу же ощущаем на отношении к себе любые серьезные изменения, происходящие там. Да вы скоро сами во всем убедитесь!

Вы знаете, как в воду глядел! Время-то было веселое, 1994 год на дворе, не соскучишься. Прихожу как-то на работу, а на моем столе вообще никакой почты нет. Пошел в приемную, отобрал свои бумаги, а вечером президенту компании поступила телефонограмма из Одессы о снятии с занимаемой должности начальника пароходства. Вот так!

Проходит дня два-три, и на моем столе утром — вся служебная почта. Что случилось?! А вот случилось — вечером узнаем, что приказом министра начальник ЧМП в должности восстановлен! И эта подковерная пароходская борьба продолжалась, пока не завели уголовное дело и окончательно не отстранили беднягу начальника. И здесь начали происходить события поинтереснее курьерских "игрищ"...

Несмотря на то, что на тот момент Украина уже несколько лет считалась независимым демократическим государством, она продолжала жить по советским понятиям, ничего общего с законностью не имеющим. Каждый новый начальник, в первую очередь, обязательно избавлялся от людей, которые имели хоть какое-то отношение к его предшественнику. Все это с полной мерой относится и к ЧМП. Прошло совсем немного времени с момента вступления бывшего заместителя начальника, явно подставившего своего шефа, в должность руководителя пароходства, как мне позвонила из Одессы жена (она работала тогда в той же конторе), сообщив радостную (заметьте — без кавычек!) весть: согласно договоренности между новым руководством ЧМП и компанией "NN", меня снимают с работы и отправляют в Одессу. Новость эта меня несказанно обрадовала: скоро я смо-

гу покинуть эту страну и вернуться домой. Только об этом я и мечтал. Само-то я не мог поднимать вопрос о своем увольнении, потому что, согласно контракту, должен был бы выплатить большущую неустойку, а по инициативе предприятия — совсем другое дело! Я так обрадовался, что даже не возмутился (только слегка подивился) явно восточному вероломству русского президента "NN", который за моей спиной решал мою судьбу, даже не намекнув, что меня увольняют. А сам цеплялся за эту загранкомандировку руками и ногами! Он ведь не знал о моем желании уехать, а до смены власти в пароходстве усиленно проявлял ко мне самые дружеские чувства...

Вечером в своей квартире я на радостях "накрыл поляну", пригласив нескольких наиболее мне симпатичных сослуживцев, а утром как ни в чем не бывало отправился на службу. Ожидать пришлось недолго: меня сразу вызвали в кабинет президента компании, где кроме хозяина кабинета находился и вице-президент, вьетнамец. Лица их выражали если не скорбь, то, во всяком случае, глубокое сочувствие.

— Видите ли, Анатолий, — начал президент, — у нас очень неприятная новость...

— Неприятная для вас или для меня? — включился я в игру.

— К сожалению, для вас, — печально произнес хозяин кабинета.

— И, наплимел, для нас тоже, — мгновенно нашелся дипломат вьетнамец (он прекрасно изъяснялся по-русски, но часто в разговоре применял к месту и не к месту слово-паразит "например", произнося его таким оригинальным образом). — Конечно, наплимел, и для нас.

— Так что же случилось? — я изобразил на лице тревогу.

— Мы только что получили приказ из пароходства ("Врешь, — подумал я, — вчера получили и уже обсудили, как себя вести".) о вашем увольнении и направлении в Одессу, в распоряжение отдела кадров ЧМП, — скорбно потупил голову президент.

— Ну что ж, в Одессу — так в Одессу, — печально вздохнул я, — только вы так не расстраивайтесь! С какого числа я уволен?

— Мистел Анатолий, — с явным облегчением заговорил вице-президент, — мы вас не толопим, можете еще палу недель полаботать...

— А чего тянуть кошку за хвост? Увольняться — так увольняться! И настроение у меня уже нерабочее...

— Так можно издать приказ сегодняшним числом? — осторожно спросил президент, обменявшись с вьетнамцем быстрым взглядом.

— Конечно! — бодро произнес я. — Только чтоб сразу и расчет подготовили, попробую завтра же улететь в Одессу.

— Через час все будет готово! — у моих начальников как гора с плеч свалилась. Они-то, бедняги, думали, что я начну о чем-то просить, и им придется мне отказывать, а получилось все так легко и просто!..

— Так я уже сегодня работать не пойду, пойду пива попью. Вы не возражаете?

— Конечно, о чем разговор?! — затараторили мои экс-начальники в один голос. — Отдыхайте, а мы сегодня вас все равно протабелируем!..

Выходя из кабинета, я слышал, как президент по внутренней связи вызывает бухгалтера. Ведь все надо сделать быстро, а то, не дай Бог, он (то есть я) еще передумает! "Давайте, ребята, спешите, — подумал я, — вы еще не знаете, какой сюрприз подготовлен и для вас"...

Часа через полтора я застал в кабинете президента всех главных действующих лиц: кроме руководства там были бухгалтер и юрисконсульт компании. Последний довольно торжественно протянул мне несколько экземпляров уже подписанного свеженького приказа, который я подписал тоже, один экземпляр оставив себе, а бухгалтер вручил мне конверт с деньгами. Приказ, не читая, я положил в кейс, а вот к конверту отнесся более внимательно, тщательно пересчитав деньги.

— А почему так мало? Здесь не хватает "главных" денег! — я вопросительно посмотрел на президента.

— Каких это "главных"? Вам заплатили за отработанные дни и неиспользованный отпуск. Вы что имеете в виду? — удивился он.

— А я то имею в виду, что вы, в отличие от меня, очевидно, не очень внимательно прочитали устав нашего предприятия, — я не скрывал уже своего злорадства. — Достаточно вероломно поступив со мной, вы не учли важную деталь. Согласно уставу, вы должны были предупредить меня за месяц об увольнении. В противном случае мне полагается неустойка в размере трехмесячной заработной платы. Вот это и есть "главные" деньги, которых я не обнаружил в конверте.

Наступила гнетущая тишина. Я уселся в кресло и наблюдал, как эти ребята в полном замешательстве переглядываются, лихорадочно ища выход. Первым нашелся президент.

— Анатолий, мы поступим иначе: сейчас перепишем приказ об увольнении вас через месяц, а вы этот месяц спокойно поработаете...

— И это мне предлагается после того, как час назад вы чуть в пляс не пустились, чувствуя, что легко от меня избавились, да еще и облапошили при этом на довольно приличные бабки?! Нет уж, меня вполне устраивает этот приказ, — я красноречиво похлопал рукой по кейсу. — Так что, госпо-

да начальники, раскошеливайтесь по-хорошему, потому что через суд будет дороже!

В общем, обошлось без суда...

...Когда я с чемоданами сидел в холле "дома советских специалистов" в ожидании вызванного такси, которое повезет меня в аэропорт, ко мне, заговорщицки оглядываясь, подошел дежурящий в доме сменный портье. По наивности я полагал, что с этими представителями местной власти у меня сложились просто дружественные отношения: я всегда оставлял им чаевые, пользуясь услугами "мини-маркета", и частенько покупал мороженое их детям, которые приходили вместе с отцами на дежурство. Оказалось — все значительно сложнее...

— Анатолий, у меня для вас есть маленький сюрприз, — тихо произнес этот вьетнамец, к моему великому изумлению, на чистом русском языке: до этого он изъяснялся с нами только с помощью жестов и отдельных английских слов. Как бы не замечая моего замешательства, он добавил: — Только если об этом узнает мое руководство, у меня будут неприятности — я лишусь работы.

Я понимающе кивнул, хоть, честно говоря, ничего не понимал. Больше не говоря ни слова, он вынул из кармана совсем небольшой сверток — конверт, оклеенный скотчем, и, протянув его мне, удалился в свою каптерку. О свертке в первый раз я вспомнил только в самолете. Разорвав конверт, я обнаружил в нем обычную аудиокассету. "Очевидно, местные фольклорные песни, — подумал я, положил кассету в кейс и надолго о ней забыл, наверно, месяца на три-четыре. А когда вспомнил — во второй раз, — то решил ее прослушать. Прослушал и... обалдел! В лучших традициях КГБ на кассете были фрагментарно записаны все (или почти все) мои международные телефонные разговоры — с Одессой (с моей женой и чиновниками ЧМП), с Нью-Йорком, где в это время училась моя дочь Катя и жило большое количество друзей... Даже мой очень прямой и не очень цензурный ответ на провокационный вопрос приятеля из Нью-Йорка, как мне живется во Вьетнаме, — и это оказалось на кассете. Выходило, что все прожитое мной время в этой неординарной стране я находился под колпаком местных спецслужб! Но неужели они с первых разговоров не поняли, что кроме профессионального мата (школа-то какая: сначала — "Канава"*, где прошли мои счастливые детские и юношеские годы, потом — долгие годы работы в порту), кроме него они ничего ценного не услышат?!.

...А из Вьетнама я улетал в хорошем настроении: меня ждала моя Одесса!..

* Припортовый район Одессы.

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Городок за спасибо

В приличной квартире. Звонок в дверь, Хозяин открывает. На пороге Тип с бегающими глазками. Но в костюме с галстуком и с кейсом.

ХОЗЯИН: Вам кого?

ТИП: По объявлению я. Давали объявление? "Нашедшего портмоне с документами прошу вернуть за вознаграждение". Там еще сказано: "буду очень благодарен".

ХОЗЯИН: А-а... Все понятно. Давайте документы.

ТИП (*озирается по сторонам*)**:** Вы что же, прямо тут на пороге будете меня благодарить?

ХОЗЯИН (*неохотно*)**:** Ну, заходите...

Хозяин пропускает его в прихожую. Тот и там подозрительно озирается.

ХОЗЯИН: И в каком размере я вас должен... благодарить? Неужели тех денег, что были в портмоне, вам недостаточно? Хоть документы отдайте!

ТИП: Стоп! Вы что же думаете, что это Я у вас портмоне... э-э... нашел? Я что, похож на человека, который шарит по карманам? (*Поправляет галстук.*) Да вы что?!

ХОЗЯИН: Ой, извините... Я подумал... А вы откуда?

ТИП (*оскорбленно и гордо*)**:** Я менеджер по возврату утерянных документов населению! За деньги, конечно... Но хотелось бы услышать и простое человеческое спасибо...

ХОЗЯИН: Вы меня простите, но я так и не понял, откуда вы? Из милиции, префектуры, частного сыска или, простите ради Бога, все-таки из криминальной структуры?

ТИП: Так это... (*Чешет в затылке.*) Слушайте, ну вы и вопросики задаете! Вы что, не знаете, что у нас все срослось? У нас это все так срослось, что я и сам точно не знаю, откуда я... Но на работу меня брали в префектуре.

Тип садится за стол, открывает кейс, достает бумаги.

ТИП: Так... Вы, значит, Сидоров Сергей Андреевич, 1949 года рождения. С вас три тысячи рублей, и вы должны мне доказать, что вы — это вы.

ХОЗЯИН: А как же я могу это доказать, когда у меня паспорт сперли?..

ТИП: Тю-тю-тю, не надо! Вы его утеряли! Не надо нашему району статистику по правонарушениям портить!

ХОЗЯИН: Вот даже как... Слушайте, а у меня, между прочим, зять

в милиции работает. Может, в связи с этим как-то обойдемся без денег и доказательств? По-свойски, а? За спасибо?

ТИП: Тю-тю-тю! Не надо! Вы что же думаете, у нас коррупция какая-нибудь? У нас все строго по прейскуранту. Так... (*Листает книжечку.*) Вот! Если зять в милиции, то вам положена скидка 30 процентов... Но чем вы докажете, что вы — это вы?

ХОЗЯИН: Слушайте, но в паспорте же есть моя фотография, в конце концов.

ТИП: Есть. Только вы там на себя не похожи.

ХОЗЯИН: Ну и правильно. Потому что я похож не на себя, а на своего папу. Вот он. (*Показывает фото на стене.*)

ТИП: Тоже не сильно похож. У вас папа что, китаец? Глаза косые.

ХОЗЯИН: Да нет, папа русский. Он родился на Амуре, а там вокруг сплошные китайцы.

ТИП: А, так у вас дед был китаец?

ХОЗЯИН: Дедушка был русский, но он на границе служил, его по полгода дома не было. Папа часто игрался с китайскими детьми и от них научился глаза косить... И пожелтел. (*Смотрит на фото.*) По крайней мере, так бабушка объясняла.

ТИП: Но я же не ваш дедушка, чтобы этому верить. Еще есть доказательства?

ХОЗЯИН: Послушайте, давайте все-таки сначала договоримся о цене. Я все понимаю, ваша работа стоит денег. Но вы можете войти в мое положение и дать мне паспорт рублей за 200? У меня сейчас больше нет. А я как остальные соберу, так сразу же вам принесу. Сразу же!.. Потом. Как-нибудь.

ТИП: Могу, что же мы, не люди? Давайте 200.

ХОЗЯИН: Вот за это спасибо! (*Дает деньги.*)

ТИП: Ну вот, дождался я таки от вас "спасибо". (*Дает паспорт.*) Пожалуйста, пользуйтесь! (*Встает уходить.*)

ХОЗЯИН (*открывает паспорт*)**:** Стойте! Это же не мой паспорт! Тут вообще иероглифы и фото какого-то китайца!

ТИП: Так я же вам объяснил — ваш паспорт стоит 3 тысячи. А за 200 я могу выдать только такой. У меня их тут из конфиската целая куча. Шеф, вообще-то, сказал, что их можно и за сотню отдавать, но вы же сами предложили 200...

ХОЗЯИН: Да, но как же я с ним...

ТИП: Вы пока спокойненько деньги собирайте! А с вашим паспортом это время какой-нибудь китаец поживет...

ХОЗЯИН: Ну ладно, хорошо, уговорили — я заплачу. Давайте паспорт.

ТИП: Отлично. Но вам все же надо доказать, что вы Сидоров Сергей Андреевич.

ХОЗЯИН: А вы мне что, не доверяете?

ТИП: А почему я вам должен доверять? Просто так?.. Ну да ладно! С вас за возврат паспорта с учетом скидки 2100 рублей, ну и плюс за доверие еще 500.

ХОЗЯИН: Ничего себе! А вы говорите — у вас нет коррупции! Решили 500 рубликов прикарманить?

ТИП: Попрошу не оскорблять! Я при исполнении! И это вместо благодарности! Какая коррупция, все по прейскуранту! Смотрите! (*Показывает книжечку.*) Вот тут на обложке отпечатан наш девиз: "Мы ценим доверие наших клиентов".

ХОЗЯИН: Ага. А рядом дописано: "Цена доверия 500 рублей". Ужас...

ТИП: Так я не понимаю, вы будете платить за доверие или нет?

ХОЗЯИН: А если я сейчас просто сниму трубку и позвоню своему зятю в силовые структуры? Вы знаете, какой человек мой зять-милиционер?

ТИП: Нет. И что будет?

ХОЗЯИН: И здесь мигом появятся он и несколько крепких парней... Что вы на это скажете?

ТИП: Я скажу — ладно... (*Вздыхает.*) Звоните!

ХОЗЯИН: Ну, глядите... Вы не знаете, что он за человек. Зверь! (*Набирает номер.*) Петенька! Тут ко мне пришел какой-то подозрительный тип и требует деньги за мой украденный паспорт. Что мне делать? (*Замирает с каменным лицом.*) Спасибо...

ТИП: Ну! И что он сказал вам делать?

ХОЗЯИН: Он сказал сразу же... сразу же напомнить вам, что нам полагается скидка 30%...

ТИП (*облегченно*)**:** Фу... То есть, как я понимаю, скидка сработала.

Хозяин дает деньги.

ХОЗЯИН: Вот, держите — 2100.

ТИП: Распишитесь.

ХОЗЯИН (*расписывается*)**:** Ну, теперь все?

ТИП: А еще 500 рублей?

ХОЗЯИН: А, ну да, за доверие. (*Недовольно хмыкнув, дает.*)

ТИП: Распишитесь. У нас все строго и все точно.

ХОЗЯИН: И тут бюрократия... Ну, все? Где паспорт?

ТИП: Минуточку, я должен сначала пересчитать. Должно быть две шестьсот — ни больше ни меньше. (*Начинает пересчитывать.*) Мне чужого не надо! У меня другая работа.

ХОЗЯИН: Ха! Можно подумать, если бы там было больше, вы бы мне вернули. Не рассказывайте сказки!

ТИП: Почему сказки? Конечно, вернул бы! (*Закончил пересчитывать.*) 2700.

ХОЗЯИН: Ты смотри, я лишнюю сотню положил! (*Протягивает руку забрать.*) Спасибо!

ТИП (*задумчиво*)**:** А вы знаете, вы были правы.

ХОЗЯИН: В чем?

ТИП: Не, не вернул бы. (*Быстро прячет все деньги в карман.*) Это вам спасибо! И до свиданья!

Тип, уходя, оглядывает квартиру.

ТИП: А квартирка у вас ничего... Не супер, конечно, но и сейчас приличных денег стоит...

ХОЗЯИН (*встревоженно*). А чего это вы моей квартирой заинтересовались? (*Выпроваживает его.*) Извините, я тороплюсь. Честно говоря, я даже доволен, что мы обошлись без милиции, без заявлений, без всей этой суеты. Всего доброго!

ТИП: До новых встреч!

ХОЗЯИН: Нет уж, спасибо большое! Новых встреч не надо!

ТИП: Опять вы мне спасибо сказали. Приятно. Ведь мы работаем для людей! Вот, оперативно избавили вас сегодня от волнений.

ХОЗЯИН: Ну, не так уж и оперативно. Паспорт вы у меня еще позавчера сперли... ой, извините, нашли. Могли бы его уже вчера принести.

ТИП: Нет, вчера не могли. (*Уже в дверях.*) Вчера мы под ваш паспорт кредит в банке взяли. Под залог этой квартиры. Скажите спасибо, что небольшой.

ХОЗЯИН (*автоматически*)**:** Спасибо. (*До него доходит.*) Какой еще кредит?!..

ТИП: Это мы с вами уже завтра обсудим. Отдыхайте! (*Захлопывает дверь.*)

ХОЗЯИН (*на секунду обалдел, потом орет*)**:** Караул! Грабят! Милиция! Люди!

...В ОДЕССЕ

Книжный развал

Дом князя Гагарина. Выпуск 5
Одесса, ЗАО "Пласке", 2009

Одесский литературный музей издает пятый сборник научных статей и публикаций. Читателя не должно отпугивать определение "научный", так как все тексты сборника предназначены одновременно и специалистам, и любителям литературы, истории, краеведения родного города. Признаюсь, что сборник настолько удачно составлен, что трудно выделить какую-либо одну, ударную публикацию, интересно — все. И все же я обратил бы внимание на сугубо одесские страницы книги, а их вновь таки много.

Статья А. Яворской знакомит читателя с письмами поэта Семена Кирсанова и прозаика Александра Козачинского, открывает внутренний мир этих писателей. И тут же Н. Панасенко в статье "О "Зеленом фургоне" и его авторе" на основании исследований в архивах предлагает подлинную биографию А. Козачинского, снимая флер придумок, домысливаний, а то и лжи. И еще одна трагическая биография открывается нам в очерке "Нотэ Лурье. Биография на фоне анкеты". Мне, знавшему Николая Алексеевича Полторацкого, любившему этого светлого человека, который для многих из нас был живой связью культур — отечественной и эмигрантской, естественно, радостно читать две статьи "Ну вот, доигрался" А. Полторацкой и "Ловец людей, их спутник и учитель..." А. Панкова и А. Полторацкой, где публикуются документы из архива Н. Полторацкого, становится ясным, сколь трудной была для него жизнь на горячо любимой им Родине. Обстоятельной, серьезной заявкой на продолжение делом в музейной практике может стать статья С. Лущика "Собиратель "летучих изданий...".

А как не назвать очерк О. Губаря "Первый "Гамбринус", эссе Е. Каракиной о докторе Хавине "Белый спаситель", посмертно изданные тексты И. Федоркова "Портрет В. Хлебникова" и В. Фельдмана об истории библиотеки А. Строганова...

И при этом важно отметить, что в сборнике множество интересных публикаций. Это и "Военный журнал" за 1812 год, и сборник стихов З. Шишовой "Пенаты", вышедший в Одессе в 1919 году в издательстве "Омфалос", и впервые публикуемый роман Б. Нечерды "Священная мразь".

Так что естественно поздравить коллектив музея, выступившего меценатом С.Р. Гриневецкого и ЗАО "Пласке" с этим сборником.

Вадим БАКОВ
А судьба мне вручила слово...
Одесса, Астропринт, 2007, тираж 100 экз.

На листовочке к этой книге написано: "Книга пришла к читателю... Первый и единственный сборник стихов одесского поэта шестидесятых годов В.А. Бакова. Составитель и издатель — вдова автора В. Смирнова (Бакова)".

Уточню, что книга, изданная в 2007 году, дошла до читателя только в 2009-м, так как Вера Бакова болела и забрала крошечный тираж из издательства лишь сейчас.

Книга была подготовлена к 70-летию Вадика Бакова, так его называли друзья. А умер он 7 июня 1966 года, в 29 лет. Но сохранились его стихи, к которым он относился как к главному делу жизни. Не потерявшие своей притягательности и до сегодняшнего дня, как и должно быть с настоящими стихами.

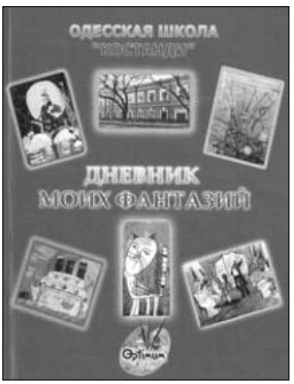
Предисловие к книге стихов написал его друг журналист Павел Шевцов, и его уже нет в живых. На обложке портрет В.А. Бакова работы Славы Сычева, тоже уже ушедшего из жизни. А книга — и в этом секрет настоящего искусства — остается живой, трепетной, нужной сегодняшнему читателю.

И в конце процитирую всего одно стихотворение В. Бакова:

Ночь

И — черная — сгущается над крышами,
беззвездная — глядится мне в глаза,
и я пою, пою, никем не слышимый
и сам себе не смеющий сказать, что это я
опять встаю из тления,
что это я

творю бессмертный стих...
И — нежная — приводит сновидения,
И — чуткая — не объясняет их.

Дневник моих фантазий
Рассказы и стихи школы Костанди
Одесса, Optimum, 2009

Художественная школа им. К.К. Костанди — легендарное учебное заведение. Многие ныне замечательные художники окончили ее и только ее — к примеру, Валентин Хрущ. Но занимались там и те, кто не связал свою жизнь с профессиональным искусством, но навсегда остались людьми, тонко чувствующими поэзию, живопись, музыку, балет...

Как идут занятия в этой школе, ставшей сейчас общеобразовательной, можно узнавать у ее выпускников. Но всегда это будет мозаика мнений, впечатлений, восторгов. Сейчас появилась иная возможность разгадать загадку успехов этой школы, прочитав изданную школой книгу прозы и стихов учащихся от 2-го по 11-й класс, приобщившись к дневнику детских фантазий.

Радует не только раскованность учеников, хороший русский литературный язык (школа — русская), но и культурный багаж. Понимаешь, что дети знакомы и со стихами А. Пушкина, и с японскими хокку; что мифы Эллады они постигли столь же естественно, как русские богатырские сказки, что джаз в их восприятии не противоречит классической музыке. И конечно же, их глаза привыкли разглядывать музейные сокровища.

А впрочем, прочтите три хокку.

Саша Дубровская, 8 класс:

У каждого цветка свой розовый оттенок,
И каждый лепесток
Красив своею тихой краской.

Наташа Бабич, 8 класс:

Темнеет остров,
Луны бледнеет край,
Вода вокруг тиха. Всё спит.

Елена Бойко, 9 класс:

На море шторм,
Грозные волны
Съедают радость звезд.

Уверен, так видеть мир могут лишь свободные, творческие люди.

Тарас МАКСИМЮК
З Україніки Причорномор'я
Одесса, Маяк, 2008. Тир. 2000 экз.

Книга вышла к 65-летию Тараса Ивановича Максимюка, одного из упорнейших и удачливейших собирателей "украиники" в нашем городе. Многие годы он не только коллекционирует "шевченкиану", картины и графику М. Жука, наследие А. Ждахи, но и исследует найденные материалы, устраивает выставки, выступает с докладами, изредка — с публикациями в печати. И все же, как показывает вышедший том, за сорок лет публикаций собралось множество. И все вместе они дают объективную картину деятельности "просвитян" в нашем регионе, связь Одессы с выдающимися деятелями украинской культуры, с политическими лидерами, чьи имена долгие годы запрещалось упоминать. Думаю, многое читатели узнают в этой книге и о Сергее Шелухине, и о Виталии Боровике. Мне же в силу моих интересов наиболее интересными показались страницы, связанные с творчеством замечательного художника, одного из лидеров "украинского модерна" Михаила Жука. Думаю, портреты работы М. Жука, его автобиография, опубликованная исследователем, расширят наше представление о художественной жизни Одессы.

Маргарита БЕЛОСТОЦКАЯ
Осенний вижу сад...
Одесса, Печатный дом, 2009

Маргарита Белостоцкая — журналист. Когда-то заведующая отделом информации "Вечерней Одессы", где мы вместе проработали много лет. Затем уехала в Москву, вновь там работала в газете. Еще в Одессе Маргарита увлеклась живописью, начала писать этюды, портреты. Но о прозе в те годы не по-

мышляла. Тем более радостно было мне взять в руки ее книгу, изданную ею вновь-таки в Одессе, книгу о том, как городской житель врастает в сельскую жизнь, очаровывается простыми радостями приусадебного хозяйства, быта.

Книга хорошо написана, поэтически тонко, живописно... Есть в ней и отступления в прошлое — в нашу одесскую редакционную жизнь, есть интересные эпизоды, связанные с Б.Ф. Деревянко. Белостоцкая продолжала с ним общаться, когда он приезжал в Москву, беседовала с ним о том, что происходило на сессиях Верховного Совета.

Честная, искренняя книга. Мне приятно, что на книжных полках библиотек (на большее нечего рассчитывать — тираж 150 экземпляров) появится такое свидетельство о жизни страны, о жизни Одессы, о жизни в "Вечерке". И естественным мне представляется уход Маргариты Белостоцкой из безумного, безумного мира той Одессы, той Москвы в глухую деревеньку Тверской области, где она в очаровании осеннего сада и написала эту, свою первую книгу.

...В МОСКВЕ

Одесса в русской поэзии. Поэтическая антология
Составитель Александр Рапопорт
Москва, Art House Media, 2009
Тираж 650 экз.

Думаю, в поэтическом рейтинге, если бы такой существовал, Одесса бы заняла место сразу же после Петербурга и Москвы — так много поэтов посвятили ей свои поэтические строки.

Александр Рапопорт — поэт, журналист. Книга, которую он собрал и издал, — авторский сборник. Это те стихи, которые он любит, те, что из многих сотен он выбрал для антологии.

Естественно, с максимальной полнотой представлен XIX век. Тут не только А. Пушкин, но и В. Бенедиктов, И. Бороздна, В. Туманский... Много труднее было остановиться на ком-то из поэтов XX века. Естественно, здесь есть И. Бунин, Э. Багрицкий, Ю. Олеша, В. Катаев, В. Инбер, С. Липкин. Приятно, что не упустил составитель стихи об Одессе Б. Пас-

тернака, Г. Шенгели, А. Фиолетова, А. Штейнберга... Хоть этот перечень можно было бы дополнить отличными стихами хороших поэтов, но еще раз подчеркну — это авторская антология, его взгляд на менявшийся облик Одессы в зеркале русской поэзии.

И наконец, современная поэзия. Сюда вошли не только стихи, ставшие уже классикой, — И. Бродского, В. Высоцкого, но и наших современников И. Ратушинской, Е. Рейна, Ю. Михайлика... Естественно, есть здесь произведения живущих сегодня в Одессе поэтов — Б. Херсонского, И. Павлова, Н. Оленевой, А. Сон, А. Божко, Е. Ярошевского...

Обширные комментарии к творчеству каждого автора составителю помогала написать заместитель директора Одесского литературного музея Алена Яворская, постоянный автор нашего альманаха.

Думается, эта книга будет в расширенном и дополненном виде переиздана в Одессе. Как хотелось бы, чтоб в нее вошли стихи Анны Ахматовой и Саши Черного, Булата Окуджавы и Татьяны Гнедич, наших современников — Анатолия Гланца и Александра Рихтера, и многих, многих разных и прекрасных поэтов.

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Анатолий ГОРБАТЮК
Одесский порт: от античности до наших дней 6

К 260-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Олег ГУБАРЬ
Что за личность Де Рибас? 18

Олег ГУБАРЬ
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 22

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК
Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение 47

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Улицы, исхоженные жизнью. Книга пятнадцатая 61

ОДЕССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Алена ЯВОРСКАЯ
Мозаика Херсонской улицы 67

Олег ГУБАРЬ
Херсонская, она же Ланжероновская 92

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
С Борисом Херсонским по улице Херсонской 96

Ольга БОТУШАНСКАЯ
Здесь связь времен и мудрость поколений 103

ПРОЗА

Олег КУДРИН
Полтавская перемога 109

Валерий ХАИТ
Год счастья за кулисами 118

Евгений ДЕМЕНОК
Утопии 131

НАШИ ПЕРЕВОДЫ
Обри Бердслей 135
Перевод Наталии БОГАЧЕВОЙ

ПОЭЗИЯ

Борис ХЕРСОНСКИЙ
Плохой район 140

Игорь ЛОСИНСКИЙ
Из цикла "Нота си" 144

Дмитрий ВЕДЕНЯПИН
Одесса-63 150

Наталья БЕЛЬЧЕНКО
Стихи, написанные в Одессе 153

Анна СТРЕМИНСКАЯ-БОЖКО
"Ко мне пришел пришелец ранним утром..." 155

Евгений ГИМЕЛЬФАРБ
В конце лета 159

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ
Ночь святого Валентина ("Потерялась собака...") 165

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

К 90-ЛЕТИЮ ОДЕССКОЙ КИНОСТУДИИ

Галина ЛАЗАРЕВА
Знакомый незнакомец 206

Вадим АВЛОШЕНКО
Записки "провинциального" кинооператора 219

Валентин КОЗАЧКОВ, Александр МАРЬЯМОВ
Эврика! 226

Вера САВЧЕНКО
"В глухом переулке", или Искусство вне идеологии 228

Феликс КОХРИХТ
"Какая-то глубокая удивительная мысль..." 237

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
"На флейте водосточных труб" 240

ПУБЛИКАЦИИ

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ
"Весенние" юношеские стихи В.П. Катаева 247

Володимир ГЕТЬМАН
Білі крила вітрил 254
Публікація Романа БРОДАВКА

Владимир ФИЛАТОВ
Первый поцелуй 259
Публикация Светланы МАТВЕЕВОЙ

Борис НЕЧЕРДА
Народный роман 260
Публикация Евгения ГОЛУБОВСКОГО

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"В эти дни что-то грустное чудится..." 271

ПУТЕШЕСТВИЕ

Иван ЛИПТУГА
Швейцария — Россия наоборот? 286

АХ, ОДЕССА

Феликс КОХРИХТ
Курьезы старой Одессы 289

Олег ГУБАРЬ
Что находит искатель приключений? 292

Анатолий ГОРБАТЮК
Сплошная экзотика 295

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 305

ИЗДАНО...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Книжный развал 310

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 38

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 38

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать XX.XX.2009.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 1000 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"

Издательская организация "ПЛАСКЕ" ЗАО
Регистрационное свидетельство ДК № 2149 от 08.04.05
а/я 299, г. Одесса, 65001, УКРАИНА
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua